

Fantasy

ДЖОРДЖ ГЕНРИ СМИТ

Король И ВЕДЬМА

СЕВЕРО-ЗАПАД

Сканировал и создал книгу - vtmakhanov

Джордж Генри Смит

Король и ведьма

Санкт-Петербург
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1994

Смит Дж. Г.

С 50 Король и ведьма: Романы / Пер. с англ. Л. Бочкарева, А. Брусов, А. Серебряков. — СПб.: Северо-Запад, 1994. — 415 с.

ISBN 5-8352-0376-4

Джордж Генри Смит — классик англо-американской фэнтези. Свои произведения Смит строит как некие псевдоисторические, псевдомифологические реконструкции, широко используя европейские мифы и легенды. Наибольшую известность Смиту принес сериал «Мир друидов», в который вошли романы «Ведьма — Королева лохлэнна», «Кэр Кабалла», «Мир друидов», «Вторая война миров». Действие в этих произведениях разворачивается в неких параллельных мирах, где обитают персонажи европейского эпоса, средневековых легенд, скандинавской и ирландской мифологии. Настоящее издание включает в себя два романа из этого цикла — «Кэр Кабалла» и «Ведьма — Королева лохлэнна». Второй роман переведен полностью, без сокращений по оригинальному авторскому тексту и существенно отличается от всех предыдущих переводов других издательств.

*Перепечатка отдельных глав
и всего произведения в целом — запрещена.
Всякое коммерческое использование данного произведения
возможно исключительно с ведома издателя.*

© Т. Канивец, иллюстрации, 1994
© В. Канивец, оформление, 1994
® СЕВЕРО-ЗАПАД.

Зарегистрированная торговая марка.
Охраняется законом

ISBN 5-8352-0376-4

ВЕДЬМА — КОРОЛЕВА ЛОХЛЭННА

I

Маникюр мне больше всего нравилось делать у Пегги О'Ши. Не могу сказать, чтобы она обрабатывала мои ногти лучше любой другой маникюрши, но зато из всех представительниц этой профессии в нашей части Лос-Анджелеса у нее были самые потрясающие ножки и самые короткие юбки. Поэтому в ее маленьком алькове в помещении парикмахерской Анжело такая скучная процедура, как маникюр, и связанная с этим потеря времени превращались для меня в высокое эстетическое переживание. Стоило мне только откинуться на спинку стула и немного отодвинуться в сторону, как я целиком погружался в зрелице, от которого любого сердечника наверняка хватил бы удар. Всем этим голливудским шоу с полууголыми красотками далеко было до картины, которую созерцал я, считая себя вправе удрать ради этого на часок из своего книжного магазина. В тот день, когда все это началось, Пегги была особенно великолепна, и биение моего пульса достигло такой частоты,

что мне стало трудно удерживать свою руку в ее теплых ладонях.

— Ох-х, — выдохнул я с шумом, и девушка удивленно подняла на меня глаза.

— В чем дело, мистер Дженьери? Что-нибудь не так?

Тут я в очередной раз заметил (а это бывало совсем не часто на протяжении моего с ней знакомства), что волосы у нее черные, а глаза голубые, как озера Ирландии. Я редко отводил взгляд от тех мест, которые она выставляла напоказ, поэтому каждый раз с удовольствием убеждался, что и остальное в ней весьма недурно.

— Что-нибудь не так, мистер Дженьери? — переспросила она. Видимо, девушка заметила, что мой лоб блестел от пота, и почувствовала, как дрожала моя рука.

— Нет, ничего, — ответил я. — Просто внезапное волнение в моем либидо.

— В чем, вы сказали? — Вот с мозгами у Пегги было явно хуже, чем со всем остальным.

— Либидо. Это такая штука, ее Фрейд выдумал.

Она тряхнула головой.

— Никакого такого мистера Фрейда я не знаю. Разве он здесь стрижется?

— Нет, не думаю, — ответил я, подавляя улыбку. — По-моему, у него длинные волосы.

— А-а-а, тогда, значит, он из этих пацифистов, или хиппи, или как их там, — заключила она, продолжая полировать мои ногти.

— Угу, из этих, — согласился я.

Как раз посередине бедра у нее было симпатичное пятнышко, казавшееся мне похожим на ямочку. Спору нет, для ямочки место было неподходящим, но выглядело это пятнышко именно так, при этом оно как бы подмигивало мне, предлагая к нему прикоснуться.

Проблема, однако, заключалась в том, что Пегги была недотрогой. Конечно, она вполне намеренно устраивала это шоу, но мне в нем была отведена лишь роль зрителя. Она дала мне это понять в первый же раз, когда мы остались наедине за занавеской. Я как бы шутя уронил руку на ее округлое колено, и тотчас же конец острых ножниц ткнулся под ноготь другой моей руки.

— Так когда же мы с вами съездим куда-нибудь, а, Пегги? — спросил я.

— Ну-у, не знаю, мистер Дженьери. Мы не так уж хорошо знакомы, да и мой старик, он такое не одобряет. Он считает, что мне, конечно, можно встречаться с парнями, но только с настоящими ирландцами. А я вашей национальности не знаю. Дженьери — это не ирландская фамилия.

— Нет, не ирландская, — признался я. — Но я готов поменять ее на О'Дженьери, если дело только в этом.

Несколько минут она вполне серьезно обдумывала эту идею, но потом тряхнула черными локонами.

— Нет, пожалуй, это ему не понравится. Ваша фамилия с этим «О» впереди звучит совсем по-ольстерски, а он говорит, что дьявол и родился, и вырос в Ольстере. Он вас будет считать одним из демонов, если решит, что вы из Ольстера.

— И окажется гораздо ближе к истине, чем вы думаете, — сказал я. — Но ведь вы можете ему сказать, что поедете с подругой...

Девушка была потрясена.

— Да что вы в самом деле, мистер Дженьери! Ведь это будет ложью!

Я печально покачал головой. Какая досада, что это роскошное тело, просто созданное для любви, увенчивает головка, полная добродетели и наивности! Я считал своим долгом вмешаться и помочь девушке избавиться от этих нелепых предрассудков, но иногда совершенно отчаялся в успехе.

— Да и потом, как же мы можем куда-то поехать? — спросила она. — У вас ведь нет машины. Надо же, таким франтом наряжаетесь, и дело имеете хорошее, а машины нет, как это так?

Разговор принял нежелательный для меня оборот. Мне не хотелось говорить ни о машинах, ни вообще о чем-либо механическом. Это было одной из причин, почему я ходил стричься к Анжело. Он пользовался только старыми добрыми ножницами, без всяких там электрических машинок и тому подобных приспособлений.

— Так почему это, мистер Дженьери, я вас в машине никогда не видела?

— Я им не доверяю, — ответил я неохотно. — Вы никогда не чувствовали, что они исподтишка наблюдают за вами, стоит только повернуться к ним спиной?

От удивления ее голубые глаза стали огромными, как два блюдца.

— МАШИНЫ наблюдают за мной? С чего бы это они вдруг стали такое вытворять?

— Они ищут случая наброситься на вас. Разве вы не обращали внимания на их клыки, которые все называют решеткой радиатора?

— Ну, мистер Дженьери, уж и не знаю, что сказать. Вы такой чудной...

— Думаю, каждого из нас судьба сделала таким, какой он есть. Так где бы вы больше всего хотели побывать, Пегги? Есть ли такое место?

— Ну конечно, — ответила она. — Я бы хотела съездить в Вегас. Вот здорово, наверное, когда эти маленькие колесики крутятся и крутятся, а потом выпадает мой номер.

— Да, вам бы наверняка везло. Я чувствую, как пульсирует ваша удача.

Вот теперь она ожила. Впервые я предложил то, что не оставило ее равнодушной. Я задумался. Мог ли я рискнуть поехать поездом? Ведь поезд — не то что машина... не совсем то... И я не без удовольствия подумал, что поезд идет долго, и нам придется провести в нем ночь.

— Нам, вероятно, придется ночевать в поезде. Что на это скажет ваш отец?

— Ночевать? — Пегги выпрямилась на стуле и безуспешно старалась прикрыть колени своей коротенькой юбочкой. — Это почему?

— Да потому что в поезде ехать довольно долго.

— Но зачем именно в поезде? Ведь самолетом это всего каких-то полчаса.

Я постарался не выдать себя, но почувствовал, как кровь отхлынула от моего лица.

— О нет... нет, мы не можем лететь!

— Но почему? Это ведь не так уж и дорого. Я думала, вы щедрый...

— Я щедрый, Пегги, и готов потратить на вас сколько угодно денег, но мы не можем лететь, потому что у меня насчет самолетов есть теория.

— Какая еще теория?

— Я считаю, что все они — просто обман. Если подумать... вернее, если посмотреть на самолет... он такой громадный. Как по-вашему, сколько примерно он может весить?

— Не знаю.

— Я тоже точно не знаю, но, во всяком случае, много тонн. И я наотрез отказываюсь поверить, что существует такая разумная сила, которая способна поднять эту машину с земли и заставить лететь со скоростью сотни миль в час через весь континент.

— Мистер Дженьери, у них есть реактивный двигатель. Их заставляет летать не какая-то разумная сила — это делает двигатель. — Пегги нервно стиснула в руках ножницы.

— Так говорят, но это слишком неправдоподобно. В действительности нет такой силы, естественной или сверхъестественной, которая могла бы поднять в воздух DC-8 и донести до Нью-Йорка за три часа.

— Но, мистер Дженьери, это ведь бывает каждый день, сотни раз в день. Вот съездили бы вы в Лос-Анджелесский Международный, так увидели бы, как они то взлетают, то приземляются каждые несколько секунд. А шум какой стоит, ужас!

— Да, я знаю, именно так все и выглядит, поэтому я и называю это большим обманом. ОНИ убедили всех, что эти штуки летают. Похоже на коллективный гипноз. Когда-то подобные трюки называли *glamourie*, массовая иллюзия.

По выражению лица Пегги я понял, что она готова вскочить на ноги и убежать.

— Даже если вы и правы, — сказала она, — почему вы так боитесь полететь в одном из них? Все остальные в это верят, летают, и ничего. Почему вы не можете?

— Потому что это опасно, — ответил я. — Однажды наступит момент, когда все разом поймут, что эти штуки не могут летать, и тогда все до одного самолеты упадут и разобьются.

— Ну вот, я закончила. — Она оттолкнула мои руки. — Пожалуйста, мистер Дженьери, Готово.

Я неохотно поднялся на ноги, отрываясь от восхищительного зрелища. В кармашек ее униформы я засунул купюру, почувствовав при этом теплоту вздымающейся груди.

— До встречи, — сказал я. — Не знаю, может, я возьму короткий отпуск...

Она вынула банкнот из кармашка и внимательно его рассмотрела. Сумма оказалась достаточной, чтобы вызвать на ее лице улыбку.

— Ладно, до встречи.

— А не могли бы мы встретиться раньше? — спросил я. — Можно было бы поужинать у меня с бутылочкой шампанского и тихой музыкой.

— Не знаю, — ответила она с сомнением. — Вот были бы вы настоящим ирландцем, тогда другое дело, а так...

— Да ну же, Пегги! Мы ведь будем только держаться за руки, а уж этим-то мы с вами и так все время занимаемся.

— Но я...

— Завтра вечером я вам позвоню.

— Ну ладно. Что еще отец на это скажет...

От радости, что она ответила обнадеживающим «может быть» вместо постоянного однозначного «нет», я чуть не забыл кое-что важное. Я уже направился было к парикмахерскому креслу, возле которого меня ждал Анжело, но тут вспомнил и, повернувшись к Пегги, вытащил из кармана маленький бумажный пакетик.

— Чуть не забыл, — сказал я, протягивая ей пакетик.

— Ага, я тоже, — сказала Пегги и, взяв маленькую щеточку, тщательно смела все обрезки ногтей и срезанные заусеницы в пакетик, который затем протянула мне.

— Спасибо большое, Пегги. — Я усмехнулся ее озабоченному выражению лица и положил пакетик в карман.

— Ну и как ваше парикмахерское дело, Анжело? — спросил я, усаживаясь в кресло.

— Да помаленьку, мистер Дженьери. А как ваше книжное?

— Прекрасно. Вполне позволяет мне жить не тужить.

— Не пойму я, как это у вас получается, мистер Дженьери. Почти все книжные магазины на Голливудском бульваре больше вашего, а доходы у их владельцев — меньше, чем у вас.

— Я скажу вам, в чем дело, Анжело. У меня есть дополнительный заработка. Я по ночам стригу клиентов, не состоя при этом в союзе парикмахеров. Но вы ведь никому не расскажете, правда?

— Вот уж на чем не разбогатеешь! — засмеялся Анжело, но вдруг веселость с него как рукой сняло. — Ведь надо же, что вы пришли именно сегодня!

— А в чем дело?

— Сегодня утром заходил какой-то парень, спрашивал о вас. Здоровый такой, башка круглая, как ядро, волосы короткие, как у этих немецких подонков в фильмах про шпионов.

— Вот как... — У меня по шее вдруг побежали мурashки, и было это вовсе не из-за ножниц, сновавших туда-сюда по моим волосам. — И что же ему было надо?

— Он зашел примерно в восемь тридцать, я еще только открылся. Сказал, что хочет побриться. Я ему объяснил, что уже не брею клиентов, что большинство парикмахеров теперь перестали заниматься бритьем. Он кивнул, как будто понял, но не ушел, а продолжал здесь топтаться, болтал о погоде и всякой чепухе. И наконец заявляет, что он-де пришел сюда, потому что его приятель по имени Дюффус Дженьери здесь бывает. Я сказал, что вы — один из лучших наших клиентов, а он и говорит: «Такой хороший клиент должен бывать здесь часто». Я ответил, что да, мол, вы довольно часто у нас бываете. Он захотел узнать, насколько часто, и стрижетесь ли вы, и делаете ли маникюр, и что еще.

Я кивнул, и Анжело продолжал:

— Он хотел знать, приходите ли вы по определенным дням недели, и я ему сказал, что вы просто заходите, когда решите, что пора подстричься, и что

иногда, если вы заняты, у вас отрастают довольно-таки длинные волосы.

— Это все? — Мои пальцы под белой салфеткой впились в ручки кресла.

— Ага... нет, вот еще что. Он заговорил про обрезки волос, которых должно быть много в любой парикмахерской, и спросил, что я с ними делаю.

— И что вы ему ответили?

— Я ему сказал, что выбрасываю их вместе с остальным мусором.

— И больше ничего?

— О, я ничего ему не сказал о том, что ваши я каждый раз ссыпаю в пакет, который вы забираете с собой.

— Очень хорошо, Анжело.

— И о том, что Пегги тоже собирает для вас в пакетик обрезки ваших ногтей и вы их берете домой, я ему не сказал ни словечка.

— Вы молодчина, Анжело. Я горжусь вами. — С этими словами я протянул ему пятидолларовую бумажку, поскольку он уже закончил меня стричь.

— Спасибо вам, мистер Дженьери. Да, думаю, такая стрижка вам очень к лицу.

Я засмеялся.

— Мне тоже так кажется, Анжело, но я имел в виду не мою прическу, а то, что вы совершенно правильно ответили на вопросы этого парня.

— Ах, вы об этом. Ну вы же меня знаете, мистер Дженьери. Я не из болтливых.

Улыбнувшись, я промолчал. Анжело был так же болтлив, как и большинство его собратьев по профессии, но он по крайней мере не выдал мою маленькую тайну.

Он смёл обрезки моих волос и сложил их в бумажный пакет. Внимательно осмотрев пол, я нашел три или четыре волоска, которые он пропустил, поднял их и сунул в пакет к остальным.

— Знаете, я иногда думаю, а что же вы делаете со всеми этими волосами, которые отсюда уносите, — сказал Анжело.

Я усмехнулся.

— Так и быть, скажу вам, но только смотрите, никому ни слова!

— Обещаю, сэр. Никому. Я буду нем как рыба.

Придвинувшись к нему, я понизил голос.

— Я собираю их, чтобы набить ими подушку, на которой большими белыми буквами вышью слово МАМОЧКА.

Он недоуменно уставился на меня, пытаясь понять, стоит ли принимать мои слова всерьез или надо рассмеяться.

— Да, вот еще, Анжело, — сказал я, прервав его размышления.

— Что, сэр?

— Если этот парень заявится снова...

— Да?

— И будет у вас стричься, сохраните для меня несколько его волосков, не забудете? Я бы их тоже сунул в мою подушку. Получите за это десять долларов.

Его лицо расплылось в довольной улыбке.

— Да, сэр! Непременно!

Выйдя из парикмахерской, я направился к моему книжному магазину с примыкавшей к нему квартирой. Мне предстояло пройти несколько кварталов вниз по Голливудскому бульвару. По бульвару слонялись туристы, разглядывавшие тротуар, исписанный именами звезд, и хиппи, разглядывавшие туристов в надежде на подаяние. Я все время озирался через плечо. Кто-то заинтересовался моей персоной, и этот интерес был мне совсем не по душе.

Когда я дошел до книжного магазина, мое беспокойство усилилось. В воздухе чувствовалось что-то такое... опасность... злоба... Следствие ли это визита незнакомца в парикмахерскую или просто тревожное предчувствие?

Нет, это было ни то и ни другое. Я уже собрался переходить улицу, когда понял, в чем дело, и обернулся. Меня рассматривала стоявшая неподалеку машина. Это был большой, зловещего вида кадиллак с копьеобразными выступами сзади. Взгляд чудовища был злобным. Решетка радиатора, похожая на ряд зубов, искривилась в усмешке, полной ненависти, колеса упирались в землю совсем как лапы тигра, готового к прыжку.

Я поборол пронзивший меня страх. В такой ситуации главное не показывать, что испугался. Подняв

свою трость со стальным набалдашником, я шагнул к машине.

— Я все про тебя знаю, — крикнул я ей, — меня не застанешь врасплох, не надейся!

Она сразу отступила, и выражение ненависти исчезло из ее фар. Я всегда знал, что все эти механические чудовища — жалкие трусы, если только поведешь себя с ними бесстрашно.

Пожав плечами, я пошел дальше. Я знал, что они меня ненавидят, и не сомневался в природе этой ненависти. Они ненавидели меня, потому что многое обо мне знали. Дай я им только возможность и не будь все время начеку, они убили бы меня.

Да, меня не так-то легко застать врасплох, ведь я наделен могуществом. Видите ли, я волшебник. Конечно, в этом мире, который мы называем Землей, мои чары действуют плохо, но я все равно не сомневаюсь в своем могуществе. Вот за что всякие механизмы меня ненавидят.

Я умею управлять их ненавистью или избегать ее, стараясь не сталкиваться с ними. Но теперь заявило о себе нечто совсем иное. Кто-то, явно знакомый с магическим искусством, проявил ко мне интерес. Они послали этого парня с головой-ядром шпионить и задавать вопросы в моей парикмахерской, и мне это было не по душе.

Это беспокоило меня еще и потому, что, как я признался Анжело, у меня была вторая профессия. Конечно, не парикмахера и не волшебника. В том нереальном мире, в котором мы живем, чародейство не приносит дохода, и я нашел другой заработок. Меня, полагаю, можно назвать частным сыщиком, но не таким, каких вы видите на телезкране. Мне никогда не приходилось сражаться с парой вооруженных противников (оружие, как и прочие механизмы, ненавидят меня), я не был женщин ногой в живот, даже пальцем не тронул ни одной, если не считать женщины-оборотня на пляже в Санта-Монике, да и то было исключительно в целях самозащиты.

Мое имя — Дюффус Дженьери, я специалист по всему странному, необычному, сверхъестественному. Мое оружие — не пистолет, а книга заклинаний, а

единственный синдикат, беспокоящий меня, — это синдикат сатанистов. Проблемы, которые я решаю, связаны скорее с Черной Мессой, чем с Черной Рукой.

Если вам понадобятся мои услуги, вы найдете меня в маленьком запущенном книжном магазинчике в самом конце Голливудского бульвара. Магазин мой называется «Малефициум», и между девятым утром и шестью вечера я буду рад обслужить вас. Но после шести не приходите, тогда я наверняка уже буду сидеть в коктейль-баре «Медный гонг», что напротив, потягивая джин с тоником, или в моей квартире с садиком позади магазина, пытаясь вспомнить заклинание, проданное мне одним персидским чародеем, уверявшим, что, применяя его, ни от одной женщины не услышишь «нет».

Но, возвращаясь в свой магазин от Анжело, я не думал о заклинаниях против целомудрия. Я думал о человеке, который проявил интерес к обрезкам моих волос и ногтей. Несмотря на жаркое солнце, заливавшее Голливудский бульвар с его дешевым великолепием, меня от этих мыслей бил озноб.

II

Еще раз оглянувшись, я отпер дверь «Малефициума» и вошел внутрь. Кажется, я уже упоминал, что здесь несколько неопрятно? Это еще мягко сказано. Все здесь покрыто пылью, плесенью и паутиной, но вот что интересно — мне совсем недешево обходится эта запущенность. Покупатели книг, продающихся здесь, почувствовали бы себя разочарованными и едва ли не обманутыми, если бы магазин имел современный интерьер и сиял чистотой. Это разрушило бы мой образ, а в таком бизнесе, как у меня, образ даже важнее, чем на телевидении.

Войдя, я миновал затянутые паутиной полки и, лавируя между пыльными кипами книг, прошел в ванную. Там я вытащил из кармана два маленьких пакетика и выбросил обрезки волос и ногтей в унитаз. Конечно, я не собирал их, просто считал рискованным оставлять в парикмахерской, где любой мог их подобрать и использовать как магическое оружие против меня. В таком

нереальном месте, как Земля, заклинания не действуют, но мало ли что... Я абсолютно уверен, что являюсь самым могущественным волшебником в Северной Америке и что со мной некому тягаться, но вдруг найдется кто-то чуть-чуть сильнее меня, чьи заклинания имели силу.

Итак, отдав обрезки своих волос и ногтей в распоряжение еще более могущественного волшебника, я вернулся в магазин встречать первого клиента. Однако оказалось, что это была клиентка, и какая!

Интересно, что за нужда привела эту высокую, стройную женщину в мой маленький пыльный магазинчик? Как правило, мои покупатели — люди совсем другого сорта. Красивые утонченные женщины обычно не читают книг, во всяком случае, таких, какие я продаю. Я твердо знал, что никогда прежде ее не видел, и все же было что-то смутно знакомое в ее зеленых глазах, слегка выдающихся скулах и блестящих золотисто-рыжих волосах. А как изысканно сидел на ней зеленый вязаный костюм, сама простота которого говорила о его стоимости!

— Я хотела бы найти одну книгу, — сказала она низким грудным голосом. — Надеюсь, вы мне поможете.

— Разумеется, — ответил я серьезно и деловито. Именно так я обычно разговаривал с покупателями.

— У вас... у вас есть «География колдовства» Монтиги Саммерса?

— Есть, конечно, — кивнул я, поворачиваясь к полкам. Книга стояла довольно высоко, я снял ее и протянул женщине.

Некоторое время она стояла, осторожно держа книгу одной рукой, а другой переворачивая страницы. Подняв на меня глаза, она слегка улыбнулась:

— По-моему, это очень тяжело для чтения.

— Вовсе нет, если только вас действительно интересуют затронутые здесь вопросы, — возразил я, доставая другую книгу. — Но может быть, «Ведьмы еще живут» Тэды Кэньон покажется вам более интересной.

Мельком посмотрев на черную книгу с красным заглавием, она перевела на меня испуганный взгляд.

— Неужели? Я хочу сказать, они что... и правда существуют?

— Думаю, будет лучше, если вы сядете и все мне расскажете, мисс... мисс...

Ее зеленые глаза широко раскрылись от удивления.

— Вы меня не узнаете? — спросила девушка.

— Ваше лицо мне как будто знакомо, но...

Она откинула голову, тряхнув рыжими волосами, и рассмеялась.

— Ну и ну! Пожалуй, я бы не удивилась, если бы меня не узнали в какой-нибудь глуши вроде долины Озарк, или, например, на необитаемом острове в Атлантическом океане, но здесь, на Голливудском бульваре! Сказать по правде, для меня это не очень лестно!

— Наверное, вы киноактриса, — предположил я. — Вы должны меня извинить, поскольку мои интересы находятся совсем в иных сферах.

— Я так и поняла, — она окинула испуганным взглядом мои книги о волшебстве, вампирах, ликантропии, некромантии и тому подобных предметах, а также коллекцию колдовских и магических орудий и утвари из разных уголков мира.

— Я — Морган Лэйси, — сказала она. — Это имя вам что-нибудь говорит?

— Ну конечно, — ответил я. Она была звездой первой величины, и ее имя проникло даже в ту темную нишу, в которой я прятался от действительности.

— Чем я могу быть вам полезен, мисс Лэйси? Ведь вам нужна совсем не книга, правда?

— Да, мне нужна ваша помощь, но... — она посмотрела на открытую дверь, выходящую прямо на шумный бульвар. — Нет ли здесь более укромного места?

— Конечно, есть. Вот сюда, пожалуйста, — я провел ее в свой кабинет, находившийся в глубине помещения за рядом полок. Усадив ее, я налил ей рюмку «хеннесси» — превосходного коньяка, который я держу для своих лучших клиентов, и приготовился слушать.

— Все это... довольно необычно. Я хочу сказать, все это так странно... А может быть, я просто схожу с ума. Я, конечно, знаю, что всякое волшебство и магия — просто выдумки, однако...

— Говорите со мной так, как будто я ваш друг-психотерапевт, — сказал я ободряюще.

— Хорошо, постараюсь. — Глубоко вздохнув, девушка посмотрела на меня из-под полуопущенных ресниц. Она слегка покраснела, ее высокие остроконечные груди быстро вздымались и опускались, и мой пульс участился, вторя этому ритму. Ох, как она была хороша, эта Морган Лэйси! Глаза ее как будто вобрали в себя загадочный зеленоватый сумрак морских глубин, волосы переливались всеми оттенками золотистого цвета осени в Новой Англии, ноги были длинными и безупречно стройными.

— Вы правильно угадали, что я пришла сюда совсем не за книгой. Мне вас рекомендовал один человек, которому я доверяю. Честно говоря, мистер Дженьери, вы — моя последняя надежда. — Она замолчала и нервно провела языком по нижней губе. — Я очень, очень напугана и хочу повторить свой вопрос: существуют ли в наше время ведьмы? Существовали ли они вообще когда-нибудь? Может ли женщина из Голливуда быть ведьмой? Может ли она обладать колдовской силой? И может ли она с помощью этой силы меня убить?

— Это уже несколько вопросов.

— Да, но мне сказали, что вы ответите на них.

— Разумеется. И ответом на все эти вопросы будут два слова: «Да, но...»

— Объясните, пожалуйста, что вы хотите этим сказать?

— Да, ведьмы существуют. Они существовали всегда. Они обладают силой, которая убивает. Но, ведьмы — это совсем не то, что о них думают суеверные люди. Они наделены силой, но, ручаюсь вам, это не более чем сила психологического воздействия. Они убивают, но не каким-то сверхъестественным способом. Их оружие — страх. Они ничего не смогут вам сделать, если будут приняты соответствующие контрмеры.

Морган облегченно вздохнула.

— Я рада это слышать, потому что нахожусь в опасности. Одна женщина хочет меня убить. Она грозится сделать это с помощью колдовства.

— Почему она хочет убить вас, мисс Лэйси?

— Вот в этом-то все и дело! Как раз из-за всего этого я и подозреваю, что сошла с ума.

— Расскажите мне все. Почему она говорит, что хочет убить вас?

— Потому что... двое людей приняли меня за кого-то другого. Возможно, они задумали какое-то чудовищное мошенничество, какой-то трюк, розыгрыш или Бог знает что еще.

— Не могу похвастаться, что я хоть что-нибудь понял.

— Вам знакомо название Лохлэнн?

Я напряг память.

— Да. Согласно кельтским преданиям, Лохлэнн — это иной мир, вернее, ОДИН из кельтских иных миров. Вообще, в кельтской мифологии насчитываются десятки миров — под небом и под землей. Тир э Бео, Тир Эйт, Маг-Мор, Тир Онан-Ог и Аннон — вот названия лишь нескольких. Лохлэнн — подводная страна и, если верить преданию, — родина ведьм и колдунов.

— Значит, это сказочная страна? Не какое-нибудь место на краю Земли?

— Нет. Страна эта существует только в творениях кельтских бардов.

— Значит, там и королевы нет, правда? Королевы Лохлэнна, отправленной в ссылку маленькой девочкой, у которой из памяти было стерто все прошлое?

Я выпрямился на стуле.

— Пожалуй, будет лучше, если вы расскажете мне все по порядку.

— Хорошо. — Она протянула рюмку, и я плеснул ей еще коньяку. — Все это началось несколько недель тому назад. Я гостила в Кармеле, в доме одного из тех людей, которые, похоже, коллекционируют чудаков с не меньшей страстью, чем другие собирают, скажем, антиквариат. В один из выходных там давали прием, на который и пригласили эту странную пару. Лорд Сион и его жена леди Крэви. Имена показались мне странными. Несмотря на титулы, они звучали не совсем по-английски.

— Думаю, валлийские. Или же кельтские. А что собой представляла эта чета?

— Одно слово — странные. Они выглядели еще более нелепо, чем хиппи и дети-цветы, которых среди приглашенных было очень много. Лорд Сион ростом

гораздо выше шести футов⁴, худощавый, держится очень прямо. У него длинная черная борода. Одет он был в белую мантию, на шее — цепь с эмблемой, но не такой, как у хиппи. Женщина была просто красавицей, тоже в белой мантии, только короче, обута в сандалии, распущенные волосы доходили ей чуть ли не до бедер. Но меня испугала не их внешность, а то, как они себя повели. Увидев меня, они просто оцепенели от удивления, а придя в себя, бросились ко мне и — вы не поверите — упали передо мной на колени. Они называли меня королевой Морриган. Все зовут меня Морган Лэйси, но в моем свидетельстве о рождении записано Морриган. С тех пор, как я в Голливуде, я не ношу это имя и не могу понять, откуда они его узнали.

— И что же было потом?

— Конечно, я им сказала, что не понимаю, о чем это они говорят. Мужчина пытался убедить меня, что мою память заблокировали, заставив меня забыть, что я — Морриган, королева Лохлэнна. Вам это о чем-нибудь говорит, мистер Дженьери?

— Нет. Если в Лохлэнне и была королева, я не помню, как ее звали.

— Ну вот... все это звучало до того нелепо, особенно когда они стали уговаривать меня отправиться с ними. Надеюсь, вы догадываетесь, что я постаралась побыстрее оттуда удрать.

— Куда они вас звали? Что именно говорили?

— Они что-то говорили о моем отце, короле Аравне, что он якобы умер, и я должна прибыть в Лохлэнн к празднику Бельтене, потому что... как же они их называли... а-а-а, да, Дети Ллира стучат в ворота самого Каэр Ригора.

Я записывал некоторые имена и названия. Морган, помолчав, взглянула на мои записи и снова спросила:

— Это вам о чем-нибудь говорит?

Я пожал плечами.

— Дети Ллира, согласно кельтской мифологии, — жители моря. Ллир — морской бог, кельтский аналог древнегреческого Посейдона. Каэр Ригор — королевский замок или что-то в этом роде. Ваши друзья как минимум хорошо знакомы с кельтской мифологией.

— Я была уверена, что они затеяли какое-то мошенничество или планируют похищение. Поэтому, как я уже сказала, я оттуда немедленно уехала.

— И больше вы этих двоих не видели?

— Наяву — нет, — сказала она изменившимся голосом.

— Что вы имеете в виду?

— Я... я видела во сне, будто они вошли в мою спальню. Сначала мужчина, а следом за ним и женщина. Они снова стали умолять меня вернуться вместе с ними в Лохлэнн. Старались убедить меня в том, что я очень нужна моему народу. Они сказали, что если я оставлю Лохлэнн в беде, он погибнет — Ну, водная бездна, поглотит его, и Дети Ллира будут разгуливать по улицам Каэр Ригора и Клас Мирддина, а Рот Фэйл, колесо света, никогда больше не озарит лица людей.

— Вы разговаривали с ними в этом сне? — я почувствовал, что поневоле заинтересовался этим случаем.

— Я... да. Я спросила лорда Сиона, на самом ли деле они находятся в моей спальне или снятся мне.

— И что он ответил?

— Он ответил, что по-прежнему находится в Кармеле и общается со мной при помощи таг хайрма. — Она вопросительно посмотрела на меня.

— Таг хайрм — это передача мыслей и образов на расстоянии. Кельтские волшебники умели проделывать подобное с помощью заклинаний, — объяснил я.

— Он говорил о моем народе, который называл фоморианами. Сказал, что они населяли Лохлэнн от начала времен и что злой бог Ллир хочет разрушить страну и истребить ее жителей. И только если я, королева Морриган, вернусь и возглавлю праздник Бельтене, Детей Ллира можно будет оттеснить от ворот Лохлэнна.

— Он не объяснил, каким образом вы могли бы вернуться туда?

— Сказал, что я должна сначала плыть морем, а потом — через Каэр Педриван.

— Каэр Педриван, Вращающийся Замок. Вы сами или ваши друзья совсем неплохо знакомы с наследием кельтских бардов.

— Ну, что касается меня, я ничего подобного никогда не читала. После выхода из приюта я вообще ничем всерьез не интересовалась, кроме кинематографа.

Мои брови взметнулись вверх от удивления, и я быстро плеснул себе в стакан бренди.

— Так вы что, сирота?

— Да. Забыла вам об этом рассказать. Мои родители погибли в авиакатастрофе, когда мне было девять лет. Меня нашли, когда я бродила среди обломков самолета. Никто не мог понять, как мне удалось уцелеть, а сама я после пережитого шока не могла ничего вспомнить.

— У вас не осталось никого из родни?

— Нет, никого. Мои родители вели, мягко говоря, нетрадиционный образ жизни. Много лет они прожили в Европе, без конца путешествовали — по ирландским паспортам, но в Ирландии, похоже, не имели ни корней, ни каких-либо родственных уз.

— Да, загадка, связанная с вашим прошлым, вносит некоторую долю достоверности в рассказ ваших друзей, и все становится более интересным.

— Вы хотите сказать — более пугающим?

— Меня интригует еще одно — ваше имя.

— Мое имя? — она была озадачена.

— Да. Имя Морган может быть связано с Морган Ле Фэй из легенды о короле Артуре или с некоторыми разновидностями бэнши², появлявшимися близ воды. Имя Морриган носила великая королева из ирландской легенды, чьим символом была черная ворона. Согласно некоторым версиям, королева была замужем за Тетрой, предводителем фомориан.

— Неужели вы поверили во все это?

— Нет, но я вижу здесь целый ряд довольно любопытных совпадений.

— А я ведь еще не рассказала вам о другой женщине.

— Которая тоже уговаривала вас вернуться в Лох-лэнн?

— О нет! Она грозилась убить меня с помощью колдовства, уверяя, что она и есть законная наследница престола, а я — самозванка.

— Так-так, — пробормотал я, соединив кончики пальцев и разглядывая их, — расскажите мне о ней.

— Это высокая, стройная девушка лет двадцати с небольшим, довольно миловидная, с черными как смоль волосами и еще более черными глазами. Как-то раз вечером я выходила из телестудии после шоу-программы с интервью, и вдруг она возникла передо мной. Девушка была вне себя от ярости, а голос был полон ненависти, когда она говорила: «Так значит, эти два дурака объявили тебя королевой и собираются взять с собой в Лохлэнн!» Я ответила: «Не понимаю, о чём вы». Она засмеялась: «Ты лжешь! Лорд Сион и его безмозглую жену два года рыскали по всей Земле, чтобы найти тебя. И теперь они думают, что нашли настоящую королеву, но мы-то знаем, что это не так, не правда ли, дорогая сестричка?!»

Испугавшись, я хотела отстраниться, но она больно сжала мою руку: «Ты умрешь прежде, чем достигнешь Каэр Ригора! Я обещаю тебе это! Я, Эннис, обещаю тебе это, а ты ведь знаешь, что в колдовстве я сильнее тебя! Ты знаешь, что я посвящена Бранвен и что она мне поможет. Если ты будешь претендовать на мой законный титул королевы, ты умрешь! Если послушаешь Сиона и его жену, ты умрешь! И весьма мучительной смертью!»

Морган Лэйси замолчала и испуганно оглянулась, как будто опасаясь, что сию же минуту призрак темноволосой незнакомки появится в моем кабинете. Потом она снова взглянула на меня и продолжала:

— И после этого... она как бы растаяла, то есть буквально... исчезла.

— Может быть, она просто смешалась с толпой? — предположил я.

— Не знаю. Тогда мне так не показалось.

— Или произнесла «фит-фат» — заклинание, делающее невидимым.

— Значит, вы все-таки в это верите? — спросила Морган, и ее зеленые глаза потемнели от страха.

— Не совсем, но кое-какие вопросы у меня в связи с этим возникают. Например... — Я встал, снял с полки книгу Льюиса Спенса «Мифология Британских островов», открыл ее и, прочитав две страницы, посмотрел на Морган. — Все имена, которые вы упомянули, принадлежат кельтским богам и богиням, имеющим отно-

шение к морю. Давайте-ка я вам немного о них прочитаю.

Я стал читать ей с начала двадцать седьмой страницы: «Ллир Лледиат или Ллир Иноземный... жена его известна под именем Иверидд или Ирланд, данные обстоятельства ясно указывают на его ирландское происхождение. От этого брака у него была дочь, Бранвен Благостное Лоно, богиня любви, аналог пеннорожденной Афродиты, или Венеры».

Я улыбнулся девушке.

— Так что если в словах напугавшей вас незнакомки есть хоть доля правды, она, по-видимому, не кто иная, как сама Бранвен Благостное Лоно, дочь Ллира, одна из его Детей, о которых говорил лорд Сион.

— Значит, Эннис пугала меня тем, что она посвящена морю, и это наделяет ее сверхъестественной силой?

— Возможно, но не забывайте, что Бранвен — еще и богиня любви, а согласно мифам такие богини любви, как Афродита и в особенности — Иштар, активно покровительствуют колдовству.

— А есть ли там что-нибудь о моем имени? — спросила она.

— Оно также связано с морем, — ответил я и прочел ей вслух: — «Средневековая легенда повествует о феномене, известном под названием „Фата Моргана“. Это мираж, который часто предстает перед рыбаками во время летнего сезона. У самого края горизонта люди вдруг видят гигантские колонны, башни выше облаков, великолепные дворцы...»

— Может быть, этот мираж — Лохлэнн?

— Если поверить в то, что Лохлэнн — подводная страна, то «Фата Моргана» может быть ее отражением.

— Но мое имя Морган, а не Моргана, так что ко мне это не имеет отношения.

— Морган — просто слегка измененное Моргана.

— Но в книге ни разу не упоминается Морган, не так ли?

И тогда я прочитал ей следующее:

— «...но слово морган в некоторых кельтских диалектах по смыслу связано с морем. В Бретани морган — русалка, или морская дева. Морганы острова

Ушант обитают в подводном дворце, смертные, которых они любят, могут жить с ними там без всякого ущерба для себя. Согласно французскому фольклору, морган пленяется смертными мужчинами, но не может насладиться их любовью, поскольку они умирают от одного ее прикосновения».

— О Боже мой! — выдохнула Морган.

— У вас проблемы в личной жизни, мисс Лэйси?

— У меня... все в порядке... с чего бы у меня были проблемы? — сказала она, между тем как взгляд ее выдавал неуверенность и тревогу.

— Как хотите, но думаю, будет лучше, если вы мне все расскажете.

— Хорошо. Не знаю, по-моему, это не более чем совпадения, чудовищные недоразумения. В общем, год тому назад я была помолвлена. За два дня до свадьбы Пол — Пол Гюнтер, драматург, умер. Это произошло сразу после того как я покинула его, проведя с ним... довольно интимный вечер... Врач сказал, что это сердце... что он умер от сердечного приступа.

— Но вы этому не верите?

— Полу было всего тридцать три, и он был в прекрасной форме.

— А другие? Чем кончились остальные любовные связи?

— Было еще двое. Билл Эллис, актер... Мы были вместе только однажды, и он после этого умер от заражения крови. Не странно ли это, мистер Дженьери, — умереть от заражения крови в наш век антибиотиков и пенициллина? Потом был Дэвид Кинг. Он покончил с собой наутро после того как мы были... вместе.

— Трое мужчин, и все умерли, — пробормотал я вполголоса. И немедленно призвал на помощь всю свою выдержку, чтобы противостоять чарам Морган Лэйси. Надо положить конец разгоревшимся было мечтам о близости с нею, добившись которой, трое молодых здоровых парней, похоже, поплатились за это головой.

Тут я увидел, что она дрожит и, того и гляди, расплачется. Я осторожно погладил ее по плечу.

— Вы же знаете, что это все чепуха. Абсолютная чушь.

— И угроза этой женщины убить меня — тоже чушь?

— Ну разумеется. Ведь колдовство здесь не действует.

Она удивленно посмотрела на меня.

— Что вы имеете в виду под словом «здесь»?

— Мы живем в странном мире, — сказал я ей. — В мире, где механические чудовища угрожают нам на каждом шагу. Самолеты летают без всякой видимой причины, автомобили крадутся за вами следом, когда вы идете по улице.

Она посмотрела на меня как на сумасшедшего.

— Вы немножко параноик, да? Самолеты летают по вполне ясным причинам, и автомобили никогда ни за кем не крадутся, просто ездят по дорогам.

— Нет, параноик не я, а скорее — весь этот мир. Мое волшебство здесь не действует. С самого детства я знал, что наделен могуществом, но мне так и не удалось его применить. Я серьезно учился, прочитал множество старинных книг, глубоко исследовал оккультизм, соблюдал все ритуалы, но ничего не помогает.

Она явно собиралась встать и уйти.

— По-моему, вы нуждаетесь в помощи больше, чем я.

— Нет-нет, подождите, — взмолился я. — Я рассказал вам все это, только чтобы уверить вас, что девушка, называющая себя Эннис, не может причинить вам вред в пределах этого мира, во всяком случае, с помощью колдовства.

Морган снова села.

— Я понимаю, что это так. Однако в ее голосе звучала такая угроза, что...

— Ну, конечно, угроза была непосредственна и реальна. В этом вся суть игры. Поймите, ведовство — это игра, инструментом которой служит психологический террор. Никакой реальной силой, кроме силы внушения, оно не обладает, но эта угроза — прекрасный пример отрицательного психологического воздействия, в данном случае — успешного запугивания. Именно поэтому вы не должны поддаваться страху и панике. Иначе вы будете работать на тех, кто хочет расправиться с вами.

Морган улыбнулась, но глаза ее остались серьезными.

— Ведовство находит слабые места в эмоциональной структуре личности. Для уничтожения своей жертвы оно делает ставку на доверчивость и мнительность. Представьте, что кому-то внущили, будто на него навели порчу. Сначала это кажется шуткой, но если человеку постоянно об этом напоминают и убеждают, что он должен почувствовать это на себе, то он начинает воспринимать «порчу» все более серьезно, все время думает об этом, у него портится пищеварение и исчезает способность критически воспринимать окружающее.

— Так вы говорите, что это не опасно?

— Нет. Я говорю, что в так называемом колдовстве нет ничего сверхъестественного. Но это не означает, что оно не опасно. Напротив, все, связанное с колдовством, очень опасно. От него погибли миллионы людей, и, без сомнения, погибнет еще столько же.

Ее глаза снова расширились, а красивые губы сжалась от страха. Мне непреодолимо захотелось прижать к ним свои, чтобы успокоить ее — наплевать, Морган она или нет. Но трое парней погибли от подобных действий...

— Из тех, кто стал его жертвой, — со вздохом продолжил я свою лекцию, — ни один не умер от колдовства как такового. Ни одна смерть не явилась результатом того, что чье-то восковое изображение искололи булавками или по ком-то спели песню смерти. Все так называемые жертвы колдовства, узнав о подобных действиях против них, умерли просто от страха.

Морган чуть-чуть расслабилась, откинулась на стуле и снова вытянула вперед свои длинные стройные ноги.

— Несмотря на ваши странные идеи, вы мне уже немного помогли, — сказала она. — Вы не представляете, как мне было страшно. Страх не покидал меня последние несколько дней.

— Любой человека порой по разным причинам охватывает страх. Но всегда есть способы избавиться от него.

Я налил нам с ней еще по глотку коньяку.

— Вот один из них, а вот другой, — с этими словами я достал из ящика стола амулет на золотой цепочке.

Она потягивала коньяк, рассматривая меня поверх стакана.

— Знаете, я вас себе представляла совсем другим. Думала, что вы сутулый и узкоплечий, близорукий, с бородавкой на носу, страшно ученый. А вы, оказывается, ростом не меньше шести футов четырех дюймов, да и плечи у вас, как у полузащитника из «Рэма».

— А я и был полузащитником, только не в «Рэме». Люблю спортивные игры вроде футбола, где не требуется никаких механических приспособлений и вообще никакой механики.

— Вы сумасшедший, — улыбнулась она. — Но здесь с вами я чувствую себя в безопасности. Впервые с тех пор, как все это началось.

— Так и должно быть, — веско сказал я. — Это место защищено моими заклинаниями и колдовством.

— Но вы только что сказали, что колдовства не существует.

— Так ведь колдовство — это игра, и чтобы выиграть в ней, надо просто придерживаться определенных правил.

Ее улыбка внезапно погасла, и она снова нахмурилась. Я понял, что девушка суеверна и принимает всерьез опасность, которой подвергается. Я протянул ей амулет, вынутый из ящика.

— Давайте-ка я вам его надену.

— Что это? — спросила она, исследуя надпись на амулете.

— Вы когда-нибудь слышали о камне Соломона? О камне мудрости и власти?

— По-моему, нет. — Я придинулся ближе, надевая ей на шею цепочку и застегивая ее. Легкий аромат духов, исходивший от ее волос, взволновал меня.

Руки не очень хорошо меня слушались, но зато голосом я овладел вполне, невозмутимо рассказывая ей о камне:

— Восточная легенда гласит, что частица камня Соломона предохраняет того, кто ее носит, от любого колдовства, сглаза, порчи и вообще от всякого зла.

Я не добавил при этом, что ящик моего стола полон таких амулетов, сделанных по моему заказу лос-анджелесским ювелиром. Ей совершенно незачем было знать, что для меня они — всего лишь инструмент воздействия на эмоциональную, суеверную сторону личности моих

клиентов, в то время как моя убежденность и критичность взывает к их логике.

Ее близость и сознание того, что она — прекрасная, желанная женщина, а я — молодой и крепкий мужчина, кружили мне голову, но имя Морган и рассказанная ею история охлаждали мой пыл. Мне очень хотелось ее поцеловать, и ей, без сомнения, хотелось того же, но я сделал шаг назад и заложил руки за спину.

Чтобы скрыть возникшую неловкость, я спросил:

— С тех пор, как вы повстречали эту девушку, которая претендует на звание королевы, лорд Сион и его жена не давали о себе знать?

— Я их не видела, но слышала.

— Слышали?

— Да, голоса как будто звучали в моем сознании... вернее, даже не голоса... Я не слышала слов, но понимала, что меня убеждают вернуться в Лохлэнн. И каждый раз я заставляла себя противиться этим призывам, потому что Эннис убьет меня, если я отправлюсь туда.

— Никакого Лохлэнна и никакого волшебства нет! Надейтесь на камень Соломона. Он вам поможет.

— Да, да! Я сделаю, как вы говорите, — пообещала она, крепко сжав амулет в руке. — Я буду уповать на этот камень. Но вы тоже что-нибудь предпримете, правда?

— Прежде всего я постараюсь выяснить, кто за всем этим стоит. Мне хорошо известен мир оккультизма. Я осторожно разузнаю, что смогу, об этой троице, которая вас беспокоит. Я разгадаю их игру и — будьте уверены — покажу им, что тоже умею играть в колдовство.

Она встала, собираясь уйти, и, глядя на нее, я снова пожалел, что ее звали Морган. Не веря в колдовство, я все же считал, что лучше не рисковать.

После ее ухода я некоторое время сидел, уставясь на ряды книжных полок, пока мною снова не овладели мысли о моих собственных проблемах. Я вспомнил о большом двуручном мече, хранящемся в моей квартире, кольчуге, висевшей в шкафу, и о стоявшем высоко на полке большом боевом шлеме. Меч я нашел в одном из древних захоронений в горах Шотландии еще когда был студентом-археологом. Он, пожалуй, самое ценное, чем я владею. Я ненавидел мир, в котором жил, и всей

душой стремился в другой — туда, где я мог бы носить шлем и кольчугу и где мне понадобился бы этот меч. В мир, где ясно, кто твой враг, и где можно сразиться с ним лицом к лицу в открытом бою — мечом так мечом, колдовством так колдовством. Я ненавидел мир, в котором жил, — с его автомобилями, самолетами, атомными бомбами и нервно-паралитическими газами. Я ненавидел его с тех пор, как себя помнил, с тех пор, как начал понимать, что он собой представляет. Я бы с великой радостью поменял его на любой другой, особенно на такой, как Лохлэнн, где правит волшебство и где действовали бы мои заклинания.

Но другие миры не существовали. Был только этот с его сумасшедшей реальностью. Только этот, где я вынужден каждый божий день зарабатывать себе на жизнь. Я проведу следствие по делу Морган Лэйси, но навряд ли его разгадка окажется интересной, ведь все это наверняка чьи-то глупые козни или плутовские игры. Бескрайние вершины «Фата Моргана» растают без следа, как мираж, которым они и являются. Затем я буду по-прежнему продавать книги и фальшивые амулеты, отпугивать наглые машины и ухаживать за девицами вроде Пегги О'Ши.

Подумав о Пегги, я вспомнил о том парне с головой-ядром, который пытался добыть обрезки моих волос и ногтей. Да, в этом явно было что-то интересное... Хотел бы я знать, кто его подослал.

III

Следующие несколько дней не принесли результатов в расследовании, предпринятом мною для Морган Лэйси, хотя я осторожно порасспросил кое-кого в городе и побеседовал с множеством мошенников, выдающих себя за астрологов, и жуликов-предсказателей. Побывал я также и в святилище Образа Мазды, поговорил с самим Образом Мазды, но тот ничем не интересовался, кроме репутации своего бога.

Наконец я позвонил предводителю местных ведьм, который доверял мне, зная, что я не проболтаюсь об их шабашах.

— Нет ли чего-нибудь новенького? — спросил я, когда он взял трубку.

— Насчет дамского белья? Нет ничего нового. А что?

— Вы прекрасно знаете, о чем я. Это касается другой стороны вашей жизни.

— Ах, это вы, Дженьери! Чем я могу быть вам полезен?

— Известно ли вам что-нибудь о трех людях, появившихся у нас совсем недавно? Муж с женой, одетые как хиппи и называющие себя лордом Сионом и леди Крэрви, и девушка, которая говорит, что ее зовут Эннис или Бранвен.

— Они что, артисты-любители?

Этот тип явно ничего не знал. Мы немного поговорили о заклинаниях и черной магии, мне пришлось выслушать его жалобы на то, как трудно стало в наше время достать кисть руки казненного убийцы, чтобы использовать ее в качестве Руки Славы в Черной Мессе.

— Это все Верховный суд, — хныкал он. — Так нянчатся с этими преступниками, что в последнее время вообще никого не казнят.

Посочувствовав ему, я попрощался и повесил трубку, размыслия о том, что его слова скорее приличествовали бы главе местного филиала Общества Джона Берча³, чем предводителю шабашей ведьм. Но, может быть, разница между ними не столь уж и велика, подумал я. Оба живут в своих маленьких нереальных мирках, так же как и я в своем.

В конце концов мне пришлось позвонить Морган Лэйси и сказать, что я не очень далеко продвинулсь в своем расследовании о ее странных друзьях. Она отнеслась к моему сообщению совершенно равнодушно, что меня встревожило.

— У вас не было с ними новых встреч? — спросил я.

— Нет, только голоса.

— Не обращайте на них внимания, — уговаривал я ее, — не поддавайтесь им и надейтесь на камень Соломона.

Она пообещала, что так и сделает, и я повесил трубку. Было уже начало девятого, и я почувствовал, что здорово устал. Решив, что на сегодня хватит, я собрался пойти выпить, запер магазин и, прождав минут двадцать, пока на участке шоссе длиной в полквартала не оказалось ни одной машины, бегом пересек бульвар, направляясь к «Медному гонгу».

Однако попал я туда совсем не так скоро, как рассчитывал, потому что столкнулся с круглоголовым пар-

нем. Я увидел его, когда сворачивал в проход, ведущий к боковой двери бара. Он явно меня поджидал. Я сразу узнал его по описанию Анжело.

Мы заметили друг друга одновременно, и он молча пошел на меня, нагнув голову и сжимая в руке дубинку.

Я никогда не ношу оружия. Автоматическое оружие я терпеть не могу, а мой огромный меч выглядел бы довольно странно в сочетании с костюмом от братьев Брукс⁴. Но драться я, скажу не хвастаясь, умею неплохо, и обычно мне удается разделаться с противником быстро и красиво. Не люблю размениваться на мелкие удары и зуботычины средней тяжести. Другое дело — сразу вырубить молодчика. Это проще и удобнее для обеих сторон.

Круглоголовый метил своей дубинкой мне в висок, и я знал, что в этом ударе он обрушит на меня все свои двести с лишним фунтов⁵ веса. Я наклонил голову, и удар пришелся мне по плечу. Было больно, но я не пытался уклониться от удара, потому что это сближение дало мне возможность изо всех сил двинуть его коленом в пах. Как только он начал падать, я применил прием каратэ, ударив его ребром ладони по горлу. Он потерял сознание, не успев даже как следует удивиться.

Склонившись над ним, я перевернул его на спину и в одном из карманов нашупал бумажник. В нем оказались водительские права на имя Уильяма Стедмэна, около пятидесяти долларов и несколько карточек. Ни паспорта, ни амулетов. Из другого кармана я вытащил пистолет тридцать второго калибра и, содрогаясь от омерзения, разрядил его, высыпав патроны. Положив пистолет на место, я поднял парня за лацканы пиджака, тряхнул его и похлопал по физиономии.

— Просыпайся, Стедмэн! Слышишь, пора вставать!

Он дернулся, глаза его наполовину открылись, и в них тотчас же вспыхнула ненависть.

— Кто тебя послал? — спросил я. — И чего тебе от меня надо?

— Катись к черту! — пробормотал он.

Я стукнул его по губам и опрокинул на тротуар затылком вниз. Он согнул ногу в колене, собираясь ударить меня в пах, но я был начеку и, уклонившись,

ответил ему пинком. Еще пару раз я стукнул его затылком о тротуар, достаточно твердый, чтобы даже его череп это почувствовал.

— Перестань! — завопил он. — Ты что, проклятый, убить меня хочешь?

— Больно ты мне нужен, дурак! Мне надо всего лишь, чтобы ты ответил на пару моих вопросов.

Он упрямо замотал головой, не помогли даже несколько новых ударов о тротуар. Тогда я кое о чем вспомнил, усмехнулся и вынул из кармана пиджаца конверт, полученный сегодня утром по почте.

— Ты вчера стригся, ведь правда, Стедмэн? — спросил я.

— Что?! Ты это о чём?!

— Вот твои волосы, — сказал я, показывая ему несколько обрезков светлых волос, присланных мне Анжело.

— Мои?!!

— Можешь мне поверить. А моих у тебя, я знаю, нет.

Даже в неярком уличном свете было видно, что он смертельно побледнел.

— Что... что ты хочешь знать?

— Кто тебя послал?

— Меня?.. Лорд Сион...

— Зачем?

— Мне велели добыть обрезки твоих волос — магическое оружие против тебя. Леди Крэви — ясновидящая. Она заранее знала, что королева Морриган обращается к тебе за советом.

— Вы, ребята, действуете непрофессионально. Это не внушает уважения к вашей компании.

Он умоляюще уставился на меня.

— Мои волосы... Теперь ты их отдашь мне?

— Разумеется. Держи! — я протянул ему конверт.

Он поднялся на ноги, отирая кровь, струившуюся у него изо рта и из носа.

— Ты мне за это ответишь, Дженьери! Я тебя достану, так и знай!

— Катись-ка лучше отсюда, пока зубы целы! — и я шагнул к нему.

Парень, отскочив, сунул руку в карман и вытащил пистолет. Я ударил его, и он упал на колени. Ужасно не хотелось снова прикасаться к этой штуке, однако я выкрутил ему руку, выхватил пистолет и навел прямо на его физиономию.

— Он разряжен, ты, безмозглый подонок! Он так же пуст, как твоя дурная башка! А теперь убирайся отсюда!

Продолжая ругаться, он вскочил на ноги и припустил по улице, окинув меня на прощание взглядом, который должен был выражать угрозу, но на деле только добавил нелепости и комизма его фигуре, потому что он тут же бросился бежать, спасаясь от пинка, который я хотел дать ему напоследок.

— А если посмеешь сунуться еще, ты у меня проглотишь эту свою пушку! — крикнул я ему вдогонку.

Убедившись, что его и след простыл, я наклонился и поднял оброненный им платок. Платок был в крови. Я аккуратно свернул его и сунул в карман. Кровь человека является частью его организма, и среди колдунов считается, что ее можно очень эффективно использовать в колдовских манипуляциях. Если нам со Стедмэном когда-нибудь доведется сражаться колдовскими способами, я буду хорошо вооружен. С этой обнадеживающей мыслью я открыл дверь и вошел в «Медный гонг».

Примерно с минуту я оглядывал зал в поисках подходящего места, пока наконец не нашел его — на приличном расстоянии от кондиционера и достаточно далеко от музыкального автомата и автомата по продаже сигарет. Пока я шел туда, кондиционер зашипел на меня, а автомат с сигаретами злобно сверкнул своими лампочками. Я окинул их свирепым взглядом, потом заказал и выпил свою первую порцию.

— Как поживаете, мистер Дженьери? — спросил бармен, подавая мне вторую порцию без всяких просьб с моей стороны. Он знал, что первые три скотча я выпиваю залпом один за другим.

— Спасибо. Теперь совсем хорошо.

— Собираетесь сегодня напиться?

— Да. Я считаю, что алкоголь — прекрасное средство для отпугивания механических чудовищ.

— Прошу прощения, о чём вы?

— Вы не слышали, как ваш кондиционер на меня зашипел, когда я сюда вошел?

— Зашипел на вас? Ну, если вы так говорите, значит, так оно и было. Наверное, с ним что-то не в порядке. Надо будет попросить монтера проверить, в чём дело.

— Не надо, — возразил я. — Уверен, что лучше с ними не связываться. Если с парнем что-то случится, я буду чувствовать себя косвенно виновным в кровопролитии, даже если это будет кровь колдуна, усмиряющего такие чудовища.

Бармен озадаченно посмотрел на меня и, уходя, пробормотал:

— Конечно, конечно, мистер Дженьери. Пойду принесу вам еще выпить.

После нескольких порций джина я почувствовал себя намного лучше. Настолько лучше, что стал воспринимать музыкальный автомат как приспособление для проигрывания пластинок, а не как чудовище, подстерегающее свои жертвы в ночи. Еще через несколько минут я настолько ощущал себя частью этого мира, что прошел к автомату через весь зал и опустил в щель четвертак. К сожалению, в его репертуаре не было «Танца Ужасов» или какой-нибудь другой хорошей ведьмовской музыки, и я остановил свой выбор на трех песнях «Битлз».

Когда я не без труда возвращался на свое место, из-за ближайшего столика поднялась девушка и буквально налетела на меня.

— Ох, извините. Боюсь, я был неловок, — пробормотал я. — Похоже, меня кто-то толкнул. — Молодая леди была одета в мини-платье, сшитое из полупрозрачного материала, с таким большим декольте, что было совершенно непонятно, как оно не соскользнет с ее стройного тела, разве что его удерживала колдовская сила.

— Это не ваша вина, — возразила она, отбрасывая назад свои темные волосы и глядя на меня снизу вверх

черными глазами. — Я нарочно столкнулась с вами. Я наблюдаю за вами с тех пор, как вы здесь появились.

— Если вы из психиатрической лечебницы, я пойду с вами и буду вести себя тихо. Я жду вас с тех пор, как все о НИХ узнал.

— О них? — спросила она удивленно и с оттенком беспокойства.

— Об этих механических штуках, которые нас окружают. О машинах и самолетах, которые на самом деле не более чем орудия колдунов и некро... некромантов.

Девушка улыбнулась.

— Похоже, вы немного выпили.

— Понимаете, стоит мне как следует напиться, и все становится на место, мне удается более или менее примириться с тем, что мы называем реальностью. Так вы сказали, вы из Камарильо? Или из больницы Сонома?

— Ничего подобного я не говорила! — произнесла она таким тоном, как будто само собой разумелось, что появилась она из зазеркалья. Черт возьми, мне именно так и показалось! Девушка была красива какой-то нереальной, неземной красотой.

— Вижу, белые халаты у вас больше не в ходу. Ваше платье — просто чудо, но я никак не думал, что в дурдоме можно носить такое вместо униформы.

— Успокойтесь. Меня совершенно не волнует состояние вашей психики.

Я замолчал, стараясь получше ее разглядеть. После четырех двойных скотчей мне было непросто удержать ее в одном положении: девушка покачивалась, то появляясь в фокусе моего взгляда, то исчезая.

— А что же тогда вас во мне интересует? — спросил я, пытаясь придать своему голосу и осанке как можно больше достоинства.

Она приблизилась так близко, что ее грудь коснулась моей рубашки.

— Почему бы вам не пойти со мной, чтобы это выяснить?

Теперь до меня наконец дошло, чего она хотела, несмотря на алкогольный туман, окутавший мое сознание, и когда она, повернувшись, вышла из бара, изящно

покачивая стройными бедрами, я послушно, как хорошо вышколенный солдат, последовал за ней в ночную тьму.

С минуту я стоял неподвижно, озираясь вокруг. Механические чудовища, сновавшие туда-сюда по Голливудскому бульвару, визжа, как свора гончих, благодаря колдовским снадобьям бармена Бена, казались мне почти безопасными, похожими на дружелюбных мастифов, которые могут, играя, вонзить зубы в вашу руку, но никогда не схватят за горло.

Только так в этом мире можно было бороться с колдовством. Его побеждали самые обыкновенные средства — хороший скотч, снотворное, способное заглушить пронзительный рев самолетов, поднимающихся в небо, чтобы наводить на всех ужас. Вот почему мои заклинания не действовали — более сильные средства, разлитые по бутылкам, имелись в любом баре.

Девушка шла вперед. Она была совершенно уверена, что я иду следом, и даже не оглядывалась. Я пожал плечами и двинулся за ней. Догнал ее и спросил:

— Так в чем, собственно, дело?

— В нескольких шагах отсюда стоит моя машина, — ответила она низким хрипловатым голосом.

Несмотря на состояние алкогольной эйфории, упоминание о машине заставило меня похолодеть. Вот, выходит, какой ведьмой она была!

— Чего вы от меня хотите? — спросил я.

— А ты разве не догадываешься? — прошептала она, отводя меня в тень.

— Я...

Но она не дала мне договорить, быстро прижав свои губы к моим.

— Ну, теперь понял?

— Да-да, понял... — Пульс мой участился. Догадываясь, чего она хотела, я не мог понять, почему для этого она выбрала именно меня и не было ли у нее еще чего-нибудь на уме.

— Тогда пошли, — скомандовала она, беря меня за руку.

— Но у меня нет с собой денег, — признался я. В «Медном гонге» выпивку записывали на мой счет, так что кошелек мой и правда был совсем пуст.

— Идиот! Мне не нужны твои деньги! Я не прости-
тутка! — бросила она, и ее черные глаза стали еще
чернее. — Я сама могу дать тебе денег, если на то
пошло!

Я ничего не понимал. Что это за игра? Такой кра-
сивой женщине безусловно нет нужды ходить по барам
в поисках мужчины. Скорее ей понадобились бы тело-
хранители, чтобы отгонять назойливых ухажеров. Нет,
это не просто случайное знакомство.

Машина девушки, припаркованная в боковом пере-
улке, оказалась приземистым чудовищем с кровожадной
тигриной мордой. Она притаилась, явно поджидая меня,
и, когда я ее увидел, кровь застыла у меня в жилах.

— Мы... мы с вами встретимся как-нибудь в другой
раз, когда вы будете без своего автомобиля, — сказал
я, отходя в сторону.

— Садитесь, — велела она, открывая дверцу и за-
нимая место за рулем. При этом она продемонстриро-
вала восхитительно стройные ножки в шелковых чул-
ках.

— Нет, не могу, — вздохнул я с сожалением, ведь
женщина с такими красивыми ногами наверняка дол-
жна быть прекрасна душой, а женщины с прекрасной
душой — это, можно сказать, моя слабость!

— Что это с вами? — спросила она раздраженно.

— Я... я просто вспомнил, что обещал жене быть
домой к ужину. У нас сегодня рубец с кислой капустой,
так что, сами понимаете, я должен спешить.

— Это что, из-за машины? Вы никак боитесь ее?!

— Я? Боюсь этой милой киски? — Вытянув руку,
я осторожно дотронулся до гладкой кожи чудовища,
когда оно перестало рычать. — С чего бы мне ее бо-
яться?

— Выходит, вам не нравлюсь я, — произнесла она,
откидываясь на сиденье.

— Помилуйте, не будь вы даже такой красавицей,
одни ваши ножки хоть кого с ума сведут!

— Тогда в чем же дело? — Она вышла из машины
и прильнула ко мне. Ее помада пахла вишней и ана-
насом, и поцелуем, который продолжался чуть меньше
вечности, она, казалось, вытянула из меня всю душу,
всю волю к сопротивлению.

— Может, ты сомневаешься, буду ли я хороша в любви? — прошептала девушка. — Думаешь, я не знаю, как доставить мужчине радость?

— Нет, дело не в этом, — ответил я, с трудом восстанавливая дыхание. — Я не сомневаюсь, что ты бесподобна во всем.

— Тогда садись в машину! И побыстрее! — приказала она.

Я подвергся воздействию волшебства, изобретенного самой матерью-природой и потому гораздо более сильного, чем заклинание любого чародея, — все мои мысли и чувства заглушил голос плоти. Повинуясь ему, я сел в машину, впервые с тех пор, как стал себя помнить, совершив столь отчаянно неосторожный поступок.

Опустившись на сиденье рядом с девушкой, я задержал дыхание. Ничего не случилось. Животное было хорошо выдрессированным, возможно, даже вполне ручным. Почувствовав себя увереннее, я попытался обнять девушку.

— Не здесь, — сказала она. — Мы сейчас кое-куда поедем.

— Хорошо, но надеюсь, не очень далеко. — От одной мысли о том, что меня повезет куда-то во тьму это рычащее чудовище, мой позвоночник напрягся, а спинной мозг, казалось, начал таять.

— Не очень, — подтвердила она, трогаясь с места и выезжая на бульвар. — Это там, в горах.

Через несколько минут мы уже мчались по автостраде, и я пригнулся на сиденьи, прячась от других чудовищ, обгонявших нас. Мне показалось, что одно из них учудяло меня и собралось напасть на машину, в которой ехали мы, и я отчетливо представил себе, как они сцепились бы в схватке за мою шкуру — встав на задние колеса, как два доисторических монстра, круша друг друга челюстями и ударяя по земле хвостами с горящими задними фарами.

Но вот мы съехали со скоростной дороги и стали подниматься в горы Санта-Моники.

— Эй, куда это мы? Здесь что, какой-нибудь укромный тупичок?

— Нет, гораздо лучше, — ответила девушка напряженно и взволнованно. — Это место, специально предназначеннное для любви.

Вскоре мы свернули на узкую ухабистую дорогу.

— Так где же это? — спросил я.

— Уже совсем близко, — ответила она ободряюще.

Я откинулся на сиденьи и попытался расслабиться. По крайней мере, других машин здесь не было, а мурлыкающему зверю, который нас вез, я уже мог немного доверять. Девушка свернула с дороги и остановила машину в небольшой рощице, раскинувшейся возле голой скалы.

— Вот мы и приехали, — сказала она.

— Но я ничего не вижу.

— Это там, выше, — она указала на небольшое каменное строение с дверью, но без окон. — Вот это и есть мой храм любви.

— Храм? — я озадаченно посмотрел на нее. — Не понимаю.

— Поймешь, — усмехнулась она. — Сейчас ты все поймешь.

— Но я даже не знаю, как тебя зовут, — говорил я, идя вслед за ней.

Она улыбнулась, в темноте блеснули ее зубы.

— Можешь, если хочешь, называть меня Арлен.

— Это твое настоящее имя?

— Нет. Поэтому я и хочу, чтобы ты меня так называл.

— А меня зовут...

— Молчи, я не должна этого знать, — сказала она, зажав мне рот надушенными пальцами.

— Не понимаю, почему?!

— Надо, чтобы мы не были знакомы. Так хочет богиня.

«Ну, держись, дружище!» — сказал я себе. Что за орешек мне попался на этот раз? Однажды я имел дело с девушкой, которая считала себя оборотнем и завлекла меня в лес, как оказалось, не для того, чтобы заняться любовью, а чтобы съесть меня. Потом я повстречал другую, считавшую себя новым воплощением Мессалины. На мне места живого не осталось после ее объятий!

Морган Лэйси бредила, что ей во владение навязывают королевство Лохлэнн, а теперь еще эта девица говорит мне о какой-то богине.

В молчании она провела меня мимо деревьев к каменному строению, вынула из сумочки ключ и вставила его в замок массивной деревянной двери, окованной железом.

— Послушай, я вспомнил, что обещал сопровождать мою бабушку на тренировку по каратэ, — сказал я. — А кроме того, мне здесь как-то не очень нравится.

Быстро обернувшись, она обвила руками мою шею.

— Тебе понравится. Обещаю, что тебе здесь очень понравится.

Я попытался отстраниться, хотя тепло ее рук на моей шее и ее тело, прижатое к моему, заставили мое сердце учащенно забиться.

— Пожалуйста, пойдем. Стыдно такому здоровенному парню бояться хрупкой девушки. Голос плоти вновь властно заговорил во мне, и побороть искушение было выше моих сил.

Я последовал за ней в темноту, дрожа от возбуждения и страха. Она вынула зажигалку, зажгла свечи, и в их колеблющемся свете я стал оглядываться кругом.

Внутри было почти так же голо, как и снаружи.

Помещение оказалось довольно просторным, в свое время оно наверняка служило складом, но сейчас в одном из его углов был устроен помост, на котором возвышалась статуя женщины с оголенной грудью. Стена позади изваяния была задрапирована тяжелыми ярко-красными портьерами, а перед помостом около дюжины складных стульев образовывали полукруг.

— Вот мы предстали перед тобой, Бранвен Благостное Лоно, — обратилась девушка к статуе, — о богиня любви и мудрости.

— О, будь я проклят! — воскликнул я, с неодобрением разглядывая великолепно изваянную и богато укрупненную фигуру. Я-то думал, что знаком со всеми культурами в Лос-Анджелесе и его окрестностях, но выходит, преувеличивал свою осведомленность. Зато смысл происшедшего со мной стал понемногу проясняться. Как я уже догадался, наша встреча не была случайной.

Девушка искала меня и нашла. Я понял это, услышав имя Бранвен. Значит, это она — девушка, которая угрожала Морган и объявляла себя настоящей королевой Лохлэнна, сказав также, что она посвящена Бранвен. Вне всякого сомнения, это она, и ее имя — Эннис. Я бы сразу об этом догадался, не будь я так околдован.

Тут взгляд мой упал на некий предмет, гораздо более удивительный, чем статуя. Высеченный из мрамора, он висел над своеобразным алтарем. Изящество и безупречность форм говорили о высоком мастерстве и умении. В том, что изображал сей предмет, не было ни малейшего сомнения, несмотря на некоторую дань стилизации. К счастью, я не умел краснеть, иначе мое лицо стало бы сейчас цвета зрелой свеклы.

Но девушка и без того заметила, в какое я пришел смятение, и весело рассмеялась.

— Ты никак шокирован творением наших мастеров? Находясь на чужбине, мы, изгнанники, храним символы, принятые у нас дома.

— А где ваш дом? — поинтересовался я.

— Очень далеко. За пределами этого мира, — ответила она серьезно.

— А зачем ЭТО там болтается?

— Ты прекрасно знаешь, что это такое. Это йони, символ женского начала жизни, символ Бранвен.

— Но боже мой, в церкви!

— А где же ему еще быть, как не в храме? Это ли не божественный ковчег, где заключены основы и тайны жизни, ее истоки и ее искушения?

— Мне кажется, что это слегка отдает богохульством.

— Глупости! Все зависит от индивидуального вкуса и воспитания. Мне, например, кажется богохульством почти все, что я вижу в этом городе!

— Представь, и мне тоже. Кстати, ты сказала: «Мы, изгнанники», так что выходит, в Лос-Анджелесе есть и другие приверженцы культа Бранвен. Я-то был уверен, что она — древнекельтская богиня.

— Она — богиня всех времен и народов, в том числе и кельтская. В Вавилоне ее называли Иштар, в Греции — Афродитой, в Риме — Венерой. Культ Великой Матери — древнейший в мире, он существует в веках,

это самая жизнеутверждающая из всех человеческих религий, ведь в ее основе — продолжение рода.

Девушка подошла к алтарю и преклонила колени перед статуей, протянув к ней руки.

— О Бранвен, посмотри на нас, на то, что мы будем делать! Бранвен, благослови любовь, которой мы сейчас займемся во славу твою! Прими мою жертву и дай мне силы для долгого пути!

Я уставился ей в затылок. Неужели она собиралась заниматься со мной любовью прямо здесь, в этом храме? Я снова взглянул на пикантный символ, висевший над алтарем. Да, похоже, именно это и было у нее на уме.

Девушка повернулась и проследила за моим взглядом.

— Тебя это по-прежнему смущает?

— Да, — признался я. — Для меня это как-то слишком прямолинейно.

— Шокирует, потому что прямолинейно? — Ее, похоже, забавляло мое смущение. — На самом деле это один из древнейших символов человечества. Подобный ему в незапамятные времена вешали над входной дверью жилищ, а потом, забыв его символическое значение, заменили его лошадиной подковой. Там, откуда я родом, истинное значение символов до сих пор не забыто.

Она стала приближаться ко мне с горящими от возбуждения глазами.

— Бранвен смотрит на нас, я это чувствую. Мы должны очень постараться ради нее.

— Ну конечно, — ответил я, понимая, что все еще нахожусь в плена чар, изобретенных самой матерью-природой, которым невозможно противиться.

— Я должна обрести силу, — сказала девушка. — Я ДОЛЖНА, и только Бранвен может помочь мне в этом.

О какой такой силе она говорит? О колдовской силе, способной убивать, как она угрожала Морган Лэйси?

— Мне понадобится много сил, чтобы открыть путь в Каэр Педриван. Те, другие, уже во Вращающемся Замке, и я должна их догнать.

Говоря это, она сорвала с себя полуупрозрачное платье и бросила его на пол.

Руки мои вспотели, пульс участился. Мне хотелось притянуть ее к себе, опрокинуть на постамент и овладеть ею со всей дикой страстью, которую она во мне возбуждала, но в ее черных глазах внезапно появился какой-то странный золотой отблеск, и я удержался. Я не верил, что таким образом она сможет обрести силу, о которой говорила. Все это я уже испробовал не один раз. Богу известно, я ничего не упустил, но мои заклинания не действовали. В этом мире безотказно работали только заклинания черных магов, именующих себя учеными и техниками.

Нет, ничего сверхъестественного из этого, конечно, не получится, но с меня достаточно и того, что сейчас произойдет между нами... Я жадно потянулся к ней.

IV

— Подожди, — остановила меня девушка. — Я кое-что вспомнила.

— Что? — нетерпеливо спросил я.

— Я говорила, что мне не нужны твои деньги, но дай мне сколько можешь для богини.

— Ведь я предупреждал тебя, что у меня нет с собой денег. — Я не мог скрыть разочарования.

— Ну хоть маленькую монетку. Любой кусочек серебра, — уговаривала Эннис.

Быстро обшарив карманы, я протянул ей найденный в одном из них десятицентовик. Тонкие пальцы девушки сжали монетку, и она притянула меня к себе.

— Теперь возьми меня, — прошептала она. — Постарайся, пожалуйста, для Бранвен Благостное Лоно.

— К черту Бранвен, — пробормотал я, целуя девушку. — Только для тебя. Бранвен пусть сама о себе позаботится.

— Не смей так говорить, — сказала она резко. — Ты богохульствуешь!

— Ничего подобного, надо ведь внести ясность: я люблю тебя, а не Бранвен!

— Ш-ш-ш! Ты не должен так говорить. Мы должны быть очень благочестивыми: Бранвен Благостное Лоно наблюдает за нами.

— Если так, то надеюсь, ей это нравится не меньше, чем мне.

Эннис начала ритмично приговаривать: «Бранвен, благослови нашу любовь. Бранвен, насладись нашей любовью и дай мне силу. Укажи мне путь между мирами. Помоги мне попасть в Каэр Педриван. Ты одна можешь мне помочь».

Я был очень занят и почти не слушал, что она говорила, сосредоточившись на том, что мы делали.

— Бранвен; он тебе нравится? — спрашивала Эннис. — Ты чувствуешь, как его мужественное тело соединяется с моим? — Глаза ее были открыты, но взгляд устремился куда-то в пустоту. На одно странное мгновение мне показалось вполне возможным, что похотливая кельтская богиня сейчас взирает на нас или даже принимает участие в нашем коитусе.

Когда наши тела разъединились, Эннис умиротворенно сообщила:

— Все вышло замечательно! Мы здорово постарались для богини! Бранвен довольна нами.

— Откуда ты знаешь? Она что, сказала это тебе на ушко?

Девушка покачала головой.

— Нет, она говорит со мной вот через это, — и прикоснулась к своему перламутрово-розовому соску.

Я поймал себя на том, что нетерпеливо ожидаю какого-нибудь продолжения. Нет, я не рассчитывал, что Бранвен Благостная появится перед нами собственной персоной и доставит Эннис в Лохлэнн, но слова и действия этой странной девушки придали нашему приключению, при всем его очаровании, оттенок какой-то незавершенности.

— Теперь давай одеваться, — сказала Эннис.

— Может, поедем ко мне? — предложил я. — Там мы вдоволь наговоримся о Бранвен и на другие религиозные темы.

— Не сейчас, — ответила она. Одевшись, девушка подошла к статуе и встала перед ней на колени. Наклонив голову, она прочитала несколько молитв на неизвестном мне языке. Потом взяла мой десятицентовик и положила его на золотое блюдо у подножия статуи.

— Прими эту монету, Лунная Госпожа, в знак того, что я выполнила мой долг перед тобой, и снизойди к моей просьбе.

Я озадаченно наблюдал за девушкой. Просила ли она о помощи для борьбы с Морган или для того, чтобы вернуться домой? Хотя, что мне за дело до этого? Волшебство в нашем механическом мире не действует, а Каэр Педриван и Лохлэнн существуют только в мифах.

Эннис повернулась ко мне.

— Теперь можно идти. Мы сделали все, зачем сюда приходили.

— Да неужели? — спросил я не без ехидства. — Ну а как же насчет волшебства? Я что-то не заметил ничего сверхъестественного.

Она улыбнулась.

— Вот как? Ну и дурак! Мы с тобой совершили древнейший и величайший магический ритуал из всех существующих!

Она была права. Я не знал ни одной магической системы, которая не рекомендовала бы ритуалы, подобные тому, который мы осуществили сейчас, но дело в том, что я не видел результатов наших усилий, никакой обратной связи. Выходит, Бранвен — такая же подделка, как и любой из здешних южно-калифорнийских божков.

— Вижу, ты сомневаешься, что мы чего-то достигли, — сказала Эннис.

— Вот именно! Ни тебе грома, ни молний, ни смещения пространства! — посетовал я.

— Не все сразу. Чтобы собрать силовые линии, нужно время. Мирь не смещаются в одно мгновение, даже для богини это непросто.

— Мирь вообще не смещаются, разве что силой гравитации, — возразил я.

— Да, но что, по-твоему, представляет собой сила гравитации? Твоя примитивная наука не ответит на этот вопрос, зато это сделает моя богиня.

— Она что-то не очень торопится, твоя богиня.

— Ты не можешь видеть скрещение силовых линий и прилив волшебных сил в моем теле, — возразила Эннис.

Я пристально посмотрел на нее. Я уже успел слегкапротрезветь, а на трезвую голову все воспринимается ужасно прозаически! Теперь, когда я смотрел на Эннис взглядом, не затуманенным алкоголем, ее красота нисколько не потускнела, но слова о Бранвен и Каэр Педриване стали звучать для моего трезвого слуха, как бред наркоманки.

— Поедем ко мне, — предложил я снова. — Я расскажу тебе о девушке по имени Морган Лэйси, а ты мне — о том, почему ты ей угрожала.

— О, эта идиотка! — презрительно процедила Эннис. — Если бы я действительно хотела ее уничтожить, я бы просто сделала согр creidh и испекла его над огнем.

Согр creidh — это было как раз по моей части. Так называлось по-кельтски традиционное оружие ведьм — глиняная человеческая фигурка. Считалось, что, если воткнуть в нее булавки или растопить над огнем, тот, кого она изображает, умрет мучительной смертью.

— На твоем месте я не стал бы этого делать. Мисс Лэйси находится под моей защитой.

Взглянув на меня, Эннис засмеялась.

— Друг мой, у тебя крепкие мускулы, и ты наверняка умеешь постоять за себя в грубых потасовках, в которых вы, американцы, так любите участвовать, но я — из Лохлэнна! Я настоящая королева Лохлэнна! Интересно, знаешь ли ты, каково магическое значение этого титула?

— Я и сам королевской крови. Мой далекий предок — король Шотландии Дюффус. Может, ты слыхала, что сделали с ведьмами, вылепившими его согр creidh?

— Шотландия принадлежит ЭТОМУ миру, — произнесла она твердо, и все же по ее тону чувствовалось, что мой удар попал в цель.

— Всех их, — продолжал я, — полдюжины злобных колдуний, сожгли на костре в Фаррессе в 968-м году.

Эннис отпариowała:

— Насколько мне известно, сожжение ведьм в этой части света в настоящее время противозаконно!

— Да, но бороться с ними можно и по-другому. Я сделал себе имя на разоблачении так называемых ведьм. Я просто ставлю их на место. Этот талант унаследован мною от пра-прапрадедушки Дюффуса.

— Может, ты и силен против самозваных ведьм, — ответила Эннис с ноткой угрозы в голосе. — Но тебе еще не приходилось иметь дело с королевой Лохлэнна.

— Пока нет, — признал я. — Но, повторяю, Морган Лэйси находится под моей защитой.

— Ей не понадобилась бы никакая защита, откажись она тогда слушать этого дурака лорда Сиона и признай, что я — законная королева.

— Она только этого и хочет, — подхватил я, надеясь, что все можно будет урегулировать, убедив Морган не претендовать на право занять воображаемый трон в воображаемой стране. — Она делает все возможное, чтобы избавиться от лорда Сиона, убедив его в своей незаинтересованности.

— Она и сейчас так думает? — спросила Эннис, и взгляд ее при этом принял отсутствующее выражение.

— Да, конечно. Она никогда не слышала о Лохлэнне, пока не появился этот лорд Сион, и готова немедленно и навсегда забыть эту историю, если ее оставят в покое. Ведь Морган Лэйси — весьма знаменитая личность здесь, у нас. Можно сказать, своего рода королева. Зачем бы ей претендовать на ваш... хм!.. трон?

— Действительно, зачем? — повторила Эннис без всякого выражения. У нее сейчас был вид человека, прислушивающегося к словам невидимого собеседника. Я замолчал, не пытаясь помешать этому разговору, по-видимому, гораздо более интересовавшему Эннис, чем наш с ней диалог.

Она кивнула, как бы соглашаясь с кем-то, и снова обратила внимание на меня.

— По-моему, ты приглашал меня к себе выпить, а?

— Да, конечно, — ответил я с энтузиазмом. — Мы с тобой выпьем и поговорим, а может, зайдемся чем-нибудь еще.

— Вот и хорошо, поехали. Сила уже начинает концентрироваться, но она найдет меня где угодно.

— Прекрасно, — отозвался я. — Лучшего места для ожидания, чем моя квартира, просто не придумаешь.

Мы вышли из храма, и я снова лицом к лицу столкнулся со своими проблемами. Машина уже засела не подалеку, поджидая нас, похожая на терпеливого хищника в джунглях, знающего, что его ужин на подходе. Я приехал сюда в восхитительном состоянии опьянения. Это, да плюс еще чары матери-природы, под воздействием которых я находился, дали мне силы не дрогнуть перед зверем. А теперь я никак не мог побороть внутреннюю дрожь, которая охватила меня от одной мысли о новом погружении в чрево этого чудовища.

Услышав, что я замедлил шаги, Эннис оглянулась.

— В чем дело? Ты что-нибудь забыл в храме?

— Да, мой чудесный теплый алкогольный дурман. Я не могу без него.

— Но ведь мы едем выпить, не так ли?

— Ох, но это так далеко отсюда! — вздохнул я. Машина наблюдала за мной. Она зловеще усмехалась, видя мой испуг.

— У тебя случайно нет чего-нибудь в храме? Какого-нибудь церковного вина, например?

— В этом храме совершается только одно таинство, и для него вино не требуется, — сухо сказала она.

— Да, совершенно не требуется, — согласился я. Мне показалось, что зверь напрягся. Его тигриные лапы как будто крепче уперлись в землю для прыжка.

Эннис бесстрашно приблизилась к машине, вынула бумажное полотенце из отделения для перчаток и стала протирать ветровое стекло. Я остановился на расстоянии примерно в десять футов, восхищаясь ее смелостью, но не решаясь подойти ближе. Протерев ветровое стекло и окна, она принялась за капот, любовно полируя его гладкую поверхность.

— Я просто без ума от этих красавцев автомобилей, — призналась она, похлопывая машину по дверце.

— Это, пожалуй, единственное, чего мне будет недоставать, когда я вернусь домой. Таких видов транспорта у нас в Лохлэнне нет.

— Это весьма прискорбно, — отозвался я, ожидая, что зверь вот-вот цапнет ее за руку, — однако я уверен, что метла и безопаснее, и экономичнее.

Вместо ответа она нахмурилась и, повернувшись, чтобы сесть в машину, раздраженно спросила:

— Так ты идешь наконец? — потому что я продолжал держаться на приличном расстоянии.

— Знаешь что, — предложил я, — давай ты поедешь медленно, а я побегу рядом, а?

— По скоростной дороге?

Представив себя несущимся на безумной скорости за ее монстром, в то время как дюжина других мчится за мной по пятам, я вынужден был признать, что навряд ли буду чувствовать себя комфортно. Нет, уж лучше иметь дело только с одним из них. Да и в конце концов, сюда он меня доставил целым и невредимым.

Я осторожно приблизился к машине, готовый пуститься наутек при любом ее движении, приоткрыл дверцу, сунул внутрь одну ногу и, убедившись, что ничего не случилось, быстро скользнул на сиденье.

Эннис окинула меня удивленным взглядом.

— Неужели ты и правда боишься этой машины?

— Да нет, я просто осторожен, — соврал я, захлопывая дверцу и закрывая глаза одновременно.

— А если не боишься, почему ты тогда закрыл глаза? — допытывалась она, выводя машину на дорогу задним ходом.

— Это табу, принятное в нашей семье с давних пор. Возвращаясь откуда-либо, я должен закрывать глаза. Мой двоюродный прапрапрапрадед, Освий Пикландский, однажды, оглянувшись, упал с лошади и сломал бедро, когда возвращался с охоты. С тех пор на всех представителях нашей семьи лежит это заклятие.

— Ты трус, — заключила она презрительно. — И вообще вы, земные мужчины, такие неженки по сравнению с воинами Лохлэнна!

— Неправда! Не говори о том, чего не знаешь! — возразил я, продолжая держать глаза закрытыми и чувствуя, что животное, выехав на дорогу, перешло на рысь. — Сходи-ка в воскресенье на любой футбольный матч, и ты убедишься, насколько наши мужчины сильны и воинственны.

— Я покину Землю задолго до воскресенья, — ответила Эннис. — И за это я благодарна Бранвен!

— Ах да, я совсем забыл. Ты же собираешься домой в Лохлэнн.

Мы выехали на скоростную дорогу, и я слышал вокруг нас завывания множества других машин. Эта свора явно жаждала крови. Вполголоса я пробормотал несколько заклинаний и вцепился в сиденье потными руками.

— Да, я отправляюсь в Лохлэнн, веришь ты этому или нет.

— Я бы охотно поверил, если бы такое место существовало.

— Оно существует, — сказала Эннис твердо. — Я там родилась, там родились и Морриган, и лорд Сион.

— Морган знать не знает о таком месте, так что твое утверждение звучит не очень убедительно, — возразил я, надеясь таким образом вытянуть из нее побольше об этом ее воображаемом мире.

Но девушка молчала, сосредоточившись, по-видимому, на управлении зверем, который нас вез. Я не настаивал, боясь ей мешать. Какую же силу духа надо иметь, чтобы заставить такое чудовище повиноваться!

Прошло минут пятнадцать, и из меня успело вытечь, наверное, не меньше двух ведер пота; пока мы наконец подъехали к моему дому и вышли из машины. Миновав гараж, мы стали подниматься по ступенькам.

— Если ты так боишься машин, зачем под твоей квартирой трехместный гараж? — поинтересовалась Эннис.

— Спроси у тех, кто строил этот дом, — ответил я. — Зато получился прекрасный винный погреб.

Я отпер дверь, пропустив девушку вперед. Она остановилась в прихожей, с удивлением оглядывая гостиную. Похоже, на нее произвели впечатление несколько висевших по стенам неплохих подлинников, которые мне удалось в свое время приобрести.

— Не слишком ли шикарно ты устроился для книготорговца и частного сыщика?

— Ты забыла об оккультизме. Именно он — основной источник моих доходов.

Эннис презрительно скривила губы и, я уверен, сплюнула бы, не будь она воспитана как леди.

— Оккультист! Скажите на милость! Да много ты понимаешь в оккультизме? Что ты вообще о нем знаешь?

— Почти все, что стоит о нем знать... от Абаддена до Злокобницы, — ответил я мягко. Теперь, когда эта автомобильная пытка прекратилась, я уже чувствовал себя прежним стариной Дюффусом.

Она растерянно заморгала.

— Никогда не слышала ни про Абаддена, ни про эту Зло... как ее там.

— Ну так послушай, если тебе интересно. Абадден известен как Разрушитель. Он — предводитель демонов седьмой ступени. Иногда его называют Ангелом-разрушителем. Злокобница — это самая злобная из славянских ведьм.

— Один-ноль в твою пользу, — признала Эннис. — Но то, что тебе известны имена некоторых подобных существ, еще не делает тебя специалистом по оккультизму. Это все теория. А как насчет практики? Колдоватъ-то ты хоть умеешь?

— Когда-то я знал замечательное заклинание, превращающее женщину в крупную кошку, но сейчас позабыл несколько строчек.

— И для такого пустяка тебе нужно заклинание? Я умела делать такое просто по желанию с пятимесячного возраста.

Вот заливает, подумал я. Эта ее способность изменять облик людей и предметов — наверняка такая же выдумка, как и Лохлэнн. Я вспомнил маленькую бойкую рыжеволосую танцовщицу, считавшую себя оборотнем. Она заманила меня в пустынный уголок пляжа над Малибу, где я едва от нее вырвался. До сих пор на моей правой ягодице остался шрам от ее зубов.

Я провел Эннис в библиотеку, чтобы напоить крепким ликером и заставить разговориться об этом ее вымышленном мире. Она равнодушно разглядывала книги, переходя от полки к полке, но при виде моего великолепного старинного меча, висевшего в слабо освещенной нише, глаза ее загорелись.

— Как называется это волшебное оружие? — спросила она.

— Это Головоруб, — ответил я с гордостью. — Я им владею с семнадцати лет. Нашел я его в развалинах древней крепости Пиктиш. Уверен, что он принадлежал моему предку королю Дюффусу и пролежал все эти столетия в ожидании моего прихода.

— Но им невозможно сражаться! В нем не меньше пяти футов длины, я уж не говорю о весе — ни один мужчина его не поднимет.

— Так ведь это двуручный меч, — объяснил я, — и носят его на плече, а не на поясе.

— Я видела много двуручных мечей, они часто встречаются у нас в Лохлэнне, но этот совсем другой, он какой-то необыкновенный.

— Это знаменитый шотландский меч-палаш, — сказал я, почтительно вынимая меч, блеснувший клинком, из его ниши. — Сейчас таких осталось не больше дюжины, и Головоруб — самый могучий и красивый из них.

Так как девушка продолжала недоверчиво покачивать головой, я поднял свое оружие за украшенную золотом и драгоценными камнями рукоятку и взмахнул им над головой.

— Невероятно, — сказала она, когда я, случайно обезглавив лампу и задев металлическую ножку книжного шкафа, опустил меч. — Ты должен обладать силой самого Лира.

Я скромно улыбнулся, поигрывая мускулами.

— Обладатель золотой олимпийской медали по метанию диска и средний полузащитник команды «Грин Бэй Пэкерс» способен и на большее, если он с семнадцатилетнего возраста регулярно тренируется с таким мечом.

— Я просто потрясена, — сказала Эннис. — Из тебя вышел бы великий воин, если бы не твоя трусость.

— Я труслив только в том, что касается зловредных механических чудовищ, порождений этого мира, в котором я, к несчастью, живу.

А окажись я на какой-нибудь замечательной планете, населенной драконами и людоедами, с которыми надо

сражаться, и имей за плечом Головоруб, я стал бы еще более великим героем, чем Финн Мак-Кул.

Она взглянула на меня, хитро прищурив глаза.

— Зачем он тебе? Навряд ли ты часто можешь пользоваться им здесь, на Голливудском бульваре.

— Вообще-то ты права, но однажды с его помощью я разогнал банду волосатых хиппи. Они швыряли в меня капсулы с серной кислотой, но меня защитили мои шлем и кольчуга.

— Так у тебя есть шлем и кольчуга? — спросила она недоверчиво.

— Конечно, есть, — ответил я, вешая Головоруб на место и открывая шкаф под нишей. Вынув оттуда блестящую кольчугу, я показал ее девушке. — Мне ее сделала по спецзаказу одна фирма, изготавлиющая космическое снаряжение. Между прочим, она из крепчайшего легированного сплава.

Эннис понимающе кивнула, я вынул и передал ей шлем. Он был открытое, так называемого беотийского типа, хорошо защищал голову и щеки, имел наносник, легко позволял делать широкий обзор. Он был из того же материала, что и кольчуга.

— Очень интересно, — сказала Эннис, — но на планете Земля все это совершенно бесполезно. Зачем тебе здесь эти вещи?

Я усмехнулся, чтобы скрыть растерянность.

— Ну как же! Когда-нибудь он может очень пригодиться. Например, в случае неожиданного нападения на бульвар банды пиктов⁶-мародеров, или если какой-нибудь грифон вздумает приземлиться на крышу китайского кинотеатра Граумана.

— И то и другое маловероятно, — хихикнула Эннис.

— Боюсь, ты права. Все дело в том, что я родился не вовремя и никак не могу свыкнуться с миром, в котором живу. Душой я принадлежу эпохе мечей и колдовства, а не нынешней ракетно-космической. Я не устаю повторять слова Эндрю Ланга⁷ о Шотландии, покидаемой римскими легионами: «Ночь преследует летящих Орлов, накинув свой покров на смятенные провинции и покинутые римлянами строения. То был век топора, век копья, век волков, век войн, век смешения

рас. То были сумерки времен». Уверен, что в таком мире я чувствовал бы себя как дома.

Девушка кивнула.

— Иными словами, ты рожден для Лохлэнна.

— Да, — согласился я, — как печально, что такого места на самом деле нет!

Окатив меня ледяным взором, она произнесла:

— Ты продолжаешь сомневаться в моих словах!

Я — принцесса королевской крови! Как ты смеешь, жалкий раб, подозревать меня во лжи?!

— С вашего позволения, мэм, я не жалкий раб. Я, если уж на то пошло, жалкий свободный американец.

— Все равно, как ты посмел не поверить моим словам?

— Вы пока ничем не доказали их правдивость, так что, уж извините, но я имею полное право сомневаться в них.

— Почему ты так считаешь?

— Ты ведь ничего толком мне не рассказала. Не объяснила, что это за Лохлэнн и где он находится, почему лорд Сион заявляет, что Морриган — королева, а ты уверяешь, что королева не она, а ты.

— Если бы я стала тебе все это объяснять, ты бы тем более мне не поверил, потому что правда лежит далеко за пределами твоего куцего воображения.

Я повернулся к бару, чтобы смешать нам по порции мартини.

— Почему не попробовать? Ты бы просто удивилась богатству моей фантазии.

— Видишь ли, возможно, узнав правду о Морриган, ты бы согласился, что она не должна появляться в Лохлэнне и всходить на трон, и ты бы... — Внезапно Эннис замолчала, и я, обернувшись, посмотрел на нее. Опять она за свое! Снова у нее такой вид, как будто она внимала словам невидимого собеседника. Но на этот раз девушка полностью отключилась от действительности. Ее глаза утратили всякое выражение, а губы беззвучно шевелились.

Подойдя к ней почти вплотную, я помахал рукой перед ее лицом. Никакой реакции!

— Эй! Я приготовил нам выпить! Прошу! — сказал я громко. Она не ответила. Ее темноволосая голова

склонилась набок, губы по-прежнему шевелились, но глаза оставались бессмысленными и пустыми.

Интересно, подумал я, часто ли на нее такое находит. Не иначе как это связано с ее помешательством на том, что она — ведьма-королева. Надо бы принести нюхательные соли... но откуда? Я ведь их дома не держу. Девушки, которые у меня здесь бывают, как правило, не из тех, что падают в обморок.

И тут меня осенило. Быстро смешав мартини в пропорции восемь к одному, я плеснул солидную порцию в стакан с кусочком лимонной кожуры и сунул его девушке под самый нос. Она тут же пришла в себя, и я вздохнул с облегчением, поскольку, согласно мнению большинства ученых, того, кто не приходит в себя от запаха мартини, смешанного в пропорции восемь к одному, можно считать безнадежно мертвым.

Ее черные глаза снова засияли, и голова приняла нормальное положение.

— Я уже думал готовиться к операции по пересадке сердца, — пошутил я.

Эннис презрительно скривила яркие губы.

— Идиот! Я принимала информацию и должна сообщить тебе важные новости.

— Так-так, послушаем.

— Твоя экс-клиентка покинула Землю.

— Моя кто?! Сделала что?!

— Морриган отправилась в Лохлэнн с лордом Сионом. — Эннис произнесла эти слова с таким отвращением, как будто жевала что-то невкусное, и запила их половиной своей порции мартини. — Они все-таки определили меня, и Морриган может попасть в Каэр Ригор через десять дней. Приближается Бельтене, а значит, и коронация, но в пути — незаконная королева!

— Говори, пожалуйста, толком! Уж не хочешь ли ты уверить меня, что у тебя в самом деле было видение относительно Морган Лэйси?

— Да! — выкрикнула Эннис. — Твоя Морган Лэйси покинула планету, она в пути уже несколько часов. Скоро, миновав Каэр Педриван, она попадет на Аннон. Я должна догнать ее!

Не поверив ни одному ее слову, я все же решил убедиться, что с Морган все в порядке. Она ведь —

моя клиентка, и я обязан защищать ее интересы. А что, если это — похищение, которое собирались приписать сверхъестественным силам? Мне следовало это выяснить.

Схватив телефонный аппарат, я набрал номер и стал дожидаться ответа, нетерпеливо барабаня пальцами по телефонному диску. Каждую секунду я ожидал услышать ее хрипловатое «Алло!», но вместо этого на звонок наконец ответил мужской голос, который на сто процентов принадлежал полицейскому. Когда я представился, мой собеседник поведал мне новости. Морган Лэйси разыскивали уже несколько часов. Она вышла из дома с двумя людьми, судя по приметам — лордом Сионом и его женой. Секретарша Морган струсила и позвонила в полицию. Не соблаговолю ли я зайти к начальнику полиции и рассказать все, что мне известно?

Я заверил его, что обязательно это сделаю, но не сегодня. Сейчас я попробую выяснить, куда именно отправилась Морган. Я не сказал, что собираюсь искать ее даже на воображаемой планете под названием Аннон, где находится мифическое государство Лохлэнн.

Закончив разговор с полицейским, я повернулся к Эннис.

— Так что все это означает, черт возьми?! Где Морган Лэйси?

— Морган Лэйси теперь уже наверняка в Каэр Педриване, Вращающемся Замке, где проходит путь между мирами, — невозмутимо ответила Эннис, допивая мартини, и снова склонила голову набок, к чему-то прислушиваясь... — Она уже там, и я тоже скоро попаду туда, мне надо только собраться с силами.

— Послушай, если ты куда-то спрятала Морган Лэйси... ты и этот тип лорд Сион... то вы, ребята, здорово влипли. Полиция Лос-Анджелеса не одобряет похищения кинозвезд у нее из-под носа. И я, представь себе, тоже!

— Не будь ты таким дураком, Дженьери! Во-первых, Морган последовала за Сионом совершенно добровольно, а во-вторых, я сделала все, что было в моих силах, чтобы этому помешать.

— Знаешь, я устал от всей этой чепухи и...

— Дюффус, здесь тебе никогда не представится возможность попробовать Головоруб в деле, — перебила она, — ты же не можешь повсюду таскать его с собой в надежде встретить и обезглавить крокодила — чтобы полиция тут же обвинила тебя в жестоком обращении с животными.

Нет, я не мог носить по Голливуду старину Головоруб, но мечтал, как однажды, послав все к черту, надену кольчугу и шлем, возьму свой меч, выйду на перекресток улиц Сансет и Вайн и буду стоять там, подобно средневековому рыцарю, вызывая всех на поединок за честь своей дамы. Я почти видел, как длинный холеный кадиллак с сидящим за рулем жирным банкиром принимает мой вызов и бросается на меня. Я видел, как поднимаю Головоруб и наношу удар. Хо! Раздается скрежет, и кадиллак замирает с рассеченными капотом, мотором и шасси на почерневшем от его крови асфальте, и тогда...

— Но я знаю место, где Головоруб всегда будет с тобой, — вкрадчиво сказала Эннис, — и где для него найдется много работы.

Мои руки невольно потянулись к мечу. Если бы все это не было выдумкой! Если бы мне удалось попасть в такое место, как Лохлэнн, где правило волшебство и где мужчина, вооруженный добрым мечом и надежными заклинаниями, мог стяжать себе славу!

— Каэр Педриван приближается, Дженьери, — сказала Эннис с уверенностью в голосе. — Я скоро исчезну отсюда. Путь мой лежит на Аннон. Хочешь со мной?

А если представить... если хоть на минуту представить, что это правда. Тогда, не поверив Эннис, я дам ей исчезнуть и одной отправиться на Аннон или куда там она собралась. А я не только упущу счастливый случай, о котором мечтал всю жизнь, но и предам интересы моей клиентки, Морган Лэйси.

— Пойми, Эннис, не могу я в это поверить! Не верю ни одному слову, но...

— Но если все это правда, ты рад был бы туда попасть, да?

— Да.

— Тогда поторопливайся! Возьми все, что может тебе там понадобиться, только быстро. В твоем распоряжении

всего несколько минут. Каэр Педриван приближается... он плывет сквозь космическое время и вот-вот встретится с Землей.

И я стал быстро собираться. В конце концов, я ничем не рисковал, а упускать такую возможность, конечно, было глупо. Может, я и правда побываю в другом мире, если только он действительно существует...

Я надел легкую, но теплую одежду и прочные ботинки, натянул через голову свою кольчугу. Взял Головоруб и укрепил его на перевязи за спиной, надел шлем и сложил в дорожный мешок несколько книг с заклинаниями да самые необходимые колдовские атрибуты. Теперь я был готов, готов ко всему на свете!

— Каэр Педриван почти рядом, — сказала Эннис. — Подойди ко мне, Дюффус Дженьери, и возьми меня за руку!

Я подошел и встал рядом с ней, ее рука крепко сжала мою, и мы стали ждать.

V

Ничего не произошло! Я чувствовал себя полнейшим идиотом, стоя в моей собственной библиотеке, в костюме, который сделал бы честь любому из громил короля Артура⁸, и держа за руку сумасшедшую девчонку, вообразившую себя королевой-ведьмой.

Да, дружище Дюффус Дженьери, сказал я себе, никогда ты не получишь приз в состязании по интеллекту, зато если устроят Олимпийский чемпионат по глупой доверчивости...

— Космические силы сфокусировались, — сказала Эннис. — Ты чувствуешь, как силовые линии пронизывают материю Вселенной?

Но я чувствовал только ее холодную ладонь в моей руке и непривычную тяжесть кольчуги.

— Ну вот, теперь уже совсем скоро... Я настроилась на силовую волну и притягиваю ее к нам. Бранвен, Бранвен, ну помоги же мне!

Я чувствовал себя ужасно неловко. Ждать было нечего — уж во всяком случае, ни о каком переселении в мир магии и приключений не могло быть и речи. Мне предстояло и дальше уворачиваться от кадиллаков и удирать от сандербердов вместо того, чтобы таскать великанов за бороды и выкручивать драконам хвосты. Мне придется провести остаток жизни в попытках сорвать девушки вроде Пегги О'Ши вместо того, чтобы проделывать восхитительные непристойности с юными ведьмами и зеленоглазыми дриадами.

— Ты чувствуешь? Чувствуешь? Чувствуешь притяжение, Дюффус? — спросила Эннис взволнованно.

— Ничего я не чувствую, — ответил я мрачно. — Я ведь так и знал, что ничего из этого не выйдет.

Меня даже замутило от разочарования. Передо мной развернулась панорама всей моей тоскливой, безотрадной жизни... постылый Голливуд... постылая Калифорния... постылая Земля... и... внезапно свет замигал и потускнел. Эннис крепче ухватилась за мою руку.

— Началось! — крикнула она. — Началось!

И тут я понял, что дрожал не свет, а пространство. Оно колебалось и тускнело вокруг нас. Теперь я чувствовал, чувствовал душой и телом, как меня тянуло... тянуло, как будто я был опутан сетью из мягких шелковых веревок.

Стены исчезли из виду, вокруг нас разлилось золотистое сияние. Мы не двигались. Мы стояли на одном месте, а действительность, пульсируя, вращалась вокруг нас. Я снова смутно различил стены библиотеки. Казалось, что мы еще заключены в них и в то же время были уже далеко, невероятно далеко, как будто комнаты отодвинулись куда-то к окраинам Лос-Анджелеса. Потом она окончательно пропала из виду, и все заполонила золотистая мгла, но вскоре исчезла и она, а мы очутились во тьме, в кромешной, непроглядной тьме.

— Дюффус! — голос Энни звучал тихо и испуганно.

— Да, что случилось?

— Ничего. Просто хотела убедиться, что ты здесь.

Поскольку мы держались за руки, в этом не было необходимости, о чём я ей и сказал.

— Конечно, — ответила девушка, — но оно могло забрать тебя и... оставить только твою руку...

— Оно?!

— Да. Здесь, между мирами, водятся всякие существа...

Нашла время сказать мне об этом! Я никогда раньше не подозревал, что бывает такая полнейшая тьма, как та, в которой мы сейчас находились. Это было не просто отсутствие света, а осязаемая, плотная темнота, наводившая ужас. И вот теперь эта девушка сообщает мне, что здесь водятся кое-какие существа!

— Головоруб! — вспомнил я и попытался высвободить свою руку, чтобы вооружиться палашем.

— Нет, нет! — закричала Эннис. — Если ты отпустишь мою руку, мы навсегда потеряем друг друга. К тому же не думаю, что твой меч может быть защитой здесь, между мирами.

Я не был так в этом уверен. Головоруб — не простой, а волшебный меч. Я не верил, что есть такое существо, чью голову не разрубил бы мой палаш. Хотя, конечно, бывают существа и без головы...

Теперь нас сковал холод. Он пробирал до костей, и никакая одежда не могла бы от него спасти. Мне показалось, что это ледяное дыхание какого-то существа, притаившегося, чтобы напасть на нас. А что, если оно и правда ждет, что мы съемся с пути между мирами, и тогда...

— Эй, в чем дело? — крикнул я, с ужасом почувствовав, что мои ноги лишились опоры. Я повис в этой жуткой тьме, и под ногами у меня была пустота.

— Мы находимся между мирами, в преддверии неизвестности. Надейся на Бранвен и на Хранителей Пути. Они нам помогут, — прошептала Эннис.

— Ну, Бранвен, выручай! Помоги нам, Благостное Лоно, старая распутница, кельтская греховодница! — сказал я вполголоса. — Вспомни, как мы тебя потешили тогда, в храме! Вытащи нас отсюда!

— Дюффус... Дюффус! — взвизгнула Эннис.

— Что случилось?

— К нам приближается... Я не могу здесь видеть на расстоянии... но я чувствую, что оно здесь...

Я тоже почувствовал, что здесь, во тьме, появилось и собирается напасть на нас что-то очень злое и невероятно сильное.

Рука Эннис задрожала в моей. Для королевы-ведьмы, которая должна обладать недюжинными колдовскими способностями, она держалась, прямо скажем, не блестяще. Хотя возможно, боязнь неизвестного, как и вообще некоторая трусоватость, свойственна любой ведьме.

— Дюффус, оно приближается! О, нет... нет... нет!

Я притянул ее к себе, она ухватилась за мою кольчугу, а я вытащил Головоруб, висевший в ножнах за моей спиной, и описал им круг над головой. До сих пор я никогда не видел, чтобы мой палаш так светился: свет, исходивший от него, рассеял тьму преддверия не-бытия, и мы оказались в освещенном круге с радиусом, равным длине клинка.

— Твой меч, — выдохнула Эннис, — он волшебный!

Но я почти пожалел о том, что стало чуть светлее, потому что теперь мы смогли разглядеть существо, подкравшееся к нам в темноте. Я увидел, как оно подалось назад от меча. Вот уж никогда бы не поверил, что такое можно увидеть не в белой горячке и не в наркотическом бреду!

Это была огромная, бесформенная масса, какой-то колоссальный сгусток чудовищной злобы и ненависти, от которого отделялись небольшие куски. Они вытягивались в щупальца, пытались дотянуться до нас.

— Спрячь от него свое сознание, спрячь сознание, — рыдала Эннис, вцепившись в меня, как испуганный ребенок, и прижимаясь лицом к моей груди.

Но как спрятать сознание? Перед ним не существовало подъемных мостов или дверей с прочными засовами.

Темное холодное чудовище отступило под натиском волшебной силы, заключенной в старине Головорубе, но лишь физически. Зато теперь оно стало действовать по-другому, послав заряд мертвящего холода прямо в мой мозг. Я почувствовал себя совсем скверно: мою голову как будто сжимали ледяные тиски и одновременно разрывала невыносимая боль. Еще мгновение, и космическое чудовище захватит все мое существо.

Дома у меня была целая библиотека книг заклинаний, годных на все случаи жизни: чтобы стать невидимым, богатым, непобедимым, чтобы справиться с любой

болезнью от чумы до обыкновенной простуды. Но теперь, когда я так в этом нуждался, ни одно проклятое заклинание не приходило мне на ум, хотя вообще-то я сомневаюсь, что когда-либо знал приемы борьбы с мысленным щупальцем, готовившимся заполонить мое тело и вытянуть из него душу.

Выходит, нам оставалось только одно — всецело положиться на Головоруб. С Эннис, по-прежнему висевшей на мне, как испуганный папуас на пальме, я рванулся вперед, целясь в монстра остирем своего меча.

Он отпрянул. Растигиваясь, пытаясь окружить и обвить нас, он уходил от моего меча. Я почувствовал, что холодное щупальце, сжимавшее мой мозг, ослабило свою хватку, но через мгновение оно сжалось еще крепче. Меня пронзила острыя боль, но...

Головоруб проткнул что-то вполне материальное. Сначала оно спружинило, но потом клинок все же вошел в него. Раздался беззвучный хриплый крик, который я не услышал, а скорее почувствовал. Он отдавался в моем мозгу мучительным эхом, и я подумал, что сейчас не выдержу и сойду с ума.

Но вот ледяной обруч соскользнул с моей головы, и чудовище засеменило прочь, завывая от боли.

— Он ушел! О, слава Бранвен, он ушел! — всхлипнула Эннис.

Я подумал, что, по правде сказать, победа над космическим хищником была заслугой одного Головоруба, и благодарить Бранвен было совершенно не за что, но вслух этого не высказал. Может быть, в таких делах и не следовало рассчитывать на помощь богини плодородия. В конце концов, ей хватало и своих забот.

Стало светлеть, и постепенно нас вновь окутало золотистое мерцание. Я понял, что мы уже у цели нашего путешествия и что я буду очень разочарован, если в результате мы окажемся в павильоне какой-нибудь киностудии и все обернется глупым розыгрышем. Хотя, успокаивал я себя, навряд ли теперь можно этого опасаться: существо, напавшее на нас во тьме, при всей своей бесформенности было вполне реальным.

— Так кто же это был? — спросил я у Эннис.

— Не знаю, — ответила она, и я понял, что она просто не хочет об этом говорить, — но случается, что проходящие между мирами исчезают бесследно.

— Наш приятель, оставшийся в преддверии небытия, вероятно, мог бы кое-что поведать о таких случаях. Мне показалось, что он хотел вытянуть из меня мозг и душу. Это какая-то мощная антижизненная сила, питающаяся чужими жизнями, но надеюсь, что после встречи с Головорубом она хотя бы на время немного поутихнет и оставит путешественников в покое.

Эннис охватила дрожь. Она, видимо, была особенно чувствительной к подобным опасностям. Ну а мне это не показалось более ужасным, чем некоторые бездушные монстры, населяющие мой собственный мир. С чем ты предпочел бы встретиться снова, старина Дюффус, спросил я себя — с безымянным космическим чудовищем и его ледяными щупальцами или с несущимся по скоростной дороге кровожадным фордом?

Теперь мы были полностью окутаны золотистой дымкой, и холод преддверия небытия постепенно отступал вместе с тьмой. Сквозь дымку начали вырисовываться контуры какого-то здания.

— Каэр Педриван! — выдохнула Эннис. — Слава Бранвен, мы добрались до него!

Вокруг нас из тумана постепенно выступали стены. Бог мой, что это было за сооружение! Мы очутились во внутреннем помещении замка, такого огромного и красивого, что собор Святого Петра показался бы в сравнении с ним деревенской церквушкой. Площадь зала со сводчатой куполообразной крышей была так велика, что здесь свободно поместилась бы дюжина футбольных полей. Я слышал, что на мысе Кеннеди есть одно здание, настолько высокое, что под его крышей собираются облака. И я бы ничуть не удивился, увидев несколько грозовых туч, плавающих под золотым куполом огромного зала Каэр Педривана.

Зал освещался лучами красно-золотого солнечного света, падавшими из больших окон, находившихся на высоте нескольких этажей. И повсюду были люди. Они сновали туда-сюда, одетые кто в обыкновенную земную одежду, кто в разноцветные туники и тоги. Похоже, все они стремились войти или выйти через небольшие

порталы, подобные тому, в котором стояли мы с Эннис. Все это ужасно напоминало огромный железнодорожный вокзал с пассажирами, торопящимися занять места в вагонах или выходящими из поезда на перрон.

И тут я увидел кассиров. Они явно не принадлежали к человеческой породе. Это были существа высокого роста, одетые в сутаны, с лицами, закрытыми капюшонами. Удлиненные пропорции их тел никак не могли быть продуктом человеческих генов. Они стояли на небольшом возвышении в центре круглого зала. Каждый из торопливых пассажиров (про себя я не мог назвать их иначе), проходя мимо этого помоста, на мгновение останавливался напротив одной из фигур в сутане. Я не видел ни денег, ни билетов, ни какого-либо физического контакта, однако не сомневался, что передо мной именно кассиры, взимающие плату за проезд.

— Эннис, оплачена ли наша дорога? — спросил я.

— Что ты сказал? — переспросила она, посмотрев на меня как-то странно.

— Я спросил, заплатила ли Бранвен за наш проезд.

Девушка покачала темноволосой головой.

— Нет. Платить придется мне. — Похоже, эта перспектива не очень ее радовала. Мы направились к помосту.

— А что эти существа требуют в качестве платы? Непохоже, чтобы они принимали чеки.

Эннис не ответила. Она шла прямо к помосту, стуча каблучками по мраморному полу помещения, которое я про себя не мог назвать иначе как вокзалом. Я шел немного поодаль, протискиваясь сквозь толпу и одновременно с любопытством разглядывая окружающих. Впереди я заметил монаха, как будто сошедшего со страниц «Робин Гуда». Одет он был в коричневую рясу и сандалии, но нес дорожный чемоданчик фирмы «Самсонит» в одной руке и теннисную ракетку — в другой. Мне представилось, что он провел выходные на Лонг-Айленде и только перед самым возвращением с Земли переоделся в свою средневековую одежду. Чуть в стороне от него шли солидный мужчина в костюме от братьев Брукс и молоденькая блондинка в мини-юбке. Оба были нагружены пачками свитков явно местного, а не земного происхождения. Слева от них неторопливо

вышагивал высокий седобородый старик в белом хитоне. Из-за пояса у него торчало что-то похожее на серп, на лысой голове красовался венок из остролиста. «Я никогда раньше не видел друидов, но готов проглотить Головоруб, если это не один из них.

Несколько кривоногих карликов, по виду похожих на троллей, пробежали мимо, потряхивая чемоданчиками, в которых что-то звенело — наверняка геологические и металлообрабатывающие инструменты. Каким бы невероятным это ни казалось, приходилось признать, что между этим миром и Землей существовали оживленные коммерческие связи. Трудно поверить, что этот факт давно не стал на Земле предметом широкой огласки, но выходит, что столь тесные контакты годами, даже столетиями удавалось держать в секрете.

Тут я вспомнил наши легенды, особенно кельтские, где говорится о спрятанных землях и других мирах, откуда к нам проникают странные и необычные существа, а также о без вести пропавших на Земле самолетах, кораблях, не прибывших к месту назначения, о людях, вышедших из дома на минутку и так никогда и не вернувшихся. Чем больше я об этом размышлял, тем больше утверждался в мнении, что Каэр Педриван больше разгадывает загадки, чем задает. И кто-то ведь, несомненно, очень неплохо зарабатывал на путешествиях туда-сюда. Однако что же они все-таки берут с «пассажиров» в качестве платы?

Вот такие мысли проносились в моей голове, пока я шел следом за Эннис к «билетной кассе». Эннис заняла очередь за высокой рыжеволосой женщиной с мертвенно-бледным лицом. При виде ее я с ужасом вспомнил все описания вампиров, известные мне из книг.

Очередь двигалась быстро, пассажиры лишь на минуту останавливались перед Хранителями Пути и шли дальше. Вот подошел перед Эннис. Я смотрел и слушал очень внимательно, но не услышал ни звука и точно видел, что денег она не платила. В следующее мгновение Эннис повернулась и пошла к выходу, а я поторопился вслед за ней.

— Так что же это было? — спросил я. Девушка была бледна и выглядела такой ослабевшей, как будто

подверглась какому-то тяжелому испытанию. — Что они сделали?

Она покачала головой:

— Ничего страшного. Все уже позади. Пошли, теперь пора уходить отсюда. Надо устроиться на ночь и найти корабль до Лохлэнна.

С множеством других путешественников мы вышли через арку на мраморную террасу, опоясывавшую все здание.

Каэр Педриван стоял на плоской горе. Мощенная булыжником дорога плавно спускалась к городу. Дальше, за городом, располагались доки и гавань, и мачты кораблей виднелись кое-где над островерхими крышами домов.

А вдали плескалось море невероятного зеленовато-голубого цвета — совсем не такого, как наши земные моря. И солнце в этом мире было другим, более красным, чем наше.

— Мы называем нашу планету Аннон, — сказала Эннис, указывая рукой вдали. — А ваш мир у нас зовется Абред.

Голос ее все еще дрожал после пережитого, и когда мы, пройдя террасу, стали спускаться на дорогу по широким ступеням лестницы, ей пришлось опереться на мою руку.

— Так что же произошло, Эннис? Чем ты заплатила за вход?

Она подняла на меня потускневшие глаза.

— Я заплатила жизненной силой. Хранители Пути берут ее у тех, кто проходит через Каэр Педриван. Они забирают ее совсем немного, но и это нелегко перенести.

— Значит, то чудовище между мирами было...

Она кивнула.

— Я обманула тебя, сказав, что не знаю. Это был Хранитель-бандит, космический разбойник. Вместо малой толики, как положено, он забирает у своих жертв всю их жизненную силу, и они гибнут.

— Но здешние Хранители Пути выглядят иначе, чем он.

— Под капюшонами — точно так же.

Мы спустились по ступенькам, и к нам тут же подбежал хозяин носилок. Он стал уговаривать Эннис нанять его «экипаж».

— За считанные минуты прямо в лучшую гостиницу города Педривана, миледи. — Он говорил на языке, похожем на смесь гэльского и среднеанглийского. — У Даба самые низкие цены и самые быстрые рабы на всем острове.

Эннис, кивнув, забралась в носилки. Я последовал за ней, и шестеро рабов засопели и напряглись, подняв мои двести тридцать фунтов, да еще фунтов сто с лишним веса Эннис.

— В «Голубой Дельфин», — приказала она, — и поживее!

Хозяин взмахнул кнутом, и шестеро дюжих бритоголовых рабов, резко рванув с места, побежали вдоль по улице. Я подумал, как бы отнеслись к такому обращению лос-анджелесские кэбмены и как здорово преуспел бы тот, кто взялся бы организовать в этой стране профсоюзы.

Через несколько минут мы миновали городские ворота и стали продвигаться по одной из окраинных улиц. Дома на ней очень напоминали европейские постройки времен средневековья, но здесь было, пожалуй, несколько больше камня и черепицы, как если бы местная культура подверглась римскому и греческому влиянию. По улице сновали разносчики и степенно вышагивали богато одетые мужчины, похожие на купцов. По направлению к докам двигались вьючные мулы, нагруженные ящиками и тюками совершенно земного вида, что подтвердило мой вывод о существовании оживленных коммерческих связей между мирами.

— «Голубой Дельфин» стоит у самых доков, — сказала Эннис. — Там останавливаются капитаны и судовладельцы. Мы сразу договоримся с одним из них о местах до Лохлэнна.

Я кивнул, не в силах оторваться от зрелица, развернувшегося перед моими глазами. Знатные леди в роскошных платьях ехали верхом на лошадях, сидя на высоких седельных подушках; мимо проходили воины в кольчугах, вооруженные алебардами; крестьяне и лорды, купцы и матросы, задевая друг друга локтями,

пробирались по узким улочкам. А запахи! Воздух этого города был напоен удивительно приятными непривычными для моего обоняния ароматами под стать всему его средневековому облику: пахло дегтем, просмоленными корабельными снастями, морем, помоями из канав, жирной пищей, приготовлявшейся на дровах и угле. Пахло также неведомыми мне духами и пряностями, названий которых я не знал. А у морских причалов красовались одномачтовые корабли с большими белыми парусами.

Святая Бранвен! Деревянные шхуны и белые паруса, и город, где воняет помоями и навозом! И никакого смога! Я засмеялся и вскинул руки:

— Бранвен, Бранвен, будь благословенно твое лоно! Я дома! Спасибо тебе за это!

Эннис посмотрела на меня с некоторым сомнением.

— Надеюсь, наш мир оправдает твои ожидания. Учти, что он порой преподносит довольно неприятные сюрпризы, и ему бесконечно далеко до твоего по части науки и цивилизации.

— У вас есть атомная бомба? — спросил я.

— Ну конечно, нет.

— А автомобили? Смог? Реактивные самолеты?

— Нет, но зато у нас есть пираты, разбойники, колдуны и оборотни. Не говоря уже о Детях Ллира и самом Ллире.

— Ха! Мне просто смешно! — воскликнул я. — Мы с Головорубом в два счета справимся с твоими пиратами, разбойниками и колдунами. Пиратам и разбойникам Головоруб снесет головы, а колдунам я отвечаю заклинанием на заклинание и, будь уверена, превзойду их в этом.

Эннис покачала головой.

— Не хвастайся раньше времени!

— Но разве ты не видишь? Это же мой мир! Я был неправ, думая, что родился не вовремя. Оказывается, я просто находился в неподходящем для меня мире. Мне следовало появиться на свет в Анноне, а не на Земле. Там я был ходячим анахронизмом. Здесь я покрою себя славой, став великим воином!

— Посмотрим, — ответила Эннис. — Не сомневаюсь, что тебе придется в самое ближайшее время обнажить

Головоруб. Чтобы попасть в Подводный край, где находятся Лохлэнн, Сокр Еи Фианчуйв, нам придется пересечь море Мрака. Оно полно опасностей: Синие пираты, морские драконы, гигантские змеи, штормы, насыляемые Мюллеартах, морской ведьмой. Вот мы и проверим, так ли уж подходит тебе этот мир, а ты — ему.

— Ха! — сказал я, играя мускулами. — Подавай их сюда! Я мечтаю об опасностях и приключениях! Я изрублю на куски всех морских драконов и пиратов. Я выгоню эту Мюллеартах из ее собственного моря!

Эннис побледнела так же резко, как после выхода из Каэр Педривана.

— Замолчи! Во имя Бранвен, не смей так говорить! Мюллеартах может услышать. Морриган посвящена ей, и богиня оберегает ее, поэтому она может наблюдать за нами и подслушивать наши разговоры.

— Эй, Мюллеартах! Если ты слышишь меня, я брошу тебе вызов! Берегись, морская ведьма: здесь Дюффус Дженьери! Дюффус Шотландский со своим палашем явился в Аннон!

— О Бранвен, что же я наделала! — воскликнула Эннис с неподдельной тревогой. — На этой планете и так хватает безумцев, так надо же мне было притащить еще одного!

Мы свернули в узкую улочку, мощенную булыжником, дома по обеим ее сторонам были двухэтажными, с крытыми навесами. Здесь сильно пахло рыбой, и я ничуть не удивился, прочитав на табличке углового дома название «Рыбачья улица».

— «Голубой Дельфин» уже недалеко. Там мы найдем капитана или хозяина шхуны, который согласится взять нас с собой до Подводного края.

— Почему его называют Подводным? — поинтересовался я.

— Потому что эта часть нашего мира и в самом деле расположена под морем. Там находятся огромные впадины, которые именуют Корнями Океана. В них и лежат земли Лохлэнна, Фианчуйва и Сокра, на которые давно заряются Дети Ллира, считая их своими владениями.

— Значит, Дети Ллира и сами живут в этих впадинах?

Эннис покачала головой.

— Нет, они живут в море. Они могут дышать в воде, как Синие пираты и рыбы.

— Так у них что, есть жабры? Как у амфибий?

— Да. В этом мире реально существует гораздо больше того, что могло бы присниться вашим мудрецам, Дюффус. — Она усмехнулась, сообразив, что слегка переинициала Шекспира*. — Гораздо, гораздо больше.

— Погоди-ка, — перебил я ее. — Мне хочется во всем разобраться. Значит, Дети Ллира грозят захватить Лохлэнн, так?

— Да. И им это удастся, если во время праздника Бельтене будет коронована незаконная королева. Как только, не приведи Бранвен, на трон взойдет Морган Лэйси, страна потеряет свою волшебную защиту и Дети Ллира ворвутся в Большие ворота, которые сдерживают натиск моря. Тогда все жители утонут и Дети Ллира будут плавать по нашим улицам, а Ллир воцарится в Лохлэнне.

— Но скажи мне, если ты — настоящая королева, почему тогда лорд Сион считает королевой Морган?

— Морриган и я — дочери одного отца, короля Аравна, но матери у нас разные. В нашей стране принято наследование по женской линии, как было, кстати, в древности у народов вашей планеты. Моя мать была королевской крови, а мать Морриган — нет. Я была при рождении посвящена Бранвен, а Морриган — Мюллеартах, морской богине. Теперь тебе ясно, кто из нас — настоящая королева?

Я не ответил, решив не делиться с Эннис своим мнением по данному вопросу. К тому же я вспомнил, что официальной причиной моего путешествия в этот мир были поиски Морган Лэйси и доставка ее назад на Землю, если она того пожелает. Я надеялся, что она не согласится на это. Про себя-то я точно знал, что не хочу возвращаться.

«Голубой Дельфин» оказался большим зданием с остроконечной крышей и просторным внутренним двором, посреди которого росли оливы. Хозяин, низко-

* И в небе и в земле скрыто больше, чем снится вашей мудрости, Горацио. (У. Шекспир. Гамлет. Акт 1, сцена 5. Пер. М. Лозинского.)

рослый толстяк в белом переднике, выскочил нам на встречу.

— Добро пожаловать, миледи! Добро пожаловать, милорд! — тараторил он. — Добро пожаловать в «Голубой Дельфин» — лучшую гостиницу города Педриана! Здесь вы найдете непревзойденные образцы земной сантехники, кухни Аннона, а обслуживание — как нигде в обоих мирах!

— Я — принцесса Лохлэнна Эннис, — гордо сообщила девушка. — А это — мой дукс беллум лорд Дюффус.

Выходит, я уже сделал в этом мире головокружительную карьеру. В древней Британии звание дукс беллум носил главнокомандующий всех вооруженных сил страны. Первым этот пост занимал неизвестный генерал, который, согласно легендам о короле Артуре, был злодейски умерщвлен. Я преисполнился гордости, которая, правда, слегка потускнела, стоило мне вспомнить, что я пока являюсь единственным воином принцессы Эннис и предводительствую сам над собой.

— Мы ищем корабль до Подводных земель, — сказала Эннис хозяину. — Нам надо попасть туда как можно быстрее.

Хозяин сочувственно покачал головой.

— Миледи, вы опоздали ровно на один день. «Роза Арвана» отплыла вчера с тремя пассажирами на борту. Она войдет в порт через две недели.

— Кто были эти пассажиры? — грозно спросила Эннис.

— Лорд и леди из Лохлэнна и с ними молодая девушка. Она все время молчала. Волосы у нее были золотые, как свет Рот Фэйла. Всех поразила ее красота.

— Морриган! — воскликнула Эннис. — Будь проклят этот Сион! Они намного опередили нас, Дюффус!

— А нет ли другого корабля? — спросил я, стараясь говорить на той смеси кельтского с английским, которую слышал вокруг.

— Нет и не будет ни одного до Лохлэнна в ближайшие несколько недель, — сказал хозяин. — Ходят слухи о войне в Подводных землях, и купцы опасаются там бывать.

— Но должен же быть хоть какой-нибудь корабль, — настаивала Эннис.

Хозяин гостиницы отрицательно помотал головой, но вдруг лицо его прояснилось.

— Вспомнил! Есть одна шхуна. Она вообще-то идет в Фианччуйв, но...

— Ничего! — отозвалась Эннис. — Оттуда мы быстро доберемся до Лохлэнна на каботажном судне. Где мне найти капитана?

— Но должен вас предупредить, миледи, «Андраста» — такая утлая посудина, что, того и гляди, пойдет ко дну. Она везет груз из губок и дров, а для пассажиров там нет совершенно никаких условий.

— Где найти капитана? — повторила Эннис. — Я поплыла бы даже на плоту. Я тороплюсь.

— «Андраста» отплывает с утренним приливом, — сказал хозяин. — Я пошлю мальчишку с запиской капитану.

— Хорошо, — согласилась Эннис. — Мы переночуем здесь, а на рассвете сядем на корабль.

— Ваши комнаты тотчас же будут готовы! — крикнул хозяин уже на ходу, торопясь по своим делам.

Я повернулся к Эннис.

— Можно спросить тебя кое о чем?

— Спрашивай о чем хочешь.

— Если ты действительно ведьма-королева Лохлэнна, почему ты зависишь от какой-то шхуны вместо того, чтобы перенести нас в твою страну с помощью волшебства?

— Дурак ты, Дженьери. Воображаешь себя специалистом по магии, а не понимаешь, что такое дело требует огромного количества энергии. Ведь даже чтобы поднять вот эту масlinу, — она указала пальцем на масlinу, лежавшую в пыли под деревом, которая при этом поднялась в воздух и поплыла к нам, — даже чтобы поднять такой маленький предмет и перенести его на такое небольшое расстояние, нужно затратить очень много энергии. Даже Мюллеартах, богиня, вздывающая морские волны и насылающая штормы, не могла бы перенести двух людей через море.

Я уставился на масlinу, лежавшую теперь на ее ладони. Я столько слышал о волшебстве, но лишь те-

перь впервые увидел воочию его реальное проявление. При всей незначительности происшедшего я воспринял его как нечто важное, потому что здесь явно не было никакого мошенничества. Я видел все своими глазами.

У меня начала формироваться теория на этот счет. Не являлось ли то, что Эннис называла колдовством, на самом деле просто ментальной энергией... энергией пси? Этим можно объяснить невыполнимость таких задач, как перенесение в Лохлэнн. Для одного человеческого мозга это действительно могло оказаться не под силу.

— Да, я понимаю, что ты имеешь в виду.

— Вот и хорошо. Давай-ка пойдем поедим чего-нибудь горячего. А то ведь с завтрашнего дня мы будем на корабле, а в этом мире, друг мой, корабли значительно уступают «Королеве Марии» по части комфорта.

VI

Эннис оказалась права: «Андраста» здорово уступала «Королеве Марии». По правде говоря, при одном взгляде на нее я готов был усомниться, можно ли ее вообще назвать кораблем. Это было плоскодонное одномачтовое судно с рубкой посреди палубы и кормовым полулютом. Ее единственный парус имел квадратную форму, и я готов был поклясться, что с таким такелажем она могла идти против ветра разве что немного быстрее надувного плота. Руля не было. Его заменяло огромное рулевое весло, закрепленное у правого борта. Я попытался представить себе, как эта посудина отчаливает от подветренного берега, и картина, надо сказать, сложилась удручающая.

Капитан был высок, худощав и имел бороду, которая сделала бы честь даже Рип Ван Винклю⁹. Команду составляли одноглазый помощник капитана и дюжина зловещего вида матросов. Часть груза помещалась прямо на палубе, что делало корабль еще более непри-

глядным. В рубке имелось всего две каюты, и помощнику капитана, к его большому неудовольствию, пришлось уступить нам свою «каюту-люкс» размером четыре на четыре фута и расположиться с матросами.

Когда «Андраста» с утренним приливом выходила из Педриванской гавани, мы с Эннис разглядывали крошечную каюту, в которой нам предстояло жить в течение ближайших двух недель.

— Я видел бельевые шкафы побольше этого, — пошутил я, в то же время пытаясь себе представить, как я протащу Головоруб через эту низкую дверь.

— Главное, мы в пути, — ответила Эннис. — Если все пойдет нормально, мы попадем в Лохлэнн всего на несколько дней позже, чем лорд Сион и Морриган, и задолго до Бельтене.

Бросив взгляд на единственную койку в каюте, я обрадовался тому, что мы с Эннис в первую же встречу установили достаточно интимный стиль отношений. Иначе нам было бы трудно избежать некоторой неловкости.

— Да, бедной койке придется тяжеловато, — усмехнулся я.

Эннис холодно посмотрела на меня.

— Я не такая уж тяжелая, так что о койке не беспокойся.

— Ты... хочешь сказать... — я обвел взглядом жесткий пол площадью в четыре фута, пытаясь представить себе, как, во имя самых святых частей тела Бранвен, я втисну сюда свои шесть футов пять дюймов.

— Уж не рассчитывал ли ты в самом деле разделить ложе с будущей королевой Лохлэнна? — спросила Эннис.

— Ну, знаешь ли, после того, что между нами было в храме, я считал вполне естественным...

Эннис расправила плечи и встала во весь свой пятифутовый рост. В Педриване она купила себе кое-какую одежду, и сейчас на ней была пестрая желто-сине-красная туника, красиво облегавшая ее стройное тело. Поверх туники она надела пурпурную мантию, по краям вышитую золотом. Ее тонкую шею охватывало массивное золотое ожерелье, на запястьях сверкали

браслеты. Выглядела она, ничего не скажешь, на все сто процентов принцессой варварского королевства.

— Выбрось эти глупости из головы, Дженьери. Тогда, в храме, состоялась религиозная церемония, в которой не было ничего личного. Понятно тебе?!

— А мне это показалось до ужаса личным, — ответил я. — И я надеялся на многократное повторение этой церемонии в течение двух недель плавания.

— Ничего подобного больше не будет, — отрезала она.

Вот так. По-моему, ведьма-королева должна бы вести себя иначе, хотя, по правде сказать, я не был знаком с достаточным количеством ведьм-королев, чтобы однозначно судить об этом.

Я протиснулся сквозь узкий люк и, сняв Головоруб с перевязи, втащил его в каюту, но конец меча не поместился и остался торчать снаружи.

— Как же мы, по-твоему, будем закрывать дверь? — спросила Эннис.

— Не знаю. Но не могу же я оставить свой меч снаружи в такой сырости. Он заржавеет, а воин со ржавым мечом выглядит смешно и нелепо, тебе не кажется?

— Может, лучше поставить его наискось? — предложила она.

— А я подумал, что ты предложишь положить мой волшебный меч между нами как гарант твоей неприкосновенности. Так, во всяком случае, делали герои старинных романов, чтобы уберечь себя от искушения.

— Так ты мнишь себя героем? — усмехнулась она. — По-моему, здесь своим поведением ты больше напоминаешь комедийный персонаж.

Может, я и заслужил этот упрек своим хвастовством о том, каким великим воином собираюсь стать, но все же не следовало оставлять эту колкость без ответа.

— Зато между мирами, когда на нас напал Ханитель-бандит, я совсем не казался тебе смешным. Почему бы это?

Девушка смущалась. При воспоминании о нежрежитом ужасе по ее лицу скользнула тень.

— Из меня тогда как будто вынули душу. Я даже не могла колдовать, так испугалась. Если бы не ты и не Головоруб, я бы погибла.

— Может быть, ты тогда не могла колдовать, потому что не верила в себя, в свои силы. Наверное, по этой же причине и мои заклинания не действовали на Земле.

— Так по-твоему, колдовские способности — это результат самовнушения?

— Во всяком случае, я всегда считал, что злые чары ведьм — это результат концентрации отрицательных эмоций или импульсов. Значит, противостоять этим чарам можно усилием воли, концентрацией положительных эмоций.

— Глупости! Магия — это дар богов. Ею могут владеть только те, кто посвящен богам.

— Посмотрим, — ответил я, с трудом втаскивая в каюту меч, так что он уперся рукояткой в пол, а острием в потолок и пересек помещение по диагонали, — может, из меня здесь получится не только великий воин, но и знаменитый колдун.

— Ах, Дженьери, тебе бы только спорить, — зевая, пробормотала Эннис. — Похоже, это у вас, землян, вообще любимое занятие.

Сняв шлем и кольчугу, я повесил их на крюк, она сложила свою новую одежду в ящик под койкой. В Педриване я тоже сделал несколько покупок, обнаружив, к своему немалому удивлению, что там к оплате принимали наши чеки. Интересно, как отреагирует на это расчетный отдел банка, когда они вернутся на Землю? Однако здесь, на острове, это, похоже, никого не беспокоило. В некоторых вопросах его жители усвоили лучшие черты обоих миров. Я купил себе изящного покроя тунику и меховой плащ. А кроме этого — двадцатичетырехдюймовый кинжал отличного качества и стеганый зипун, из тех, что надевают под кольчугу.

«Андраста», как и положено непригодной к плаванию плоскодонке, стала зарываться носом. Началась боковая и килевая качка, и Эннис, как я заметил, слегка позеленела.

— Что это с тобой? Ты съела за завтраком что-то несвежее? Мне и самому показалось, что копченая селедка была немножко с душком.

Эннис сглотнула и опустилась на койку.

— Нечего паясничать! Ты прекрасно понимаешь, в чем дело.

— Неужели морская болезнь? И это у дочери морского короля?

— Я пятнадцать лет провела в ссылке на Земле. На таких кораблях, как этот, я не плавала с детства.

— Когда-то я знал великолепное контузаклиниче-
против морской болезни, но однажды на краю пирса в
Санта-Монике одолжил его юной русалке, и она так
мне его и не вернула.

— Будь ты проклят, Дженьери! Уферн побрал бы
твою черную душу!

— Не знаю, кто такой или что такое этот Уферн,
дорогая, — ответил я, — но уверяю тебя, что лучше
не бросаться проклятиями направо и налево, потому что
они ведь могут вернуться рикошетом. Знаешь, что я
сейчас сделаю? Поднимусь на палубу подышать свежим
воздухом. Может быть, по закону симпатической магии,
это поможет и тебе.

Она снова сглотнула, борясь с тошнотой, и я подал
ей миску, взяв ее со стола посреди каюты. Это было
все, в чем она сейчас нуждалась. Поднимаясь на палубу,
я усмехнулся про себя. Надо же, оказывается, морская
болезнь способна свалить с ног даже ведьму-королеву.

Выходя из каюты, я посмотрел на мачту. Она описы-
вала странные круги в бледно-голубом небе. Один из
матросов сидел наверху в маленьком «вороньем гнезде»,
в такой позе, как будто ехал на гидровелосипеде.

Оглядевшись вокруг, я обнаружил, что остальные
члены экипажа бегают взад-вперед, крича и размахивая
руками. Капитан с помощником, стоя на полуяute, изо
всех сил пытались повернуть рулевое весло. Что-то было
не так. Корабль не только качало, но еще и крутило.

Схватившись за переборку, я стал боком пробираться
к корме. Меня обдавало солеными брызгами, несколько
раз в лицо плюснуло водой.

— В чем дело? Что случилось? — прокричал я.

Капитан и помощник не ответили. Они ругали штиль
так увлеченно и страстно, как будто участвовали в
состязании по богохульству. Говорили они на местном
наречии, и всех нюансов их высказываний я не уловил,

но и то, что мне удалось понять, звучало необыкновенно смачно.

Качнувшись, я ухватился за перила трапа и взобрался по нему на полулют.

— В чем дело, капитан? — крикнул я. — Почему вы ведете корабль кругами?

— Придется нам возвращаться в Педриван. Дальше мы плыть не можем.

— Что еще такое? Ведите корабль к Лохлэнну! Мы заплатили за проезд и должны попасть туда вовремя!

Капитан свирепо взглянул на меня и приказал убираться вниз, при этом он вошел в детали моего происхождения, в общих чертах обрисовал моральный облик моей матери и упомянул также свиноголовых богов, которым я поклоняюсь.

Меня совершенно не взволновали высказанные им соображения относительно моих предков, и я всегда считал моральные нормы моей матери ее личным делом, но я не мог позволить кому-либо отзываться без должного уважения о моих богах. В два прыжка я оказался возле капитана. Он и помощник приготовились к драке. Капитан схватился за кофель-нагель, помощник вынул нож. Но я схватил их за шеи прежде, чем они смогли пустить в ход свое оружие. Я приподнял их в воздух и только собирался стукнуть лбами друг о друга, как это толстобрюхое корыто заложило такой немыслимо крутой вираж, что мы все трое кубарем покатились к самому борту. Меня бросило на леер, капитан повис за бортом, помощник растянулся у моих ног.

Посмотрев на пенившееся под ним море, капитан издал крик ужаса и ухватился за мою руку. Я втащил его на борт и встряхнул несколько раз, как мокрую крысу, на которую он был очень похож, а затем поставил на ноги, и он пробрался через палубу к рулевому веслу. «Андраста» продолжала кружиться на месте с высоко поднятой носовой частью.

— Черт побери, да выровняйте же ее! Ведь лучше зачерпывать воду носом, чем допускать, чтобы заливало корму!

Кипя от ярости, они, однако, больше не отважились ни на какие высказывания о моих предках или религии.

— Мы не можем ее выпрямить! — закричал капитан. — На нас лежит проклятие!

— Брунгер у нас на парусе! Мы не можем следовать курсом! — проревел помощник. — Мы теперь будем так кружиться до конца света.

Я не знал, что или кто такой этот Брунгер, но, подняв голову, как и следовало ожидать, ничего на парусе не увидел. Видел я лишь мачту, описывавшую круги на фоне неба, и небо, двигавшееся в противоположную сторону. От этого зрелища содержимое моего желудка внезапно запросилось наружу.

— Ничего там нет, — крикнул я, глотнув воздух, чтобы справиться с тошнотой, — я ничего не вижу.

— Конечно, ты его не видишь, — крикнул в ответ помощник. — Брунгера могут видеть только могущественные волшебники.

Я решил, что все это они выдумали, чтобы скрыть свою профессиональную непригодность. Оттолкнув их, я сам взялся за рулевое весло. Первой моей мыслью было, что «Андраста» не так легко слушается руля, как славный маленький шлюп, на котором я когда-то плавал у берегов Калифорнии. А второй моей мыслью было, что кто-то чертовски сильный толкает корабль, заставляя его описывать круги.

— Почему же ты не выправишь курс? — ехидно спросил капитан.

— Подналяг на весло, герой! — поддержал его помощник. — Может, тебе удастся одолеть Брунгера.

— Заткнитесь со своим Брунгером, а не то, клянусь Бранвен, я вас всех... — я ударил помощника ногой, так что он кубарем прокатился до середины палубы, но тут против меня поднялся весь экипаж. Они гурьбой сбежались на корму, вооруженные ножами и веревками.

— Брунгер на корабле! — завизжал какой-то недоносок. — Это пассажиры навлекли на нас проклятие! За борт их!

— За борт! — вторил ему помощник, и они окружили меня.

В своих мечтах о геройских подвигах я много раз представлял себя в подобной переделке. Именно так мне все и виделось: я на палубе старинного парусника в окружении дюжины рычащих мятежников. Вот такое

дельце как раз по мне! Но, как это всегда бывает, разница между мечтой и реальностью оказалась весьма существенной: я всегда представлял себя в подобной ситуации не иначе как с Головорубом в руке, обагрившемся кровью моих врагов. К сожалению, сейчас он находился в каюте, с Эннис. Я был безоружен, а все эти негодяи — вооружены. Я решил взять наглостью.

— Давайте, давайте! Меня на всех хватит! Подходи по одному или по двое, как вам больше нравится! Ну, кто первый?

Но я никак не ожидал, что они поведут себя столь неспортивно и бросятся на меня все разом. Пару минут я еще продержался. Вцепившись одной рукой в рулевое весло, другой я двинул по физиономии первому бросившемуся на меня матросу. Он отлетел к лееру полутоя и свалился на шкафут. Второго я встретил двойным боковым ударом. Глаза его помутнели, он опустился на колени и несколько раз качнулся, прежде чем упасть плашмя. Остальные окружили меня. Я успел послать одного из них кубарем через всю палубу и попасть ногой по весьма уязвимой части тела капитана, но после этого полдюжины мускулистых матросов оттащили меня от рулевого весла и повисли на мне. Помощник стал молотить меня кулаками по лицу, а боцман стегал по шее просмоленным концом веревки.

— Выбросим его! — кричал помощник. — Швырнем его за борт! Отдадим проклятого иноземца морским богам ради нашего спасения!

Такое решение проблемы показалось мне слишком радикальным, и я понадеялся, что капитан, забыв о появившейся у него личной неприязни ко мне, вмешается и положит этому конец, но, к сожалению, он был не в состоянии сделать что-либо: сидя на палубе, стяная и корчась от боли, он держался за то место, куда пришелся мой пинок.

— Прекратите это! — завопил я. — Я американский гражданин! Я буду жаловаться!.. — но не в силах придумать, кому бы я мог здесь пожаловаться, я решил изменить тактику обороны. Вырываясь, толкаясь и пиняя навалившуюся на меня людскую массу, я вспомнил о Бранвен. — Бранвен! — крикнул я. — Это Дюффус!

Ты знаешь меня! Помнишь, какой праздник мы тебе устроили в храме? Бранвен, сделай что-нибудь!

Матросы наклонили меня над кормовой переборкой. Я слышал, как вода бешено шумит в кильватере.

— Кончайте с ним! — кричал помощник, и экипаж изо всех сил старался волготить его слова в дело.

Они почти преуспели в этом. Поясницей я опирался на леер, и они отрывали от палубы мои ноги, чтобы опрокинуть меня за борт.

— А ну-ка прекратите это, дурачье! — поначалу я решил, что это Бранвен откликнулась на мой зов из той похотливой Валгаллы¹⁰, где она обитает, но, как оказалось, голос принадлежал Эннис. Ее голова показалась над кормовой палубой, девушка взбиралась по трапу.

— Дюффус, идиот, что ты с ними делаешь? И что ты делаешь с кораблем? — возмущенно спросила она.

Поскольку четыре руки вцепились мне в горло, а пятая зажала рот в попытке удушить меня, я не ответил. К тому же я счел ее негодование не совсем справедливым.

Эннис и не ждала ответа. Она взобралась на палубу полуята, пиная матросов, пытавшихся меня умертвить, и грозя:

— Отпустите его! Отпустите его сейчас же, пока я не превратила вас в сардины!

Капитан к этому времени достаточно пришел в себя, чтобы пробормотать несколько бессвязных слов о Брунгер и парусах. Опешившие матросы, испугавшись угроз Эннис, отпустили меня. Корабль по-прежнему кружился на месте, черпая воду каждый раз, как поворачивался бортом к волне.

— Брунгер! Брунгер! Корабль проклят! — завыл один из матросов.

— Вот суеверные идиоты, — обратился я к Эннис охрипшим голосом. — Они думают, что на мачте сидит какое-то чудовище!

— Брунгер на парусе! — подтвердил капитан. — Его не видно, но он там.

К моему удивлению, Эннис вскинула голову и стала всматриваться вверх, как будто принимая сказанное всерьез.

— Конечно, это Брунгер, — согласилась она. — Кому же еще там быть?

— Ты такая же чокнутая, как и они, — сказал я. — Никого там нет.

— Конечно, ты его не видишь, безмозглый идиот! — крикнула Эннис. — Брунгер — колдун. Он может заставить тебя видеть то, чего нет, и не видеть очевидное. Он там, не сомневайся!

— Где? — спросил я, разглядывая мачту. Матрос, которого я прежде видел в «вороньем гнезде», спустился оттуда, чтобы помочь остальным прикончить меня. Теперь там абсолютно никого не было.

— Вон там... смотри... — Эннис вытянула руку и начертила пальцами в воздухе каббалистический знак.

Я разинул рот от изумления: она говорила правду! На нок-рее что-то смутно виднелось. Став чуть более отчетливым, видение приняло формы, слегка напоминавшие человеческие. Маленький уродец, с непомерно широкими плечами, длинными ушами, спускавшимися ему на плечи, с кривлявшейся горгульей¹¹ вместо лица, хотел, раскачиваясь взад-вперед на нок-рее.

— Это он! Это Брунгер! — крикнул капитан. — Мы прокляты! Прокляты!

Существо на мачте издало пронзительный вопль и показало нам язык.

— Кругом, кругом мы плывем! «Андраста» будет плавать всегда, но не приплывет никуда! — прочитал он. — Кругом, кругом мы плывем. Брунгер качается, «Андраста» вращается!

— Брунгер, приказываю тебе! — крикнула Эннис. — Именем Бранвен приказываю тебе: убрайся!

Брунгер залился истерическим смехом.

— Кто такая Бранвен? У нее нет власти над королевой моря!

— Ага! Так я и думала! Это дело рук Морриган. Это она наслала на нас проклятие!

— Какая чепуха! — сказал я, наблюдая, как безумно хохочущий Брунгер раскачивается на нок-рее, а корабль кружится, повинуясь этому ритму. — Морган Лэйси — обыкновенная земная девушка. Что она может знать о проклятиях, заклятиях и существе по имени Брунгер? Да и вообще, кто он такой?

— Морской дух. Тысячи моряков лежат на дне морском по его милости.

— Ну, нам такое не грозит. Эй, капитан, пошлите кого-нибудь на мачту. Пусть эту мерзость сбросят на палубу.

Все до одного матросы посмотрели на меня так, будто готовы были скорее прыгнуть за борт, чем выполнить этот приказ.

— Ах, так? — крикнул я, подходя к мачте. — Хорошо же, я и сам управлюсь.

— Подожди, Дюффус! — взмолилась Эннис. — Дай мне подумать. Через минуту я соображу, как поступить.

— Не так-то много у нас осталось минут, — возразил я, указывая на собиравшиеся тучи и бушующее море. — Видишь, надвигается шквал. Если мы не выровняем корабль, он вот-вот пойдет ко дну.

Схватившись за выбленочный трос, я стал подниматься по качающейся из стороны в сторону мачте, быстро перебирая руками и рискуя каждую минуту свалиться за борт.

Увидев это, Брунгер стал безудержно хохотать.

— Вот герой лезет на мачту, чтобы поймать Брунгера. Герой сейчас упадет с мачты и сломает шею. Брунгер будет смеяться, смеяться, смеяться!

— Мы еще посмотрим, кто сломает шею, — пригрозил я, находясь уже на полпути к нему.

Брунгер стал раскачиваться еще неистовее. Ухватившись за линь, он начал крутиться вокруг мачты, как если бы это был майский шест.

Дважды я чуть не схватил его, но оба раза ему удалось ускользнуть, перепончатые ступни мелькали в нескольких дюймах от моей протянутой руки, и морской бес испускал ликующие крики.

«Андраста» вертелась как волчок. Вода заливала палубу, и экипаж в панике пытался отвязать две маленькие шлюпки, прикрепленные к рубке, чтобы спастись в них.

— Кругом, кругом на «Андрасте» все плывем! Кружится Дюффус, кружится Эннис!

Опять он увернулся от меня, горланя свои глупые рифмовки!

Пытаясь очередной раз схватить его, я чуть не разжал руку, которой держался за трос. Поневоле взглянув вниз с головокружительной высоты, я не смог разглядеть ничего, кроме зеленой воды и белых гребней волн. В голове у меня все кружилось с такой же скоростью, как и «Андраста», не лучше обстояло дело и с желудком. Брунгер почти загипнотизировал меня своим ритмичным бормотанием.

— Наш герой сейчас разожмет руку, руку, руку... Он упадет вниз, вниз, вниз...

Такие штуки обычно действуют безотказно. Я видел результаты внушения на многочисленных тайных шабашах, которые посетил еще на Земле.

Крепче схватившись за трос, я старался не слушать Брунгера.

— Дюффус, спускайся! Я сама с ним разделаюсь! Я что-нибудь придумаю! — просила Эннис.

— Он упадет, он упадет, — причитал монстр. — Брунгер его околдует, и он упадет!

И тут морской бес начал воплощать свои слова в дело. Из появившегося откуда-то полыхающего облака на меня стремительно понеслось крылатое чудовище. Оно было огромными черными крыльями, а его острые когти нацелились, чтобы сорвать меня с мачты. Я уже чувствовал его огненное дыхание на своем лице.

Но, тряхнув головой, я отогнал наваждение. Когда знаешь, что все это только кажется, не испугаешься никакого гипнотического видения. К тому же крылатые монстры не были моей фобией.

Брунгер снова отпрянул, в его красных свиных глазах блеснуло удивление.

И тогда он выдал нечто действительно ужасное. Мне стало казаться, что я снова нахожусь на Земле, на скоростной дороге в Лос-Анджелесе. Я держался за веревку, привязанную к бамперу мчащейся машины. Вокруг было множество других машин. Оскалившись, рыча и завывая, они гнались за мной, чтобы растерзать на части. Ужас обдал меня ледяной волной.

Машина, за которой я бежал, понеслась быстрее. Я чувствовал себя как заяц, за которым гонится свора гончих. Я служил приманкой для стаи механических

чудовищ. Надо было отпустить веревку... Надо было выбраться оттуда... Надо было...

— Дюффус! Дюффус! Не поддавайся, это только видение! — голос Эннис донесся до моего слуха будто сквозь туман, когда я уже почти отпустил трос и начал отклоняться назад. Брунгер вопил от восторга. Корабль качнуло, и я, чуть не полетев в воду, окончательно пришел в себя, схватился за трос обеими руками, а ногами крепко уперся в мачту.

Да, на этот раз он почти одолел меня, каким-то образом вычленив страх из моего сознания, бес превратил его в зримый для меня образ. Это чуть не стало фатальным. Он оказался чертовски близок к победе. Мне следовало помнить, что все страхи прежнего мира здесь недействительны. Между тем они, оказывается, все еще имели надо мной власть.

Брунгер опять увернулся от меня. Но на сей раз он допустил просчет, забыв, как я высок и как далеко могу дотянуться. Вытянув руку на всю длину, я схватил его за голую ступню и рывком подтащил к себе. Он взвыл и стал лягаться, но я крепко прижал Брунгера к себе. От него воняло тухлой рыбой, он был холодный и воняющий, как само море. Я содрогнулся от омерзения, ощущив так близко от себя это вонючее, липкое, брыкающееся и выкрикивающее ругательства создание, но, продолжая прижимать его к себе, стал спускаться вниз.

Спустились мы быстрее, чем я поднимался. Мои руки горели от трения о веревку. Брунгер бешено отбивался, изрыгая проклятия. Он протянул ко мне руки с перепонками между пальцами и острыми когтями разодрал мое лицо и шею.

Я изо всех сил ударили кулаком по мерзкой рожегоргулье, но отвратительная тварь вонзила в мою руку зубы, повиснув на ней, как бешеная собака. Мы упали и покатились по палубе, а экипаж бросился врассыпную.

Я был в три или четыре раза выше морского беса и, пожалуй, во столько же раз тяжелее его, но у него были стальные мускулы, и боролся он с одержимостью сумасшедшего. Дважды он глубоко оцарапал мне шею и грудь, его босые пятки больно колотили меня по животу, мои руки были сплошь искусаны его острыми

зубами. Я прижал монстра к палубе. Он отбивался, надеясь вырваться от меня и снова взобраться на мачту.

Рискнув осмотреться, я увидел, что «Андраста» перестала вращаться. Она плавно покачивалась на волнах, но шквал неотвратимо приближался.

— Попрощайтесь с матросами! — крикнул я капитану. — Иначе мы не выдержим этого шторма!

Мгновение, на которое я выпустил Брунгера из виду, чуть не стало роковым. Его когтистые пальцы сомкнулись на моем горле, нащупывая яремную вену. Подняв над головой кулаки, я изо всех сил обрушил их на голову чудовища. Этот удар наверняка свалил бы и слона. Дыхание морского демона, отдающее тухлой рыбой, прервалось стоном, и на мгновение он обмяк.

Я вскочил на ноги. Кровоточащие царапины покрывали мои плечи, грудь и шею, кровь струилась по лицу. Но с Брунгером еще не было покончено. Он всхрипнул, как собака, и, отвратительно ругаясь, откатился прочь. Я ринулся к нему, но меня опередила Эннис.

Юная ведьма склонилась над морским бесом.

— Брунгер... Брунгер, посмотри-ка сюда, — приказала она, вытянув руку.

То, на что она велела Брунгеру смотреть,казалось маленьkim светящимся шариком. Свет колебался, попеременно вспыхивая ярче и тускнея, и, взглянув на него, Брунгер не мог уже отвести взгляд.

— Брунгер, приказываю тебе...

Брунгер потряс головой, хлопая длинными ушами. Он не мог отвернуться от волшебного света и поднял одну из перепончатых лап, чтобы заслонить глаза, но свет, видимо, проникал и сквозь нее. Взгляд демона остекленел, и он улегся на палубу, уставившись на световой шарик.

— Я приказываю тебе именем Древнего Вечного и Безначального, приказываю тебе именем Хен Ддихенида! — сказала Эннис.

Брунгер медленно поднялся на задние лапы, по-прежнему глаз не сводя с мерцающего шарика в руке Эннис.

— Уходи отсюда, Брунгер! Изыди отсюда и вернись туда, откуда ты явился. Вернись в море! Вернись в мутные глубины океана! Приказываю тебе!

Брунгер стал пятиться к левому борту корабля, исчезая на глазах. Дойдя до переборки, он превратился в расплывчатое пятно, которое прошло сквозь деревянную обшивку, отделилось от корабля и почти без всплеска погрузилось в море.

— Все, больше он не вернется. Мы спасены, — сказала Эннис, подходя ко мне.

— А почему ты раньше не воспользовалась этой штуковиной? — спросил я, посмотрев на ее руку, но ничего в ней не увидев.

— Для того чтобы накопить достаточно энергии, нужно время. Мне пришлось возвратить к силе даже более могущественной, чем Бранвен. И, пожалуй, я не смогла бы этого сделать, если бы ты не стащил его с мачты и не прижал к палубе. Ты и в самом деле молодец!

Я скромно улыбнулся и собирался уже поведать, каково мне было, когда я висел на вантах с Брунгером, впившимся в меня когтями, но, взглянув в этот момент вверх, увидел, что на нас с яростью фурий несетя шквал.

А корабль все еще продолжал подпрыгивать на каждой волне. Его единственный большой парус наполовину свесился за борт, а экипаж стоял неподвижно, оцепенев от ужаса, за исключением помощника капитана и двух матросов — они все еще пытались отвязать шлюпки, чтобы спустить их на воду.

— Надо что-то делать, — сказал я Эннис, — иначе нам конец.

В три прыжка я оказался у рулевого весла. Эннис не отставала от меня.

— Эдерин! Капитан Эдерин! — закричал я. — Задавите матросов поднять парус! Нам надо опередить шквал!

Эдерин не слышал. Он стоял на коленях, воздев руки к небу, и исступленно молился богам. Команда, отчаявшись отвязать шлюпки, решила пробраться на корму, чтобы подтащить ближе узкую лодку, которую мы вели на буксире. Для этого им надо было пройти мимо меня. Я знал, что в лодках невозможно спастись от надвигавшегося шквала, и не собирался позволить им погибнуть и заодно погубить нас.

— Назад! Назад, паршивые трусы! — крикнул я зычным голосом бывалого моряка. — Вы спасете корабль или утонете вместе с ним!

И начался мятеж. Схватив все, что попалось им под руку, от рукояти топора до кофель-нагелей и ножей, матросы кинулись на меня. Первым бежал боцман, толстопузый тип с черными зубами и носом-картошкой. Он размахивал рукояткой топора.

Я отступил и, когда он проскочил мимо меня в броске, схватил его за вытянутую руку и стал выкручивать ее, пока он не взвыл и не выронил свое оружие. Тогда я поднял его за правую руку и левую ногу, превратив таким образом его тело в отлично сбалансированный снаряд, и метнул в появившиеся над полуятом головы четверых матросов.

— Бунт! — крикнула Эннис. Запущенный мной боцман как кегельный шар смел четверых нападавших, и все пятеро покатились вниз на шкафут.

Я помчался вслед за ними, вооружившись просмоленной веревкой.

— К счастию, мерзавцы! К счастию! Поднимите парус или будете кормить рыб!

Схватив боцмана, я поднял его и пнул ногой к мачте. Поколебавшись, он стал подниматься по вантам, за ним последовали несколько матросов. Помощник капитана с ножом в руке попытался подойти ко мне сзади. Я ударили его так, что он пролетел до середины корабля и приземлился у шпангоута, стукнувшись головой о переборку.

Капитан стоял, уставясь на матросов, которых я сбросил с полуята, как кегли.

— Заставьте их работать, Эдерин! Иначе корабль не спасти! — закричал я что было сил, стараясь перекрыть шум ветра. — Заставьте их работать, или вы будете иметь дело со мной!

— Они мертвы, — ответил капитан. — Вы перебили половину моей команды.

— Ну что ж, мертвые пусть отдыхают, — разрешил я, подходя к нему и стаскивая его с полуята. Поставив капитана на ноги перед собой, я прорычал: — Остальные пусть принимаются за дело, прежде чем я сосчитаю до трех!

Эдерин забормотал что-то о проклятии, тяготеющем над кораблем.

Я протянул руку, зажал его нос между указательным и большим пальцами и повернул.

— Если они не примутся за дело прежде, чем я сосчитаю до трех, пусть лучше прыгают за борт!

Не знаю, что сильнее подействовало на капитана — моя угроза или манипуляции с его носом, но он пинками и бранью стал подгонять лежавших на палубе и заставил их работать. Не поднялся только помощник. Он раскроил череп о переборку. Остальные с воплями и бранью втащили парус и укрепили его на мачте.

Я сменил Эннис у рулевого весла. В эту минуту нас настиг шторм.

— Привяжите парус! — скомандовал я матросам. — Привяжите его немедленно, или вы мне ответите! — Они заметались, как сумасшедшие.

— Ты, я вижу, крутой парень, а, Дженьери? — сказала Эннис.

— В прошлый раз, помнится, ты обозвала меня трусым, до этого — дураком, — ответил я, пробуя силу ветра, дувшего мне в спину, и стараясь веслом поставить корабль под правильным углом к нему.

— По-моему, убеждением ты смог бы достичь большего. Неужто была необходимость проявлять такую жестокость?

— Боюсь, что была. И я собираюсь продолжать в том же духе, потому что не вижу другого способа выйти из этой передряги живыми.

Ветер наполнил парус, но мы еще не ушли от опасности. Верхушка мачты с громким треском обломилась, да и с самой мачтой, судя по ее виду, могло вот-вот случиться то же самое.

— Пошли людей на мачту, Эдерин! Надо привязать ее крепче!

— Корабль проклят, все без толку, — отозвался Эдерин.

— Может, и так, — ответил я, стараясь перекричать ветер. Я поднял нож, оброненный кем-то из команды. — Может, нам стоит принести кого-нибудь в жертву. Может быть, если я отрежу вашу голову и насажу

ее на форпик, это принесет нам удачу... Например, ваша борода, покрытая морской пеной...

Капитан повернулся и снова стал ударами загонять матросов на мачту.

— Ты — деспот, Дюффус Дженьери, — заключила Эннис.

— Если я не ошибаюсь, ты, кажется, хочешь попасть в Лохлэнн?

— Да, но...

— Так же точно обращался бы с негодным экипажем Финн Мак-Кул, да и ваши лохлэннские герои.

— Наверное, да, но мне все-таки кажется, что можно найти и другой способ.

— Ты долго пробыла на Земле, — возразил я, — и стала слишком мягкой.

— Многое на Земле меня очень устраивало. В некоторых отношениях мне там нравилось больше, чем здесь.

— А мне — нет! — сказал я, глубоко вдыхая солнечный влажный воздух. — Мне все здесь нравится! Это именно тот мир, для которого я создан!

— Как тебе удалось взять власть над этими людьми? — удивленно спросила она. — И так быстро?

— Я уже излагал тебе мою теорию о силе внушения, — ответил я. — Ударив одного из них, я просто внушил ему и себе, что он не сможет подняться. Вот такое волшебство!

VII

Выйдя на палубу следующим утром, я обнаружил, что небо совершенно ясное, если не считать небольшой группы облаков в отдалении. Яркое солнце освещало спокойное море.

Я потянулся, чтобы размять затекшие члены после ночи, проведенной на жестком полу каюты, свернувшись в тесном пространстве чуть ли не вдвое. Я с удовольствием вдыхал запах моря, приносимый легким ветерком. Повернувшись, я прошел по палубе на корму. Несколько матросов с уважением посторонились, давая мне дорогу. У двоих из них на лицах были свежие синяки и кровоподтеки, у одного был сломан нос. Вчерашие события, отразившись столь плачевно на их внешности, в то же время значительно улучшили их манеры.

Я взобрался на полуют. Капитан поднес ладонь ко лбу, боцман осклабился в знак приветствия.

— Все в порядке, капитан Эдерин? — спросил я.

— Да, сэр. Все в полном порядке, — быстро ответил он. — Море спокойное, попутный ветер. Мы делаем около трех узлов.

Три узла! Мой маленький шлюп делал двенадцать при более слабом попутном ветре. Да, жителям этого мира явно следовало преподать урок судоходства!

Из каюты, зевая и потягиваясь, вышла Эннис. Одета она была в легкую цветастую тунику. Тонкая ткань прекрасно обрисовывала восхитительно стройные формы ее тела. Взглянув на девушку, я пожалел, что она не склонилась к более либеральным взглядам на наше устройство с ночлегом. Возможно, если бы я попробовал договориться с Бранвен, она бы шепнула Эннис на ушко, и... С этой счастливой мыслью я спустился по трапу и встал у борта рядом с моей принцессой.

Она наблюдала за птицами, летавшими кругами, и за собиравшимися на востоке белыми облаками. Видимо, полет птиц имел для нее какое-то значение. Я решил, что она, наверное, может, подобно авгуру, угадывать по нему будущие события. Этим умением всегда славились друиды. Не исключено, что подобными способностями обладала и королева-ведьма.

— Похоже, стоило нам избавиться от Брунгера, и все пошло как по маслу, — сказал я.

Она кивнула.

— Да, пока еще все хорошо.

— Неужели ты предвидишь новые бедствия?

— Я удивилась бы, если бы на этом наши испытания прекратились.

— Мне кажется, ты ошибаешься насчет Морриган, — заметил я. — Лорд Сион действительно мог бы наслать на нас этого гнусного Брунгера, но Морган Лэйси не стала бы этим заниматься, даже если бы могла.

— Между прочим, это не лорд Сион посвящен Мюллеартах, морской богине, а именно Морриган!

— Ну, во всяком случае, мы с Головорубом готовы ко всему.

— Будем надеяться, — ответила она, и мы некоторое время молча стояли у борта корабля, глядя в небо.

Потом Эннис повернулась ко мне.

— Я хочу тебя спросить кое о чем, Дюффус.

— Спрашивай о чем хочешь, о могущественная королева!

— Любезничать будешь после коронации. Я хотела бы знать, что произошло вчера на мачте, когда ты пытался схватить Брунгера. Твое сознание внезапно закрылось от моего. Я наблюдала, как ты развеял видение, представлявшее большого небесного дракона, но потом появилось что-то другое, и тут твою душу охватил мрак, ты чуть не упал. Что-то тебя сильно напугало, да?

Я кивнул.

— Да... эта тварь... этот Брунгер, похоже, прочитал мои мысли. Он узнал о моей фобии и использовал для очередного видения именно ее. Сотни врачей-психиатров действуют примерно так же, но, чтобы выяснить, в чем заключаются страхи их пациентов, они используют научные методы. А Брунгер обошелся своими средствами.

— Конечно. И я так могу. Теперь ты видишь, как широко распространено колдовство в нашем мире?

— Я вижу, что вы широко пользуетесь чем-то очень похожим на колдовство. Но пока я все же придерживаюсь своей теории об энергии пси.

— А что именно Брунгер узнал о тебе? Что тебя так испугало, когда ты разжал руки и чуть не упал?

— Я, конечно, вполне доверяю вам, высокочтимая леди, — сказал я. — Но одно из основных правил магии и волшебства гласит, что никогда нельзя давать никому... повторяю, НИКОМУ психологического ключа к своему сознанию.

— Да, в нашем мире этот принцип тоже известен, — ответила Эннис, приняв мой отказ весьма снисходительно. Но при этом у нее был такой довольный вид, что я без труда догадался: она наверняка уже знала, в чем заключалась моя фобия.

— Надо бы мне вынуть Головоруб и немного размяться, — сказал я, чтобы переменить тему.

— Да, следи, пожалуйста, чтобы он был в порядке. Он нам скоро понадобится.

Я осторожно извлек свой огромный меч из тесной каюты и закинул его на плечо. Надо было найти, на

чем попрактиковаться. Несколько матросов, увидев в моих руках оружие, бросились спасаться, решив, видимо, что я подвержен приступам внезапной ярости и могу запросто поубивать их ни с того ни с сего. Взгляд мой упал на груду дров, и я поднял одну связку, давая этим понять матросам, что не собираюсь упражняться на них.

Отыскав на палубе незанятое пространство, я, слегка расставив ноги, подбросил связку в воздух. Затем, быстро сняв Головоруб с перевязи, обеими руками поднял его над головой и описал широкую дугу. Лезвие расекло падающую связку аккуратно пополам. Рассыпавшись, половинки поленьев застучали по палубе.

— Ха! Головоруб! Живем! Мы с тобой молодцы! — крикнул я радостно.

После дюжины ударов палашом вокруг меня выросла груда щепы, и почти все члены команды глазели на меня с разинутыми ртами. Я заметил, что боцман спустился с мостика и подошел к Эннис, которая все еще стояла у леера и внимательно изучала небо. Они шепотом обменялись несколькими фразами, после чего девушка подошла ко мне.

Она остановилась поодаль от круга, образованного мелькающим мечом и летающими обрубками поленьев.

— Дюффус!

— Слушаю, ваше величество! Что вам угодно? — спросил я, рассекая очередную связку.

— Капитан просил передать, что он преклоняется перед твоим мастерством, но был бы признателен, если бы ты перестал портить его груз.

Я посмотрел на гору щепы вокруг меня.

— М-м-м, похоже, я и правда немного увлекся, но ведь воин должен поддерживать свое искусство и боевой дух.

— Об этом не беспокойся, — заверила она. — Тебе вот-вот представится возможность применить свое искусство против настоящих, живых и весьма многочисленных противников.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Посмотри-ка туда, на запад, — сказала она, указывая пальцем. — Видишь там паруса? Три паруса?

Я посмотрел в указанном ею направлении, но не увидел ровным счетом ничего.

— Не вижу ни парусов, ни кораблей.

— И все-таки они там. Три быстроходные галеры с множеством воинов на борту. Готовься к бою, Дюффус Дженьери!

— Пусть подходят. Мы дадим им бой и во что бы то ни стало доберемся до Лохлэнна.

— На этих кораблях — Синие пираты Минча. — Голова Эннис склонилась набок, как мне уже было известно, для частной беседы с Бранвен или кто там еще мог быть на другом конце невидимого телефонного провода. — Ты хоть знаешь, кто они такие, Синие пираты?

— Ты говорила, что живут они под водой и у них есть жабры. А роста они какого? Надеюсь, не десяти футов?

— Нет, они совсем невысокие, не больше четырех или пяти футов.

Я ухмыльнулся и закинул Головоруб за плечо.

— Наверное, мне надо будет одолжить где-то меч поменьше. Было бы нечестно драться этим гигантским палашом с такой мелюзгой.

— Синие пираты — разбойники и каннибалы, — ответила Эннис. — Зубы у них острые как бритва, а клыки, как у саблезубых тигров. Сражаются они с мечом в каждой руке, в битве пускают в ход также зубы и когти. Король Эзал Амхарийский однажды послал против них флот из сотни галер, на которых было двадцать тысяч воинов. Ни один не вернулся, чтобы поведать о случившемся, но друиды рассказывали, что Синие пираты полгода пировали, поедая мясо воинов Амхары, и груда из их костей до сих пор возвышается у ворот Минча. Синие пираты враждуют со всеми, они подчиняются одной лишь Мюллеартах. Это она наслала их на нас. И все это она делает для Морриган.

— Ну нельзя же обвинять Морган в том, что делает эта морская ведьма, — возразил я, думая о том, доведется ли мне еще когда-нибудь увидеть прекрасную блондинку. — Мы пробьемся сквозь все, что бы она на нас ни наслала.

Эннис покачала головой:

— Ума не приложу, как нам это удастся. На каждой из этих галер по меньшей мере пятьдесят пиратов. Что ты сможешь сделать против них, имея за спиной вот этих? — Она жестом указала на экипаж «Андрасты» — горстку жалких трусов, уже начавших дрожать от страха.

Я пожал плечами. Мне казалось, что меня они боялись гораздо больше, чем Синих пиратов. Если я прикажу им сражаться, они по крайней мере попытаются это сделать.

— Нам придется вступить с ними в бой, — ответил я. — Навряд ли мы сможем уйти от пиратов на этом старом корыте.

— С помощью Бранвен сможем.

— Если Бранвен удастся выжать из «Андрасты» больше трех узлов, то значит, она лучший мореход, чем твой покорный слуга.

Эннис нахмурилась.

— Ты все-таки продолжаешь говорить о богине так, как будто она не только простая смертная, но и твоя закадычная подруга.

— А знаешь ли, после того праздника любви в храме я именно так ее и воспринимаю.

— Бранвен — богиня любви, но она заслуживает высочайшего уважения, — веско сказала Эннис. — В этом мы с ней схожи.

Получалось, что Эннис ничем не лучше любой земной девчонки, без конца пристающей к своему парню с одним и тем же вопросом: «А если я соглашусь, ты будешь меня после этого уважать?»

— Я бесконечно уважаю двух женщин — тебя и Бранвен, — ответил я серьезно. — Ведь я не из тех, кто, получив свое, делает ноги.

— Я это запомню, — сказала Эннис. Затем она снова переключила внимание на своеобразную «горячую линию», согласно кивая и впитывая те перлы мудрости, которые, по-видимому, посыпала ей Бранвен.

— Она ничего не говорила тебе обо мне? — спросил я. — Скажи ей... .

— Заткнись, дурак! — вскипела Эннис, указывая на запад. — Посмотри туда! Даже ты наверняка уже можешь их разглядеть! Галеры Синих!

Да, теперь я их видел. Три одномачтовые галеры с низкой осадкой, со скамьями для гребцов, каждая с одним большим парусом. Они стремительно неслись по морской глади. «Андрасте» никак не уйти от них, разве что у нее выросли бы крылья.

— Пойду, пожалуй, надену кольчугу, — сказал я. — Похоже, придется принять бой.

Эннис не ответила. Они с Бранвен увлеклись беседой, совсем как две домохозяйки, обсуждающие прошедший праздничный прием.

— Капитан! Капитан Эдерин! — крикнул я.

Он посмотрел на меня с мостика. Лицо его стало цвета взбитых сливок, он нервно моргал.

— Вооружите своих людей, капитан! Этих пиратов надо проучить!

Мне показалось, что капитан сейчас упадет в обморок или прыгнет за борт, но вместо этого он кивнул:

— Да, лорд Дюффус! Слушаюсь, лорд Дюффус!

Я оказался прав. Меня он боялся больше, чем Синих пиратов. Мне оставалось и дальше поддерживать его в этом состоянии. Пройдя в каюту, я надел стеганый зипун и кольчугу, на голову водрузил шлем, привесил сбоку кинжал и за спину — Головоруб. Теперь, ступив на палубу, я был готов ко всему. Но при одном взгляде на бравый экипаж «Андрасты» моей решимости поубавилось.

Они стояли, сбившись в кучу, вооруженные абордажными саблями, топорами и пиками. Когда они все вместе нападали на меня одного, вид у них был поистине волчий, но сейчас они были похожи на стадо овец, почувствовавших запах тигра. Сам Финн Мак-Кул впал бы в отчаяние, имей он за 'спиной' таких «героев».

— Ну-ну, ребята, возьмите себя в руки, — сказал я. — Это всего лишь горстка трусливых пиратов. Неужели такие крепкие парни их испугаются?

Тroe матросов стояли на коленях, молясь своим богам или богиням, четвертый громко рыдал. Я почувствовал, что тоже готов расплакаться. Как это я собирался стать

великим воином и одержать славные победы на этой планете без нескольких когорт преданных воинов, бестрашно идущих за мной?

Внезапно послышался смех Эннис. Я решил было, что она смеется надо мной и моей горсткой жалких воинов. Но она смеялась от радости: по палубе «Андрасты» вовсю гулял свежий ветер. Он взметнул черные волосы девушки, отчего она стала похожа на ведьму из «Макбета». Он поднял подол ее туники, обнажив стройные бедра, и наполнил парус корабля, как никогда прежде!

— Бранвен! Бранвен! Ты послала нам Подгоняющий ветер! Теперь галерам не уgnаться за нами!

Слава Богу, подумал я, глядя на нашу команду. Матросы сбились в кучу, как стая испуганных ребятишек, да и боцман с капитаном выглядели не более воинственно, чем все остальные.

Но совершенно невероятно вела себя «Андраста»! Если бы я не видел этого собственными глазами, то никогда бы не поверил, что старушка способна на такое, пусть даже и с божественной помощью Бранвен. Старое корыто рассекало волны не хуже атомного эсминца! За кормой ее оставалась белая пенистая полоса.

— Ну как тебе это нравится, Дженьери? — прокричала Эннис. — Теперь-то ты веришь, что я — ведьма?

— Верю. Верю, что ты — ведьма, а Бранвен — девушка с хорошо развитыми легкими.

— Теперь нам больше не страшны Синие пираты!

— Надо убрать мачту, — сказал я озабоченно, — а то этот ветхий старый парус порвется в клочья.

— И мачта будет стоять, и парус не порвется! — ответила Эннис радостно. — Нам ничто не угрожает в лоне Бранвен.

— Ух ты! Вместительное же у нее, однако, лоно!

— Я попросила бы тебя прекратить неуместные шутки!

— Почему? Бранвен же знает, что я только дурачусь.

— Почему ты думаешь, что она это знает? Кроме того, совершенно недопустимо дурачиться, когда говоришь о богине.

— Кто это тебе сказал? Если она темпераментная, добродушная и веселая цыпочка, какой я ее себе представляю, то ей как раз должны понравиться мои шутки.

— Дюффус Дженьери, ты ведешь себя совершенно невозможно! — заключила Эннис. — Надо мне было оставить тебя на Земле прятаться от автомобилей.

— Ну уж нет! — возразил я. — Лучше играть в прятки с Синими пиратами и Брунгером. — Тем временем три пиратские галеры постепенно исчезали вдали.

Матросы нервно озирались по сторонам, не в силах понять, что же случилось с их старой посудиной. Капитан склонился за борт, следя за щепками, которые боцман бросал за корму: они пытались определить скорость нашего движения.

В конце концов капитан поднял голову и с выражением крайнего недоумения и недоверия произнес:

— Пятнадцать... Она делает пятнадцать узлов...

Что ж, это и для любого парусника скорость весьма приличная, но совершенно невозможная для плоскодонного одномачтового старого корыта, каким была «Андраста». Да, у этой Бранвен и в самом деле сил не занимать!

Три галеры почти скрылись за горизонтом. Теперь нам были видны только верхушки их мачт.

— К закату мы станем для них недосягаемы, — сказала Эннис. — Мы войдем в море Мрака, а туда они не сунутся.

— А что это за море Мрака? Туманное место с плохой видимостью?

— Море Мрака полностью оправдывает свое название. Там никогда не бывает солнца, там всегда ночь.

— Но это невозможно! Ничто не может помешать солнцу светить повсюду! Планета ведь вращается, не так ли? Значит, солнце должно освещать всю ее поверхность, без исключения.

— Оно и освещает ее всю, кроме моря Мрака, — веско сказала Эннис. — Не знаю, в чем тут дело. Видимо, действует какое-нибудь заклятие. Ты уже не на Земле, друг мой. Приготовься то и дело сталкиваться здесь с необъяснимыми и странными явлениями.

— Да, придется привыкать, — согласился я, взглянув на группу облаков слева по курсу. — Смотри, Эннис! Там что-то впереди... Не может быть! Паруса... Три паруса!

— О, нет! Нет! — взвизгнула Эннис. — Еще три галеры Синих!

— Да, и они движутся нам наперерез. Они хотят поймать нас в ловушку, — сказал я, глядя на стремительно приближавшиеся корабли. — Похоже, нам все-таки не уйти от сражения.

Эннис снова попыталась возвратить к Бранвен. Я почти слышал ее мысленный крик: «Где ты, Бранвен, ну где же ты? Это я, твоя Эннис. Помоги нам, помоги!» Но ответа все не было.

— В чем дело? Неполадки со связью?

— Ах, боюсь, что Бранвен оставила нас. Видимо, послав нам Подгоняющий ветер, она отправилась по другим делам.

— Вот так всегда и бывает. Если у тебя не один, а много подопечных, то зачастую твоя помощь оказывается нужна одновременно нескольким.

— Я вижу, у тебя хватает силы духа паясничать даже в такой ситуации, но посмотрим, как ты будешь веселиться, когда Синие пираты полезут к нам на борт.

Ветер все еще продолжал нести нас вперед, и «Андраста» стремительно приближалась к галерам. Я поднялся на полуют, чтобы помочь капитану и боцману повернуть рулевое весло. Безуспешно! По-видимому, Бранвен закрепила его в таком положении, прежде чем исчезнуть, отправив нас по столь удачно выбранному пути.

— Похоже, на сей раз мы попались, — мрачно сказал я подошедшей ко мне Эннис. — Придется сделать все, что от нас зависит.

— Остался еще один шанс уйти от них, — ответила девушка. — Я могу произнести «фит-фат», чтобы попытаться спрятать нас.

Я знал, что «фит-фат» — заклинание невидимости.

— Неужели ты сможешь сделать это сама, без Бранвен?

— Но ты ведь знаешь, что я ведьма. Все лохлэнцы наделены волшебной силой.

Мы находились уже примерно в миle от галер и продолжали нестись к ним во весь опор. Минут через двадцать будет уже поздно.

— Сколько времени нужно на твое колдовство? — спросил я.

— Совсем немного, если только не будет никаких помех.

— Помех?

— Да, если не вмешается морская ведьма и если Морриган на самом деле не сильнее, чем я думаю.

— Тогда давай, Эннис! А то я уже могу разглядеть белки глаз Синих пиратов!

Эннис подняла руки и стала пристально всматриваться в морские волны. Заклинание она начала читать вполголоса, но постепенно слова ее стали звучать громче и отчетливее.

Фит-фат,
Помогите, волшебные силы,
Дайте возможность
Мне спрятать «Андрасту»
От овцы и барана,
От лисы и от волка,
От дракона и змея морского,
От колдуна и богини.
Фит-фат,
Волшебным облаком
Укройте нас от них.
Все, кто плавает по морям,
«Андрасту» не увидеть вам!

Корабль начал исчезать из виду. Я протер глаза. Поверить в это было невозможно, казалось, это сон, но я видел все наяву. Контуры «Андрасты» начали тускнеть. Сама Эннис стала как бы таять в воздухе, а матросы заголосили, видя, что их товарищи превращаются в каких-то бледных призраков. Я посмотрел вниз на собственные ступни. От них остались лишь смутные очертания.

— У тебя получается, Эннис! Получается! Мы пройдем мимо них, а они даже не заметят! — ликовал я.

— Но я чувствую сопротивление, Дюффус. Чья-то сила противостоит моей!

Голос Эннис слышался совсем близко, но ее не было видно. Не видел я и палубы: там, где она только что была, плескалось море. Это так потрясло матросов, что они истошно завопили, призывая на помощь своих богов.

— Заткнитесь, болваны! — приказал я. — Какой толк от нашей невидимости, если вы ревете тут, как стадо быков?

Фит-фат,
Помогите, волшебные силы,
Дайте возможность
Мне спрятать «Андрасту»
От овцы и барана,
От лисы и от волка,
От дракона и змея морского...

На этот раз Эннис произносила заклинание дрожавшим от напряжения голосом. Теперь «Андраста» виднелась лишь смутно, но все же полностью не исчезла из виду, как будто заклинание сработало не до конца. Пиратские галеры были теперь всего в полумиле, и я отчетливо видел их палубы, заполненные человечками, вооруженными щитами и копьями и в шлемах, напоминавших ермолки.

— Не получается, Дюффус! Заклинание не действует! Это Морриган колдует против нас!

Если моя теория была верна и колдовство хотя бы отчасти обусловлено психической энергией, то, возможно, пригодилась бы и моя помощь.

— Могу я помочь, Эннис? Может быть, если я присоединю мою мысленную энергию к твоей, то вдвоем у нас получится?

— Надо попробовать, — согласилась девушка, взяв меня за руку.

Я сосредоточил свои мысли на том, что «Андраста» должна стать невидимой, и постарался представить себе голую водную гладь на том месте, где сейчас находился корабль. Пока мы произносили заклинание, я старался смотреть сквозь твердое дерево и сквозь нашу плоть.

Фит-фат,
Помогите, волшебные силы,
Дайте возможность
Мне спрятать «Андрасту»
От овцы и барана,
От лисы и от волка,
От дракона и змея морского,
От колдуна и богини.
Фит-фат,
Волшебным облаком
Укройте нас от них.
Все, кто плавает по морям,
«Андрасту» не увидеть вам!

Смутные контуры корабля никак не исчезали, а галеры противника между тем все приближались. Я решил попробовать поразить противодействовавшую нам сущность силой мысли и, действительно, почувствовал, что заряд моей ментальной энергии повстречался с чим-то сознанием. Это ощущалось почти как физический контакт. Что-то похожее я пережил тогда, между мирами, когда разбойник-хранитель пытался поразить мой мозг, но на этот раз в моем соприкосновении с сознанием чужой личности не было агрессии и угрозы. Не было также и холода и страха. Наоборот, от этого прикосновения веяло теплом и нежностью.

— Дюффус! Дюффус Дженьери, это вы?! — прозвучал в моем сознании чей-то голос. Он был и знаком, и незнаком мне.

— Дюффус, где вы? Неужели вы здесь, на Анноне? — это была Морган Лэйси. Это должна была быть Морган Лэйси, Морриган!

Я начал было отвечать ей — начал мысленно посыпать ответ, но мне помешал громкий крик.

— Нет, нет, Дюффус! — кричала Эннис. — Не давай ей знать! Не позволяй ей обнаружить тебя и вступить в контакт!

— А что? Что в этом плохого?

— Она пыталась обхитрить тебя, завладеть твоими мыслями.

Я не поверил. Морган была удивлена и обрадована, узнав, что я здесь.

Вернувшись к действительности, я огляделся вокруг. «Андраста» уже не была расплывчатым контуром. Она стала видна совершенно отчетливо, как и положено кораблю в море. Мы находились в нескольких сотнях ярдов от вражеских галер и были видны как на ладони.

— Ничего у нас не вышло, — печально проговорила Эннис. — «Фит-фат» не получился. Морриган с морской богиней сильнее нас. Ее заклинания одолели наши.

— И ветер стихает, — вторил ей я. — Мы идем навстречу этим галерам все еще достаточно быстро, но ветер стихает.

— Да, заклинание Подгоняющего ветра разрушено, — отозвалась Эннис полным отчаяния голосом. — Ничего не поделаешь, придется нам принять бой!

VIII

— Да, — согласился я. — Придется сражаться, другого выхода у нас нет.

Я пристально рассматривал три корабля. Они были уже почти на одной линии с нами, на расстоянии примерно тридцати-сорока ярдов. Весла гребцов, дружно поднимаясь из воды, сверкали на солнце, носы галер с шумом рассекали волны.

— Мы спасемся, только если потопим один или два корабля.

— Потопим? Но как, чем? — спросила Эннис. — У них-то есть таранные устройства, хотя Синие, наверное, и не станут их применять. Они захотят взять нас свеженькими, утопленники для них — второй сорт.

— Почему? Какая им разница?

— Видишь ли, Синие пираты, хотя сами они и живут в море, предпочитают есть людей живьем, выловленные из моря тела для них не так вкусны.

— Вот как! Гурманы, ничего не скажешь! — Я проглотил комок в горле. — Тогда потопить хотя бы одну из этих галер нам просто необходимо!

— Каким образом ты собираешься это сделать? У нас ведь нет подходящего оружия — ни арбалетов, ни катапульт.

— Да, но зато у нас есть «Андраста». Она больше, мощнее этих суденышек, и у нее все еще достаточно высокая скорость. Если ударить одну из этих малюток с борта, мы легко ее переедем.

Подойдя к рулевому веслу, я убедился в том, что оно снова стало управляемым. Подвижность вернулась к нему, когда по воле Мюллеартах стал стихать Подгоняющий ветер.

— Встаньте у борта, вы должны отразить атаку нападающих! — крикнул я матросам.

Мой приказ застал их сгрудившимися у кают, куда они собирались попрятаться. Услышав мой голос, они начали беспомощно озираться.

— Встаньте у борта, кому говорят! Надо отбить атаку пиратов! — крикнул я грозно. — Выбирайте, с кем будете иметь дело: с Синими пиратами или со мной, черт бы вас побрал!

Матросы предпочли первое. Неохотно подняв брошенное оружие, они выстроились вдоль правого борта во главе с капитаном и боцманом.

— Укройтесь за переборкой, пока не подойдем к ним вплотную! — приказал я, потому что лучники на вражеских кораблях стали натягивать тетивы, и было ясно, что через минуту или две они начнут нас обстреливать.

Мы все еще продолжали двигаться со скоростью, на которую «Андраста» сама по себе не была способна. Взираясь на волны, она скрипела и стонала. Синие пираты наверняка знали, какую предельную скорость может развить корабль подобного типа, и не ожидали, что мы так быстро приблизимся к ним.

— Пригнись! — крикнул я Эннис, толкнув ее под прикрытие борта корабля. В этот момент мы проходили между первой и второй галерами. Раздался звон тетивы, и на нас обрушился град стрел. Большинство из них застряло в ткани паруса, но одна вонзилась в доску

палубы всего в каком-нибудь фуре от нас, и еще одна ранила матроса в руку.

Я налег на рулевое весло, и «Андраста» повернулась, нацелившись на галеру по правому борту от нас. Оттуда донесся звук, похожий на звон цимбал, и гребцы стали дружно табанить весла. Я выругался, поняв, что они уходят от нас. Попытайся галера повернуться, высокий нос «Андрасты» ударили бы ее в середину борта, но она уверенно уходила от опасности задним ходом. Мы ничего уже не могли поделать... Разве что... Я снова взялся за рулевое весло. «Андраста» повернулась лишь немногого, но и этого было достаточно. Мы не протаранили судно, как мне хотелось бы, но «Андраста» прошла впритирку к его левому борту, ломая весла, как спички, и сбив главное рангоутное дерево с большим парусом, рухнувшее на палубу. Так мы хоть на некоторое время обезвредили одну из галер, оставив ее, неуправляемую, дрейфовать в море.

При виде этого команда «Андрасты» разразилась радостными криками, а Эннис поцеловала меня в щеку.

— Ну ты и задал им! Одну из трех ты вывел из строя! — воскликнула она.

Но ликовать было рано. Прежде чем вступать в бой с Синими, надо было потопить хотя бы одну из галер. Взгляд мой упал на самую дальнюю от нас. Мы сейчас подходили к ней с наветренной стороны. На борту суденышка прозвучала труба, и Синие пираты встали вплотную к борту, приготовившись к атаке. Мы подошли уже достаточно близко, и я мог разглядеть, что кожа у них была и в самом деле синей — замечательного бирюзового оттенка.

И снова Синих застала врасплох высокая скорость «Андрасты» — последнее дуновение Подгоняющего ветра. Я резко развернул корабль, и внезапно его мощный нос навис над средней частью галеры. На секунду мелькнули удивленно-испуганные лица Синих пиратов, и толстый тип, которого я принял за капитана, бросился к рулевому веслу в отчаянной попытке уйти от неизбежного столкновения.

Но было поздно. «Андраста» ударила галеру как раз посередине, у рубки. Высокая носовая часть купеческого корабля крушила низкие борта пиратского судна, ломая

весла. Она прорезала узкую палубу почти до середины, и суденышко перевернулось. Я почувствовал, как «Андрасту» слегка тряхнуло, когда она, подмяв под себя галеру, проехала по ней килем. Крики гибнувших Синих матросов заглушил треск ломавшихся досок.

Экипаж «Андрасты» шумно приветствовал две половинки галеры, всплывшие за нашей кормой и тут же погрузившиеся в морскую пучину. Но радостный крик замер у них на устах, когда человек двадцать Синих — остатки экипажа потопленной галеры, — стали карабкаться к нам на борт с ловкостью обезьян.

Через секунду они уже стояли на полубаке — двадцать приземистых человокообразных существ с синими лицами и узкими черными бородками, в металлических шлемах и меховых плащах, под которыми были надеты доспехи из дубленой акульей кожи.

Мой экипаж выстроился против них. Один из Синих молниеносно поднял руку и метнул копье. Оно насквозь пронзило грудь одного из наших матросов. Остальные повернулись и побежали.

Я не стал тратить на них времени и слов. Сняв Головоруб с перевязи и держа его в одной руке, другой я ухватился за линь, оторвавшийся от мачты и болтавшийся над полуятом. Вцепившись в него что есть силы, я прыгнул вниз и, пролетев над головами удирающих матросов «Андрасты», ударил ногами в самую гущу Синих. Мне удалось опрокинуть двоих и слегка задеть третьего. Косоглазый Синий с приплюснутым носом и торчащими клыками, взвыв, как дикий зверь, замахнулся на меня коротким мечом. Все еще держась за линь, я отразил удар Головорубом.

Но тут они окружили меня. Издав воинственный клич, который сделал бы честь и моему предку королю Дюффусу, я, держа Головоруб уже обеими руками, быстро прочертил им круг над головой.

Головоруб пел... нет, скорее ревел, рассекая воздух. Вот по палубе покатилась голова пирата, с еще открытым в боевом кличе ртом. Синяя рука с зажатым в ней мечом взлетела в воздух и, перевернувшись несколько раз, упала и замерла. Еще одного Синего мой клинок поразил в живот, пробив доспехи и разрезав их вла-

дельца почти пополам. Он упал, фонтаном разбрызгивая синюю кровь.

Остальные попытались взять меня в кольцо. Один из пиратов что было сил ударили своим коротким мечом. Я почувствовал удар, но моя замечательная, созданная земной наукой кольчуга выдержала, не дав клинку оцарапать меня. Синий воин отступил с выражением крайнего удивления на лице. Он ожидал, что я упаду, истекая кровью, а вместо этого обломился конец его меча!

— Эй, вы, синюшные морские ублюдки! — крикнул я. — Выходи на мой меч! Я всех вас угощу отличной шотландской сталью!

По-моему, получился великолепный геройский боевой клич, способный устрашить кого угодно, однако Синие его не оценили. Проверив свои боевые кличи, они снова кинулись на меня. Одного из них я тут же проткнул Головорубом насквозь, и он повис, как молочный поросенок на вертеле. Но под его весом мой меч слегка наклонился вниз, и я на секунду замешкался, вынимая клинок из обмякшего тела пирата. И тут с полдюжины ударов обрушились на мои плечи и голову. Шлем и кольчуга спасли меня от гибели, но удары были так сильны, что я, качнувшись, упал. Однако, падая, я успел вытащить Головоруб из тела Синего и смог отразить удары остальных мечей.

В эту минуту экипаж «Андрасты», воспрянув духом, бросился в гущу сражения с абордажными саблями и пиками в руках. Двое тут же упали, пронзенные мечами Синих, но эта внезапная атака отбросила нападавших в носовую часть корабля. Я прикончил еще одного, а другого, приподняв, бросил в гущу его товарищей. Они попадали и стали озираться в поисках путей к отступлению.

— Эй вы, рыбьи жабры! Водоплавающие людоеды! Головоруб тоже ест людей! По несколько человек одним махом! — крикнул я, бросаясь к ним.

Но они, похоже, уже достаточно хорошо изучили аппетит Головоруба и теперь быстро пятались от его пятифутового клинка. Один из пиратов выхватил из-за пояса метательный топор и швырнул его в меня, но я вовремя поднял свой меч: ударившись о него, топор отскочил и упал в море.

— А теперь мой ход! — с этим криком я запустил в него мой длинный кинжал. Метатель топора секунду глупо разглядывал рукоятку, торчавшую из его груди, затем рухнул навзничь. Его товарищи отходили к борту, собираясь, видимо, прыгнуть в море и пуститься вплавь к потерявшей управление галере, которая дрейфовала ярдах в двухстах от нас.

— Плывите к своей лохани, вы, морские гадины! — кричал я, потрясая Головорубом. — И давайте поторапливайтесь, а не то я всех вас выпотрошу и попотчую свою команду жареной рыбкой!

Они, конечно, последовали бы моему любезному совету, не выбери Эннис именно этот момент, чтобы крикнуть с мостика:

— Дюффус! К нам подходит галера!

Я быстро оглянулся через плечо. Действительно, единственная невредимая галера стремительно приближалась к нашему кораблю с левого борта, весла были подняты, и весь синий экипаж выстроился вдоль леера, готовый идти на абордаж.

— Прикройте левый борт! — приказал я матросам «Андрасты». — Возьмите абордажные орудия и толкайте Синих вниз!

Сам я в два прыжка очутился у левого леера, схватив абордажную пику и приготовившись отбиваться от идущих на приступ Синих.

Внезапно я почувствовал себя страшно одиноко. Экипаж «Андрасты» при виде приближавшейся галеры снова сбежал с поля боя. Матросы ринулись на корму, видимо, надеясь воспользоваться буксирной шлюпкой, привязанной к пиллерсу полуята.

Синие пираты с первой галеры, ободренные внезапным подкреплением, передумали спасаться вплавь и бросились в атаку, неистово визжа и размахивая мечами. Неприятельская галера подошла вплотную, и сорок или пятьдесят синих матросов стали карабкаться на высокий борт «Андрасты». Я оказался один, без всякой помощи, между двух отрядов нападавших.

В течение нескольких ужасных секунд я лихорадочно искал в памяти какой-нибудь боевой клич или хотя бы достойное ругательство, чтобы выкрикнуть его этому сброду, но не мог ничего придумать. Мне даже вспом-

нилась добрая старая безопасная Земля, и я спросил себя, не хочу ли я теперь туда вернуться, но, представив себе лос-анджелесские скоростные дороги, решил, что лучше все же иметь дело с отрядом Синих пиратов, чем с одним ревущим фольксвагеном.

Схватившись за линь, я подтянулся и вскарабкался на леер. Ногами я зацепился и прочно держался за ванты, и обе руки у меня оказались свободны. Синие пираты карабкались по борту с ножами в зубах и мечами в ножнах.

Свесившись за борт, я ударом пики сбил четверых нападавших. Их сплющило между двумя бортами и, взвизгнув, они пошли ко дну. Но остальные продолжали взбираться вверх со стремительностью обезьян, завидевших бананы. Перепончатая лапа схватилась за мою ступню, другая потянула за пiku, и я чуть было не свалился за борт.

Выпустив из руки пiku, я чудом удержался на вантах. Тут один из пиратов рассек кинжалом мою ступню. Я ударил его Головорубом, и он, став еще более синим, опрокинулся в воду.

Но в этот момент ко мне подобрались матросы с потопленной галеры. Они были вооружены мечами и копьями, и вот уже одно копье ударило меня в грудь с такой силой, что я задохнулся, хотя кольчуга и выдержала удар. Чей-то меч, зацепившись о наносник шлема, все же оцарапал мне обе щеки. Финн Мак-Кул мог сдерживать натиск пятидесяти или шестидесяти противников одновременно, но того количества Синих, с каким сейчас пришлось иметь дело мне, было бы и для него, пожалуй, многовато.

Поэтому я несказанно обрадовался, увидев, что матросы «Андрасты» несутся в мою сторону, визжа так, будто за ними гонятся бешеные собаки.

— Молодцы! Всыпьте им, парни! — закричал я, решив, что они идут мне на помощь.

Но они пронеслись мимо, к носу корабля, и я не осудил их, ибо в тот же момент увидел, от чего они убегали. Это оказался неправдоподобно огромный белый леопард с оскаленной пастью и горящими злобой красивыми глазами.

Даже на такой сумасшедшей планете белые леопарды не могли разгуливать посреди океанской глади. Нужели он все это время находился на борту? Да нет, я бы давно уже знал об этом. Тогда откуда же он мог взяться? Не иначе как чье-то колдовство, подумал я. Вот только чье?

Во всяком случае, этот зверь появился как нельзя более вовремя. Через минуту-другую меня или сбросили бы за борт, или нарезали кусочками, как селедку на консервном заводе. Леопард, оставив в покое наш экипаж, набросился на Синих. Подмяв под себя одного из них, зверь могучей лапой раздирал другого в клочья. Остальные бегали вокруг, ища возможность пустить в ход свои мечи, но это им не удавалось: белый леопард разил их со скоростью лазерного луча, его клыки и когти убивали пиратов наповал, не оставляя надежды на спасение.

Леопард гораздо успешнее истреблял Синих на палубе, чем я отражал атаки карабкающихся на борт. Все новым и новым пиратам удавалось взобраться к нам на корабль. Двое из них кинулись ко мне по лееру. Пестрив держаться за ванты, я бросился им навстречу. Одного я рассек Головорубом почти напополам. Ни щит, ни кольчуга не спасли его от моего палаша. Другого мощным ударом кулака я отправил за борт, но чуть было сам не последовал за ним, уклоняясь от брошенного в меня копья и ловя его на лету.

С копьем и мечом в руках я побежал по лееру, не отваживаясь посмотреть на корму, где Синие наиболее активно карабкались на борт «Андрасты». Вместо этого я внимательно посмотрел вниз на пиратское судно. Как и у всех кораблей подобного типа, палуба у него была только в носовой и кормовой частях. В средней части у бортов находились скамьи для гребцов, и между ними — лишь тонкая обшивка корпуса. Мне в голову пришла неплохая идея...

Закрепив Головоруб на перевязи за спиной, я взял тяжелое копье обеими руками. Снова крепко обхватив ногами ванты, я свесился как можно дальше за борт, поднял копье над головой и изо всех сил метнул его. Копье пробило днище вражеской галеры, и в отверстие стала поступать вода.

Тут в меня попали три стрелы. Одна отскочила от кольчуги, вторая — от шлема, третья содрала кожу с предплечья. Рука стала красной от крови. В ту же минуту на меня напали пятеро или шестеро пиратов. Держась одной рукой за борт, они ловко орудовали мечами, зажатыми в другой.

Некоторое преимущество моего положения заключалось в том, что обе мои руки были свободны, хотя одна из них и сильно кровоточила. Головоруб был гораздо длиннее, чем их оружие. Но их было шестеро, а я один. Согласитесь, довольно значительный численный перевес. К тому же они теперь всадили в борт «Андрасты» мечи и кинжалы, и сбить их за борт стало труднее, чем прежних. Мне однако удалось быстро прикончить двоих: один получил удар мечом по горлу, другому я отсек руку, и он, сперва ударившись о борт галеры, пошел ко дну.

Но остальные держались, а вскоре к ним на подмогу пришли еще пятеро с галеры. Мечи их свистели вокруг меня. Они кололи, рубили, разили. Мое тело под доспехами ныло от ударов, руки и ноги, не защищенные кольчугой, сильно кровоточили, голова начала кружиться, и я чувствовал, что недолго еще смогу удерживаться на моем ненадежном настесте.

Сбросив за борт еще несколько пиратов, я понял, что пора оставлять мою позицию, и спрыгнул на палубу, иначе мне пришлось бы тоже отправиться за борт. Противник усилил атаку. Цепляясь за ванты, морские пираты взбирались на леер. Тем временем белый леопард прикончил уже половину Синих, находившихся на палубе, сам оставаясь невредимым.

Я медленно отступал к рубке, за которой пряталась команда «Андрасты». Если бы мне удалось заставить этих трусов вступить в бой, у нас появился бы хоть какой-то шанс. Без них не было и его.

— Выходите, трусливые идиоты! Вы что, хотите, чтобы вас сожрали эти рыбы ублюдки? — крикнул я матросам. Но они не шевельнулись, настолько парализованные страхом, что даже перспектива стать каннибальской пищей не могла заставить их защитить себя.

Я встал спиной к рубке. Отступать было некуда, а отбиваться приходилось с дюжиной мечей. Все тело

болело, и я был едва в состоянии поднять над головой свой меч. На доски палубы, где я стоял, натекла лужица крови, кровавый след тянулся от борта по всему пути моего отступления.

Синие почуяли поражение противника. Испустив победный клич, они начали смыкаться вокруг меня. Я ужаснулся, представив себе, что будет, если я дамся им в руки живым, и решил, что лучше брошусь на их мечи. Но это на самый крайний случай, а пока я из последних сил продолжал отбиваться.

За ударом, обрушившимся мне на голову, последовал другой — по плечу. Я рухнул на колени, подняв над собой Головоруб. Все пираты разом набросились на меня, нанося удар за ударом по моему усталому и израненному телу.

И тут вдруг откуда-то раздался высокий, резкий звук трубы. Руки Синих, занесенные для ударов, замерли в воздухе. Выражение их лиц сменилось с яростного на озабоченное. Некоторые повернулись, глядя на свой палубник. Звук трубы повторился, и они кинулись бежать. Лишив себя удовольствия прикончить меня, они со всех ног помчались к своему кораблю. Вскарабкавшись на леер и балансируя на нем, они глядели вниз. Я, поднявшись на ноги, побежал за ними и увидел, что галера быстро наполнялась водой. Оставшиеся на борту Синие не успевали вычерпывать ее. Копье, брошенное мною, помогло нам больше, чем я ожидал.

Перерезав веревки абордажных крюков, экипаж галеры отчалил от нашего борта на своей поврежденной посудине. Синие, стоявшие на нашем леере, попрыгали вниз. Некоторые попали на галеру, а те, что промахнулись, пустились следом за ней вплавь.

Я оглядел палубу нашего судна. Синих на ней не осталось, за исключением убитых и раненых. Положив на палубу Головоруб, я бессильно опустился рядом. Мой палаш был весь в синей крови, но я выглядел намного живописнее, залитый с ног до головы кровью двух цветов — синей и красной. Крадучись, наш доблестный экипаж вылез из укрытия и стал сбрасывать за борт убитых пиратов. Предварительно они сдирали с трупов все представлявшее хоть мало-мальскую ценность. За

убитыми последовали раненые, а я был слишком слаб, чтобы вмешаться и запретить им это.

Потом матросы приблизились ко мне. Я не знал, что у них на уме, но не смог бы сопротивляться, даже если бы они решили швырнуть меня в море вслед за Синими. Но матросы, остановившись на некотором расстоянии, просто разглядывали меня, преисполненные суеверного ужаса.

Я огляделся, ища глазами Эннис, но в этот момент ко мне, мягко ступая и облизываясь, подошел белый леопард, вымазанный синей кровью, и стал теряться о мое плечо. Матросы в панике разбежались.

— Кис-кис, — пробормотал я.

Леопард исчез. На его месте, уперев руки в бока, стояла Эннис. Тут я вспомнил, как она говорила мне, что может менять облик и превращаться в любого зверя.

— Ну и по-дурацки же ты себя вел, Дюффус Дженьери! — сказала она насмешливо. — Скакал тут и ревзился, как персонаж из «Кольца Нibelунга»¹². Тебя ведь могли убить, понимаешь?

— И правда, как это я не догадался, что меня могут убить? — ответил я и потерял сознание.

Позднее, прия в себя, я обнаружил, что раны мои перевязаны. Эннис смазала их каким-то скверно пахнувшим снадобьем, которое, по ее уверениям, обладало чудодейственным лечебным эффектом. Укрытый одеялом, я лежал на досках каюты рядом с Головорубом. Доски казались мне жестче обычного, и впервые за все время моего пребывания в этом мире я чувствовал озноб.

— Мы подходим к морю Мрака, — сказала сидевшая на койке Эннис. — Приготовься к тому, что будет очень холодно и очень темно.

— И все-таки я не могу понять, как это один из участков поверхности планеты не освещается солнцем.

— Да, это так. И ничего тут не поделаешь, — равнодушно отозвалась Эннис. Видимо, на Анноне никому не приходило в голову интересоваться тайнами природы. Все необъяснимое и непонятное относили на счет волшебства, и всех это устраивало. Возможно, именно поэтому здесь не существовало науки как таковой, подумал я. Может быть, потому цивилизация Аннона так отстала от земной?

Но в самом ли деле это отсталость, вот в чем вопрос. Здесь не было ни атомных бомб, ни ревущих реактивных самолетов, ни чудовищных автомобилей. Конечно, пенициллина и других наших эффективных лекарств здесь тоже не знали. Зато умели делать эту черную мазь, от которой так быстро унялась боль моих ран.

— Дюффус, — позвала Эннис в тот момент, когда я с трудом менял положение своего измученного тела, укладываясь между столом и койкой.

— Слушаю, принцесса.

— Мне холодно.

— Сочувствую вам, ваше величество.

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду!

— А что же вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что чем ближе мы подходим к морю Мрака, тем становится холоднее. Ты не замерз на полу?

— У нас, настоящих мореходов, это зовется палубой.

— Черт возьми, ответишь ты мне или нет? Тебе холодно?

— Я начинаю привыкать и к этому. И не хотел бы бросать закаливание на данном этапе, чтобы потом начинать все сначала.

— Чтоб тебе пусто было, Дженьери! Почему ты не делаешь то, чего я хочу?

— О Слава Лохлэнна, я ведать не ведаю, чего вы хотите.

— Нет, знаешь! Ты знаешь, что я пообещала Бранвен, и знаешь, что обещания надо выполнять!

— Полагаю, что я и Бранвен квиты. Я для нее так старался тогда в храме, а она нас сегодня подвела.

— Дженьери, если ты немедленно не заберешься на эту койку, я нашлю на тебя мышей, и они станут бегать по твоему животу!

— О, я буду этому только рад! С детства люблю мышек! Они такие славные. Помнишь, у Бернса:

Зверек проворный, юркий, гладкий,
Куда бежишь ты без оглядки,
Зачем дрожишь, как в лихорадке
За жизнь свою?¹³

— Дюффус, прошу тебя! Ты что, не видишь? Я тоже дрожу как в лихорадке! Меня мучает предчувствие чего-то ужасного! Я боюсь. Пожалуйста, иди ко мне и обними меня!

— У тебя предчувствие чего-то ужасного? Боже мой, что может быть ужаснее сегодняшней драки с Синими?

— Не знаю. Но Морриган и Мюллеартах не сидят сложа руки, и я боюсь.

Как это было непохоже на мою самоуверенную ведьмочку! На самом ли деле она так испугана или это только предлог?

— Дюффус... прошу тебя... Я хочу тебя... Хочу, чтобы ты взял меня!

Вот это уже больше походило на правду! Похлопав Головоруб по рукоятке, чтобы он не ревновал, я взобрался на койку. Скользнув под одеяло, я обнял Эннис и прильнул к ее губам. Руки ее благоухали, а губы были мягкими и податливыми. Ни о чем другом, кроме моей ведьмы-королевы, я не мог сейчас думать. Да, некоторыми колдовскими приемами она владела в совершенстве.

IX

Предчувствия Эннис не оправдались. Все шло отлично. По крайней мере, в течение нескольких ближайших дней ничего плохого с нами не случилось. Возможно, в ту ночь мы так ублаготворили Бранвен, что она отвела от нас все беды.

«Андраста» прошла море Мрака со свойственной ей скоростью в три узла, и вот Рот Фэйл снова явил нам свой лик.

Я пытался убедить Эннис, что если мы всю оставшуюся часть пути будем развлекать Бранвен, богиня станет ревностно и неутомимо заботиться о нашей безопасности, но Эннис, подобно большинству женщин, с которыми я имел дело на Земле, стала беспокоиться прежде всего о своей репутации, в частности, о том, что скажут ее подданные, узнав, что их будущая королева делила ложе с простым воином.

— Почему ты вообще так уверена, что тебя коронуют? — спросил я. — Морриган, вполне возможно, зна-

чительно опередила нас, добралась до Лохлэнна и во-
царилась там.

Эннис замотала головой, и ее черные волосы разме-
тались во все стороны.

— Нет! Нет! Я уже говорила тебе, что коронация
не может состояться до Бельтene, а это еще через не-
делю.

— Пусть так, но она, возможно, уже правит страной
как некоронованная королева, и церемония окажется
всего лишь формальностью.

— Дженьери, ты меня умиляешь. Ровным счетом
ничего не зная о наших обычаях, ты тем не менее
стоишь здесь и пытаешься рассказать мне, что сейчас
происходит в Лохлэнне.

— А если я просто тренирую свои способности к
ясновидению? Я так и вижу большой красивый дворец
и сидящую на троне красавицу, вытянувшую восхити-
тельный ножки.

— Ах, так?! Значит, она по-твоему — красавица с
восхитительными ножками?!

— Такой она мне представляется в видении, только
и всего.

— В таком случае, пусть в этом же видении тебе
представится, где ты будешь спать нынче ночью, —
процедила она.

— Вот так, Головоруб, — вздохнул я, — снова мы
с тобой ночуем на жестком полу.

Уверен, что это стало началом наших новых несча-
стий. Несчастий? Сказать по правде, в течение всего
нашего путешествия их было в избытке, но, представьте
себе, все они померкли в сравнении с катастрофой,
последовавшей за этой перебранкой. Днем, когда рас-
каленный Рот Фэйл медленно плыл к горизонту, а вда-
леке собирались большие черные тучи, мы миновали Зо-
лотые Столбы. Так назывались огромные, чуть не с
милю высотой острова с такими отвесными склонами,
что по ним не смогли бы взобраться даже горные козы.
Эти острова были больше похожи на опоры гигантского
моста, чем на естественные образования. Когда я спро-
сил Эннис об их происхождении, она пожала плечами.

— Друиды рассказывают, что их поставил Сача, Ве-
ликан-Ветер, в далекие времена, когда людей еще не

было на свете. Он решил построить мост, чтобы перегнать свое исполинское стадо из Сокра в Лохлэнн. Но вес моста на концах оказался таким большим, что Сокр и Лохлэнн затонули, а сам мост обрушился. Остались только опоры.

— А что, вполне похоже на правду, — заметил я, глядя на собирающиеся у Столбов облака. — Смотри-ка, похоже, дождь собирается?

Эннис не ответила. Она снова слушала Бранвен по невидимому телефону. Вот болтливые особы, подумал я. Однако им крупно повезло, что здесь нет платной телефонной сети, как у нас в Штатах. Тогда их счета быстро выросли бы до размеров национального долга.

— Что новенького у сладчайшей из богинь всех времен и народов? — спросил я. — Не забудь сказать ей, что я по-прежнему ее люблю и что в одну из ближайших ночей мы с тобой снова должны...

— Заткнись, — отрезала Эннис, с тревогой и страхом глядя на собирающиеся облака.

— Ну, что на этот раз? Бранвен любезно сообщает тебе сводку погоды? Неужели будет дождик?

— Дождь, ветер, молния, гром, — бормотала Эннис в трансе. — Врата небесные разверзнутся, и море поднимется им навстречу... Шторм... шторм! — крикнула она и бросилась, рыдая, мне на грудь. — О нет, Бранвен, пожалуйста, нет!

— В чем дело, Эннис? — я обнял ее и прижал к себе. — Что с тобой, детка?

— Мюллеартах идет на нас! Она поднимает против нас этот шторм!

Я повернулся и посмотрел на собирающиеся облака. Они были чернее воронова крыла. Да и все небо внезапно потемнело. То и дело его прорезали молнии, и раскаты грома напоминали отдаленный грохот канонады.

— Думаю, нам надо задраить люки и взять риф, — сказал я.

Посмотрев на меня так, будто у меня выросла вторая голова, Эннис истерически рассмеялась.

— Задраить люки! Взять риф! Ты не понимаешь, ты просто не можешь понять!

— Понять что?

— Какой шторм может вызвать Мюллеартах! Ты не знаешь ярости Морской ведьмы!

— Знавал я несколько ведьм на своем веку. И не сомневаюсь, что ярость обиженной женщины может быть убийственна... но, послушай-ка, знаешь, что? Может, она просто ревнует? Видимо, нам не следовало уделять все внимание Бранвен. Надо было что-нибудь сделать и для морской богини!

— Ничто не может устоять! Ни «Андраста», ни самая мощная галера, ни ваши суперкорабли не выдержат гнева морской богини!

— Тогда скорее вызови на связь Бранвен! Самое время молить ее о помощи.

— Никто... ни Бранвен, ни один из других богов и богинь не может тягаться с Мюллеартах на море. На суше Бранвен помогла бы нам, но в море Мюллеартах могущественнее всех, кроме, может быть, самого Лира.

— Ну, знаешь ли, на это я могу сказать только одно: мы поставили не на ту лошадь. Пока мы в море, надо было ублажать в первую очередь Мюллеартах!

— А как ты себе это представляешь? Ведь ни один из нас не посвящен ей.

— Нет, но мы можем постараться развлечь ее тем же способом, что и Бранвен. Кто знает, вдруг поможет, а?

— Ты когда-нибудь думаешь о чем-нибудь другом, Дженьери? Даже в такое время у тебя на уме только это!

— А что? По-твоему, есть более приятные предметы для раздумий? К тому же меня это отвлекает от невеселых мыслей о шторме.

— И ты действительно хочешь умилостивить ведьму? — спросила Эннис зло. — А знаешь, что для этого потребуется?

— Нет, но готов постараться.

— Тогда нам надо принести в жертву одного из матросов: убить его, вырезать и сжечь его печень. Вот что понравится Мюллеартах! Навряд ли, конечно, жертва будет от этого в восторге. Но вообще-то ведьма предпочитает новорожденных младенцев.

— Да, боюсь, нам придется отказаться от мысли угодить ей. Вкусы Мюллеартах для меня, пожалуй, несколько экстравагантны.

— Да это и не помогло бы. Мюллеартах сделает все, что от нее зависит, чтобы Морриган заняла трон Лох-лэнна.

— Почему это так важно? — спросил я, видя, как шторм несется на нас подобно огромному черному зверю.

— Из-за Жезла власти. Получив его, королева Лох-лэнна становится не менее могущественной, чем Ллир и Морская колдунья.

— Жаль, что сейчас его у нас нет, — огорчился я. В эту минуту на наш корабль обрушился порыв ветра с дождем. — Нам бы так не помешало чуть-чуть могущества.

— Ага, и парочки спасательных жилетов и чудо в придачу, — усмехнулась Эннис.

— Капитан! Капитан Эдерин! — крикнул я. — Возьмите риф! Надо приготовиться к шторму!

Не припомню, чтобы шторм когда-нибудь надвигался так быстро. И двух минут не прошло, как я приказал капитану взять риф, его неповоротливые матросы все еще пытались выполнить приказ, а на нас уже обрушилась огромная, как гора, волна.

Я уже говорил, что «Андраста» и так-то была едва пригодна к плаванию, а после схватки с Синими многие из ее швов разошлись, и она дала течь.

В нынешнем своем состоянии старое корыто, наверное, не выдержало бы и небольшой качки, но такой шторм, как этот... не знаю, смогла бы выстоять против него сама Скала Гибралтара.

Волна ударила нас с левого борта, я развернул корабль к ней носом, но это помогло ненадолго. «Андрасту» снова развернула следующая же волна. Посудина задрожала, как испуганное животное, потом выпрямилась.

Одной рукой я обнял Эннис, другой ухватился за рулевое весло. Мы прижались друг к другу, а следующая волна прокатилась по палубе корабля, взметнувшись до высоты мачты и обдав нас водой, но не смогла смыть нас в море.

Капитана смыло за борт. Он пытался уцепиться за мостик, на мгновение мелькнуло его искаженное страхом лицо, но в следующую секунду он уже был в море, и его отчаянные крики заглушил рев ветра и плеск волн.

— Мачта сейчас сломается, — крикнул я прямо в ухо Эннис. — Тогда, если мы перерубим такелаж, корабль станет устойчивее. Если нет — он обречен.

— Он обречен в любом случае, — ответила Эннис. — Ни один корабль не выдержит гнева Мюллеартах.

Несколько оставшихся в живых членов экипажа сбились в кучу посередине корабля и уцепились за ванты, оторвавшиеся от мачты. Я крикнул, чтобы они обрубили такелаж, как только мачта упадет в море, но они либо не слышали меня, либо не могли пошевельнуться от ужаса.

При следующем ударе волны «Андраста» отказалась слушаться руля и легла на борт. Раздался громкий треск сломавшейся мачты, и крен корабля увеличился. Он стал медленно наполняться водой.

— Попробую обрубить такелаж! — крикнул я и пополз вперед.

— Нет! Кораблю конец! Не бросай меня! — взмолилась Эннис, прижимаясь ко мне.

Ударила еще одна волна. «Андраста» вздрогнула и накренилась еще больше. Я знал, что она быстро наполнялась водой и только груз сухого леса до сих пор держал ее на плаву.

Я повернулся, чтобы приказать матросам покинуть судно, но на борту их уже не было — либо смыло волной, либо убило при падении мачты.

— Шлюпка! Буксирная шлюпка! — крикнул я Эннис.

— Нет, поздно! О, святая Бранвен, поздно! — плакала она. — Смотри, вот сама Мюллеартах!

Я повернул голову туда, куда показывала Эннис, и обмер: из гребня волны высунулась верхняя часть безобразного женского туловаща с лысой головой, лицом угольного цвета и острыми выпирающими зубами. В самой середине лба этого чудовища торчал огромный, налитый кровью глаз. Он горел злобным торжеством.

Еще раз вздрогнув, «Андраста» пошла ко дну. Раздался дикий хохот Мюллеартах, похожий на рев ветра и штормового моря.

Я понял, что сейчас нас с Эннис разделит воронка, образовавшаяся на месте затонувшего корабля, и попытался схватить ее за руку, но промахнулся, наткнувшись на кусок рангоутного дерева. Плыть в тяжелом снаряжении и с Головорубом в руке я мог разве что чуть лучше, чем топор.

— Дюффус! Дюффус! — услышал я доносившийся откуда-то издалека слабый голос Эннис, но не мог даже ответить — мой рот был полон воды.

Я камнем шел под воду. Темное небо, прорезаемое молниями, исчезло, морские воды сомкнулись над моей головой, я пытался задержать дыхание, насколько хватало сил, но...

Я тонул. Меня охватил животный страх смерти, беспомощности перед нею. Я ничего не мог сделать для своего спасения и, глотая соленую воду, шел ко дну. Я подумал, не призвать ли на помощь Бранвен, но чем ее можно вознаградить в моем нынешнем положении? Молитвы Богу и святым моего собственного мира я забыл, а заклинание, наделяющее способностью ходить по водам, которое я однажды безуспешно пытался применить на озере в парке Мак-Артура, навряд ли оказалось бы единственным здесь...

Внезапно я перестал погружаться в воду и вместо этого стал медленно подниматься на поверхность. Где-то я читал, что утопленники всплывают, пробыв некоторое время под водой, но в моем случае это было, пожалуй, рановато. Я ведь вроде пока еще не утопленник. Или я уже утонул, но еще не осознал этого? В этом мире, где привидения и вампиры запросто разгуливают среди людей, черта с два поймешь, кого считать живым, кого мертвым.

Но я продолжал стремительно нестись вверх. Меня тащили, держа за плечи, две неестественно сильные руки. Наконец моя голова оказалась над поверхностью моря. Забыв обо всем, захлебываясь и хрипя, я стал жадно вдыхать чистый, без примеси смога, свежий прохладный воздух.

Шторм закончился так же внезапно, как и начался. Отдышавшись, я посмотрел на руки, которые подняли меня из воды. Они были грязно-зеленого цвета, с плавательными перепонками между пальцами. Но что самое странное — не было туловища!

Я не поверил своим глазам. Но нет, зрение меня не обмануло: жизнь мою спасли две зеленых руки — без признаков каких-либо еще частей тела спасителя.

— Это ты, Бранвен? — спросил я.

Вместо ответа послышалось завывание ветра.

— Бранвен, детка, вот не ожидал тебя встретить! И уж никак не думал, что у тебя зеленые руки... перепончатые зеленые руки, чтобы быть точным.

Ответа не было. Руки тащили меня по поверхности моря, ставшего спокойным и гладким после недавнего шторма. Похоже, мы двигались прямехонько к вулкану, торчавшему из воды в нескольких сотнях ярдов от нас. Он выглядел не самой гостеприимной гаванью, но на худой конец мог сгодиться — все же лучше, чем морское дно.

— Эй, Бранвен, куда ты меня тащишь? Это не похоже на Лохлэнн! Ты уже нашла Эннис?

Молчание. Да, неразговорчивая особа эта Бранвен. Странно, ведь она в свое время так любила поболтать с Эннис, без конца нашептывая ей на ухо советы и поучения. Может быть, Эннис погибла, и Бранвен о немела от горя?

— Бранвен, что с Эннис? Ведь ты спасла ее, правда?

Молчит. Или она винит себя в том, что не успела вовремя прийти Эннис на помощь? Ведь если девушка утонула, то гибель ждет и Лохлэнн. Конечно, если именно она, а не Морриган — законная наследница престола.

Я летел над водой, иногда задевая ее поверхность ступнями ног. Признаться, мне было немного не по себе, но, влекомый этими сильными руками, я чувствовал себя в большей безопасности, чем если бы летел в реактивном самолете.

— Куда же мы направляемся, Бранвен? — спросил я снова. — Ты хочешь оставить меня на каком-нибудь уютном островке, а сама вернешься искать Эннис, правда, детка?

— НУ, ТЫ, БЕЗМОЗГЛЫЙ ПЕРЕОСТОК! КАКАЯ Я ТЕБЕ ДЕТКА?!! Я В СОТНИ РАЗ СТАРШЕ ТВОЕЙ ПРАПРАБАБКИ! — прорычал вдруг хриплый, грубый женский голос мне в самое ухо.

Я поперхнулся. Это не Бранвен! Немного набралось бы почитателей у богини любви с таким голосом! Да что там немного, в нее бы попросту никто не верил. И эти безобразные руки, конечно же, не могут быть руками Бранвен, богини красоты! Значит... значит они принадлежат Мюллеартах!

— Раз ты такая старая, может, ты знала моего предка короля Диофуса? В десятом веке он сжег уйму ведьм.

— А МОЖЕТ БЫТЬ, Я ЕЩЕ С ТЕХ САМЫХ ПОР ТЕБЯ ПОДЖИДАЮ...

Чувство безопасности сменилось в моей душе самым отчаянным страхом. Я понял, что ведьма тащит меня прямиком к тому вулкану! Значит, утопить меня ей было мало, она решила меня изжарить!

— Отпусти меня! — закричал я. — Я требую соблюдения моих прав! Я американский гражданин, член могущественного союза и...

— ЕСЛИ Я ТЕБЯ ОТПУЩУ, ГЛУПЫЙ ЩЕНОК, ТЫ ОБ ЭТОМ СРАЗУ ЖЕ ПОЖАЛЕЕШЬ! МОРЕ ЗДЕСЬ КИШИТ АКУЛАМИ!

— Лучше уж акулы, чем вулкан!

— КАКОЙ ЕЩЕ ВУЛКАН, ТРУСЛИВЫЙ ТЫ НЕДОУМОК! Я НЕСУ ТЕБЯ К ОСТРОВУ!

— Не верю тебе! — кричал я, что есть силы брыкаясь и отбиваясь. — Не верю никому, у кого руки растут сами по себе и нет ни туловища, ни головы!

— НУ ЛАДНО, ШУТНИК! ДАЛЬШЕ И САМ ДОБЕРЕШЬСЯ!

Зеленые руки разжались. Падая, я услышал дикий хохот Мюллеартах, уносимый ветром. Неглубоко уйдя под воду с головой, я достал ногами дно. Значит, берег близко! Вынырнув, я с трудом побрел к нему. Впереди маячил остров, темный и неприветливый, с дымящимся вулканом посередине.

Подводное течение дважды сбивало меня с ног. С трудом поднимаясь, я продолжал брести вперед. Силы мои быстро убывали. Две открывшиеся раны начала

разъедать соленая вода. Но, вспомнив слова морской ведьмы об акулах, я удвоил усилия.

Остров, на который я наконец выбрался, был целиком образован застывшей вулканической лавой. Свалившись у самой воды, почти теряя сознание, я остался лежать там. Каждый мой вдох болезненно отдавался в груди. К тому же я проглотил столько соленой воды, что хватило бы наполнить Атлантический океан.

Не знаю, сколько я пролежал так, выплевывая морскую воду и думая о том, что ждет меня на этом острове, — по-видимому, несколько часов. Болезненный удар чьей-то босой ноги по ребрам вывел меня из оцепенения.

Подняв голову, я увидел молодую девушку. Она стояла надо мной совершенно голая, с длинными, до самых бедер, черными волосами. Несколько минут я молчал, не в силах прийти в себя от изумления, и наконец радостно воскликнул:

— Эннис! Эннис, дорогая! Ты здесь!

Эннис не ответила. Вместо этого она вынула из-за спины огромный камень и, размахнувшись, ударила меня им по голове.

Передо мной вспыхнули мириады ярчайших звезд, затем все померкло, и я бессильно уронил голову на жесткую землю.

Смутно, как сквозь пелену, я чувствовал, что меня куда-то тащили — по жесткому, покрытому золой берегу, по камням, потом вверх, по крутому склону.

Тут я снова полностью отключился и пришел в себя уже в пещере. Меня швырнули на какие-то грязные шкуры. Ближе к выходу из пещеры горел дымный костер. Эннис не было. Над огнем висел котел, в котором что-то кипело, а чуть поодаль валялась груда костей. Все это было похоже на обиталище какого-нибудь доисторического неандертальца или кроманьонца. Но в таком случае эти обглоданные кости, возможно, человеческие! Ну и дела...

И тут я впервые вспомнил про Головоруба! Его со мной не было! Видимо, когда ятонул, он сорвался с перевязи. Длинный кинжал тоже исчез, но эта потеря была пустяком по сравнению с исчезновением Головоруба! Ведь без него мне просто не выжить в этом мире!

Встав на четвереньки, я решил поближе обследовать подозрительные кости. Может быть, Эннис, обнаружив эту пещеру дикого зверя, выдворила с помощью колдовства ее хозяина и притащила меня сюда!

Тут я понемногу вспомнил, как меня сюда тащили и что этому предшествовало. Чертовски жестоко со стороны Эннис так обойтись со мной! Похоже, она вымешала на мне зло, решив, что я предательски бросил ее, когда корабль пошел ко дну...

Бедняжка, ей, наверное, тоже пришлось нелегко. По-видимому, она потеряла всю свою одежду, и волосы ее выросли до... нет, не может быть! Не столько же времени пробыл я без сознания, чтобы волосы девушки успели дорастти до бедер! Наверное, снова колдовство. В конце концов, это довольно практично с ее стороны — удлинить свои волосы, чтобы хоть чем-то прикрыть наготу, оказавшись на необитаемом острове без всякой одежды.

Да, кости наверняка человеческие. Похоже, в этой пещере, действительно, жил какой-то гнусный людоед. Существо, которое вылавливает из моря тела утопленников, расчленяет их и варит в этом огромном котле. Какой ужас! Тут мои мысли вернулись к недавним событиям. Я подумал о том, что Эннис, возможно, зла на меня, но навряд ли она бы ушла, бросив меня одного, безоружного в этой пещере, куда того и гляди может вернуться ее законный владелец. Нет, не могла она так со мной поступить. Да, но тогда где же она?

Вблизи пещеры послышался шум. По земле волокли что-то тяжелое. Откинув висевшую у входа шкуру, в пещеру вошла Эннис. Да, она действительно тащила за собой кое-что: тело боцмана с «Андрасты»!

Я разинул рот от удивления. Зачем она это делает? Как и остальные члены команды, он не был приятным человеком, и я не мог понять, почему она решила предать его тело земле и тащить его сюда с таким трудом.

Через несколько минут мое недоразумение разъяснилось. Я притворился, что все еще лежу без сознания, а сам исподтишка наблюдал за тем, как она вытащила самодельный нож и с его помощью принялась срезать с боцмана одежду.

Что ж, вполне практичный поступок. Бедняге его тряпье уже ни к чему, а нам оно могло пригодиться.

Но при виде ее дальнейших действий я оцепенел от ужаса. Своим острым костяным ножом она откромсала руку трупа и спокойно опустила ее в кипящий котел.

— Эннис! Боже мой, Эннис! Что скажет Бранвен?! — выдохнул я. — Пусть мы на необитаемом острове, но это же еще не повод превращаться в людоедов! Мы добудем какой-нибудь еды... моллюсков, кролика или еще что-нибудь. Только прекрати это!

Она молча смотрела, как я поднимаюсь на ноги и приближаюсь к ней.

— Эннис, дорогая, что с тобой?

— Эннис, — повторила она. — Меня Эннис.

— Конечно, ты Эннис, — подтвердил я. — Я узнал бы тебя даже без одежды. У тебя ведь маленькая родинка здесь на...

Но никакой родинки там, где я ожидал ее увидеть, у Эннис не было. Что-то во всем этом было не так. Кто же эта девушка, питающаяся человечиной? Но так ли уж мне нужно это выяснить? Самое лучшее, что я мог сделать — убраться отсюда, и как можно скорее.

Приняв это разумное решение, я начал обходить костер. Девушка не сводила с меня маленьких черных глаз, сверкающих при свете огня. Как они были непохожи на глаза Эннис!

— Выйду-ка я, пожалуй, на минутку, — пробормотал я. — Что-то у меня голова закружилась от этого дыма.

Эннис зарычала. Я не преувеличиваю, она действительно оскалила зубы и зарычала, как животное! Я вспомнил, как во время битвы на корабле она превратилась в белого леопарда. Может быть, что-то случилось во время шторма, что снова ее изменило?

При следующем моем шаге она вскочила, отбросив нож, которым все это время разделяла боцмана. Зубы ее были по-прежнему оскалены. У Эннис были красивые, ровные белые зубы, но я никогда не замечал, что у них такие острые концы!

Надо сматываться отсюда во что бы то ни стало! Я прыгнул к выходу из пещеры. Но девушка, ухватив меня за руку, втащила обратно. Секунду мы смотрели друг на друга в упор. Затем она, присев, обхватила меня руками, выпрямилась, подняла над головой и с

силой швырнула через всю пещеру, поверх костра на груду мехов.

Приземление мое было настолько болезненным, что я не мог не только пошевельнуться, но даже толком осознать случившееся. Ну, это уж слишком! Эннис была хрупкой девушкой, весившей навряд ли больше ста фунтов. И как же, во имя Бранвен, могла она швырнуть через всю пещеру мужчину, почти в два с половиной раза превосходившего ее по весу?

Разумеется, здесь не обошлось без колдовства, если только это создание — настоящая Эннис. Но если не Эннис, то тогда кто же она?

Не иначе как сама Мюллеартах. Кто еще мог знать, где я? У кого еще хватило бы сил так меня метнуть? Но зачем ей этот маскарад? Почему не предстать передо мной в своем истинном виде? Но тут я вспомнил, какая она уродина. Да, на ее месте, наверное, любая женщина воспользовалась бы возможностью изменить свою внешность к лучшему.

Но я решил, что должен в этом удостовериться. Если это действительно Мюллеартах, мне следовало готовиться к самому худшему. Она наверняка замышляет против меня что-то ужасное. Если Эннис сказала правду о том, что ведьма принимает человеческие жертвоприношения, то я, вполне возможно, обречен на соседство с боцманом в этом котле. Но с другой стороны, если это все же настоящая Эннис, пусть слегка помешанная, то я просто обязан помочь ей прийти в себя.

С тех самых пор, как я покинул Землю, мне хотелось испробовать несколько заклинаний. Ведь я всегда верил в свои способности к магии. Теперь, в мире, где правила волшебство, я мог наконец их проверить и использовать.

Сначала следовало выбрать нужное заклинание. Еще раз посмотрев на Эннис (или Мюллеартах), деловито помешивавшую в котле, и ощущив тошнотворный, сладковатый запах тушеного боцмана, я сделал выбор, решив произнести заклинание, которому научился в экспедиции в горах Шотландии. Мне почему-то не пришло в голову, что же я буду делать, когда, в случае успеха моих магических действий, Мюллеартах примет свой истинный чудовищный облик.

Я опустился на колени. Эннис искося поглядывала на меня, как волк, подстерегающий добычу. Она перестала помешивать в котле и вытащила откуда-то две миски, собираясь, видимо, радушно попотчевать и меня лакомым блюдом.

От этой мысли меня передернуло, и я начал быстро читать заклинание, скрестив пальцы рук и сведя глаза в одну точку:

Где ты, Эннис?
Ты ли это?
Маг зовет
Тебя к ответу.
Сверкающий славы перст,
Тритоний глаз и жабий нос,
А также кошачья шерсть
Помогут решить вопрос —
Кто же такая ты есть?

Эннис все так же невозмутимо раскладывала жаркое из боцмана по мискам. Она не превратилась в Мюллерах. Выходит, одно из двух: или это действительно Эннис, или я такой же «великий» волшебник на Анноне, каким был и на Земле.

Девушка поднялась, держа в каждой руке по дымящейся миске, и улыбнулась. Ее острые зубы сверкнули в свете костра. Одну из мисок она протянула мне, и меня волной окутал дурманящий запах.

Я мужественно отнесся к такому гостеприимству: втянул живот, выпятил грудь и потерял сознание.

X

Очнулся я от прикосновения жестких и грубоватых, но безусловно женских ладоней, неутомимо и настойчиво ощупывавших мое тело. Кольчуга, шлем и подкольчужник, а также моя туника валялись в углу пещеры. Я был нагой, как и девушка.

— Эннис, это ты? — с надеждой спросил я.

Она молча улыбнулась. Если бы не заостренные зубы, улыбка могла бы выглядеть вполне нормальной. Наверное, Эннис начала приходить в себя и вспомнила, что надо задобрить Бранвен.

— Послушай, Эннис, нам сначала надо кое о чем поговорить, — убеждал я. — Религиозную церемонию можно пока отложить, мы вернемся к ней позже. Сейчас нам надо подумать о жизненно важных делах, например, как выбраться с этого острова и вовремя прибыть в Лохлэнн, чтобы Морриган не успела короноваться.

Девушка, казалось, не слушала меня. Мурлыкая, она поглаживала волосы на моей груди. Эннис это или нет,

но она явно намерена предаться занятию, которое так нравится Бранвен.

А может, она права? Возможно, только так нам удастся разрушить чары, под действием которых она находится. И тогда, лишь только мы примемся за дело, раздастся гром, и эта ужасная людоедка превратится в мою славную Эннис.

При мысли о людоедстве я перевел взгляд на миски с человечиной — они обе оказались пусты, а губы женщины жирно блестели. И эти губы были всего в нескольких дюймах от моего лица! Я почувствовал дурноту, и если бы тогда, на берегу, меня не вывернуло наизнанку, это случилось бы сейчас.

Ее ласки становились все более смелыми и настойчивыми. Несмотря на отвращение, волной поднявшееся во мне, я собирался принять участие в жертвоприношении с этой Эннис, чтобы вернуть мою.

— Бранвен, Бранвен, ты здесь? — спросил я, желая удостовериться, что жертва будет принята и одобрена.

Ответа не последовало. Если ее телепатический телефон еще не отключили за неуплату, значит, она просто куда-то отлучилась.

Эннис, издавая странные горловые звуки, опрокидывала меня на спину с такой силой, что я не смог бы этому воспротивиться, даже если бы захотел.

— Милая Эннис... милая Эннис, — бормотал я, гладя ее растрепанные волосы. — Не беспокойся, дорогая. Все будет хорошо. Я что-нибудь придумаю.

Рот ее прижался к моему, и острые зубы прокусили мою губу до крови. Она легла на меня сверху, наше дыхание смешалось, и меня снова затошило.

— Бранвен, скажи что-нибудь! — взмолился я. — Во имя твоего чудесного, благостнейшего лона, скажи, ты довольна?

Мой отчаянный призыв не был услышан. Бранвен молчала как могила. Если ей и была по душе такая разминка, то она предпочла об этом не распространяться. Но, похоже, согласие Бранвен, как впрочем, и мое, уже не требовалось. У Эннис была хватка боа-констриктора, и она намертво припечатала меня к ложу.

— Эннис, прошу тебя, я не...

С этого момента природа взяла свое. Я не мог ничего изменить, только молился Бранвен, чтобы все удалось во славу ее.

Но увы! Несмотря на энергичный темп, все это оказалось не более чем механическим актом, без малейших признаков любви или даже просто взаимной симпатии. Конечно, трудно было ожидать чего-то иного.

Но самое ужасное было впереди! В течение всего акта жертвоприношения губы женщины скользили вверх-вниз по моей шее, и вот теперь, когда он, наконец, завершился, ее острые зубы впились в мое горло. Я стал кричать и отбиваться, но куда там! Зубы вонзались все глубже, а эта тварь с жадностью глотала мою кровь!

Сделав усилие, я постарался повторить свой крик мысленно. И он был услышан! Что-то как будто коснулось моего сознания.

— Дюффус, что с тобой? В чем дело? — произнес голос Морган Лэйси. — О боже, я вижу, вижу! Ты должен бороться, Дюффус! Бороться!

Легко сказать! Я и пытался бороться, но совершенно без толку! Проклятый рот высасывал из меня жизнь, а я лежал, не в силах пошевельнуться, в этих железных объятиях.

— Это вампир, Дюффус! — продолжала Морган. — Она высосет твою кровь, а заодно и твою душу. Как ты вообще мог спутаться с такой тварью?

«Нашла время устраивать мне сцены ревности!» — подумал я. Мне и без Морган было ясно, что это вампир. И в данную минуту она занималась самым что ни на есть вампирским делом, сопя и причмокивая от удовольствия.

— Бранвен, помоги мне! — взмолился я вслух и про себя одновременно. Если ты добрая, славная богиня, какой я тебя считаю, ты поможешь мне!

— Заткнись! — рассердилась Морган. — Бранвен не поможет тебе, даже если захочет. Ее нет рядом. Единственная, кто может помочь — это Мюллеартах. Я пришлю ее.

Этого мне только недоставало! Женщина-монстр высасывала меня, как лимон, а Морган Лэйси решила прислать сюда еще одного монстра. Они, поди, сцепятся не на шутку за право сожрать меня на ужин!

Мюллеартах, как всегда, явилась со штормом. Хотя пещера находилась в нескольких сотнях футов над уровнем моря, но в нее с ревом ворвалась огромная волна.

Эннис с воплем вскочила на ноги. Пещера наполнилась рокочущей водой и жутким смехом Мюллеартах. Вода действовала совсем как мыслящее существо. Она перевернула котел, погасила огонь и вынесла из пещеры кости. Но главное — она вынесла также и хозяйку пещеры — та вопила, плевалась и кувыркалась в бурном потоке, с силой которого не мог поспорить никто.

До меня волна не докатилась. Я остался лежать на грязных шкурах, испытывая сильную боль в прокушенной шее — все, что напоминало о пережитом кошмаре. Пошатываясь от слабости, я поднялся на ноги, отыскал свою одежду, трясущимися руками натянул ее на себя и, немного успокоившись, стал озираться в поисках хоть какого-нибудь оружия. Но ничего подходящего в пещере не было. Я тосковал по Головорубу, как почти любой из современных земных юнцов тоскует по своему первому автомобилю-развалюхе. Но делать было нечего, кроме как отыскать что-нибудь взамен.

Я не знал, какая еще опасность поджидает меня на этом острове, но надо иметь хоть что-то, чем можно себя защитить. В конце концов я увидел бедренную кость, оставшуюся в пещере после водяной атаки. Сжимая ее в руке, я покинул гостеприимный кров вампирши.

На острове царила кромешная тьма, и только над жерлом вулкана краснел от свет кипевшей в его недрах лавы. Я начал осторожно спускаться по той самой тропинке, по которой женщина-вампир втащила меня в пещеру. С трудом различая внизу берег, я не представлял себе, зачем туда иду и что собираюсь там делать.

Не знал я и о том, что случилось с вампиршей после того, как Мюллеартах убрала ее из пещеры — осталась ли она на острове или унесена в море. По правде говоря, второй вариант меня больше устраивал. Но может быть, она сейчас бродит где-то здесь, мокрая и злая? От этих мыслей сердце мое начинало учащенно биться, и я задерживал дыхание, проходя мимо зарослей кустов и деревьев, кое-где вплотную подступавших к тропинке.

Дойдя наконец до берега моря, я стал ходить у кромки прибоя в надежде отыскать что-либо полезное, вынесенное приливом. Улов мой оказался небогатым: обломок мачты, крышка от люка и обрывок паруса. Найдя еще несколько досок, я смог бы соорудить плот. Но что дальше? У меня нет ни карты, ни компаса. Я даже не знал, какие звезды светят над этой планетой и как по ним идти.

Полный этих невеселых мыслей, я пнул ногой кусок корабельной обшивки. Внезапно взгляд мой упал на какой-то предмет, блестевший в темноте футах в пятидесяти от меня, там, где обломки кораблекрушения были уже почти засыпаны песком. Я бросился туда вне себя от волнения и с отчаянной надеждой на невозможное. Неужели это он?

О да! Это был он, Головоруб! До половины скрытый песком, он сверкал как серебро. Я нагнулся и вытащил его почти с благоговением. Вне всяких сомнений, это волшебный меч! Потерянный далеко в море, он оказался на берегу, и именно там, где я смог его найти!

— Привет, дружище! Я так рад тебе! — сказал я своему палашу. — С тобой мне никто не страшен, даже вампирша, кидающая мужчин, как мячики!

Ох, лучше бы я не произносил этих слов! Буквальне в тот же момент мне пришлось доказывать их справедливость на деле! Услышав знакомый вопль, я повернулся и увидел эту тварь в обличии Эннис, стоявшую на утесе футах в двадцати от меня, мокрую и растрепанную.

Жутко вопя, она соскочила с утеса и бросилась ко мне прыжками, как обезьяна. Я приготовился к бою, крепко держа Головоруб и слегка расставив ноги.

— Предупреждаю, — крикнул я чудовищу, — этот меч называется Головоруб! Он разит наповал!

Если вампирша и понимала по-английски, она даже бровью не повела; продолжая нестись на меня с кривожадно горящими глазами.

— Ну, как знаешь. Я тебя предупредил!

Выставив Головоруб вперед, я описал лезвием небольшой круг в воздухе. Вампирша чуть помедлила, уставившись налитыми кровью глазами на мой меч. Сделав несколько обманных движений, она прыгнула на меня.

Мне было непросто решиться убить существо, внешне столь напоминавшее женщину (и бывшее ею в некотором смысле). Но я заставил себя сделать выпад.

Я промахнулся! Вампирша была неправдоподобно ловкой, и, нырнув под лезвие, приблизилась ко мне, выставив когти. Я увернулся, слегка задев ее концом клинка. Вскрикнув, она глубоко оцарапала мою руку.

Я отступил и снова ударил Головорубом. Напрасно я ожидал, что сейчас чудовище останется без головы. Мой меч даже не задел ее: в руке у вампирши откуда ни возьмись появилась огромная кость. От удара лезвия меча о кость посыпались искры. Издав ликийющий крик, она снова бросилась на меня.

Я отразил ее удар Головорубом и сделал резкий выпад, но тварь резво отпрыгнула и втянула живот, иначе не миновать бы ей быть насаженной на клинок, как на вертел.

Схватка была отчаянной. Ее костяное оружие по крепости не уступало моему палащу, а мое искусство столкнулось с ее невероятной силой.

Внезапно я снова услышал голос Морриган, отчетливо звучавший в моем сознании:

— Будь предельно осторожен, Дюффус! Это существо — черная Эннис, зловещая копия настоящей Эннис. Понимаешь, на этой планете у всех, кто наделен властью, есть двойники, так принято. Если ты дашь ей одолеть себя, она растерзает твое тело и заберет твою душу.

Я с удвоенной силой кинулся в бой с чудовищем. Меч описал сверкающий круг над моей головой, и Черная Эннис отступила. Дважды палаш отсекал куски кости от ее дубинки, дважды до крови поцарапал ее саму. Но внезапно вампирша получила подкрепление. Откуда ни возьмись появились полдюжины воинов с мечами и щитами. Футов четырех ростом, светловолосые, они были одеты в доспехи из акульей кожи и имели плавники и жабры.

— Дети Ллира! — произнесла Морриган прерывающимся от волнения голосом.

После этого она умолкла, и я остался один. Коротышки смыкались вокруг меня в кольцо, а вампирша подбадривала их воплями. Топор, брошенный одним из

них, попал мне в плечо, и я упал на колени. Другой, осклабясь, подбежал ко мне с занесенным для удара мечом. Я упал на спину, подняв Головоруб и проткнув нападавшего насквозь.

Несколько секунд он дергался и верещал, повиснув на моем клинке, потом я отшвырнул его и встал на ноги, чтобы достойно встретить остальных.

Головоруб легко раскроил шлем и череп другого, третий свалился со вспоротым брюхом. Однако через несколько мгновений картина боя снова изменилась: из моря выбежали новые Дети Ллира. Эти были выше, примерно пяти футов ростом, в руках у них были копья и сети.

Меня сразу же опутала одна из сетей. Я выбрался из нее только с помощью Головоруба.

Черная Эннис завопила громче прежнего, видя, что я тесню Детей Ллира. Я рискнул кинуть быстрый взгляд в ее сторону и на секунду обомлел: на моих глазах она превратилась в крупного черного волка! Дико воя, зверь огромными прыжками несся на помощь моим противникам. Ободренные таким подкреплением, они снова пошли на меня в атаку. Копье ударило о мою кольчугу, и тут же я получил мощный удар мечом по шлему, а брошенный кем-то из них топор оглушил меня и свалил на землю. Черный волк прыгнул на меня и прижал к земле.

Но тут и ко мне подоспела неожиданная помощь — откуда ни возьмись появилась белая пантера. Я не сомневался, это она сражалась бок о бок со мной на палубе «Андрасты»! Пантера бросилась прямо на волка, и два псевдозверя клубком из меха, когтей и клыков покатились по застывшей лаве берега.

— Давай, Эннис! Задай ей! — подбадривал я пантеру. — Держись! Покажи этой гадине!

Но они обе решили задать друг другу! Два воплощения одной и той же женщины, ведьма и ее двойник дрались, как два диких зверя, обличья которых они приняли. На белой шкуре леопарда выступила кровь, черные бока волка были изодраны в клочья.

Я пытался пробиться к ним, чтобы прикончить волка Головорубом, но Дети Ллира мечами и щитами преградили мне путь. Я пробил шлем одного из них и отсек

ему руку — он с воем покатился по земле, у другого я выбил копье и прикончил его точным ударом. Но противников было слишком много, и я начал отступать к морю.

Я рискнул быстро обернуться, чтобы посмотреть, как там Эннис. Вот этого-то мне как раз и не следовало делать! Она лежала на спине, придавленная волком. При виде этого меня охватило отчаяние, но я ничем не мог ей помочь, а сам тут же поплатился за то, что позволил себе отвлечься.

Услышав за спиной шлепанье перепончатых лап по мокрому песку, я хотел обернуться, чтобы встретить противника лицом к лицу, но не успел: меня опутало сразу несколько сетей. Все попытки высвободиться ни к чему не привели — я не мог размахнуться Головорубом. Бешено отбиваясь, я пнул ногой в живот одного из нападавших, и он упал. Но и меня тут же сбили с ног и, крепко опутав сетями, потащили к морю.

Я ждал, что вот-вот меч, кинжал или копье пронзит мне горло, но Дети Ллира почему-то не торопились убивать меня, а продолжали тащить к воде, издавая победные крики.

Значит, они решили меня утопить. Продержат под водой, пока я не захлебнусь, и дело с концом. Ругаясь, я пытался отбиваться, но тщетно. Шум моря заглушал мой голос, и соленая вода заполнила рот.

Через мгновение мы все были уже под водой. Дети Ллира ухватили меня крепче и потащили в морские глубины — вниз... вниз... вниз...

XI

Я задыхался и чувствовал, что мои легкие вот-вот лопнут. Вырваться из сетей было невозможно. Окружив меня, дети Ллира плавали вокруг. Они были здесь у себя дома и свободно дышали в воде. Смеясь, они указывали на меня пальцами, их явно забавляло, что я задыхался. Казалось, их чрезвычайно веселила сама мысль о том, что у меня хватило глупости заявиться сюда без жабр.

Когда я понял, что мне пришел конец, случилось нечто странное. Неожиданно появились две более крупные особи из Детей Ллира, тащившие уродливую маску рыбы. Обменявшись несколькими жестами с остальными, они подплыли ко мне, и один из них вытащил нож. Не сомневаясь в его намерении убить меня, я несказанно удивился, когда он вместо этого разрезал сеть в том месте, где она стягивала мне голову, оставив при этом связанными ноги и руки. На меня поспешило надели

рыбью маску. Послышалось слабое шипение, и я стал дышать.

Но насколько мне хватит воздуха? Навряд ли в этой штуковине мог содержаться запас кислорода больше чем на несколько минут, а потом я снова начну задыхаться. Но тут один из рослых Детей Ллира подплыл к нам с большим пузырем в руках. Вероятно, это был плавательный пузырь, вынутый из тела какой-нибудь исполинской рыбы. Они прикрепили его к моей маске, и воздух, который я вдыхал, стал гораздо теплее и приобрел неприятный рыбный запах.

Наше погружение все продолжалось. Я чувствовал усиливающееся давление и думал о том, знают ли Дети Ллира, что на большой глубине оно меня просто раздавит. И никакая рыбная маска с импровизированным воздушным баллоном меня от этого не спасет. Но тут я сообразил, что, несмотря на наличие жабр, их тела также не могут выдержать большое давление на глубине, как и мое.

Однако мы все опускались и опускались в пучину. Детей Ллира собралось вокруг меня уже около двадцати. Двое или трое из них тащили меня, опутанного сетью, остальные просто плыли рядом, как будто охраняя нас. Вскоре я понял, что так оно и было. Из-за высокого кораллового куста выплыли, направляясь к нам, две огромные акулы. Пасти их были открыты, обнажая ряды острых зубов. Если на морде акулы может быть написано выражение, то я бы сказал, что морды этих двух выражали предвкушение сытного обеда.

Один из стражей, с сетью и трезубцем в руках, подплыл к морскому хищнику довольно близко и взмахнул сетью перед его мордой. Повернувшись к нему, чудовище тут же забилось в сетях, наброшенных с двух сторон. Все попытки высвободиться приводили лишь к тому, что сеть туже затягивалась на бьющемся теле.

Пойманный аналогичным образом, я почти сочувствовал этому монстру, сомневаясь, однако, во взаимности данного чувства. Мечами и копьями акулу расчленили на куски, и ее темная кровь окрасила воду вокруг нас.

Другая акула вместо того, чтобы сразиться с кем-то одним, врезалась в самую гущу Детей Ллира, и ее

мощные челюсти сомкнулись, откусив ногу одного из воинов, которому не удалось вовремя увернуться. Остальные тут же окружили и прикончили чудовище. Битва, таким образом, была выиграна с минимальными потерями.

После этой вынужденной задержки мы двинулись дальше. Не знаю, на какой глубине мы находились, но давление воды уже весьма ощутимо давало о себе знать. Но вот, наконец, наше погружение прекратилось, и амфибии потащили меня над песчаным дном, покрытым водорослями. Миновав коралловые заросли и гряду подводных гор, мы выплыли в долину.

Здесь взору моему открылся город. Он был весь розово-золотой, с куполообразными крышами, перемежаемыми остроконечными, похожими на минареты башнями. Построен он был на морском дне, и его оживленные улицы и широкие площади были открыты морю.

— Будь я проклят, — сказал я себе, — если это не подводная копия нашего Диснейленда!

Наконец мы опустились на дно, и я ощущил под ногами гранитные плиты тротуара. Возможно, когда-то давным-давно город находился на поверхности, но впоследствии был затоплен. Тогда-то и появились у его обитателей жабры и плавники. Хотя навряд ли процесс эволюции мог проходить с такой быстротой. Скорее всего, согласно традициям этой планеты, здесь тоже не обошлось без волшебства.

Меня провели по широкой дороге через ворота футов пятидесяти высотой, сделанные из чистого золота. За городскими стенами кипела активная, деятельная жизнь. Магазины были открыты, торговля шла вовсю. Вьючные животные (вернее, конечно, рыбы) развозили по назначению грузы. От всей этой суеты веяло чем-то бесконечно знакомым, с одним только разительным отличием: все происходило здесь в глубочайшей тишине.

Но как же могла возникнуть и развиться цивилизация, пусть варварская, без какого-либо общения между жителями? С самого начала нашего погружения мои стражи не издали ни звука, но на берегу я слышал их крики. Как же они общаются между собой здесь, в своем городе? Я вспомнил голоса Морриган и Мюллерах, звучавшие в моем сознании, и решил, что, ве-

роятно, все жители планеты Аннон могут общаться на телепатическом уровне. Я утвердился в этом мнении, двигаясь по извилистой улочке в окружении моего эс-корта и разглядывая продавцов и покупателей, мимо которых мы проходили. Те и другие размахивали руками, жестикулировали, видимо, споря о ценах на рыбу и морскую зелень. Придя в конце концов к соглашению, стороны заключали сделку, и деньги переходили в одни руки, а покупки — в другие, значит, общение все же имело место. Однако ко мне так никто до сих пор и не обратился. Или я просто не понимал здешнего наречия?

Мы пересекли широкую площадь, в центре которой сквозь ветви морских растений, похожих на деревья, туда-сюда плавали рыбы, а рядом был устроен большой фонтан с разноцветными струями. У следующего перекрестка мы остановились, пропуская небольшой отряд кавалерии. Он состоял из Детей Ллира, взгромоздившихся на какие-то длиннохвостые морские существа, с виду очень похожие на лохнесское чудовище. Всадники были вооружены длинными копьями и щитами с изображением дельфинов. Толпа, запрудившая улицы, ма-хала им руками и, полагаю, на местном беззвучном языке приветствовала своих героев.

Я почему-то решил, что гарцующая кавалерия и марширующая вслед за ней пехота держат путь не иначе как в Лохлэнн, и почувствовал страстное желание попасть туда же, выбравшись отсюда любым способом. Надо непременно узнать, что случилось с Эннис. Смогла ли она выстоять в схватке со своим отвратительным двойником? Добралась ли до Лохлэнна? Сумела ли доказать свои права на престол? Поведет ли она своих подданных с Жезлом Власти в руке на защиту Лохлэнна от Детей Ллира?

Вопросы эти были похожи на те, что задают друг другу в конце каждой серии персонажи мыльной оперы. Вот только ответы на них несли жизнь или смерть жителям Лохлэнна, Морриган и Эннис, а заодно уж и некоему парню по имени Дюффус Дженьери.

По окончании краткого военного парада мы подошли к зданию, увенчанному башней, верхушка которой таялась в темноте морских глубин. Здание было окружено ротондой, освещенной фосфоресцирующими низ-

ними панелями стен. Это, вне всякого сомнения, был дворец Ллира — цель нашего путешествия.

Мы поднялись по высоким ступеням, миновали несколько коридоров и оказались в просторном зале. В дальнем его конце на возвышении стоял трон. Восседавший на нем гигант, широкоплечий, ростом около восьми футов, с густыми, длинными светлыми волосами был бы совсем похож на огромного человека, если бы не ряд зеленых плавников вдоль могучей спины. На голове его был шлем с небольшими крылышками, слегка сдвинутый набок. У ног великана лежал боевой топор, прислоненный рукояткой к трону.

Так вот он какой, повелитель морей Ллир!

— Тащите землянина сюда, — прозвучал в моем сознании низкий гулкий голос. — Тащите ко мне этого паршивого высокочку! Ллир будет судить его!

Воины освободили меня от сетей и подтолкнули к трону.

— Итак, Дюффус Дженьери, — пророкотал тот же голос, звучавший, казалось, в моей голове, — явившись в Лохлэнн и вмешавшись в наши дела, ты навлек на себя великие беды!

Я окинул его оценивающим взглядом. Передо мной был гигант, чудовищно сильный физически и, несомненно, наделенный сверхъестественной властью. Но по своему развитию это наверняка примитивный варвар, и я почти пожалел, что у меня не было с собой горстки стеклянных безделушек, купленных у голландца-ювелира в Манхэттене за двадцать четыре доллара. Возможно, мне удалось бы, одарив ими Ллира, уговорить его не идти на Лохлэнн.

Но, посмотрев на его руки, я заметил, что все пальцы великана унизаны жемчужными кольцами, а на запястье красуется золотой браслет с крупными, яркими рубинами. Переведя взгляд на перламутровые стены тронного зала, освещенные люминесцентными панелями, я должен был с огорчением признать, что если передо мной и варвар, то, надо отдать ему должное, — весьма состоятельный. Ни о каком подкупе не могло быть и речи.

— С какой целью явился ты в наш мир? — прозвучал вопрос Ллира.

— Видите ли, ваше величество, это довольно трудно объяснить, — ответил я мысленно, надеясь, что он без труда примет мое телепатическое сообщение.

— Отвечай одними фразами, ты, пустоголовый дикарь! Не пытайся волготить свои глупые слова в образы!

Я почувствовал себя так же, как однажды в детстве, когда получил замечание от учителя английского языка за то, что шевелил губами во время чтения про себя.

— Простите меня, ваше величество. Я еще не привык к здешнему языку.

— Еще бы! Ты явился из мира грубых и громких звуков, не знакомого с телепатической речью. Но даже безмозглый дурак вроде тебя может без труда обучиться этому искусству, если захочет.

— Да... конечно. Я чувствую, что у меня уже почти получается.

— Тогда отвечай! Что тебе надо на моей планете? Почему ты хочешь помешать мне захватить Лохлэнн? Почему ты перебил моих людей на острове?

— Перебил ваших людей? Да они же сами на меня напали!

— Они выполняли мое приказание! — прорычал Ллир. — Скажи, зачем ты здесь?

— Ну, видите ли, эта девушка...

— Две девушки! — засопел он. — Мне ли их не знать! Эннис и Морриган, принцессы-соперницы, и только Ллир ведает, кто из них — законная наследница престола.

Я навострил свои телепатические уши. Если только Ллир знает, кто из них полноправная королева, то мне надо во что бы то ни стало вытянуть из него правду.

— Почему они обе уверены в законности своих притязаний на трон? — спросил я.

— Хо-хо! Землянин думает, что останется в живых и понесет эту информацию в Лохлэнн!

Мне не понравился оборот, который приняла наша беседа, о чем я ему и сказал, сообщив также, какое огромное и могущественное государство — Соединенные Штаты, и какой важной персоной я там являюсь, и какие мощные атомные бомбы имеются в наших арсеналах.

— Ты что это, козявка, никак угрожаешь мне?! — злобно спросил внутренний голос Ллира.

— Что вы, конечно, нет. Просто мне действует на нервы, когда вы намекаете, что я долго не проживу. Знаете ли, я довольно суеверен.

— Ты просто безмозглый идиот и больше ничего! К тому же болтливый. Отвечай на мой вопрос!

Он поднял топор и встал передо мной во весь рост. Будь со мной Головоруб, я бы еще мог с ним потягаться, но безоружному, похоже, это было не по силам, не говоря уже о таком пустяке, как армия, подчиненная этому великану.

— Как вам уже известно, мое имя — Дюффус Дженьери, — начал я. — Я частный сыщик по вопросам, связанным с оккультными науками, которые изучаю. Мою клиентку Морган Лэйси похитил человек по имени Сион, и...

— Ты имеешь в виду лорда Сиона, регента Лохлэна, — перебил меня Ллир. — Он не похищал девушку. Она последовала за ним добровольно, после того как ее память была разблокирована. При чем здесь ты?

— Я не мог спокойно отнестись к тому, что моя клиентка похищена... вернее, исчезла прямо у меня из-под носа, вот я и прибыл сюда, чтобы найти и спасти ее.

— Знаю, каким способом ты сюда добрался! — усмехнулся Ллир. — Склонности Бранвен всем здесь хорошо знакомы. Вот уж бесстыжая потаскуха!

Слушая его, я подумал, как он похож на некоторых наших земных деятелей! Собирается захватить свободную страну, погубить всех жителей, затопив ее, и при этом строит из себя праведника, поборника высокой морали, сурово осуждая безобидные плотские радости Бранвен.

— Ты явился сюда с девицей Эннис, — продолжал Ллир. — На что ты надеялся? Помочь ей взойти на трон и самому править вместе с ней?

У него была неприятная манера задавать несколько вопросов сразу и не дожидаться ответов ни на один из них.

— Я хотел забрать Морган Лэйси обратно на Землю, — солгал я, надеясь, что Ллир не сможет проник-

нуть дальше поверхностного слоя сознания и прочитать мои сокровенные мысли.

— Почему ты думаешь, что она бы согласилась?

— Но если она не имеет законного права на престол, что ей здесь делать?

Ллир кивнул.

— Звучит довольно здраво, но что дает тебе основания не считать ее законной наследницей престола?

— Эннис совершенно уверена, что имеет все права на лохлэннский трон, да и потом, она такая могущественная ведьма! К тому же известно, что она — дочь Аравна, короля Лохлэнна.

— Которого из Аравнов? — спросил Великан.

Этого я не ожидал.

— Вы хотите сказать, что их было два?

— Конечно, два: Аравн и Черный Аравн. Двойники есть у всех, кто наделен властью.

Это было похоже на правду. Я сам убедился в существовании Черной Эннис. Значит, и у Аравна мог быть двойник — Черный Аравн. Но что это меняло?

— Настоящий и Черный Аравны оба любили королеву Этну. Она родила по дочери от каждого из них. — Ллир усмехнулся, забавляясь пикантностью ситуации. — Когда друиды Лохлэнна узнали, что принцесс — двое, что рождены они с разницей в десять месяцев и от разных отцов, они приказали отправить обеих на Абред, предварительно заблокировав их память.

Ллир помолчал, охваченный воспоминаниями.

— Никто, кроме самой королевы Этны, не знал, кто из девочек — дочь Аравна, а кто — дитя его двойника. Она так горевала из-за разлуки с дочерьми, что ее отправили в круиз по морю Туманов. Возле Столбов корабль потерпел крушение...

Он снова остановился и, улыбнувшись, проговорил:

— Все, кроме самой королевы, погибли. Она была доставлена сюда.

Очевидно, гибель корабля не была случайной. Мне, пожалуй, не нравился этот мистер Ллир!

— Дама была доставлена сюда. Королевское происхождение не мешало ей быть женщиной невысокой морали. Никаких попыток не потребовалось — стоило

Ллиру немного заняться с ней любовью, и она поведала мне, которая из ее дочерей — настоящая принцесса. Вскоре после этого она, бедняжка, умерла. Наверное, наш климат оказался для нее сыроват.

Обладая внешностью и манерами грубого и простоватого вождя викингов, Ллир на самом деле был гораздо хитрее, чем казался. Определенно, он мне совсем не нравился. Я стал с надеждой ожидать момента, когда мне удастся встретиться с ним один на один, с Головорубом против его огромного топора.

— И которая же из них — законная королева? — спросил я как можно более невинным тоном, надеясь застать его врасплох.

Он захохотал.

— Не надейся услышать это от меня! Ты, разумеется, живым отсюда не выйдешь, но мало ли что? Бранвен или Мюллеартах могут получить от тебя эту информацию телепатическим путем, и тогда Жезл Власти, попав в королевскую руку, не допустит мои легионы в Лохлэнн. Мы захватим его, как уже захватили Соэр, если нам не помешает жезл. Так что эта тайна надежно хранится в моей голове, землянин, и никогда оттуда не выйдет.

Но разве мог я позволить ей там остаться? Ведь я всегда считал себя величайшим из земных магов и полагал, что моя магия не действует только на Земле, где вообще бессильны чьи-либо чары. Теперь, наконец, настало время доказать, что я, действительно, колдун и чародей. Если бы только мне удалось проникнуть в мысли Ллира, прочитать их, но так, чтобы он этого не заметил! Если бы я смог получить только эту короткую информацию, я спас бы и Эннис, и Морриган, и весь Лохлэнн!

Я нисколько не сомневался, что смогу это сделать, и даже знал, как за это взяться. Вспомнив, как Хранитель-бандит подбирался к моему сознанию, я мысленно представил себе руку, осторожно проникающую в мозг Ллира. Пройдя сквозь поверхностный слой, на котором велась наша беседа, рука двинулась дальше.

Сознание Ллира оказалось пронизанным злобой даже больше, чем я мог предположить — почти как у того Хранителя. Холод, сковавший мою воображаемую руку,

был так непохож на ту теплоту, которую я ощущал, вступая в мысленный контакт с Морриган! Но под слоем холода и злобы я нащупал, наконец, то, что искал.

— Это Эннис. Эннис — полноправная королева, но они посадят на трон Морриган и не смогут защититься от меня. Эннис — настоящая королева!

Я быстро отступил. Ллир не должен догадаться, что я похитил его тайну. Узнав об этом, он убьет меня на месте. Я вытащил мою воображаемую руку из черепной коробки гиганта, страшно довольный своими магическими способностями и тем, что мне удалось провести великого Ллира.

— Довольно, — сказал он. — Уведите. Землянину больше нечего мне сказать. Посадите его пока в воздушную комнату, я допрошу его еще раз, прежде чем отрубить ему голову и повесить ее в зале Отрубленных Голов.

XII

Несмотря на то, что меня волокли из тронного зала Ллира по винтовой лестнице в подводную темницу, все во мне ликовало. Но, сказать по правде, ликование это сильно умерилось при виде камеры, в которой я оказался.

Это была маленькая металлическая коробка, где мне было даже не выпрямиться во весь рост, заполненная воздухом и вставленная в коробку больших размеров, полную воды. Одна стена моей камеры была из толстого стекла.

Втолкнув меня в тюрьму, люди Ллира сорвали с меня маску. Через некоторое время после того, как я остался один, панель внешней камеры приподнялась, и в нее вплыли три огромные акулы, похожие на тех, что напали на нас по пути сюда. Чудовища внимательно разглядывали меня через толстое стекло камеры. Вид у них был голодный. Мне захотелось показать им язык, но я почему-то передумал.

Во всех книгах, где герои попадают в плен, они меряют шагами темницу, напряженно думая, и в конце концов изобретают блестящий план побега. Я тоже решил попробовать. Пять шагов — поворот, пять шагов — опять поворот. Да, маловато для выработки гениальных идей. Наверное, именно из-за этой тесноты мне не удалось ничего придумать.

Сев на пол, я начал тщательно осматривать помещение. Если мне придется пробыть здесь долго, я попросту вывихну себе шею — мой рост почти пять с половиной футов, тогда как высота камеры — всего четыре. А если лежать на полу, то приходится сворачиваться чуть ли не вдвое. Но они, скорее всего, и не собираются долго меня здесь держать.

Акулы продолжали алчно смотреть на меня сквозь стекло, а одна из них не переставая толкалась в него носом. На морде чудовища застыло какое-то жалобно-голодное выражение. Казалось, его красноватые глаза умоляли меня разбить чем-нибудь это стекло и дать ему проникнуть ко мне, чтобы мною пообедать. Но я решил оставить эту просьбу без внимания. Эта акула чем-то напомнила мне одного импресарио из Голливуда...

Я еще походил по камере, но планы, возникавшие у меня при этом, были сплошь из разряда невыполнимых. Я стал мечтать о том, как заманю Ллира в свою тюрьму под предлогом передачи ему важной информации и буду держать его в заложниках, пока не получу свободу. Однако возникало несколько проблем. Чтобы заманить сюда кого-либо, мне надо было связаться с ними, чего по своей инициативе я сделать никак не мог. А сами они, похоже, вообще обо мне забыли. Я представил, как меня, умершего здесь от голода, найдет через несколько тысячелетий какой-нибудь археолог. А в наружном помещении — трех погибших подобной же смертью акул...

Еще одной загвоздкой в плане являлось то, что Ллир был восьми футов ростом, мощный, как танк, и с железными мускулами. Держать его в заложниках мне, безоружному, было бы трудновато...

Не без сожаления расставшись с этим планом, я стал искать другой выход. Совершенно ясно было только одно: надо как можно быстрее отсюда выбираться. Рас-

полагая жизненно важной информацией для Эннис и Лохлэнна, я просто не имел права здесь торчать. Да и не по душе мне был вид трех уставившихся на меня в окно голодных акул.

Я еще раз сосредоточенно оглядел свою тюрьму-коробку, а также и ту, в которой плавала моя камера в компании с тремя акулами. Пол был из твердого гранита, сквозь который не пробиться. Я поглядел на окно — разбить его можно, но этим я открою доступ в свою клетку не только воде, но и акулам.

Да, варвары эти существа или нет, но, похоже, они изобрели тюрьму, побег из которой невозможен. Интересно, ее сконструировали специально для меня или они часто берут в плен существ, дышащих воздухом?

Воздух! Окрыленный внезапной догадкой, я стал внимательно разглядывать потолок моей камеры. Воздух в ней был свежим и чистым, значит, он непрерывно откуда-то поступал. Отверстие для доступа воздуха, закрытое решеткой, я обнаружил в одном из углов потолка. Эта воздушная труба наверняка идет через всю толщу океана до самой поверхности, но беда в том, что отверстие в моей камере — всего дюймов восемнадцать в диаметре, а мне, чтобы протиснуться сквозь него, надо как минимум в два-три раза больше.

Подойдя к окну вплотную, я смог, несмотря на заслонявших весь обзор акул, разглядеть, в какую сторону от моей камеры идет воздушная труба. Я простоял не менее получаса, пока двое из чудовищ не затяли драку и не стали гоняться друг за другом, на время исчезнув из виду. Тогда-то я и разглядел, что труба, выходя из стены моей камеры, идет к противоположной стене внешнего помещения. Там она входит в трубу большего диаметра, выходящую наружу через потолок. Это путь на поверхность, но как до нее добраться?

На трубе я разглядел также что-то вроде корабельной водозапорной двери с четырьмя ручками. Несомненно, это было отверстие, через которое туда при необходимости проникали ремонтные рабочие. Учитывая диаметр трубы, я решил, что она вентилирует не только мою камеру, но и несколько других, и что время от времени у Ллира бывает помногу пленников, дышащих воздухом.

Все эти рассуждения, небезынтересные сами по себе, пока не давали мне практически ничего. Если мне удастся добраться до этой двери, открыть ее и попасть в трубу, то, возможно, я смогу подняться на поверхность — меня вытолкнет хлынувшая в отверстие вода. Но... как быть с акулами?

Я был хорошим пловцом и мог подолгу задерживать дыхание под водой. Если бы не акулы, я бы разбил окно, проплыл до водозапорной двери и успел открыть ее прежде, чем начал бы задыхаться. Но за это время каждый из моих товарищей по заключению успеет отхватить от моего тела по изрядной порции.

Тут я снова затосковал по Головорубу. Со своим верным помощником я бы одолел акул, без него же предприятие выглядело совсем безнадежным. Но предпринять попытку все же следовало. Возможно, сквозь разбитое окно вода втолкнет акул с такой силой и скоростью, что я успею выскочить в наружную камеру и подобрать какой-нибудь осколок для защиты от чудовищ.

Эннис, может быть, уже погибла, и Морриган ошибочно коронована, но я должен был ради них и жителей Лохлэнна выбраться отсюда и открыть правду, которую узнал.

Я упустил из виду еще одну проблему. Чем мне разбить стекло? Оно было толстым и очень прочным и, конечно, нечего было и думать разбить его кулаком или ногой.

В моей камере не нашлось ничего, чем можно было воспользоваться. Ничего металлического, например, прута от решетки кровати, да и кровати-то никакой не было. Я выругался. Я готов пойти на такой огромный риск во имя призрачной надежды на спасение, но нечем разбить проклятое стекло!

— Головоруб, старый товарищ, если бы ты был сейчас со мной! — воскликнул я, подняв руки и задев шлем на голове.

Шлем! Конечно же, шлем! Я снял его. Какое счастье, что Дети Ллира не отобрали у меня ни его, ни кольчугу! Острый выступ на шлеме вполне может пробить стекло, а кольчуга защитит от акул по крайней мере часть

моего тела. Ллир и его дети поступили весьма беспечно, оставив мне мои доспехи.

Со шлемом в руке я подошел к окну. Три акулы собрались по другую его сторону и, мне показалось, улыбнулись в предвкушении сытной еды.

— Вы, похоже, собирались полакомиться мной? — обратился я к ним. — В таком случае должен вас предупредить, что я не только жесткий, но и ужасно воюючий. Лук и чеснок я поедаю тоннами. Того, кто меня проглотит, ждет мучительнейший гастрит! А что будет, когда у всех сразу в таком тесном помещении начнется чесночная отрыжка!

Похоже, мои слова их не убедили, и они продолжали кидать на меня голодные взгляды.

Что ж, пеняйте на себя! Раз не слушаетесь моих советов, придется вам отвечать за последствия.

Вот такими шутками я подбадривал себя, готовясь к побегу.

Крепко держа шлем обеими руками, я размахнулся и что было сил стукнул острием по стеклу. Раздался звон, и на стекле появились небольшие трещины. Я ударил еще раз по тому же месту, трещины увеличились. Акулы в нетерпении били хвостами по воде. Они были поистине счастливы видеть, как их ужин сам пробивается к ним сквозь толстое стекло.

Наконец, с третьего удара стекло раскололось. Осколки упали внутрь под давлением хлынувшей в мою камеру воды. Я вовремя отскочил и прислонился к стене: помещение стремительно наполнялось водой и акулами.

Три монстра начали биться в тесной камере, кусая друг друга острыми зубами. Пока они сосредоточились на этом увлекательном занятии, я выбрался сквозь отверстие в наружную камеру. Острые осколки стекла в месте пролома царапали мою кольчугу. Я изо всех сил отбивался ногами от возможного нападения сзади.

Уровень воды в наружной клетке упал, часть ее перетекла в мою, но вода все еще не покрывала меня с головой. Сделав глубокий вдох, я поплыл к водозапорной дверце. Акулы продолжали сражаться за право выбраться из моей камеры в наружную сквозь небольшое отверстие.

В моем распоряжении было не больше одной-двух минут, да и то в самом лучшем случае. Морда одного из чудовищ была уже нацелена в мою сторону, его зубы были свирепо оскалены, глаза кровожадно сверкали. Я понял, что через мгновение эти зубы вонзятся в мое тело. Рванувшись к дверце, я обо что-то споткнулся и чуть не упал. Инстинктивно вытянув вперед руки, я наткнулся на рукоятку меча. Головоруб! Головоруб! Как же он мог здесь очутиться?

Держа в руках свой меч, я чувствовал себя совсем другим человеком. Но Ллир и его безмозглые стражи все-таки не могли быть настолько глупы, чтобы оставить палаш там, где я так легко смог его найти. Однако это ведь не простой, а волшебный меч! Как знать, может быть, он сам отыскал дорогу ко мне?

Или, что тоже вполне возможно, его прислала мне Мюллеартах. Не знаю, почему я решил, что это дело ее рук, а не помошь Бранвен. Наверное, потому, что до сих пор морская ведьма действовала намного эффективнее, чем обладательница благостного лона.

Одна из акул, выбравшись наконец из моей бывшей тюремной камеры, бросилась на меня в атаку. Размахнуться Головорубом в воде было невозможно, но из него получилось прекрасное копье. Я воткнул клинок в акулью пасть, как бы угощая свирепую тварь пятью футами отличной, хотя и совсем несъедобной стали. Мерзкая голова хищника оказалась проткнутой насквозь, вода вокруг потемнела от его крови. Двое других к этому времени также выбрались из моего узилища и собрались напасть на меня с обеих сторон. Я встал спиной к водозапорной двери, отпугивая их мечом. Они приближались медленно, но целеустремленно. Достаточно сильным ударом я заставил одно из чудовищ отступить, но другое продолжало приближаться.

Опираясь на стену, находившуюся за моей спиной, я делал выпады, преодолевая сопротивление воды, но внезапно уровень ее понизился, и моя голова и плечи оказались над ее поверхностью. Моя бывшая камера заполнилась водой до предела, поэтому здесь ее убыло. Теперь я смог поднять Головоруб и обрушить его на приблизившуюся ко мне акулу. Мой удар рассек ее почти пополам чуть ниже головы. Единственная уце-

левшая тварь, похоже, предпочла оставить меня в покое и удовольствоваться на обед своими павшими товарищами.

— Выходит, рассказ о жесткости моего мяса и гастроэнических пристрастиях все же возымел действие, — пробормотал я, дотягиваясь до одной из ручек, запиравших дверцу.

Надо было торопиться, вода снова стала прибывать, просачиваясь откуда-то снаружи. Когда она опять покроет дверцу, мне будет гораздо труднее ее отпереть.

Когда я поворачивал вторую ручку, вода снова добралась до моих плеч. Третья долго не поддавалась, и мне пришлось постучать по ней Головорубом, как молотком, чтобы она открылась. Четвертую совсем заклинило, и мне не оставалось ничего другого, как вырезать запор мечом. Металл оказался довольно мягким, и Головоруб справился с этим делом отлично.

Когда дверь, наконец, была открыта, уровень воды уже достиг моих глаз. Подталкиваемый водой, я забрался в трубу. После этого я быстро захлопнул дверь, чтобы удержать снаружи рвавшуюся в отверстие воду. Затем я принял ощупывать внутреннюю поверхность трубы в поисках ступеньки. Нашел одну, затем над ней другую. Полз осторожно, ощупью находя каждую следующую ступеньку и крепко хватаясь за нее. Медленно, но верно я двигался по темному желобу навстречу свободе.

XIII

Осторожно переставляя ноги и перебирая руками, я лез в кромешной тьме по трубе воздуховода. Дважды нога моя соскальзывала со ступени, и я зависал в воздухе, отчаянно пытаясь снова нащупать опору. Дважды моя рука не находила вверху следующей ступеньки. Оба раза я становился на цыпочки и, почти теряя равновесие, находил-таки металлическую перекладину. С Головорубом на перевязи и в шлеме с кольчугой, я вскоре задышал, как знаменитый бегун, набравший лишний вес, но все же пытающийся выиграть забег.

Не знаю, сколько времени я уже так карабкался — по моим подсчетам выходило что-то между девяносто девятью и ста годами. Ладони мои кровоточили, несколько раз я останавливался, чтобы вытереть с них пот и заодно перевести дух. Но, наверное, и вечности когда-нибудь приходит конец, и вот высоко над моей головой забрезжило маленькое пятнышко света.

— Бранвен, расчудесная ты моя секс-бомба, не тебе ли я обязан своим спасением? — спросил я, но Бранвен не ответила. После моей разлуки с Эннис она стала совсем необщительной.

Я по-прежнему чувствовал усталость, но впереди маячило избавление. Маленькое круглое пятно света в вышине было моей наградой, и я стремился поскорее заполучить свой приз. Поэтому последнюю часть пути я преодолел в рекордный срок и наконец, пошатываясь, вылез на поверхность и огляделся.

Увидев, что меня окружало, я чуть было не нырнул обратно в трубу.

— Боже мой, — прошептал я, — не иначе как это преисподняя!

Именно так все и выглядело. Я находился в глубоком котловане конической формы. Его дно было усеяно небольшими лужицами, в которых, булькая, кипела вода, а совсем рядом со мной оказалась воронка с кипящей лавой. Воздух, насыщенный горячим паром, наводил на мысль о турецких банях в середине августа.

Я попробовал поставить ногу рядом с отверстием трубы, и сквозь толстую подошву ботинка почувствовал, как горяча почва. Пот градом катился по моему лбу и спине. Я задыхался от испарений, а дотронувшись до Головоруба, почувствовал, что он стал очень горячим.

Да, похоже на то, как если бы я со сковородки прыгнул прямо в костер и к тому же должен быстро сообразить, что делать дальше. Я задрал голову вверх. Сквозь тяжелые клубы пара пробивался свет, и в круглом отверстии кратера показался кусочек голубого неба.

Я понял, что стою в буквальном смысле слова на вулкане.

Осознав это, я вспотел еще сильнее, особенно после того, как с ужасом почувствовал, что почва слегка колеблется у меня под ногами.

Я подумал было, не позвать ли на помощь Бранвен, но она была не слишком-то внимательна ко мне последнее время, а заставить себя прибегнуть к помощи Мюллеартах я просто не мог.

Выходит, мне оставалось рассчитывать только на свои силы. Прежде всего следовало пересечь кратер и добраться до его противоположной стенки. Навряд ли мне

удалось бы взобраться по отвесной стене наружу, но, возможно, убравшись подальше от луж с кипящей водой и лавой, я почувствую себя лучше и смогу сообразить, что делать дальше.

— НЕ ТУДА ИДЕШЬ, ГЛУПЫЙ, — раздался в моем сознании хриплый голос Мюллеартах. — НУ ПОЧЕМУ ТЫ НИЧЕГО НЕ МОЖЕШЬ СДЕЛАТЬ КАК НАДО? НЕ ПРИСМАТРИВАЙ Я ЗА ТОБОЙ, ТЫ БЫ УЖЕ ПОГИБ НЕ МЕНЬШЕ ДЮЖИНЫ РАЗ!

Неудивительно, что ее называли ведьмой. Она была ничем не лучше любого шофера-лихача на раскаленной дороге воскресным летним днем.

— Да, скажешь тоже! Здорово ты мне помогала, когда я был в плену у Ллира!

— ЕСЛИ ТЕБЯ УГОРАЗДИЛО ПОПАСТЬ К ЛЛИРУ, ТО ЧТО ЖЕ Я-ТО МОГЛА ПОДЕЛАТЬ? МОРРИГАН ПОПРОСИЛА МЕНЯ ПРИСМОТРЕТЬ ЗА ТОБОЙ, НО ВО ДВОРЕЦ ЛЛИРА ДАЖЕ Я НЕ МОГУ ПРОНИКНУТЬ!

Я снова подумал, не она ли прислала мне Головоруб в морские глубины, но отбросил эту мысль. Я верил, что мой меч, обладающий волшебной силой, мог сам найти меня и на берегу необитаемого острова, и в подводной темнице Ллира.

— Так ты что, решила оставить меня здесь, чтобы у меня сгорели ноги, или все-таки подскажешь, как отсюда выбраться?

— ВЫРАЖАЙ СВОИ МЫСЛИ ПОВЕЖЛИВЕЕ, ЮНЕЦ, А ТО Я ВОЗЬМУ И УТОПЛЮ ТЕБЯ В ОДНОЙ ИЗ ЭТИХ СУЛЬФАТНЫХ ЛУЖ. НЕ ХВАТАЛО ЕЩЕ, ЧТОБЫ ТАКИЕ ПАРШИВЫЕ ЩЕНКИ ДЕРЗИЛИ МНЕ, ПОЧТЕННОЙ ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЙ ДАМЕ!

— У меня ноги горят! Как мне отсюда выбраться?

— ТЫ НЕ ТУДА ИДЕШЬ! ТЕБЕ НАДО ИДТИ ПО КРАТЕРУ В ДРУГУЮ СТОРОНУ, ТАМ ОТВЕРСТИЕ ТУННЕЛЯ, ВЕДУЩЕГО В ЛОХЛЭНН!

Я оглянулся. Лава, казалось, блестела еще ярче, шипели, лопаясь, пузыри на поверхности сульфатных луж, все было окутано паром.

— Боюсь, мне это не под силу, — ответил я.

— ПОД СИЛУ! НАДО ТОЛЬКО НЕМНОГО ОТВАГИ! БЕДА С ВАМИ, СМЕРТНЫМИ, ВЕЧНО ВЫ СКУЛИТЕ.

— Но ты хоть немного поможешь мне на самом горячем участке пути?

— С КАКОЙ ТАКОЙ СТАТИ, КАБАН ТЫ ЭТАКИЙ? ПОЧЕМУ ЭТО Я, ХРУПКАЯ ПОЖИЛАЯ ЛЕДИ, ДОЛЖНА ТАЩИТЬ НА СЕБЕ ТАКОГО ЗДОРОВОГО УВАЛЬНЯ?! В МОЕМ ВОЗРАСТЕ НАДО БЕРЕЧЬ СИЛЫ. ВЫ, СМЕРТНЫЕ, ВЕЧНО НОРОВИТЕ ЗАСТАВИТЬ КОГО-ТО ДЕЛАТЬ ЗА ВАС ВСЮ ЧЕРНУЮ РАБОТУ. НЕТ ЧТОБЫ СТОЯТЬ НА СВОИХ СОБСТВЕННЫХ НОГАХ!

— Я на них и стою, и им страшно горячо!

— ТАК ЧЕГО ТЫ СТОИШЬ? ИДИ! И ПОБЫСТРЕЕ — ТЕБЕ ЖЕ БУДЕТ ЛУЧШЕ. МОЖЕТ, ПОДНИМЕТСЯ ВЕТЕРОК И НЕ ДАСТ ТВОЕЙ КОЖЕ ОБГOREТЬ...

— Масса благодарностей! — крикнул я и припустил в направлении, указанном ведьмой.

— ПОТИШЕ, СЫНОК! БУДЕШЬ БЕЖАТЬ ТАК БЫСТРО — УСТАНЕШЬ! — крикнула колдунья мне вслед.

Но я не мог двигаться медленнее, иначе загорелись бы подошвы ботинок, а я сам просто растаял бы. Как ни странно, поднялся легкий ветерок и слегка остудил мою кожу. Пот уже не так обильно струился по моей спине, и пар над поверхностью кратера немного развеялся. Я понял, чьих это рук дело, услышав за спиной хихиканье Мюллеартах. Старая карга помогла мне только дойти куда надо, не позабывшись при этом избавить меня от страданий. Но надо отдать ей должное: без нее я бы не прошел этот путь.

К противоположной стене кратера я добрался, дыша, как загнанная лошадь, но не обнаружил там никакого входа в туннель.

«Не иначе как старая вешалка надула меня!» — подумал я, оглядываясь в поисках чего-либо, хотя бы отдаленно похожего на отверстие.

— ПОСМОТРИТЕ НА ЭТОГО ВЕЛИКОВОЗРАСТНОГО ПЛАКСУ! — воскликнула Мюллеартах, внезапно представшая передо мной. — БУДЬ ТЫ ПОУМНЕЕ

И ПОСМЕЛЕЕ, САМ МОГ БЫ НАЙТИ ВЫХОД ОТСЮДА, НИКОГО НЕ ПРОСЯ О ПОМОЩИ!

Ну и видок у нее был с этим единственным налитым кровью глазом, посреди лба! Неудивительно, что она так редко показывалась.

— Мне нравятся твои лекции, — сказал я. — Они так содержательны!

— НО ТЫ МЕНЯ НИКОГДА НЕ СЛУШАЕШЬ! — пожаловалась она. — КАК И ЛЮБОЙ ИЗ СМЕРТНЫХ! ДАЖЕ МОРРИГАН! КОГДА ВАМ ХУДО, ТАК, НЕБОСЬ, ЗОВЕТЕ МЕНЯ, А ПОТОМ...

— Мне от тебя сейчас надо только одно: скажи, как мне выбраться из этой чертовой дыры?

— АХ, ЭТО... ВХОД В ТУННЕЛЬ С ДРУГОЙ СТОРОНЫ ВОТ ЭТОГО БОЛЬШОГО СУЛЬФАТНОГО БАССЕЙНА. ДРУИДЫ ЛОХЛЭННА ХОДЯТ СЮДА ЭТИМ ПУТЕМ ЗА СУЛЬФАТОМ ДЛЯ СВОИХ ДУРАЦКИХ ФОКУСОВ.

Я двинулся в обход бассейна. Каждый мой шаг сопровождался советами и поучениями Мюллеартах.

— СМОТРИ ПОД НОГИ, ГЛУПЫЙ, А ТО СОЖЖЕШЬ СТУПНЮ! ПРИ ВХОДЕ В ТУННЕЛЬ БЕРЕГИСЬ ВЫСТУПА СПРАВА, А ТО ОН ВЫШИБЕТ ДАЖЕ ТЕ ЖАЛКИЕ МОЗГИ, КОТОРЫЕ ЕСТЬ В ТВОЕЙ ГОЛОВЕ. НЕ ЗАБУДЬ РАССКАЗАТЬ МОРРИГАН, КТО ТЕБЕ ПОМОГ ПОПАСТЬ В ЛОХЛЭНН! НЕ...

Нырнув в туннель, я перестал слышать ее голос. Даже если тебя примется пилить красивая молодая девчонка, и то не очень-то вытерпишь, а уж от этой одноглазой ведьмы я и подавно не собирался такое сносить.

Длина туннеля была, наверное, около полукилометра, но идти было несравненно легче, чем по кратеру, и шел я быстро.

Чем дальше я уходил от кратера, тем становилось прохладнее, а когда впереди забрезжил свет, воздух стал свежим, бодрящим, напоенным ароматом цветов и трав. Я не мог надышаться им и вскоре принял беззаботно насвистывать. Однако у выхода из туннеля, оборвав веселый свист, я издал вопль ужаса: меня там уже ждали! Неподалеку от отверстия туннеля стоял

огромный чешуйчатый дракон. Спина и хвост чудовища были унизаны шипами, неуклюжее туловище увенчивали две женские головы с длинными светлыми локонами, украшенными розами. Огромные рты, сделавшие бы честь и гиппопотаму, обнажали в улыбке по три ряда белоснежных острых зубов.

Правая голова, облизнувшись, повернулась к левой и проговорила:

— Посмотри, сестра Себа, он наконец появился. Точно такой, как она говорила!

— Да, сестра Фифа, — отвечала левая. — А какой крупный и сочный на вид!

Они смотрели на меня так кровожадно, как будто я был аппетитной бараньей отбивной, только и ждущей, чтобы меня сожрали! Ну почему, подумал я в отчаянии, почему почти любое существо, которое я встречаю в этом проклятом мире, немедленно оценивает меня с точки зрения вкусовых и питательных свойств?

— Она не обманула нас, сестра Фифа, — заключила голова по имени Себа, тряхнув локонами. — Он вышел из туннеля, как она и предупреждала.

Вот теперь я понял, почему Мюллеартах столь заботливо направляла меня в туннель. Она предназначила меня на корм этому двухголовому монстру женского пола. Интересно, сколько же запросила морская ведьма за шкуру бедняги Дюффуса?

Чудовище стало приближаться ко мне, угрожающее размахивая десятифутовым хвостом, но при этом сохранив приветливые улыбки на обоих своих лицах.

— Мы так рады видеть тебя, Дюффус Дженьери, — проворковала Фифа.

— Да, да! — согласилась Себа. — Долгие годы мы мечтали, что наконец появится кто-то вроде тебя!

— Дело в том, — сказала Фифа, — что мы — заколдованная принцесса.

— Да, да! — поддержала Себа. — Один мерзкий друид наложил на нас заклятие, и мы приняли этот облик.

— Только прекрасный принц может освободить нас от злых чар, — добавила Фифа. — Ты ведь прекрасный принц, да?

Полагаю, что я вполне мог считать себя принцем, так как среди моих предков числился по меньшей мере один король, а красивым меня признавали многие женщины. Но я не знал, под действием каких именно чар находилось чудовище, и решил уклониться от прямого ответа.

— Ты ведь нам поможешь, правда? — спросила Фифа.

— Конечно, поможешь! — с энтузиазмом воскликнула Себа. — Ты такой славный. И мы так долго ждали!

Обе вздыхали так печально, что мне стало их жаль. Как ужасно для прекрасной принцессы оказаться превращенной в двухголовое чудовище! Но почему все-таки у него две головы и два имени, если принцесса была одна?

Как и большинство существ этого мира, дракон умел читать мысли. Обе головы скромно потупились.

— Видишь ли, вот как это случилось, — начала Себа.

— Да, вот как, — поддержала Фифа.

— Был красивый молодой принц, — сказала Себа.

— И уродливый старый король, — продолжила Фифа.

— И мы полюбили принца, — сказали они хором, — но должны были выйти замуж за короля.

— И когда король обнаружил нас в постели с принцем, он рассвирепел и приказал своему друиду заколдовать нас, — сказала Фифа.

— При этом он кричал: «Раз ты такая двуличная, то пусть это станет очевидным для всех!» — закончила рассказ Себа.

— Согласись, это было жестоко и подло по отношению к молодой красивой девушке! — потребовала Фифа.

— Согласен. Но чем я могу помочь?

— Ты можешь снять с нас заклятие! — с жаром ответили обе.

«Ну что ж», — подумал я. Во всех сказках и легендах о заколдованных принцессах, которые я читал, поцелуй служил единственным надежным средством для снятия злых чар. Затем избавитель получал всевозмож-

ные, порой весьма недвусмысленные, изъявления благородности. Меня не очень вдохновляла перспектива целовать этих толстогубых «красоток», но джентльмен всегда должен помогать даме, попавшей в затруднительное положение... особенно если его ждет заслуженная награда.

— А как снять с вас заклятие? — спросил я на всякий случай. — Что я должен делать?

— О, тебе ничего не придется делать, — уверила меня Себа-Фифа. — Мы сами сделаем все, что нужно.

— Как это сами?

— Мы тебя съедим, — с готовностью ответили они хором. — Нам надо проглотить прекрасного принца, чтобы вернуть свой прежний облик. Вот какой гадкий был король! Он ненавидел принцев!

Я попятился, а чудовище сделало ко мне шаг на своих четырех толстых неуклюжих ногах, похожих на короткие столбы.

— Я вам не подхожу, — сказал я быстро. — Во мне нет ни капли королевской крови. Мои предки все до единого были мойщиками туалетов или в лучшем случае конокрадами.

— Нет, это неправда! — крикнули головы. — Мы знаем, что ты — принц. Мы за версту чуем королевскую кровь, а кроме того, нам об этом сказала она!

Чтоб тебя разорвало, проклятая ведьма Мюллеартах! Попадись только мне еще раз, я тебе выколю твой единственный глаз, сказал я себе, снимая с перевязи Головоруб.

— Зачем тебе этот ужасный меч? — спросили головы, уставившись на мой палаш.

— Чтобы защищаться, — ответил я. — Предупреждаю вас, леди, меч мой называется Головоруб и вполне оправдывает свое название.

— Ах ты негодник! — воскликнула Себа.

— И ты смеешь нам угрожать?! — поддержала сестру Фифа.

— Вы первые начали, — возразил я. — Но вот что я вам предлагаю. Если вы отойдете на десять шагов, отвернетесь и дадите мне пройти, я обещаю не рубить ваши головы.

— Какой ты невоспитанный! — возмутилась Себа.

— Может, ты и принц, но никакой не джентльмен! — поддержала ее Фифа.

— Вот именно, — согласилась Себа. — Джентльмен не станет угрожать прекрасной принцессе своим ножом для забоя скота!

— Наоборот, он одарит даму цветами и конфетами и тому подобным, — заверила Фифа.

— Прошу учесть, что в настоящий момент вы не являетесь прекрасной принцессой, — заметил я, размахивая перед чудовищем Головорубом. — А еще прошу принять во внимание, что это очень острый меч!

— Хорошо, раз ты такой, — кивнули головы, — мы отойдем и отвернемся, а ты крадись себе мимо, как презренный трус и невоспитанный мужлан.

— Благодарю вас, леди, — сказал я. — Теперь покажите-ка мне вместо очаровательных мордашек ваш мощный тыл.

— Вот грубиян, а, Себа? — спросила Фифа.

— Так выражаться при дамах! — вознегодовала Себа. — Знаешь, не думаю, что он пришелся бы нам по вкусу.

Чудовище неуклюже повернуло свое грузное тело хвостом ко мне.

Крепко держа в руке Головоруб, я стал перешагивать через хвост. Это было моей ошибкой. Хвост взметнулся со скоростью броска кобры, крепко обвив мое туловище. Руки мои оказались прижаты к бокам, а я завопил и стал отбиваться.

— Отпустите меня! Вы меня обманули! Вы обещали не делать этого! Мы заключили договор! — кричал я, возносясь над унизанной шипами спиной чудовища, с бесполезным Головорубом в прижатой к туловищу руке.

— Ничего мы не заключали, — ответил дракон, — мы просто временно отступили под давлением грубой силы.

— Не верю, что вы когда-то могли быть прекрасной принцессой! Вы всегда были такими как сейчас — чешуйчатым длиннохвостым злобным уродом с двумя головами!

— Ах, ты негодяй! — завизжали они голосами оскорбленных дебютанток.

Хвост взметнулся еще выше и резко опустился. Я ударился о землю так, что аж зубы щелкнули. То же самое повторилось еще раз.

— Вот тебе! Вот тебе! — вопили головы дуэтом. — Будешь знать, негодяй!

Дракон так и прикончил бы меня, если бы ему в головы не пришло кое-что другое. Стукнув меня о землю третий раз, он повернулся и занес надо мной одну из своих мощных передних ног.

— Будешь знать, как оскорблять прекрасную принцессу, невоспитанная свинья!

Я резко откатился в сторону и оказался буквально на волосок от тяжело опустившейся ноги.

— Лежи смирно и получи по заслугам! — Поднялась другая нога, но и Головоруб не остался на месте. Конец клинка вонзился в мощную грудь чудовища. Убить его я не убил, но ранил наверняка.

Обе головы заголосили:

— Я убита! Он меня убил! Злодей! Убийца!

Я поднял меч выше, приготовившись к сражению, но напрасно: Себа рыдала, Фифа всхлипывала. Безобразная туша повернулась и бросилась бежать по направлению к небольшой рощице. На прощание я шлепнул чудовище Головорубом плашмя по мощному заду.

— На помощь! Помогите! Убийца разгуливает на свободе! — визжал дракон. — Он на нас напал!

Монстр исчез в зарослях деревьев, все еще продолжая вопить. Его неистовые вопли, наверное, были слышны и на Земле. Во всяком случае, здесь, на Анноне, они привлекли чье-то внимание.

Вынырнув из-за пригорка на дороге, ко мне галопом мчался отряд всадников. При виде меня предводитель группы обнажил меч, остальные взяли пики наперевес. Они приближались с головокружительной скоростью.

— Ну, не подведи, друг! — пробормотал я, встав в боевую позицию с Головорубом в руках.

Их было человек двадцать, они были верхом на лошадях, и пики их были намного длиннее моего Головоруба. Я понимал, что этот бой должен стать для меня последним, но все же стоило попытаться сделать хоть что-то для своего спасения. В этом мире, где все так

быстро меняется, никогда не знаешь, что может произойти в следующую минуту.

— Сдавайся! Сдавайся! — крикнул командир.

Я пытался придумать, что бы такое сказать героическое — как было сказано при Банкер Хилл или в каком-либо другом историческом сражении, но мне ничего не приходило в голову. Я просто описывал Головорубом круги над головой, он пел, и всадники слышали, как он поет свою боевую песню.

— Сдавайся, чужак! — снова крикнул командир. — Сдавайся, или ты умрешь!

— Подождем, пока они приблизятся настолько, что можно будет разглядеть белки их глаз, — сказал я Головорубу.

XIV

Положение мое казалось совершенно безнадежным. В лучшем случае я успею прикончить двоих-троих всадников, но остальные собьют меня с ног и затопчут или изрешетят копьями. Тогда, может быть, разумнее сдаться в плен? Нет! Здесь, на Анноне, воин без боя не сдается.

Поэтому я дождался, пока двадцать всадников с копьями наперевес приблизились на расстояние примерно пятидесяти футов от меня. К этому времени я успел уже оправиться от первого испуга.

— Сдавайся! Сдавайся именем королевы Морриган! — снова крикнул мне командир.

От удивления я открыл рот.

— Простите! — произнес я громко. — Что вы сказали?

Всадник осадил лошадь и внимательно посмотрел на меня.

— Я предложил тебе сдаться именем королевы Морриган, — ответил светловолосый капитан. — Я — Сивард, граф Ригор, военачальник Лохлэнна и капитан войска королевы Морриган.

— Рад познакомиться. Я — лорд Дюффус Голливудский, частный сыщик королевы Морриган.

Граф неуверенно смотрел на меня сверху вниз. Это был симпатичный молодой парень с прической, стиль которой иначе как хипповым было не назвать.

— Частный сыщик? Не уверен, существует ли в нашем королевстве такая придворная должность.

— Это потому, что речь идет о частных делах, — ответил я. — О которых известно лишь королеве Морриган и мне. Я требую, чтобы меня немедленно проводили к ней.

Граф Сивард выглядел смущенным. Я говорил с заметным акцентом, одежда моя была нездешней, но я так запросто произносил имя королевы Морриган, что он явно не знал, как со мной следует поступить.

— Немедленно дайте мне лошадь! — потребовал я решительно, вспомнив, что лучший способ защиты — нападение. — Королева Морриган ждет меня!

Последнее могло быть и правдой, если Морриган с Мюллеартах поддерживали постоянную связь, как Эннис с Бранвен. Водяная могла сообщить девушке, что я на пути в Лохлэнн... хотя, возможно, она надеется, что Себа-Фифа уже сожрала и переваривает меня.

Не знаю, что подумал обо мне граф Сивард, но он согласно кивнул и сказал:

— Ладно, мы доставим тебя в Каэр Ригор к королеве. Но учти, если ты солгал, тебе не поздоровится.

— Королевские частные сыщики не имеют привычки лгать! — сказал я величественно.

— Гм... да, вероятно... — произнес граф Сивард. Я почувствовал, что он умирает от желания спросить, чем же занимаются частные сыщики при королевах, но почему-то не решается.

Граф приказал одному из всадников спешиться. Лошадь его была представлена мне. Мы с ней окинули друг друга недоверчивыми взглядами, но стоило мне сесть в седло, и она покорно потащила мои двести

пятьдесят фунтов, издав всего несколько жалобных вздохов.

Мы поехали по пыльной дороге мимо изгородей, за которыми на полях зеленело что-то напоминавшее пшеницу. Иногда среди полей мелькали фермерские домики, окруженные аккуратными садиками. После выхода из туннеля я впервые мог как следует разглядеть страну, в которую так стремился. Лохлэнн лежал в большой сводчатой каверне, своды которой были так высоки, что под ними плавали облака. Все было залито светом, но источника его не было видно. Я предположил, что это могла быть вулканическая лава или какой-нибудь фосфоресцирующий источник, вроде того, каким пользуются Ллир и его люди. Но свет был совсем как наш, земной, и чувствовалось, что исходит он от невидимого солнца, да и растительность, зеленевшая кругом, очень напоминала земную и безусловно нуждалась в солнечном свете. Объяснить это я мог только волшеством. Оно заставляло светить солнце, с его помощью зеленела растительность. По правде говоря, мне начинало надоедать это универсальное объяснение всего происходящего, но другого, более убедительного, здесь просто не существовало.

Каэр Ригор представлял собой замок с многочисленными башнями. Он стоял на высокой крутой горе, отражаясь в водах широкой реки. У подножия горы раскинулся городок примерно такой же величины, как Педриван. По реке сновали баржи, множество мелких суденышек и несколько патрульных военных галер. За рекой темнел густой лес, а дальше можно было разглядеть стену каверны, в которой лежал Лохлэнн. В каменной стене я увидел огромные медные ворота.

Граф Сивард, поймав мой взгляд, мрачно сказал:

— Морские ворота. За ними — легионы Ллира. Без Жезла Власти мы... — Он запнулся, видимо, решив, что и так слишком много сказал чужаку.

— Мое появление здесь как раз и связано с Жезлом Власти, — объяснил я. — Мне надо немедленно переговорить с королевой.

К воротам города мы подскакали галопом, но, въехав на его улицы, перешли на рысь. Вскоре мы миновали

территорию порта, где вовсю шла погрузка на торговые корабли.

— Вижу, вы ведете оживленную торговлю, — сказал я Сиварду. — Куда направляются эти баржи?

— В Крок Мидхейн, а оттуда караваны доставят наши товары на поверхность. Там их погрузят на торговые корабли и повезут в разные уголки планеты. Правда, в последнее время Дети Ллира здорово мешают этим операциям.

Каэр Ригор уступал по размерам дворцу Ллира, но зато он имел вид крепости, выдержавшей не одну осаду, и на его бастионах несли службу караульные в полном боевом облачении.

Сивард протрубыл в серебряный рог, подъемный мост опустился навстречу нам, решетка крепостных ворот поднялась, и мы въехали во двор замка. Как только мы спешились, к королеве послали сообщить, что ее частный сыщик прибыл в Лохлэнн.

— Ее величество заняты подготовкой к завтрашнему празднику Бельтене, — сказал Сивард.

— Бельтене? — воскликнул я. — Тогда мне тем более необходимо немедленно увидеть ее.

— Никто не смеет беспокоить королеву, занятую подготовкой к коронации, — заметил Сивард недружелюбно.

— Смеет, если торопится предоставить информацию, жизненно важную для самой королевы и ее подданных.

Сивард нахмурился.

— Вы могли бы сообщить все лорду Сиону.

— Нет, только королеве!

В эту минуту появился слуга, которого граф посыпал с докладом.

— Королева Морриган ожидает лорда Дюффуса в приемных апартаментах, — выкрикнул он, — и просит его поторопиться.

Я ухмыльнулся и бросил на Сиварда торжествующий взгляд.

— Вот видите! Частные сыщики — весьма важные персоны.

Я последовал за слугой по сырому коридору в маленькую, ярко освещенную комнату с богато драпиро-

ванными стенами. Слуга с поклоном удалился, и в ту же минуту Морган Лэйси бросилась в мои объятия.

— Дюффус!.. Дюффус, дорогой! — воскликнула она, нежно прижимаясь ко мне. — Мюллеартах пообещала, что поможет тебе сюда добраться, но я все равно ужасно беспокоилась.

На секунду ее губы прижались к моим, потом она отступила.

— Дай на тебя посмотреть. Оказывается, ты выше и крепче, чем я тебя запомнила. Ты стал в нашем мире великим воином!

А сама Морган стала еще прекраснее, чем была на Земле. На ней было длинное белое платье, соблазнительно обрисовывавшее ее великолепное тело. Золотисто-рыжие волосы спадали на плечи, на высокой груди висел медальон.

— Как я тебе нравлюсь в качестве королевы? — спросила она.

— Титул не имеет значения, — галантно ответил я, — ты была бы неотразима даже в обличии простой судомойки, а что касается вопросов престолонаследия... мне казалось, что ты во все это не хотела верить.

— Поначалу нет. Мне это казалось бредом или даже мошенничеством, но лорд Сион и леди Крэрви в конце концов смогли меня убедить, что я действительно королева и что здесь меня ждут.

— Как же им это удалось? — поинтересовался я, подумав, что все может оказаться не более чем интригой Сиона. Мало ли что говорил Ллир — может, Сион, прекрасно зная, что Морриган — не настоящая королева, решил возвести ее на трон, чтобы потом использовать в своих целях.

— Они позвали на помощь Мюллеартах.

— И морская колдунья тебя уговорила?

— Да нет, она просто оживила мою память, которую друиды в свое время заблокировали, и я сразу все вспомнила, а главное — осознала, что я действительно — королева Йохлэнна.

Так вот, оказывается, в чем дело! За всем этим стоит Морская ведьма. Ей как-то удалось загипнотизировать Морган Лэйси и внушить ей, что она королева, внедрив

в ее сознание какие-то фальшивые воспоминания. Невероятно, что она отправила меня на съедение Фифе-Себе. Ведьма стремилась во что бы то ни стало помешать мне донести до Лохлэнна информацию, которую я вытянул из головы Ллира.

Морриган взяла меня за руку и усадила на диван, сев рядом.

— Я так счастлива, что ты здесь, — сказала она нежно. — Мне нравится этот мир! Согласись, по-своему он прекрасен, и населяет его жизнерадостный, трудолюбивый народ. Впервые в жизни я чувствую, что делаю что-то серьезное, пытаясь им помочь. А теперь, когда ты здесь.. — она покраснела и отвернулась, — знаешь, ведь королевы рано или поздно выходят замуж...

Я промолчал. Как, интересно, я сообщу ей, что она вовсе не королева? Она так гордится своим титулом...

Морган подняла на меня встревоженный взгляд.

— Дюффус, почему ты молчишь? Ты понял, что я хотела сказать, не так ли? Я ведь знаю, как несчастлив ты был на Земле и как мечтал жить на планете, подобной Аннону.

Признаться, возможность стать важным лицом в государстве, удостоиться титула принца-консорта щекотала мое самолюбие. Тем более что королевой была бы Морган Лэйси! Единственная маленькая загвоздка состояла в том, что королевой-то как раз она и не являлась и что государство Лохлэнн можно было спасти от неминуемой гибели только ценой обнародования этого факта. Возможно, я пошел бы на сделку со своей совестью, заставив себя забыть, что законная королева — Эннис. В конце концов, Морриган красивее ее и, кроме того, она моя клиентка. Успокоив таким образом свою совесть, я мог бы стать принцем-консортом при королеве Морриган, но какой от этого прок, если страну немедленно захватит Ллир и она будет затоплена?

— Что с тобой, Дюффус? В чем дело? — спросила Морриган, обеспокоенная моим молчанием. — Вот не ожидала, что мои слова так тебя напугают.

— Понимаешь, я... — Надо было сразу сказать ей все, но тут я представил себя с маленькой изящной короной на голове, и этот головной убор был украшен

несколькими алмазами величиной со Звезду Индии. Я видел себя восседающим на золотом троне, у подножия которого распростерлась служанка, делающая мне педикюр, а несколько танцовщиц, сгибая и разгиная тонкие станы, развлекают меня своим искусством. Странно, но маникюрша выглядела точь-в-точь как Пегги О'Ши, а у всех танцовщиц была внешность Эннис.

— Дюффус, ты боишься тяготеющего надо мной заклятия? — встревоженно спросила Морриган. — Того, которое преследует Морганов в кельтских мифах?

Признаться, я совершенно забыл об этом заклятии.

— Не думай о нем, — уговаривала она. — Я узнала, что его наложила на меня Мюллеартах, чтобы у меня не могло возникнуть серьезных привязанностей на Земле. Поэтому тех трех мужчин постигла столь печальная участь. Теперь же, я уверена, она рада будет снять его с меня, если я попрошу.

Я вздохнул, и мое видение о жизни на вершине лохлэннского общества исчезло. Мне было бы нетрудно договориться со своей довольно пластичной совестью об узурпации законных прав Эннис, но при всем желании я ничего не мог поделать со своим здравым смыслом. Он был неколебим.

— Морриган, я должен кое-что тебе сообщить...

— Ты влюбился в эту ведьму Эннис! — вспыхнула она. — Все дело в этом, не так ли? Я знала, что так и будет, стоит тебе оставаться наедине с этой... этой поклонницей Бранвен!

— Нет-нет, дело совсем не в этом! Я...

Внезапно меня перебил резкий звук труб.

— Тревога! — воскликнула Морриган. — Что же...

В комнату вбежал граф Сивард. Едва переводя дух после быстрого бега, он окинул меня недоброжелательным взглядом. По-видимому, ему не понравилось, что я сидел рядышком с его королевой, обняв ее за плечи и держа за руку. Юный граф, вероятно, имел собственное мнение о том, кому быть принцем-консортом.

— Ваше величество! Враг... — выдохнул он

— Морские ворота? Они атакуют со стороны Морских ворот? — быстро спросила Морриган.

— Нет, это всадники. Они проникли через туннель из кратера, там же, где был найден вот этот человек, — он снова враждебно взглянул на меня.

— Уверяю вас, Дюффус заслуживает полнейшего доверия, — строго сказала Морриган.

— Тем не менее вражеская конница уже на подступах к Равнине Поклонения.

Морриган нахмурилась.

— Если они овладеют Равниной, то коронация завтра не состоится.

— Я приказал всем воинам выйти на защиту Равнинны, — заявил Сивард. — Мы выступаем немедленно.

— Я поеду с вами! — воскликнула Морриган.

— Ваше величество, это слишком рискованно! Поберегите себя! — запротестовал Сивард.

— У Лохлэнна должен быть правитель, способный вести воинов за собой, — твердо сказала Морриган. — А поскольку у меня пока нет консорта, то я должна отправиться в бой сама.

Произнеся эти слова, она выразительно посмотрела на меня.

Леди заблуждалась! Дело было вовсе не в личных чувствах. С каким восторгом я любил бы ее и сражался за нее! Но какой же смысл становиться консортом, зная, что страна обречена быть затопленной и захваченной Ллиром с его бандитами-амфибиями? Тем более что есть возможность избежать этого, короновав Эннис.

Морриган приказала принести ее доспехи и немедленно облачилась в шлем и кольчугу, взяв в руки поданный ей меч.

— Ты хоть знаешь, как им пользоваться? — поинтересовался я.

— Королева обязана это знать! — ответила она уверенно. В жестах ее, когда она вкладывала меч в ножны и вынимала его оттуда, уверенности, однако, было гораздо меньше, чем в словах.

— В любом случае, он выглядит намного удобнее, чем этот твой огромный палаш.

Пока мы с ней беседовали, Головоруб лежал в стороне, но теперь я поднял его. Раз Морриган идет в бой,

я должен ее сопровождать. Ведь она была моей клиенткой, нанявшей меня, чтобы я ее защищал.

— Вы с нами, лорд Дюффус? — спросил Сивард.

— Да.

— Тогда я советовал бы вам взять копье и щит.

— Я уж положусь на старину Головоруба. Мы с ним понимаем друг друга.

— Да простится мне мое недоверие, но чтобы орудовать таким мечом, надо иметь силу как минимум троих воинов.

— Не беспокойтесь об этом. Скоро вы своими глазами увидите, на что мы способны.

Через несколько минут мы выехали из ворот Каэр Ригора с сотней вооруженных кавалеристов. Несколько сотен пехотинцев с копьями, в шлемах с гребнями и тяжелых латах маршировали следом. Опередив пехоту примерно на милю, мы стали ждать ее подхода в низине у дороги, милях в пяти от высокого плоского холма, который Морриган называла Равниной Поклонения.

Сиварду не терпелось поскорее ввязаться в бой. Он старался убедить Морриган немедленно послать конницу в атаку. Мы видели впереди костры. Дым от них застипал небо.

— Ваше величество! Это всего лишь диверсионная группа! И они дерзнули жечь дома ваших подданных! Позвольте мне и моим людям немедленно атаковать их!

Морриган повернулась ко мне, и я взял слово. Ярдах в двухстах впереди от нас в густых зарослях я заметил какое-то подозрительное шевеление. Заросли эти по обеим сторонам дороги выглядели вполне подходящим местом для засады.

— Ваше величество! — воскликнул я. — Одно из главных правил ведения сражений — не разъединять свои войска. Я предлагаю дождаться подхода пехоты.

Сивард, бросив на меня недовольный взгляд, взорвался.

— Я не знал, что частный сыщик — воинское звание! Ваше величество, не я ли Дукс беллум?!

— Операцией командуете вы.

Тогда Сивард, указывая вперед мечом, воскликнул:

— Вперед, воины Лохлэнна! Чужеземцы в наших полях!

Прямо как на подмостках, подумал я. Хорошо бы перед битвой и мне в голову пришло что-либо подобное.

Конница Лохлэнна понеслась галопом, и мы с Морриган не отставали от них. Выбравшись из низинной части дороги, мы стремительно приблизились к тому ее участку, по обеим сторонам которого зеленели густые заросли.

Сивард обернулся, чтобы прокричать своим людям, возможно, нечто еще более героическое, но тут из зарослей на нас обрушился град стрел. Шесть или семь всадников упали с коней. Сиварду стрела попала прямо в открытый рот и, сраженный ею, он рухнул под копыта лошадей. Две стрелы звякнули о мою кольчугу. Морриган вскрикнула от испуга, когда из зарослей с пронзительными воплями выскочили две или три сотни кренастых Детей Лира в остроконечных шлемах.

Схватив за поводья лошадь Морриган, я притянул ее поближе к себе. Двое амфибий сразу же попытались взобраться к ней на седло. Я сбил обоих точным ударом Головоруба. Мы оказались полностью окружены, и нужно было сражаться за свою жизнь.

Около половины наших всадников были убиты, остальные деморализованы. Они бесцельно кружились на некотором расстоянии от поля сражения.

— Ко мне, воины Лохлэнна! Все на защиту королевы! — крикнул я им.

Всадники приблизились к нам и были встречены новым градом стрел. Но атака была менее эффективна, чем предыдущая, потому что часть амфибий оказалась втянута в рукопашный бой с теми из наших воинов, которые потеряли своих коней и вынуждены были спешиться.

— Дюффус! Дюффус! — раздался отчаянный крик Морриган. Двое морских разбойников пытались стащить ее с седла.

Взмахнув Головорубом, я уложил обоих. Но остальные продолжали наступать. Трезубец ударил меня в грудь, и я чуть не вылетел из седла, удержавшись только благодаря тому, что как раз в этот момент моя

лошадь высоко подкинула зад и ударила копытами одного из неприятелей, задевшего ее мечом.

И тут начался настоящий кошмар. Я увидел, как Морриган пытается отбиться своим коротким мечом от троих нападавших и как наши солдаты стараются к ней прорваться. Сам я скрестил меч с пятью амфибиями, убив и ранив троих из них.

Противник имел огромный численный перевес. Большинство наших солдат, потерявших лошадей, были уже убиты или ранены. Лишь горстка продолжала сражаться у тела Сиварда и часть — собралась вокруг знаменосца со знаменем Лохлэнна в руках. Но навряд ли они смогли бы продержаться долго.

Около двадцати наших всадников понеслись во весь опор к Каэр Ригору, остальные безрезультатно пытались пробиться к нам.

Бешено размахивая Головорубом, я вывел Морриган из окружения и добрался с ней до немногих наших людей, стоявших спина к спине возле знамени. Здесь мы спешились и примкнули к ним. Я без устали орудовал Головорубом. Бросавшихся на меня с копьем или трезубцем Детей Ллира мой добрый меч рассекал вместе с доспехами, дорога была усеяна их трупами.

Дорожная пыль покраснела от крови наших людей, кровь убитых врагов оставляла на ней синие лужи. Я был легко ранен в руку, меня пошатывало от усталости и потери крови. Еще двое наших людей упали, сраженные копьями, но они прихватили с собой на тот свет нескольких солдат неприятеля, а я зарубил их командира — великана пяти футов ростом.

Однако его смерть не внесла смятения в души низкорослых амфибий. Они знали, что нам некуда от них деться, и философски воспринимали потери в своих рядах. Они окружили нас. Еще двое из наших солдат упали, пронзенные копьями, двое последних оказались погребены под грудой Детей Ллира. Из рук Морриган выбили меч, и, прежде чем я успел извлечь клинок Головоруба из тела очередного вражеского солдата, заслышавшего мною, как кто-то удачным броском топора нанес страшный удар по моей голове, и я рухнул на колени. Дважды еще мне удалось отбить тянувшиеся

ко мне кровожадные руки людей Ллира, но силы быстро покидали меня...

— Лохлэнн! Лохлэнн! Королева Морриган! — донеслись до нас крики наших пехотинцев, во весь опор мчавшихся по дороге. Они лавиной обрушились на измотанного противника. Ощетинившись длинными пиками, отряд пехоты пробил солидную брешь в цепочке амфибий. Тех Детей Ллира, которые не успели в паническом бегстве удрать через туннель, наши солдаты прикончили алебардами и мечами.

Ободрившись, наша кавалерия пустилась вслед за удиравшим противником. Мы с Морриган тем временем собрали в одно место всех раненых. Надо было торопиться на Равнину Поклонения.

— Завтра Бельтене, — сказала Морриган. — Мне необходимо встретиться с друидами, хранящими Жезл Власти.

XV

— Я немедленно потребую Жезл Власти, — заявила Морриган. Мы ехали к Равнине Поклонения с нашим значительно поредевшим эскортом. — В полночь наступит Бельтене. Ллир уже начал военные действия, и ждать дольше просто опасно.

Я молча кивнул. Если законная королева — Эннис, то обладание Жезлом Власти не принесет Морриган никакой пользы. С другой стороны, возможно, Эннис уже нет в живых, и тогда, действительно, к чему ждать? Я решил немедленно по приезде на Равнину рассказать друидам все, что мне известно. Они как-никак волшебники, и именно по их настоянию Морриган и Эннис в свое время отправили в ссылку. Может быть, мудрые старцы и теперь найдут способ спасти свою страну.

Я по-прежнему не мог понять, откуда в этой подводной стране исходит свет, но теперь он стал постепенно тускнеть, и на землю опустились сумерки. Мы выехали на широкую дорогу, ведущую вверх к Равнине

Поклонения. Вскоре нашим взорам открылся большой круг, сложенный из камней. Он напомнил мне Стоунхендж в Англии. Впереди высился величественный замок с мраморными террасами. Там, мигая, зажигались огни.

От замка к каменному кругу двигалась процессия облаченных в длинные балахоны фигур. В руках они несли зажженные фонари.

— Похоже, нас ждут, — сказала Морриган. — Верховный друид и лорд Сион уже давно здесь, а теперь начали собираться облаченные.

Я бросил взгляд на гигантские Морские ворота, видневшиеся за замком. В сумеречном свете они грозно отливали медью.

— Для чего вам понадобились эти ворота? — спросил я девушку. — Стоит им открыться, и страна будет затоплена водой. Зачем их вообще здесь поставили?

— Когда их построили, уровень моря был гораздо ниже. Только после того, как он неожиданно поднялся на несколько сот футов, ворота стали представлять такую угрозу. А прежде они служили входом для кораблей. Тогда нашим купцам не приходилось поднимать свои товары на поверхность с помощью мулов и пользоваться для торговли чужими грузовыми кораблями. В те дни Лохлэнн был могущественным королевством.

— А из-за чего так поднялся уровень моря?

Морриган пожала плечами.

— Чьи-то злые чары.

Я подумал о тающих ледниках и увеличении количества осадков, но есть ли вообще в этом странном мире ледники и какова здесь норма осадков? Пожалуй, придется удовольствоваться привычным объяснением — море поднялось в результате колдовства. И Ллир, разумеется, был вполне способен на такое.

Мы медленно проехали между двух рядов бородатых друидов, одетых в длинные белые балахоны и распевавших приветственный гимн на языке, не похожем ни на гэльский, ни на английский. Верховный друид ждал нас на возвышении в центре мегалита. Это был величественный старец с умными, проницательными глазами и сурово сжатыми губами, которые частично скрывала его белоснежная борода. Он поднял руку.

— Приветствуя тебя, госпожа! Добро пожаловать в Круг Мудрости!

В этом приветствии, подумалось мне, чего-то недоставало. При всей его почтительности оно было не похоже на обращение первосвященника к своей королеве. Я заподозрил, что старикашка осведомлен о том, которая из претенденток была настоящей королевой, гораздо лучше, чем я мог предполагать.

Морриган, спешившись, подошла к возвышению. Я следовал за ней, как телохранитель — на почтительном расстоянии.

— Я прибыла, чтобы получить Жезл Власти, — сказала Морриган.

Верховный друид нахмурился.

— Но ведь Бельтене еще не наступил. Жезл должен быть вручен королеве Лохлэнна в начале Бельтене.

— Он начнется в полночь, — настаивала Морриган. — К этому времени Жезл должен быть у меня, иначе будет поздно. Ллир уже двинул свою конницу на Лохлэнн. Скоро он сам явится сюда во главе своих легионов.

— Нам известно об этом. И сейчас, пока мы говорим, Ллир двигается к Лохлэнну, — заявил Верховный друид.

— Значит, самое позднее через минуту после наступления полуночи мне должен быть вручен Жезл Власти, — упорствовала Морриган.

— Да, Жезл, несомненно, будет вручен. Но, признаться, в этом вопросе мы встретились с одним затруднением...

— С каким еще затруднением?! — грозно нахмутившись, спросила Морриган. Я отметил про себя, что она быстро вошла в роль королевы, которая, надо признать, была ей весьма к лицу.

— Затруднение — это я! — произнес знакомый голос, и Эннис, живая и невредимая, вышла из-за камня, за которым она скрывалась, и направилась к возвышению. — Я пришла заявить свои права на Жезл Власти и трон Лохлэнна!

Девушки уставились друг на друга с нескрываемой злостью. Верховный друид озабоченно переводил взгляд

с одного лица на другое, будто надеясь угадать правду по их взглядам и выражению лиц.

— Вы обе явились требовать Жезл Власти, — сказал он наконец. — Мы обращались к оракулу и использовали все свои волшебные приемы, но ответа не получили.

— Я — законная королева Лохлэнна, — заявила Эннис.

— Это — ложь! — воскликнула Морриган. — Поэтому что королева — я!

Слова обеих звучали убежденно и искренне. Я не сомневался в том, что Бранвен поддерживает притязания Эннис, а Мюллеартах вовсю старается для Морриган. Просто в случае с Эннис оказалось, что для этого есть основания.

Я задумался о соперничестве между двумя богинями. Что выиграет та из них, чья протеже станет королевой? Превратится в верховное божество Лохлэнна? Или причина еще серьезнее и глубже?

Но, как бы то ни было, раз Эннис здесь, мне следует открыть правду, даже если Морриган возненавидит меня за это и Мюллеартах примется вредить мне на каждом шагу.

Верховный друид по-прежнему внимательно смотрел то на одну, то на другую девушку, как бы читая их мысли. Но это ничего бы не решило, поскольку каждая из них искренне считала себя королевой.

— Я требую незамедлительно вручить мне Жезл Власти, — сказала наконец Морриган. — Мой капитан лорд Дюффус и я вынуждены были вступить в сражение с людьми Ллира, чтобы добраться сюда. Мне необходимо получить средство для спасения Лохлэнна до того, как морской бог начнет настоящую войну против нас.

Впервые за это время Эннис взглянула на меня. Видимо, ей было безразлично, с кем я вожу компанию.

— Жезл Власти в твоей руке не будет иметь никакой силы, — обратилась она к Морриган. — Он служит только настоящей королеве. Самозванка не сможет воспользоваться его волшебной силой.

— Леди... — попробовал было я вмешаться, но девушки не слышали меня. Они наскакивали друг на друга, как две дикие кошки. Я ждал, что они того и

глядя вцепятся друг другу в волосы, но произшедшее оказалось намного ужаснее.

— Даю тебе ровно десять секунд на то, чтобы убраться отсюда и предоставить мне спокойно решить проблемы Лохлэнна, — сказала Морриган. — Иначе пеняй на себя: я позову на помощь Мюллеартах, и она превратит твои волосы в паклю!

— А я тебе даю ровно половину этого срока, ты, лгунья, крадущая чужих мужчин и чужие троны, а потом я позову Бранвен, и она превратит тебя в жабу!

— Ах, в жабу! — усмехнулась Морриган, занося руку над головой. В ее ладони засветился красный огненный шарик.

Друиды, стоявшие возле Эннис, в ужасе пригнулись. Я крикнул ей, чтобы она поостереглась, но было уже поздно. Морриган швырнула огненный шар прямо в Эннис.

Однако в нее он не попал. Яркая вспышка света у ног Эннис превратилась в высокую женщину с обнаженной грудью и золотыми волосами. Снаряд Морриган разбился о ее поднятую руку.

— Бранвен! Бранвен! — раздались голоса вокруг, и друиды бросились врассыпную. А я, вместо того чтобы проявить благородство и последовать их примеру, встал между двумя девушкиами.

— Эннис!.. Морриган!.. Это ни к чему не приведет! — крикнул я им, но в этот момент возле Морриган появилась Мюллеартах, а Бранвен метнула в них шипящую молнию, угодившую мне прямо между лопаток в тот самый момент, когда я поднял руки в миротворческом жесте. Меня подняло в воздух и перевернуло вверх ногами. После чего я жестко приземлился на один из гигантских камней и сразу же отключился.

Очнувшись, я обнаружил, что две пары нежных женских рук ощупывают мое тело в поисках повреждений.

— Дюффус, ты жив? — спросила Морриган.

— Дженьери, скажи что-нибудь! — плакала Эннис.

Я был уверен, что умираю, но разве это имело значение в такую минуту? Два прекрасных лица склонились надо мной, и моя ушибленная голова покоилась между двух пар самых роскошных грудей в этой части Вселенной.

— Он еще дышит? — озабоченно спросила Морриган у своей сестры.

— По-моему, с ним все в порядке, позвоночник не сломан, — отозвалась Эннис.

— Все из-за тебя и твоей бесстыжей богини! — крикнула Морриган.

— Вы первые начали — ты и твоя одноглазая ведьма! — ответила Эннис со злостью.

Я передумал умирать и громко застонал.

— Дорогой... о мой бедненький! — проворковала Морриган, целуя меня.

— Дай ты ему хоть вздохнуть, людоедка бессовестная! — воскликнула Эннис. — Ты же его чуть не задушила!

— Уж кому я дам вздохнуть, так это тебе, черная узурпаторша с черной душой! — кричала Морриган. — Я зашвырну тебя так далеко в космос, что ты сможешь видеть солнце только в телескоп! Ты и твоя полуголая богиня убили человека, которого я люблю, и...

— Это твоя вина, что человек, которого я люблю, чуть не умер, — зло перебила ее Эннис. — Тебя следовало бы превратить в пресмыкающееся, покрытое слизью, с кабаньей головой!

Я снова застонал. Мне начинало нравиться быть предметом перебранки между двумя самыми красивыми девушками, каких я когда-либо знал.

— Дюффус, дорогой!

— Дюффус, любимый!

— ПРЕКРАТИТЕ ВЫ ЭТО НАКОНЕЦ? — раздался вдруг хриплый голос Мюллеартах. — С ВАШИМ ЗДОРОВЫМ БАЛБЕСОМ НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ! ВЕДЬ ОН СВАЛИЛСЯ НА ГОЛОВУ, А ПУСТЫЕ ГОЛОВЫ КРЕПКИЕ!

Я застонал еще громче, и девушки подбадривающие похлопали меня по плечам.

— Ваши величества... ваши величества, — забеспокоился Верховный друид. — Дело, которым мы заняты, не терпит отлагательства. Пожалуйста, послушайте меня!

Я поднялся на ноги, заботливо поддерживаемый с двух сторон принцессами. Начав было хромать на левую ногу, я через несколько шагов по рассеянности стал

прихрамывать на правую и, поняв, что запутался, пошел ровно.

— Вы обе потребовали трон Лохлэнна и Жезл Власти, — обратился верховный друид к представшим перед ним девушкам. — Ваши мысли свидетельствуют, что обе вы искренне верите в законность своих прав. Мы не видим другой возможности узнать правду, кроме как положиться на волю богов. Я предлагаю решить спор поединком, в коем интересы каждой из вас будут представлять избранные вами воины.

— Я выбираю Дюффуса, — быстро сказала Эннис.

— Лорд Дюффус будет представлять меня, — почти одновременно с ней произнесла Морриган.

Я вздрогнул. Вот так положение! Я живо представил себя бегающим по арене, как сумасшедший, и пытающимся отсечь собственную голову, в то время как две мои красавицы изо всех сил подбадривают меня.

Верховный друид покачал головой.

— Одна из вас должна выбрать кого-нибудь другого. Неужели в этой стране нет достойных воинов?

— Я видела Дюффуса с его огромным мечом на поле боя, — сказала Эннис. — С ним никто не сможет потягаться.

— Никакому другому воину я не доверю судьбу Лохлэнна, — решительно заявила Морриган.

— Леди, мне очень лестно слышать это от вас, но поймите, ведь я не могу состязаться с самим собой!

— Ты мог бы, если бы у тебя был двойник. Бранвен может дать тебе двойника, — заверила меня Эннис.

Я сглотнул. Милейшая Эннис придумала превосходный план, по которому я должен был бы изрубить себя самого на мелкие кусочки ради выяснения вопроса, который мне и так совершенно ясен.

— Но кого из нас будет представлять настоящий Дюффус и кого — его двойник? — спросила Морриган.

— Кинем жребий, — ответила Эннис.

Этому надо было положить конец. Я не хотел раздваиваться на враждующие половины. А кроме того, кому из нас достанется Головоруб? Или и это тоже должен решить жребий? О чем же я думаю? Почему бы прямо сейчас не выйти и не сказать им, что я точно знаю, кто из них — законная королева? Ведь я прочи-

тал мысли Ллира и узнал, что это — Эннис. Открыв было рот, я не успел ничего сказать: меня опередила Мюллеартах.

— НИКТО НИКОГДА НЕ СЛУШАЕТ МОИХ ДОБРЫХ СОВЕТОВ, НО СЕЙЧАС ПРОШУ СЕРЬЕЗНО ОТНЕСТИСЬ К МОЕМУ ПРЕДЛОЖЕНИЮ.

Мюллеартах, красавица ты моя чешуйчатая, рыбка одноглазая, как я тебя люблю, подумал я.

— Что у тебя за предложение? — с надеждой спросила Морриган.

— ПОСКОЛЬКУ ОБЕ ПРЕТЕНДЕНТКИ НА ПРЕСТОЛ ОКАЗАЛИ ТАКОЕ ДОВЕРИЕ ДЮФФУСУ ДЖЕНЬЕРИ... КАКИМ БЫ НЕУМЕСТНЫМ ОНО НИ КАЗАЛОСЬ МНЕ... Я ПРЕДЛАГАЮ, ЧТОБЫ ЕМУ БЫЛО ДОВЕРЕНО ВЫБРАТЬ КОРОЛЕВУ! — прокотала Морская богиня.

Какое блестящее решение! Ну и умница же эта ведьма! Под ее суровой внешностью должна скрываться нежная душа, подумал я. Да тут и любой бы огрубел, доведись ему мотаться туда-сюда по планете в течение пары тысяч лет.

— Я согласна, — сказала Эннис, переведя на меня взгляд своих темных глаз. — Я верю, что Дюффус не ошибется.

— Я тоже доверю свою судьбу и судьбу своей страны Дюффусу Дженьери, — сказала Морриган, нежно улыбнувшись мне.

— НО КОНЕЧНО, — добавила ведьма, — СПЕРВА ОН ДОЛЖЕН ПОДВЕРГНУТЬСЯ ГАБХА-БХЕЙЛУ!

— Габха-бхейл! — повторил Верховный друид с такой радостью, как будто внезапно увидел свет в конце туннеля. — Ну конечно! Это идеальное решение! Таким образом боги выскажут свою волю!

Мне все это начинало не нравиться. Я не знал, что такое габха-бхейл, но Мюллеартах сказала, что я должен ему «подвергнуться». Это само по себе настороживало, к тому же в голосе ведьмы, когда она предлагала свой план, явственно звучало злорадство.

— Прошу прощения, — сказал я, — но поскольку дело касается меня, не соблаговолит ли кто-нибудь объяснить, что такое габха-бхейл?

— Это ряд испытаний, чтобы проверить чистоту твоих помыслов и открыть твою душу воле богов.

— Я и без того знаю, кто должен быть королевой, — возразил я, — а моя душа и сейчас в прекрасном состоянии. И почему бы мне без проволочек не увенчать короной голову избранницы, а потом мы все как следует выпьем и постараемся высаться, прежде чем Ллир со своими бандитами нападут на нас?

— НЕ ОСЛЫШАЛАСЬ ЛИ Я? — грозно спросила Мюллеартах. — НЕУЖЕЛИ НАШ ХРАБРЫЙ ГЕРОЙ ИСПУГАЛСЯ ТАКОЙ МЕЛОЧИ, КАК ЛЕГКИЕ ИСПЫТАНИЯ?

— Да нет, я не... — я запнулся. Обе девушки смотрели на меня доверчиво и с надеждой.

— Не бойся, лорд Дюффус! — прозвучали в моем сознании слова Бранвен. — Я помогу тебе. Я помню, как ты молился мне в часовне, и оберегу тебя отувечий.

Моя спина все еще продолжала болеть от удара молнии, которой она меня угостила, но это ведь вышло случайно, а на ее помощь, наверное, вполне можно положиться.

— Перестань потеть от страха, Дженьери, — зашептала Мюллеартах мне в ухо. — Уж я позабочусь, чтобы ты не обжег зад, когда будешь перепрыгивать Костер Правды, и чтобы священные пираньи не отъели тебе мизинцы в Бассейне Чистоты.

— Священные пираньи?! — ужаснулся я мысленно.

— Да. Друиды привезли их с Земли, из Южной Америки специально для подобных случаев.

Обещанию Мюллеартах я не поверил. Она затеяла все это, чтобы погубить меня! Не зря же она натравила на меня Себу-Фифу.

— Кто говорит, что это я? — возмущенно пророкотал голос Мюллеартах. — Не знаю я никакой Себы-Фифы!

— Но кто же кроме тебя мог это сделать? — недоумевал я.

— Почему бы тебе не поинтересоваться об этом у твоей благостнолонной приятельницы? — прохрипела Мюллеартах. — У Бранвен было больше причин не дать тебе встретиться с Морриган, чем у меня!

Пожалуй, это было похоже на правду, особенно, если она знает, что мне известно, кто настоящая королева. Но я просто не мог себе представить, чтобы Бранвен была способна на такое, особенно после того, чем мы стали друг для друга...

— Ладно, согласен! — сказал я отважно. — Я подвергнулся габха-бхейлу. — А чем я, собственно, рисковал? Заинтересованные богини с обеих сторон обещали мне помочь. Разве может что-либо плохое грозить человеку, чью безопасность взялись обеспечить две богини?

Однако я чертовски быстро убедился, что может!

Сначала я оказался перед водоемом с кипящей и пузырящейся лавой. Чтобы доказать, что моя душа чище свежевыпавшего снега, мне надо было через него перепрыгнуть. Небольшая загвоздка заключалась, однако, в том, что пруд был длиной в добрых пятьдесят футов. Сомневаюсь, что на этой планете или на Земле нашелся бы хоть один человек, способный перепрыгнуть его без помощи сверхъестественных сил.

При одном взгляде на белую кипящую массу меня охватила дрожь. Но тут взор мой обратился к Эннис и Морриган, смотревших на меня с таким безусловным доверием, что плечи мои сами собой распрямились. Не без труда изобразив на лице улыбку, я выпятил грудь, отошел на несколько шагов, разбежался и оттолкнулся от земли...

И тут же почувствовал, что магическая сила поднимает и поддерживает меня. Я великолепно проплыл по воздуху почти до середины водоема, но тут Бранвен и Мюллеартах затянули спор.

— Я взялась ему помогать, — произнес голос Бранвен. — Чего ты-то суешься в это со своей ведьминской мордой?

— Чепуха! — прохрипела Мюллеартах. — У тебя один только секс на уме, и ты не в состоянии сосредоточиться на таком важном деле. Так что уж предоставь его мне.

Вместо того чтобы спокойно плыть по воздуху дальше, я повис над бассейном с кипящей лавой, и пока они спорили, нижняя часть моего тела медленно поджаривалась.

— Я буду ему помогать! — рычала Мюллеартах, таща меня в сторону. — Я!

— Нет уж! — зашипела Бранвен, толкая меня в противоположном направлении. — Я взялась за это дело и доведу его до конца!

— Это ты так думаешь, ты, бесстыжая полуголая потаскуха! — Мюллеартах толкнула меня снова, и я почувствовал, что переворачиваюсь в воздухе вверх ногами, а жар от раскаленной лавы опалил мне лицо.

— А уж ты бы помолчала, несчастная одноглазая морская черепаха!

Теперь я вращался, как на вертеле, равномерно подрумяниваясь с обеих сторон.

— Леди, пожалуйста, перестаньте! — взмолился я. — Уж свалиться-то в лаву я смог бы и без вашей помощи!

Обе они, мыча что-то нечленораздельное, подхватили меня за руки и благополучно опустили на землю на другом берегу бассейна. Я остался цел и, в общем, почти невредим, но доверие мое к обещаниям богинь серьезно пошатнулось.

Подобным же образом прошло и испытание в священном пруду. Ширина его составляла всего футов десять, но он буквально кишел пираньями, то и дело высекавшими над поверхностью воды в поисках ужина. При желании я вполне мог бы перепрыгнуть через пруд, но это противоречило условиям. Его следовало перейти вброд. Но если я попытаюсь это сделать, кровожадные твари обгладают мои ноги до колен, не успею я дойти и до середины!

— Не трусь! — прохрипела Мюллеартах. — Твои ноги я намазала снадобьем, которое отпугивает пираний.

— Не бойся! — зашептала Бранвен. — Твое тело я умастила благовониями, они примут тебя за плывущий по воде цветок!

Выпятив грудь и придав себе как можно более героический вид, я ступил в воду, доходившую мне до пояса, и отважно двинулся вперед.

Не успел я еще сделать и второго шага, как две рыбы впились острейшими зубами в мое тело. Я взвыл и ринулся вперед, не помня себя от боли. Что-то схватило и приподняло меня, и я на некоторое время повис.

в воздухе, пока Бранвен и Мюллеартах переругивались между собой.

— Твое идиотское благовоние нейтрализовало запах моего снадобья, — шипела Мюллеартах. — Почему ты решила, что от Дюффуса должно разить духами, как от публичной девки?!

— Это твое вонючее снадобье привлекло рыб! — взвизгнула Бранвен. — Не иначе как это твой косметический крем! С такой-то рожей!

— Заткнись, бесстыжая шлюха! Распутная мразь! Я вот сейчас...

— Что-о-о?! Ах ты, лягушачья икра, тухлая скумбрия! Я тебя...

— Леди! — прервал я их. — Я же ранен! — Из двух глубоких ран на моем бедре в пруд капала кровь.

— Ой-ой-ой! Бедненький ты мой! — запричитала Бранвен. — Сейчас я этим займусь! Тебе сразу полегчает.

— Не хнычь! — приказала Мюллеартах. — Сейчас я кое-чем помажу твои царапины, и все как рукой снимет.

К моим открытым ранам сначала приложили что-то горячее, как раскаленная кочерга, а затем сразу же что-то холодное, как арктический лед. По-моему, я успел вскрикнуть всего один раз, прежде чем потерял сознание.

XVI

Говорили, что я приземлился на другом берегу бассейна с торжествующей улыбкой на устах и рукой, поднятой в победном жесте. Сам я всего этого не помнил, поскольку был без сознания, поддерживаемый с двух сторон двумя богинями.

По правде сказать, я окончательно пришел в себя только когда меня доставили обратно на постамент, к друидам, лорду Сиону, Эннис и Морриган — все они собрались там в ожидании моего решения.

Я посмотрел сначала на Эннис, потом на Морриган. Улыбки на лицах обеих не оставляли сомнения в том, какой награды я вправе ожидать от той, кого изберу королевой Лохлэнна.

На лице Морриган мой взгляд задержался дольше. Я вспомнил о том вечере, когда впервые встретил ее и — с сожалением — о том, что не успел узнать, так ли она прекрасна в объятиях, как я ожидал. Я смотрел на Эннис. Уж она-то, когда соблаговолит, может быть

замечательной партнершей в постели! Кроме того, я ведь точно знал, что она — законная королева, и стать при ней принцем-консортом было бы наверняка почти столь же приятно, как и занять эту должность при Морриган.

— Боги открыли мне свою волю, — произнес я торжественно. — Я объявляю Эннис королевой Лохлэнна!

На минуту воцарилась мертвая тишина. Морриган бросила на меня укоризненный взгляд.

И тут Мюллеартах дала волю своей бешеной ярости. Недаром она была повелительницей бурь, эта ее вспышка была подобна урагану.

— ЧТО?! АХ ТЫ БЕССТЫЖИЙ ПРЕДАТЕЛЬ, НИЧТОЖНЫЙ ЧЕРВЯК! ТЫ, ЗНАЧИТ, ПРОДАЛСЯ ЛЛИРУ! СЕЙЧАС Я ВОЗЬМУ ТЕБЯ ЗА НОГИ И ПРОПОЛОЩУ ГОЛОВОЙ ВНИЗ В СВЯЩЕННОМ ПРУДУ!

— Мюллеартах, прошу тебя, не надо! — взмолилась Морриган. — Я посвящена тебе и прошу, не тронь его!

— Старая карга не умеет проигрывать с достоинством, — заключила Эннис, выходя вперед, чтобы взять Жезл Власти из рук Верховного друида. — Послушай, Морриган, если ты пообещаешь мне вернуться на Землю и никогда больше не видеться с Дюффусом, я...

Но ее прервал страшный грохот. Медные Морские ворота содрогнулись, и створки их слегка приоткрылись. Сквозь образовавшееся отверстие хлынула вода, и Ллир со своими воинами налегли на ворота снаружи, пытаясь их открыть.

Трубы заиграли сбор, в замке друидов жалобно звякнули цимбалы. Солдаты, которые пришли с нами от Каэр Ригора, заняли позицию на гребне холмов, обрамлявших Равнину Поклонения, к ним присоединились отряды деревенского ополчения.

— Море наступает, — сказал я Эннис. — Даже если мы разобьем отряды Ллира, страна будет затоплена. Того и гляди, под напором воды Морские ворота распахнутся настежь, и мы не сможем их закрыть.

— Их закроет Жезл Власти, — уверенно ответила Эннис.

— Но Жезл бессилен до Бельтене, который наступит в полночь, а до полуночи еще несколько часов, — напомнил я ей.

— Да, мы во что бы то ни стало должны продержаться до полуночи. Твой меч будет нам нужен как никогда!

Вода, проникшая сквозь щель в Морских воротах, уже залила пространство по другую сторону реки. Сама река превратилась в огромное озеро. Конные вестовые доложили, что территории вокруг Каэр Ригора затоплены и что банды Ллира окружают город.

— Каэр Ригор защитит себя сам, — сказала Эннис, — а мы должны удержать Равнину Поклонения, иначе все пропало.

Следующие несколько часов были сплошным кошмаром. Отдельные рассеянные отряды воинов Лохлэнна примыкали к нам. На равнину сбегались сотни жителей, спасавшихся от наступавшей воды. Горизонт заволокло дымом от горевших повсюду костров. Вода покрыла уже часть дороги, ведущей к Равнине, а в это время конный патруль, из-под копыт которого летели брызги, прискасал с сообщением, что сам Ллир во главе тысячного войска идет маршем на Равнину Поклонения.

Блеснувшая молния озарила группу друидов, похожих на стаю мрачных старых сов. Они внимали предсказаниям, покачивая головами.

— В чем дело? — обратился я к Эннис. — Похоже, им не нравится то, что они слышат?

— Они в отчаянии, — ответила Эннис. — Все предзнаменования плохие.

— Не может этого быть! Ведь Жезл Власти у нас! — сказал я, глядя на длинный посох, который она держала двумя руками. Он был искусно украшен руническими письменами с одной стороны и каббалистическими знаками — с другой, но, судя по всему, не являлся особо эффективным оружием.

— Жезл — это только средство для концентрации силы, — объяснила Эннис. — Находясь в руках настоящей королевы, он притягивает космические силы и преобразует их.

— Значит, он должен действовать, ведь ты — настоящая королева, — сказал я, немедленно, однако, усомнившись в справедливости собственных слов. Просто я кое-что вспомнил. Прежде всего — необъяснимое появление Головоруба буквально за порогом моей тюремной камеры, да и вообще подозрительную легкость побега

из плена. А потом я запоздало удивился тому, как нетрудно оказалось для меня проникнуть в мысли Ллира и выудить оттуда нужные сведения. Ведь мне никогда не удавалось читать чужие мысли, даже здесь, в этом волшебном мире. Напротив, другие — с легкостью читали мои. Предположим, хотя бы только как возможный вариант... что Ллир намеренно предоставил мне заведомо ложную информацию. Тогда Эннис — не королева... Тогда законная королева — Морриган...

— Бранвен поможет нам, правда? — с надеждой спросил я Эннис.

— Нет, что ты! Бранвен удалилась. Она не выносит войн и насилия.

Я почувствовал внезапный холод в желудке. Он усилился, когда прискакали часовые с сообщением, что Ллир со своими головорезами уже на подступах к Равнине и движется вперед, несмотря на попытки лохлэнских лучников помешать его наступлению.

— Похоже, скоро начнется бой, — сказал я Эннис и Морриган, стоявшим рядом со мной. — Сколько осталось до полуночи?

Морриган, видимо, ориентировавшаяся по своим внутренним часам, ответила:

— Полчаса.

— Мюллеартах поможет нам, как ты думаешь?

Она покачала головой.

— Нет, она унеслась сама не своя от злости, когда ты объявил Эннис королевой. Сейчас она в море, и горе тем морякам, которые окажутся на ее пути!

— Хорошенькое дело! — сказал я. — Две богини, такие разные, и обе бросают нас на произвол судьбы как раз когда мы больше всего нуждаемся в их помощи!

— Выходит, так надо, — спокойно сказала Морриган. — Наверное, именно это было предназначено нам судьбой с самого начала.

Звук битвы долетел до нас с подступов к Равнине. Воины Лохлэнна пытались отразить атаку жителей моря.

— Думаю, мне следует поспешить им на помощь, — сказал я.

— И мы с тобой! — воскликнула Эннис. — Я по-прежнему могу менять свой облик, и...

— Ни в коем случае, — твердо заявила Морриган. — Если ты погибнешь в битве, Лохлэнн будет затоплен. Я пойду туда!

— Вы обе останетесь здесь! — возразил я. — Войны, сражения — это для нас, мужчин.

И мы сражались. Мы встретили Ллира на узком участке дороги и удерживали свои позиции, несмотря на значительное численное превосходство противника. Лохлэннские воины, ополчение и даже друиды, вооружившиеся топорами и посохами, сражались на баррикадах из поваленных деревьев.

Для Головоруба наступил настоящий праздник. Я пробился на переднюю линию обороны и неистово крутил мечом над головой, а он пел свою боевую песню, кроша щиты и доспехи, как будто они были бумажными. Палаш со звоном рассекал шлемы, а заодно и головы, на которые те были надеты. При его деятельном участии мы то и дело отбрасывали противника вниз по дороге, но каждый раз Ллир, сам правивший колесницей, запряженной драконами, вдохновлял своих амфибий на новые атаки.

Меня дважды сбивали с ног, и во второй раз надо мной сверкнули три копья, готовые пригвоздить меня к земле. Два из них пронзили тело нашего солдата, заслонившего меня, а третье перерубил своей косой один из подоспевших друидов. Вскочив на ноги, я рассек пополам двоих из нападавших, но сам получил удар мечом по руке, из которой обильно потекла кровь. Тут же на мой шлем обрушился удар топора, от которого загудела голова.

Амфибии оттеснили нас вверх, где дорога была шире, что облегчало их продвижение. Численное превосходство Детей Ллира уже начинало сказываться. Верховный друид, сражавшийся длинным ножом, был убит, лорд Сион ранен, и сын оттащил его в сторону от места сражения. Лохлэннское войско осталось без предводителя, и его возглавили мы с Головорубом. Рядом с нами знаменосец держал королевское знамя.

На линию фронта прорвалось несколько кавалеристов Ллира верхом на драконах, обдающих огнем своего дыхания наших пехотинцев. Одно из чудовищ приблизилось ко мне, и всадник, привстав на стременах, поднял копье, целясь мне в грудь. Древко копья я рассек Го-

ловорубом, но отшатнулся от огненной струи, вырвавшейся из пасти дракона.

Тroe наших солдат заживо — драконы действовали, как огнеметы, но я ухитрился пролезть под брюхом одному из них и глубоко воткнуть Головоруб в тело чудовища. Мертвый дракон повалился на дорогу, и я прикончил всадника, не дав ему опомниться. Труп дракона мы использовали как баррикаду и, потеснив врага, вскоре перегородили всю дорогу телами трех монстров.

Тут появился солдат, прибывший от королевы Эннис, и прокричал, что Ллир нас окружает: он с сотней воинов пошел в обход, вскарабкался на ничем не защищенный склон Равнины Поклонения и пытается занять Круг Мудрости.

Оставив наше войско защищать дорогу, я выбрал десяток самых отважных и бросился с ними к Кругу. Мы подоспели как раз вовремя. Дюжина морских разбойников прорвалась через наш заградительный отряд и устремилась к постаменту. Позади них потрясал своим боевым топором огромный Ллир, похожий на разъяренного бога.

Я подбежал к Эннис.

— Сколько осталось до полуночи?

Она прижала к себе Жезл.

— Несколько минут. Но боюсь, нам не продержаться. Смотри, Морские ворота открылись еще шире!

Мне некогда было смотреть.

— Может быть, мне удастся выиграть для нас немного времени, — сказал я, выскочил на середину постамента и крикнул: — Дюффус, король Шотландский!

Клич этот навряд ли подходил к происходящим событиям, но он привлек ко мне внимание всех, включая и морского царя, чего я, собственно, и добивался.

— Ллир, где ты? — я старался перекричать шум битвы. — Я вызываю тебя на поединок! Твой топор против моего меча! Выходи, если не тренишь!

Ллир посмотрел по сторонам. Повсюду его солдаты теснили наших. Ему явно не хотелось рисковать своей шкурой в поединке со мной.

— Давай, Ллир! Человек ты в конце концов или рыба? — спросил я насмешливо. — Уж не испугался ли ты меня и моего меча?

Это его задело. Он не смог вынести упрека в трусости. Прорычав слова согласия, великан ринулся на меня тяжелыми прыжками, от которых сотрясалась земля. Спрыгнув с помоста, я побежал ему навстречу. Его топор рассек воздух со звуком, похожим на гудок скорого поезда. Я отразил этот удар Головорубом, и от столкновения меча и топора посыпались искры. От этого удара у меня заболели руки, но пришлось тут же готовиться к следующему: Ллир занес топор над головой и с силой обрушил его на меня. Отскочив в сторону, я позволил его оружию глубоко погрузиться в лохлэнскую почву.

Однако Ллир оказался быстрым и ловким противником. Не дав мне воспользоваться преимуществом его временной безоружности, он стремительно выхватил топор из земли и отпрыгнул в сторону, избежав удара Головоруба.

Я атаковал, он умело защищался, отбивая удары моего палаша, нацеленные ему в голову.

Впервые в этом мире мне встретился противник, не только превосходящий меня силой, но и не уступающий в мастерстве. Град моих ударов не причинил ему вреда, и вот он уже перешел в наступление, тесня меня обратно к постаменту мощными взмахами топора и стараясь выбить меч из моих рук.

Но наконец он допустил ошибку, которой я не преминул воспользоваться. Его оружие имело лезвие, но он упустил из виду, что у Головоруба есть еще и острый конец. Он подошел слишком близко, нанес удар, который должен был прикончить меня, но промахнулся, и древко его оружия слегка задело мою шею, ободрав кожу. Сам гигант с бесконечно удивленным видом уставился на свою грудь, откуда торчала рукоятка пронзившего его насквозь Головоруба.

С минуту, показавшуюся мне вечностью, морской царь стоял, покачиваясь, как будто его сила была столь велика, что могла противостоять даже смерти. Рот его приоткрылся, и кровь заструилась по светлой бороде. Он рухнул на спину, и я, поставив ногу ему на грудь, извлек из могучего тела свой меч, в который раз убедившись, что он — волшебный. Каким же еще мог быть палаш, прикончивший мифического морского бога?

Повернувшись к постаменту, я увидел, что там орудуют Дети Ллира.

Я чувствовал себя усталым и вконец обессилевшим, но помчался быстрее ветра на выручку Эннис и Морриган, которые с трудом отбивались от морских разбойников.

— Жезл! Жезл Власти, Эннис, — крикнул я, рассекая напополам одного из двух мерзавцев, которые схватили и куда-то тащили ее.

— Жезл не действует! — выдохнула она. — Я пребовала, но ничего не выходит!

— Так может, еще рано?

— Думаю, что нет. Раньше Бранвен всегда сообщала мне точное время, но теперь некому. Во всяком случае, уже за полночь.

Я взглянул вверх как раз в тот момент, когда Морские ворота с грохотом растворились настежь, и стена воды с пенными гребнями наверху обрушилась на страну, погребая под собой леса, луга, строения. Надо было действовать без промедления. Теперь или никогда!

— Через несколько минут я попробую еще раз, — сказала Эннис.

— У нас нет этих минут, — ответил я, выхватив Жезл из ее рук и бросившись туда, где Морриган отбивалась мечом от двух бандитов-амфибий. Теперь я надеялся только на то, что Ллир надул меня, и настоящая королева — Морриган.

Я одним ударом разрубил напополам обоих нападавших на Морриган и протянул ей Жезл.

— Ты — королева! Вот твой Жезл! — только и успел я прокричать, прежде чем ревущая толпа морских разбойников набросилась на меня. Они облепили меня, как мухи, и я ничего не мог сделать, не мог даже поднять Головоруб. Они выли и рычали от ярости, смерть Ллира привела их в неистовство и, опрокинув меня на землю, они вознамерились во что бы то ни стало отправить меня вслед за ним.

— Жезл! В твоих руках Жезл Власти! — крикнул я, исчезая под грудой тел.

По кольчуге возле моего горла ударил нож. Копье пригвоздило к земле мою руку, и дюжина мечей стала рубить меня на куски.

Внезапно раздался пронзительный звук, от которого заложило уши. Звук этот заполнил собой все окружающее пространство, казалось, он мог свести с ума и опрокинуть весь этот мир — так велика была его сила.

Жезл Власти начал действовать!

— Приказываю вам! — крикнула Морриган. — Приказываю вам именем Жезла Власти! Морские ворота Лохлэнна, закройтесь!

Зажав руками уши, истошно вопя и стеная, Дети Ллира удирали с Равнинны Поклонения во все лопатки. Луч света полился с Равнинны, уперся в Морские ворота, и они медленно закрылись под действием волшебного света.

— Мы победили! Мы победили! — крикнул я Эннис.

— Но королева — не я! — ответила она печально. — А Морриган. А ты ведь говорил, что я — законная королева!

— Понимаешь, это Ллир меня обманул. Ты очень огорчена?

С минуту она молча смотрела на меня, потом отрицательно покачала головой.

— Да нет, пожалуй. Мне гораздо больше хотелось спасти Лохлэнн, чем править им, а теперь он ведь спасен!

К нам подошла Морриган. Жезл Власти сверкал в ее руке, ореол золотисто-рыжих волос обрамлял голову.

— Лорд Дюффус и леди Эннис, — обратилась она к нам. — Королева Лохлэнна приветствует своих друзей!

Мы оба наклонились и почтительно поцеловали ее руку, и я почувствовал пожатие ее пальцев.

— Леди Эннис... дорогая сестра... останешься ли ты при моем дворе и будешь ли мне подругой теперь, когда мы больше не соперницы?

Эннис улыбнулась в ответ.

— С радостью, ваше величество!

— Лорд Дюффус, желаете ли вы остаться здесь, в Лохлэнне?

— Этот мир как раз для меня, — ответил я. — Не знаю, как это вышло, но я родился не там, где следовало. В вашей стране я чувствую себя на своем месте.

Обе девушки смотрели на меня сияющими глазами. Я уже видел себя первым джентльменом Лохлэнна с

двумя преданными мне прекрасными женщинами. Приятель, вот это жизнь! И всего я добился сам!

— Да, — повторил я, с улыбкой переводя взгляд с одного пленительного лица на другое. — Это мой мир, здесь я на своем месте.

— ЧЕРТА С ДВА, МЕРЗКИЙ ТЫ СЛИЗНЯК! — проскрипел вдруг голос Мюллеартах. — ТЫ КАК РАЗ НА СВОЕМ МЕСТЕ В ТОМ ИДИОТСКОМ МИРЕ, ГДЕ МЫ ТЕБЯ НАШЛИ!

— А, это ты, ведьмочка! Привет! Чего ты кипятишься, хотел бы я знать? — ответил я дружелюбно. — Я победил всех, кого только можно, и помог спасти Лохлэнн. Твоя Морриган — королева. Неужели ты недовольна, крошка?

Мюллеартах вдруг появилась передо мной во всей своей красе. Ее единственный глаз стал багровым от ярости.

— СЛУШАЙ, БЕЗДЕЛЬНИК! ЕСЛИ ТЫ ЕЩЕ РАЗ НАЗОВЕШЬ МЕНЯ ВЕДЬМОЧКОЙ ИЛИ КРОШКОЙ, Я ЗАТКНУ ЭТИ СЛОВА ОБРАТНО В ТВОЮ ГЛОТКУ!

— Лорд Дюффус согласился остаться с нами в Лохлэнне! — сообщила Морриган, сияя от счастья. — Мы все его так любим!

— ДЮОФФУС ДЖЕНЬЕРИ НЕ ОСТАНЕТСЯ ЗДЕСЬ НИ ПОД КАКИМ ВИДОМ! — прорычала Мюллеартах. — ОН ВЕРНЕТСЯ ТУДА, ОТКУДА ЗАЯВИЛСЯ. СКАТЕРТЬЮ ДОРОГА! Я ХОЧУ ОГРАДИТЬ СЕБЯ ОТ ЕГО НАГЛЫХ ВЫХОДОК НА БЛИЖАЙШУЮ ТЫСЯЧУ ЛЕТ!

— Минутку! Минутку! — закричал я, чувствуя, как рушатся все мои воздушные замки.

— В ЭТОМ МИРЕ ТЕБЕ НЕТ МЕСТА! — рявкнула ведьма. — ЛИНИИ СУДЬБЫ ДАВНО ПРОЧЕРЧЕНЫ, И ДЛЯ ТЕБЯ ЗДЕСЬ НЕТ НИ ОДНОЙ!

— Ты не можешь так поступить! — вскричал я. — После всего, что я для вас сделал!

— АХ, НЕ МОГУ?!! НУ ЧТО Ж, СМОТРИ!!! — прохрипела Мюллеартах, занося когтистую лапу.

Эннис пронзительно закричала, Морриган попыталась оттолкнуть от меня ведьму, но было слишком поздно. Молния ударила мне в лицо, и, оглушенный, я

почувствовал, что почва уходит у меня из-под ног, и реальность, кружась, уплывает от меня.

— Мюллеартах! Ты мне за это ответишь, старый мешок с костями! Я все равно вернусь и уж тогда отомщу тебе! — кричал я, уносясь с Равниной Поклонения в пространство между мирами. Злорадный смех ведьмы эхом отдавался у меня в ушах.

Я не помню, как проплыл в кромешной тьме преддверия ада. Смутно вспоминаю нескольких Хранителей, взявших с меня плату, а потом тьма рассеялась, и я очутился в своей библиотеке, держа в руке Головоруб, с которого все еще капала синяя кровь. Мои видавшие виды доспехи и продавленный шлем показались вдруг совершенно неуместными.

Я выругался и в бессильной ярости искрошил в щепки несколько предметов обстановки. Я придумал сотни самых невероятных способов мести злобной ведьме, вернувшей меня снова в столь ненавистный мне мир. В этот глупый мир смога и атомных бомб, чудовищных автомобилей и девушек вроде Пегги О'Ши.

Немного успокоившись, я повесил Головоруб в нишу и убрал на место кольчугу и шлем. Потом смешал себе несколько мартини в пропорции восемь к одному и проглотил два из них, чтобы немного снять усталость после битвы... битвы, в которой я одержал блестящую победу, выходит, для того, чтобы быть лишенным ее плодов. И тогда я принял решение.

Я подошел к одной из книжных полок, снял том старинных заклинаний и принялся его листать. Если не здесь, то в другой книге из тех, которые у меня есть и которые смогу достать, но я найду его! Это может потребовать долгих лет непрерывных изнурительных поисков, днем и ночью, но когда-нибудь, где-нибудь я найду нужное заклинание. И с его помощью я открою себе путь между мирами обратно в Лохлэнн. Обратно в Лохлэнн к моей ведьме-королеве и ее прекрасной сестре!

КЭР КАБАЛЛА

I

В другие времена, в иных мирах, на какой-нибудь затерянной планете — может быть, на той, со странным названием Земля, что лежит за Мерцающими Вратами, — на эту девушку смотрели бы просто как на очаровательную малышку. Но здесь, в Авалоне, столице величайшей империи планеты Аннон¹, это была леди, исполненная достоинства. И на вечернем приеме у барона Леофрика, где собрался весь цвет авалонского общества, она, бесспорно, являлась его истинным украшением. Ее длинные пепельные волосы мягкими волнами спадали на обнаженные белые плечи, пленяющие своей нежной округлостью, а серебристо-серое платье, затканное розами из алого шелка, было сама элегантность. Небольшой турнюр² на каркасе из китового уса поддерживал целый каскад изящно уложенных складок, которые ниспадали до самого пола, заканчиваясь коротким шлейфом, отороченным причудливой бахромой.

Леди Элис Брэн ап Линн было всего лишь семнадцать, но, как это свойственно юности, она считала себя вполне взрослой, умудренной опытом женщины. Таковой ее принимало и авалонское общество, переживавшее в то время пору своего расцвета.

— Кто этот чересчур эксцентричный молодой человек, буквально притиснувший в угол бедного принца Грегори, вон там — возле зимнего сада? — спросила леди Элис хозяина бала.

— Его имя Дилан Мак-Брайд, — отвечал барон Леофрик, удерживая сигару и бокал в одной руке, а другой пытаясь стряхнуть пепел со своего клетчатого жилета. — Вейнландец и родственник герцога Вейнландского.

— Уж не состоят ли все вейнландцы в родстве с Мак-Брайдами? — улыбнулась леди Элис, легонько ударив барона веером.

Леофрик сдавленно хихикнул и, наклонившись к ней, понизил голос.

— В Бэлваане острят по тому поводу, что герцоги вознамерились плодить солдат своих армий исключительно собственными силами.

— А, право, почему бы и нет? Ведь у каждого из них по четыре или пять жен и, одному Богу известно, сколько детей. Я была бы просто удивлена, окажись они неспособными на это, — заметила леди Элис. — Но отчего этот Мак-Брайд так возбужден?

— Вы не поверите, моя дорогая, — зафыркал барон, почти касаясь своей вандейковской бородкой обнаженного плеча леди Элис. — Я сам буквально лопаюсь от смеха, но он обеспокоен из-за джогов.

— Джоги? Уж не хотите ли вы сказать?..

— Именно, моя красавица! Те самые полумифические обитатели Бэшема. — Барон просто изнемогал от хохота, до того смешной казалась ему сама мысль об этом. — Ну, знаете, эти волосатые, скачущие верхом на пони варвары, которых находят столь привлекательными некоторые писаки из воскресных приложений к газетам.

— Но что же в них такого, что могло настолько взбудоражить юного вейнландца?

— В это еще труднее поверить, драгоценнейшая, но, похоже, он ожидает джокского нашествия и прямо-таки спятил от страха.

— Однако он со странностями, — задумчиво проговорила леди Элис. — А ведь производит впечатление такого приятного молодого человека. Он даже почти красив.

Барон Леофрик, ухмыльнувшись, погрозил ей пальцем.

— Но, но, моя милая, даже и не помышляйте об этом! Вам же известно, что собой представляют эти играющие на волынках³ вейнландцы в килтах⁴. Держу пари, он уже успел обзавестись одной или двумя женами в Шетланд-Хеде или какой-нибудь другой паршивой деревеньке, из которой он родом. Не к лицу вам на него заглядываться, особенно теперь, когда вы помолвлены с молодым джентльменом из моего полка.

— И какого полка, барон! — леди Элис кокетливо улыбнулась и слегка похлопала Леофрика веером по щеке. — В собственном герцога Амхарского гусарском полку все без исключения офицеры — красавцы. И они так далеко! — воскликнула девушка, и ее хорошенъкое лицико затуманилось. — Как хотелось бы знать, когда же наконец маршал прикажет Одиннадцатому возвратиться назад в Авалон, а моему бравому лейтенанту — в мои объятия. Если только это вообще когда-нибудь произойдет. Ну зачем, зачем держать такой доблестный полк на этом мрачном северном побережье?

— Да уж не иначе, как для того, чтобы следить за джогами! — барон Леофрик захлебывался от смеха, у него даже слезы выступили на глазах.

— Неужели вейнландец и в самом деле ведет разговор с принцем Грегори именно об этом? — промолвила леди Элис, вновь окидывая взглядом высокого молодого человека в смокинге и килте. «А он ведет себя неумно», — подумала она. Ведь в последнее время принц-регент мог лишь изредка показываться в обществе из-за душевной болезни своего августейшего отца. И оттого, что так редко выпадали ему свободные вечера, принц очень дорожил ими. Конечно же, его должно было вывести из себя любое постороннее вмешательство, омрачающее это удовольствие.

Да, решила леди Элис, молодой вейнландец просто глупец, правда, очень привлекательный глупец. Она бросила быстрый взгляд на его голые загоревшие ноги, торчащие из-под клетчатого килта, затем, подняв глаза выше, обратила внимание на широкие плечи и серьезное лицо с аристократически очерченным ртом и почти орлиным носом. Молодой человек был гладко выбрит, что она также нашла приятным для глаз в эту пору поголовных бород и усов. Да, он, несомненно, был красив. Может быть, даже стоит посмотреть на него поближе.

Барон Леофрик повернулся к другому своему гостю, пытаясь вовлечь его в беседу, и не заметил, как леди Элис неслышно отошла от него, направляясь в сторону красавца вейнландца. Лавируя между скользящими по паркету парами, она наконец приблизилась к такому месту, откуда ей было слышно и Мак-Брайда и принца Грегори.

— Но, ваше высочество, я находился в Бэшеме целый год, и уверяю вас, вся тундра в движении.

— Полагаю, это весьма занимательное место, — отвечал принц Грегори, делая попытку уклониться от дальнейшей беседы, оставаясь при этом в рамках вежливости.

— Это опасность, ваше высочество. Совершенно реальная опасность — и не завтра, а уже сегодня! Новый Кэр объявил переселение. Это значит, что вскоре джоги хлынут через Ледовое море и...

— Вздор! — прервал принц Грегори, нахмурившись. Лицо его побагровело, а выющиеся светлые бакенбарды сердито затряслись. — Говорю вам, юноша, это вздор! Сейчас тысяча восемьсот девяносто седьмой год, а не тысяча двухсотый или тысяча пятьсот пятьдесят пятый. Джогское нашествие, надо же! Не могу представить себе ничего более нелепого, чем несколько банд кочевников-скотоводов, всерьез угрожающих величайшей из наций и самой могущественной империи, когда-либо существовавшей на этой планете.

— Но, ваше высочество, их там гораздо больше, чем несколько банд кочующих скотоводов. Бэшем — третий по величине континент на планете, и его население оценивается почти в восемьдесят миллионов! Джоги — это лучшая в мире легкая кавалерия. Они...

— Они вооружены луками и копьями! — оборвал его принц Грегори. — Против наших винтовок, артиллерии и воздушных кораблей их шансы равны нулю.

— Ваше высочество, мне случайно стало известно...

— Довольно! — властное восклицание принца Грегори показывало, что он более не в силах сдерживаться. — О ваших безумных идеях я ничего не знаю и не хочу знать!

Он резко повернулся и крупными шагами пересек зал, очень эффектный в своей белой кирасирской форме. С багровым и искаженным от гнева лицом он предстал перед бароном Леофриком.

— Ах, ах, ваше высочество! Сожалею, очень, очень сожалею, — закудахтал барон, преданно глядя в глаза принцу и от избытка чувств взмахивая руками. — Клянусь, если бы я только знал, что этот провинциал столь бесактен, я бы ни в коем случае не пригласил его. Моим единственным желанием было создать все условия для отдыха вашего высочества.

— Проклятье! Вздорный юнец! Совершенно испортил мне вечер! — громыхнул принц Грегори, но леди Элис показалось по его голосу, что он уже несколько смягчился.

— Конечно, сэр, полностью с вами согласен, сэр, — продолжал успокаивать принца барон, — но, возможно, нам удастся спасти оставшуюся часть вечера. Может быть, еще бренди, сэр? Потом я хотел бы представить вас одной молодой леди, недавно приехавшей из Беликкоссы. Она танцует все новейшие польки, а я, конечно же, рассказал ей, какой замечательный танцор наш принц-регент. Уверен, вы найдете ее очаровательной.

— Бедный Леофрик, — прошептала леди Элис. — Теперь ему придется весь оставшийся вечер выплясывать вокруг принца Грегори, и он ни минутки не сможет выкроить для той маленькой танцовщицы, на которую недавно положил глаз.

— Прошу прощения? — спросил молодой человек, явившийся виновником всего этого переполоха. — Вы обращаетесь ко мне?

— Нет, не к вам, хотя, возможно, мне и следовало бы это сделать. Вам пошел бы на пользу один маленький совет.

С выражением смятения и досады на лице Дилан Мак-Брайд не отрываясь смотрел вслед принцу.

— Виноват? — повторил он рассеянно.

— Я, конечно, сознаю, что бессмысленно ожидать от одетого в юбку голоногого варвара хотя бы отдаленного представления о приличных манерах. Но вы должны понять, что только что вели себя безобразно.

— Я? Каким образом?

— Вы испортили вечер принцу-регенту, — коротко ответила леди Элис. — Вот каким образом.

— Я пытаюсь предотвратить гибель целой империи, — вспыхнул Дилан. — Вечер одного человека, мне кажется, довольно-таки скромная плата за это.

— Только не в том случае, когда этот человек — принц-регент, — возразила Элис. — Вы, похоже, действительно не понимаете, что прилично, а что нет. Конечно, у вас в Вейнланде могут быть другие порядки, но здесь, в Авалоне, существуют вполне определенные пути для...

— Я пытаюсь добиться встречи с принцем Грегори с того самого момента, как я вернулся из Бэшема — три недели назад, — с досадой проговорил Дилан. — Но меня допустили только к секретарю одного из его помощников, жеманному хлыщу, который расхохотался мне в лицо при одном упоминании о джогах.

— Это всегда было темой для шуток, — согласилась леди Элис.

На лице Дилана Мак-Брайда выступила краска.

— Уверяю вас, юная леди, тут вовсе не до смеха. Я более чем серьезен. Двести тысяч лучшей кавалерии на всем Анноне едва сдерживают своих коней по ту сторону Ледового моря, готовые опустошить северные провинции и, в конечном счете, весь Авалон.

— И вы рассказывали об этом людям? Неудивительно, что над вами смеялись.

— За этот смех им придется заплатить слезами, когда неизбежное произойдет, — мрачно предрек Дилан.

Привлеченные громким голосом молодого человека, вокруг Дилана и Элис начали собираться гости.

— Скажите, юный джентльмен, почему вы думаете, что джоги собираются вторгнуться в империю? — спросил седовласый господин с воинственно торчащей кли-

нообразной бородкой. — Даже если допустить, что они способны на это?

— Надеюсь, вы слышали, как я говорил принцу, что их король, Кэр Кабалла, провозгласил переселение, и в лагерях по всей бескрайней тундре разеваются боевые знамена. Наверное, вы помните, что переселения уже объявлялись ранее в тысяча двухсотом и тысяча пятьсот пятьдесят пятом годах. В тысяча двухсотом захватчики сожгли Эбейдос и Кэр-Сиди и через пограничные графства прорвались к самым воротам Авалона. И город непременно пал бы, не подоспев на помощь армии герцогов Вейнландского и Эманианского, которые, объединившись с Южными легионами, совместными усилиями разгромили врага.

— Мне довелось слышать эти рассказы, — ответил собеседник Дилана, — но я осведомлен также и о том, что некоторые авторитеты считают их всего лишь мифами.

— Мифами? — с интересом воскликнула леди Элис, запоздало сожалея, что в школе для девочек, которой руководила мисс Стенли, уделяла недостаточно внимания изучению истории, предпочитая этому предмету более легкомысленные занятия.

— Позвольте представиться, — сказал джентльмен. — Я профессор Тобиас Смоттл и имею честь состоять консультантом Бэшемской компании, а также чем-то вроде эксперта по географии этого континента и расам, его населяющим.

Группа слушателей разрасталась, и Элис заметила своего старшего брата Ноэля, стоявшего неподалеку. Он с улыбкой смотрел на нее. На нем был новенький, с иголочки, мундир капитан-лейтенанта императорского Военно-Морского флота. «А этот мундир ему очень к лицу», — подумала она.

— Так вы что-то говорили о мифах? — напомнил Дилан профессору.

— Ах, да. Суть проблемы здесь вот в чем: было ли в действительности вторжение в тысяча двухсотом году.

— Разумеется, в этом не может быть никаких сомнений, — уверенно заявил Дилан. — Я сам видел Равнину Битвы и древние памятники павшим, и то же

самое, я полагаю, видел каждый из присутствующих здесь.

— Не стану пока оспаривать этого. Действительно, в пяти милях к северу от города лежит Равнина Битвы, и памятники на ней были воздвигнуты примерно в тысяча двухсотом году. Но многие ученые придерживаются мнения, что это была не битва с джогами, а одно из сражений между королем Годриком Амхарским и претендентом на трон Артура, неким Дудо из Динанта, в их долгой династической борьбе.

— Не сомневаюсь, теперь вы будете утверждать, что вторжения тысяча пятьсот пятьдесят пятого года тоже не было, — усмехнулся Дилан.

— Примите во внимание то обстоятельство, что упомянутый вами год был годом великой чумы, — поучавшим тоном, словно читая лекцию, говорил профессор. — По всей империи умирали миллионы людей. Всюду сеялись панические слухи о том, что наступил конец света; войска, несшие охрану пограничных фортоў, бросали свои посты. Вполне возможно, что несколько бродячих племен джогов или другого кочевого народа проникли, гонимые голодом, на юг до самой Великой Заставы. А там они были стерты с лица земли императорской армией, учинившей им самую настоящую бойню.

— Существуют, однако, и другие легенды о тысяча двухсотом году, — вклинился в разговор Ноэль Брэн ап Линн. — И некоторые из них касаются самой природы джогов.

— Как же, как же, — с готовностью отозвался Смоттл. Сквозь стекла очков в стальной оправе глаза его заблестели: чувствовалось, что это любимый конек профессора. — Ведь это же самый любопытный момент во всей нашей истории. Вы имеете в виду те легенды, в которых утверждается, что джоги были не людьми, а фантомами, слугами Сайтрола, и что они были посланы против Авалона для того, чтобы осуществить некий зловещий замысел этого мифического чудовища.

— Говорили даже, что Бэшем — это, собственно, и есть Сайтрол, а джоги — лишь паразиты на его теле, — добавил Дилан.

Леди Элис внезапно почувствовала озноб. Даже такие праведные христианки, как она, были знакомы с древними друидическими поверьями⁵ о Сайтроле, первозданном зле, олицетворении хаоса, из которого, как утверждают, и произошел нынешний порядок вещей во Вселенной. Однажды с палубы корабля она видела зыбучие черные пески, протянувшиеся от южного берега Бэшема далеко в глубь Ледового моря. Эти засасывающие пески стали в прошлом могилой для сотен кораблей, и, согласно легенде, именно под ними обитал Сайтрол, с нетерпением ожидающий того часа, когда он воспрянет от вековечного сна и вернет Вселенную в тот первозданный Хаос, детищем которого он был.

— Итак, — заключил профессор, — предание о вторжении тысяча двухсотого года может оказаться столь же мифическим, как и сам Сайтрол.

— Сайтролу все еще поклоняются в Бэшеме, — сказал Дилан. — Перед алтарем его возжигают огни, в жертву ему приносят людей, которых для этого силой загоняют в подземные туннели, где они становятся ему доступны.

— Право, мистер Мак-Брайд! — профессор Смоттл снял очки и начал тщательно протирать их белоснежным носовым платком. — Неужели мы должны и дальше слушать ваши детские сказочки?

Элис взглянула прямо в глаза профессору. Не замаскированные очками, они являли собой несколько странное зрелище. Необычного дымчато-голубого цвета, они таили в своей глубине нечто, или, скорее, ничто, которое пугало ее. Дрожь, напавшая на нее при упоминании о Сайтроле, стала сильнее, и девушка придвинулась поближе к брату, который, опершись на стену, слушал спор с выражением деланного интереса на лице.

— Это вам они кажутся детскими, профессор Смоттл, — огрызнулся Дилан, — а я видел все это собственными глазами: и те Пещеры Смерти, что выбурлены в скалах над песками Сайтрола, и другие, более обширные — близ Себулы, столицы Кэра Кабаллы. Так как я работал на Бэшемскую Компанию, а мой отец, сэр Малcolm Мак-Брайд, путешественник и исследователь, был хорошо известен младшим Кэрам, то мне доверяли. Мне даже позволяли заходить в пещеры, хотя

и не далее нескольких шагов от входа, но уже там я ощущал идущий изнутри отвратительный запах, который, как утверждают джоги, исходит от пищеварительных соков Сайтрола, циркулирующих по туннелям. Я видел приносимых в жертву людей, которых загоняли в эти туннели, слышал их пронзительные вопли и больше уже никогда их не встречал. Я слышал, как жрецы Себулы распевали песнь Сайтрола — о его лютой ненасытности, о голоде, обуревающем его даже во сне. Я слышал, как они толкуют о том времени, когда весь мир станет для него источником пищи и этот чудовищный голод наконец-то будет утолен.

— Миры! Миры и шарлатанство! — вскричал профессор Смоттл. — Да жрецы Себулы, как и все шаманы мира, просто дурачат наивных туристов, причем делают это с превеликим удовольствием.

— Но я-то практически вырос в Бэшеме и вовсе не считаю себя туристом, — возразил Дилан. — Я готов согласиться с тем, что рассказы о Сайтроле являются мифами, но я знаю, что джоги верят в них и в то, что когда-нибудь они будут править миром, угождая Сайтролу и откармливая его, чтобы он, собравшись с силами, наконец проснулся.

— Ну, знаете, это уже слишком! — рассердился профессор. — Я тоже, к вашему сведению, бывал в Бэшеме, но не только не видел, но и не слышал ничего подобного. А ведь я, изучая быт и нравы этого народа, забирался в самые глухие уголки. И многие хорошо известные ученые подтверждают мои наблюдения. Это в древности, в эпоху суеверий, были популярны всяческие там фантастические легенды о джогах, или, по-настоящему, бэшемцах, поскольку даже само слово «джоги» есть порождение этих легенд. Но теперь-то, в наше просвещенное время, кто же в них поверит? Любой, кто жил среди этих людей, скажет вам, что это хотя и воинственные, но в целом симпатичные создания, а вовсе не оборотни, антропофаги или иные подобные чудища, какими вы их пытаетесь нам изобразить.

— Что такое антропофаги? — шепотом спросила леди Элис своего брата.

— Каннибалы, — так же шепотом ответил тот.

— А я видел, как они ели человечину, — в наступившей вдруг тишине голос Дилана прозвучал зловеще.

— Вы не могли этого видеть! — возопил Смоттл. — Возможно, когда-то они были каннибалами в ритуальном смысле, через это проходят многие первобытные народы, но теперь бэшемцы давно уже не...

— Джоги едят человечину и сейчас, — перебил его Дилан, — прежде всего потому, что это наиболее доступное мясо в Бэшеме. У них есть загоны для разведения и содержания рабов и пленников. Они едят человечину потому, что она им нравится, а не только во исполнение ритуала, посвященного Сайтрулу.

— Если вы намерены и дальше продолжать в том же духе, дамы попадают в обморок от ужаса, — картино закатил глаза профессор.

Дилан оглядел стоящих вокруг него разряженных дам и их лощеных кавалеров.

— Я посоветовал бы дамам, вместо того чтобы падать в обморок, упаковать поскорей свои пожитки и удирать из Авалона, пока еще не слишком поздно.

— Остерегитесь, сэр! — произнес пожилой джентльмен величавой наружности, чье лицо украшали аккуратные бачки. — Одно дело заниматься умозрительными предположениями о мнимых ужасах, и совсем другое — намеренно запугивать людей.

— А я вот как раз и пытаюсь это сделать, — грубо отрезал Дилан. — Да пусть они задрожат от ужаса — может быть, тогда они начнут принимать хоть какие-то меры, чтобы противостоять надвигающемуся вторжению.

— Но ведь принц Грегори прекрасно информирован в военных вопросах, — робко вставила леди Элис, — и он говорит, что джоги вооружены только луками и копьями. Как же они смогут устоять против императорской армии, если вдруг действительно нападут на Авалон?

— Если бы это было все, чем они располагают, уверен, они бы не решились на вторжение, — угрюмо ответил Дилан. — Но у них есть карабины и даже кое-какая артиллерию. Именно поэтому их несметные полчища представляют такую угрозу.

— Интересно, где же это в тундре Бэшема они могли обзавестись современным оружием? — насмешливо спросил профессор Смоттл.

— Да где же еще, как не в Бэшемской Компании? — воскликнул Дилан. — За последние три года им было продано несколько сотен тысяч карабинов и дальнобойных винтовок. И джогские воины уже обучены пользоваться ими. Кроме того, у них есть еще конно-артиллерийские батареи, в которых служат подготовленные Компанией канониры. Так что они достаточно хорошо вооружены и к тому же гораздо более мобильны, чем любая из армий Аннона. Эта орда джогов подобна грозовому фронту, готовому обрушиться на наши головы в любую минуту.

— Сэр! — голос профессора Смоттла внезапно стал ледяным. — Вы выдвинули серьезные обвинения против Бэшемской Компании и ее руководителей. Считаю своим долгом напомнить вам, что в их число входят такие могущественные и уважаемые люди, как лорд Марк из Палладиуса, сэр Генри Картрайт и мистер Джонатан Патнэм из «Патнэм Индастриз».

— Я прекрасно осведомлен о могуществе Компании, — отчеканил Дилан. — Но мне известны также и бесчеловечные методы, которыми она пользуется в своей деятельности.

— Позвольте, разве вы не говорили, что какое-то время работали на Компанию? — с легким недоумением в голосе спросил Смоттл и, когда Дилан кивком подтвердил это, продолжал: — Но в таком случае, полагаю, вы подписывали типовой контракт?

— Конечно, я подписал его. Каждый, кто въезжает в страну, обязан подписать такой контракт согласно уставу Компании.

— Если так, то вы, по-видимому, забыли о том пункте контракта, который прописывает каждому служащему, в том числе бывшему, — тон профессора вновь стал назидательным, — не разглашать сведений, раскрывающих деятельность Компании ее потенциальным конкурентам.

— Да не забыл я ничего! Но у Бэшемской Компании нет никаких конкурентов, так что, с моей точки зрения, этот пункт просто не имеет смысла.

— У нее нашлись бы конкуренты, если бы ее коммерческие права и секреты деятельности стали бы достоянием гласности, — напыщенно возгласил Смоттл.

— Кости тех, кто пытался проникнуть в Бэшем без разрешения Компании, грудами свалены возле Пещер Смерти, — в глазах Дилана зажегся мрачный огонь. — Да за последние двадцать лет разорилась целая дюжина предпринимателей, пытавшихся стать конкурентами, — взорвался он, — их караваны были истреблены, а корабли сожжены или погребены в глубинах песков.

— Вы не только выдвинули обвинения явно клеветнического характера, — профессор Смоттл предостерегающе поднял палец, — но вы нарушили свой контракт. Я не юрист, но, думаю, вас ждут серьезные неприятности, юный джентльмен.

Дилан безнадежно махнул рукой.

— Серьезные неприятности ждут всю империю. Меня нисколько не волнует, если у меня их будет чуть больше, чем у всех остальных.

— Могу я спросить вас кое о чем? — с изысканной вежливостью обратился к Дилану Ноэль Брэн ап Линн. Он слушал разговор, не прерывая его ни единой репликой, однако по выражению его лица сестра видела, что он очень раздражен.

— К вашим услугам, — неуклюже поклонился МакБрайд.

— Вы говорите о вторжении сотен тысяч всадников, а я утверждаю, что подобная вещь невозможна, исходя из чисто географических соображений. Вы не можете не знать, что Бэшемский и Авалонский континенты разделены морским проливом шириной от двадцати до тридцати миль, слишком глубоким для того, чтобы всадники могли перейти его вброд.

Дилан вспыхнул.

— Я прекрасно знаю о существовании Ледового моря, — сдержавшись, сказал он.

— Тогда, возможно, вы считаете, что джоги переправятся на кораблях? Но если так, то что, по вашему мнению, будет делать императорский Военно-Морской флот? Праздно стоять в стороне и вежливо пропускать их?

— Императорский флот не сделает ничего, — лаконично ответил Дилан.

Змеиная усмешка на лице Ноэля явно не предвещала ничего хорошего, и Элис вздрогнула от испуга, предчувствуя назревающий скандал. Горячий темперамент ее брата был источником вечного беспокойства и огорчений для всей семьи. Он уже вовлек Ноэля в четыре или пять дуэлей, создав ему репутацию искусного фехтовальщика, что сама Элис, со свойственным любой женщине отвращением ко всякому кровопролитию, находила просто ужасным.

— У вас есть основания для подобного оскорбления моего рода войск, сэр? — холодно спросил Ноэль. — Или я должен расценивать это как личный выпад?

— Ноэль, мне немного нездоровится, — поспешил начальника Элис. — Не мог бы ты...

— Помолчи! — резко оборвал ее брат. — Я задал этому джентльмену вопрос и хочу получить на него ответ.

Дилан пожал плечами и отвернулся. Ноэль стремительно шагнул к нему и положил руку ему на плечо. Круто обернувшись, Дилан быстрым движением сбросил руку.

— Не прикасайтесь ко мне, — прорычал он.

— Понимаю, — тонко улыбнулся Ноэль, — оскорбление было личным.

На лице Дилана появилось недоуменное выражение.

— Позвольте, минутку... — начал было он, но увидев, что все взоры обращены на него, растерянно смолк.

— Вы изволили что-то сказать, сэр? — любезно осведомился Ноэль.

— Ничего, — помедлив, ответил тот.

— Отлично! Если вы соблаговолите дать мне свою визитную карточку, я буду иметь честь прислать вам своих секундантов.

Вейнландец вновь пожал плечами и, сунув руку в спорран⁶, висевший у него на поясе, извлек оттуда кожаный бумажник. Вынув визитную карточку, он вручил ее Ноэлю.

— Благодарю вас, сэр. — Отвесив церемонный поклон, Ноэль удалился.

— Боже, что вы наделали! — в голосе Элис слышалось неподдельное волнение. — Ноэль же убьет вас, если только мне не удастся отговорить его от этой дуэли.

Дилан удивленно взглянул на нее, затем лицо его приняло решительное выражение.

— Мне не хотелось бы доставить такой очаровательной леди хотя бы малейшее беспокойство, и потому я вынужден просить вас не вмешиваться. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы не причинить вреда вашему брату.

— Да ведь я именно о вас беспокоюсь, — с жаром отвечала она. — Ноэль уже убил одного человека и ранил еще троих, и я не хочу, чтобы на его руках была еще и ваша кровь только потому, что у вас такие странные фантазии.

— Жаль, что мои предостережения кажутся вам столь фантастичными.

— Но, прости, ваше утверждение, будто Военно-Морской флот ничего не сделает, чтобы помешать джогам переправиться через Ледовое море, было же просто абсурдным. Вы должны это признать.

— Видимо, мне следовало объясниться подробнее. Флот не в силах будет ничего предпринять из-за того, что в этом году начинается новый пятидесятилетний цикл.

— А что это за цикл? И что нам сулит его начало?

— Ледовое море полностью замерзнет, — объяснил Дилан. — Это как-то связано с солнечным излучением. Я слышал от друзей из Нордландии, что замерзание уже началось. Скоро море окажется полностью закрытым для плавания и могучие бронированные корабли нашего флота попросту не смогут войти в него. А когда лед станет достаточно крепким, чтобы выдержать конницу, всадникам понадобится лишь несколько часов, чтобы покрыть расстояние от Бэшема до Авалона. Говорят, ждать этого совсем недолго.

— Господи! Я же ничего этого не знала!

— Большинство людей не знает. Правда, правительство и ученые в курсе, но, похоже, они не придают этому особого значения.

— Но вы-то придаете? Вы думаете, что джоги движутся, как только лед станет достаточно крепким?

— Я точно знаю, что они сделают это, милая леди, — серьезно ответил Дилан. — Потому я и пришел сюда сегодня. Увы, я потерпел неудачу с принцем Грегори, да еще к тому же был вызван на дуэль. Так что, пожалуй, мне пора пойти попытать счастья где-нибудь в другом месте.

— Вы никуда не пойдете, пока я не переговорю с братом, — категорически заявила девушка и бросилась прочь так стремительно, что шлейф ее платья взметнулся в воздух.

Дилан повернулся и направился к выходу. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как попал в новую историю.

Одетый в щегольский сюртук долговязый юнец с выступающими вперед зубами встал прямо перед ним, приставил большие пальцы рук к ушам, скосил глаза и высунул язык.

— Берегись меня! Берегись меня! Я — джог! Я — джог! — заорал он, кривляясь.

Мощный удар Дилана отправил шутника прямо в кадку с высокой раскидистой пальмой. Еще одной дуэли, похоже, было не избежать.

II

Захлопнув за собой парадную дверь, Дилан окунулся в холод ноябрьской ночи. Пройдя вдоль фасада, он миновал длинную вереницу замерших экипажей с затесавшимся среди них единственным автомобилем. Все они ожидали других, более именитых гостей барона Леофрика. Он же пришел сюда пешком, и теперь, чтобы добраться до своего скромного жилища на улице Рыбных Торговцев, ему предстояло тем же способом проделать и обратный путь, если только удача не подбросит ему какой-нибудь запоздавший омнибус.

Свернув с залитого ярким электрическим светом Мэлбинского проспекта на более темную улицу, Дилан почувствовал смутную тревогу. Он находился теперь в старой части города, лишь скромно освещенной тускло мерцающими газовыми фонарями. Он, конечно, понимал, что ночные прогулки по столице не более опасны, чем в любом другом крупном городе, хотя утренние газеты и сообщали регулярно о происшедших минувшей ночью

уличных ограблениях и драках, нередко с поножовщиной. Однако вовсе не страх перед заурядными бандитами не давал покоя Дилану. Высокий и сильный, он к тому же носил с собою крепкую трость, и пугали его не грабители. Но этот перехваченный им взгляд профессора Смоттла и хорошо известная Дилану беспощадность Бэшемской Компании — вот чего следовало опасаться. К тому же, беседуя с леди Элис, он краем глаза успел заметить, как профессор поспешил покинуть дом барона.

Улицы в этот поздний час были почти безлюдными, и джентльмен в цилиндре и коротком пальто, из-под которого торчал килт, сразу же бросался в глаза. Если только профессор Смоттл послал по его следу людей Компании, им не составит большого труда настичь его прежде, чем он доберется до снимаемой им квартиры.

Пройдя всего лишь несколько кварталов, Дилан обнаружил за собой слежку. Причем, вопреки его ожиданиям, вместо пеших наемников за ним следовала запряженная серой лошадью повозка, которой правил неизвестный, закутанный в плащ с надвинутым на глаза капюшоном.

Юркнув в ближайшую подворотню, Дилан повернулся и, слегка высунув голову, попытался более внимательно рассмотреть экипаж и его возницу. В ту же минуту человек, правивший лошадью, также остановил свою колымагу и спрыгнул на землю, словно для того, чтобы поправить упряжь. Насколько Дилан смог разглядеть при слабом уличном освещении, это был человек лет пятидесяти, с широкими плечами и забавными как у моржа усами. Да, похоже, в схватке он мог оказаться серьезным противником. Но не это обеспокоило Дилана; опасение у него вызывала, в первую очередь, сама повозка. Поверх нее был накинут брезент с закрепленными по бортам краями, при взгляде на который невольно возникала мысль, что он предназначен не для защиты от ночного холода, а для того, чтобы что-то скрывать.

Под этим брезентом вполне могли спрятаться несколько вооруженных головорезов, решил Дилан, так что, чем быстрее он доберется до дому, тем лучше. Претворяя свою мысль в действие, он поспешил двинуть

нулся дальше самым скорым шагом, на какой был способен, так что вскоре дыхание его участилось и килт стал хлопать по ногам.

Вновь услышав за собой цоканье копыт серой лошади, Дилан окончательно перестал сомневаться в том, что его преследуют. Но для какой цели все же предназначалась повозка? Может быть, его хотели вовсе не убить, а похитить и увезти спрятанным под брезентом? Уж не собирались ли они попытаться переправить его обратно в Бэшем на судне Компании?

Воспоминания о виденных им на мрачном континенте кошмарах заставили его еще прибавить шагу. Завернув за угол и пересекая улицу Мышастого Ворона, он вдруг увидел путь к спасению. Визжа тормозами и пыхтя паровой машиной, с Графского Холма как раз начал спускаться омнибус. Яркий свет его фар прорезал туман, и Дилан уже мог разглядеть водителя и пассажиров в освещенном салоне. Если бы только ему удалось вовремя добежать до остановки, чтобы успеть вскочить в омнибус!

Однако коварная судьба готовила ему неприятный сюрприз: только он пустился бежать, как из темного, заваленного отбросами переулка навстречу ему выступили три субъекта.

— Куда это ты так спешишь, красавчик? — насмешливо спросил самый здоровенный из них.

— Видать, он собрался в Бэшем, — отозвался другой, поменьше ростом. — Ему не терпится повидать Кэра.

— И Кэр подготовил ему достойный прием, — подхватил третий, поигрывая большим ножом, поблескивающим в свете уличных фонарей.

Дилан не стал тратить времени на разговоры. Быстро подняв свою трость и перехватив ее как меч, он стремительно бросился на них. Внезапное нападение застало бандита с ножом врасплох: Дилан с такой силой ударили его тростью в живот, что тот согнулся пополам. Оставшиеся двое головорезов ринулись на Дилана с такой скоростью, что едва он успел заметить занесенную над ним дубинку, как получил оглушающий косой удар в висок, который сбил с него цилиндр и поверг его плашмя наземь, на заплеванные булыжники мостовой.

Омнибус, словно туманное видение, двигался мимо него, и его спешащие домой пассажиры даже не подозревали, какое злодеяние творится всего лишь в нескольких футах от них. Дилан попытался закричать, но ему накинули на голову какое-то одеяло, заглушившее крик. Тогда он с остервенением двинул державшего его бандита ногой и удовлетворенно ощущил, что попал ему во что-то мягкое, по-видимому, в пах. В ответ раздался болезненный вопль и грязные ругательства, однако омнибус так и не остановился, и Дилан услышал, как тот, погромыхивая, удаляется в ночную тьму.

Он стал судорожно баражаться под одеялом, и ему удалось освободить одну руку, но чья-то нога в грубом башмаке тут же придавила ее к земле. Бандиты попытались связать его ноги веревкой, но он так отчаянно лягался, что им никак не удавалось этого сделать. Тогда человек с дубинкой вновь пустил ее в ход, нанеся Дилану два чувствительных удара, которые, по счастью, миновав голову, пришлились ему в плечо, и он почувствовал, как рука его начинает неметь.

Собравшись с силами, он резким движением сбросил душившее его одеяло, быстро откатился в сторону и, пошатываясь, встал на ноги. Силуэты троих надвигавшихся на него противников смутно вырисовывались на фоне уличных огней. Дилан потерял трость, и теперь ему оставалось надеяться только на силу своих кулаков. Правой рукой он ударил самого длинного и почувствовал, как под его кулаком что-то хрустнуло. Он тут же отступил назад, но в этот момент громила с дубинкой вновь ударил его своим оружием, попав на этот раз в запястье, что уже окончательно вывело руку из строя.

Дилан был теперь совсем беспомощным. Владея лишь одной рукой, он едва ли мог выстоять против троих. Мгновенно оценив ситуацию, он пришел к отчаянному решению: надо попытаться заставить их убить его. Это было гораздо лучше, чем быть увезенным в Бэшем. Все, что угодно, было лучше, чем Бэшем!

Опершись спиной о стену дома, он в упор смотрел, как они медленно надвигаются на него, намереваясь, по всей видимости, покончить с ним. В этот момент до его слуха донеслось цоканье копыт, и мужчина с моржовыми усами спрыгнул с повозки.

— Держитесь, сэр, держитесь! — закричал он, подбегая к ним с револьвером в руке.

— Бежим отсюда! — в испуге вскрикнул коротышка.

— Какого дьявола? — прорычал в ответ человек с ножом. — Ведь он всего один.

Он поднял упавший нож, собираясь метнуть его, но прогремел выстрел, ответом которому был крик боли, и нож выпал из раздробленной руки. Напуганные этим, все трое опрометью кинулись в переулок, а Дилан, совершенно обессиленный, повалился на землю.

— С вами все в порядке, сэр? — моржовые усы были у самого лица Дилана, и он мог разглядеть суровое, но не лишенное приятности лицо, на котором поблескивали серо-стальные глаза.

— Я... мне кажется, да, — без особой уверенности проговорил Дилан. — У меня, правда, онемела рука от кисти до самого плеча, но я надеюсь, что переломов нет.

— Кошмарные дела! Человеку на улицах грозит опасность, — с возмущением заявил усач, опуская револьвер в карман своего плаща. — Счастье, что я оказался поблизости.

— Да, сэр, это большое счастье, — с чувством согласился Дилан.

— Ладно, давайте-ка я помогу вам подняться. — Мужчина говорил на превосходном англо с едва уловимым акцентом. — Хорошенькие же дела творятся, если джентльмен не может пройтись по улицам без риска подвергнуться нападению бандитов.

С трудом поднявшись на ноги, Дилан пошатнулся, но сильная рука незнакомца поддержала его.

— Кажется, у меня немного кружится голова, — смущенно пробормотал Дилан.

— Ну еще бы! У вас же на голове здоровенная рана, огромная, как бейсбольное поле.

«Интересно, что это за драгоценный камень — бейсбольный алмаз⁷», — с удивлением подумал Дилан. Однако его вопрос об этом к незнакомцу так и остался невысказанным, ибо все его внимание в этот момент сосредоточилось на том, чтобы самому забраться в повозку и усесться в ней поудобнее.

— Ну вот, вы здесь, на месте, теперь все в порядке, — бодро сказал обладатель усов. — Сейчас я тоже поднимусь на борт, и старина Тедди умчит нас из этого гнусного места и доставит вас, куда вам нужно.

— Я должен поблагодарить вас, вы спасли мне жизнь, — сказал Дилан. — Эти типы...

— Мерзкие бродяги! Никакого чувства справедливой борьбы! Тroe на одного, подумать только! Но вы им здорово всыпали, должен сказать, вы просто классный боец.

Что-то необычное было в речи незнакомца, и Дилан слегка встревожился. Произношение не оставляло сомнений, что англо — его родной язык, но вот употребляемые им выражения казались несколько странными.

Тем временем понукаемая незнакомцем лошадь, тронув с места, сразу же перешла на резвую рысь. Мужчина обернулся к Дилану.

— Позвольте представиться, — сказал он. — Меня зовут Ф. Вудро Чакворд... майор Чакворд из Первого Добровольческого кавалерийского.

— Боюсь, мне неизвестна такая воинская часть, — подумав, ответил Дилан, зажимая носовым платком рану на голове.

— Конечно, вы и не можете про нее знать, — охотно согласился майор. — Она же дислоцирована совсем в другом месте.

— В другом месте, — эхом откликнулся Дилан. — И в каком же, позвольте вас спросить? Вы все-таки из Авалона или из другой части империи?

— Ну, как вам сказать...

— Да так вот прямо и скажите.

— Одним словом, я вообще из другого места.

— Так, значит, вы не из империи, — констатировал Дилан. — Однако же вы говорите на англо, как на родном языке.

— Я и правда говорю на англо. Но там, откуда я родом, мы называем его иначе — «английским».

— Понятно. Так вы в Авалоне по делам? — спросил Дилан, замечая, что Тедди сворачивает на улицу Рыбных Торговцев и направляется прямо к его жилищу, хотя Чакворд не спрашивал у него адреса, а сам он не называл его.

— Да, я здесь по делам, — отвечал майор Чакворд. — Я открыл, как попасть сюда, последовал примеру Броуди, и вот я здесь.

— Примеру Броуди? Что-то не пойму...

— Я просто хочу сказать, что я рискнул. Как Стив Броуди, ну, знаете, тот парень, что сгнул с Бруклинского моста?

— С Бруклинского моста? — опять удивленно переспросил Дилан.

— Правда, я и забыл, что этого вы тоже не можете знать.

Повозка остановилась перед двухэтажным домом, в котором Дилан снимал комнаты. Сомнения и невысказанные вопросы вновь начали одолевать его.

— Вот что, майор, — решительно заявил он, — объясните-ка мне все-таки, почему вы следовали за мной? И каким образом вам удалось узнать, где находится мое жилище?

— Вполне справедливые вопросы, — рассудительно кивая головой, отозвался Чакворд.

— Ну, а ответы?

— На оба вопроса будет один ответ. Все дело в том, что вы — тот самый парень, который, как мне сказали, «видит джогов».

Дилан вполголоса чертыхнулся. «Видеть джогов» было давним выражением, означающим психическое расстройство, или, попросту говоря, помешательство.

— Да, — отрывисто сказал он, — я «вижу джогов».

— В таком случае, вы именно тот человек, с которым, я уверен, мне и нужно вести дела.

— И что же это у вас за дела, майор Чакворд? Уж не торгуете ли вы очками и не воображаете ли, что я нуждаюсь в них, чтобы мое зрение прояснилось? — запальчиво спросил Дилан.

— Нет, сэр, я не торгую очками, — слегка посмеиваясь, ответил майор. — Я продаю оружие. У меня в этой повозке находится самое смертельное оружие в мире.

— Ну и что там у вас? — Дилан бросил небрежный взгляд через плечо на покрывающий повозку брекзент. — Что за оружие?

— Как бы вам объяснить... Это, знаете ли, нечто вроде пушки, только несколько иного рода.

У Дилана округлились глаза.

— Вы хотите сказать, что у вас в этой повозке пушка? — недоверчиво спросил он.

— Н-не совсем так. Это не просто пушка, а, пожалуй, нечто среднее между пушкой и винтовкой. Оружие, которое способно делать восемьсот выстрелов в минуту.

— Ну, знаете! Не думаете же вы, в самом деле, что я этому поверю!

— Догадываюсь, что не поверите, — со вздохом сказал Чаквورد. — Я ведь приобрел горький опыт, пытаясь убедить в этом должностных лиц вашего города. Я просто вот о чем подумал: поскольку вы считаете, что империи грозит опасность, то, может быть, вы хотя бы согласитесь взглянуть на мое оружие в действии. Никто ведь не пошел даже на это, — досадливо качая головой, добавил он.

Разговаривая, они слезли с повозки, и майор сдвинул брезент. В неверном свете уличного фонаря Дилан с трудом разглядел устройство наподобие коленчатого рычага, на котором сверху было установлено какое-то приспособление, похожее на воронку.

Майор коснулся кнопки, и борта повозки откинулись, полностью открывая оружие. То, на чем они ехали, действительно оказалось артиллерийским орудием с расположенным сзади сиденьем.

— Я считал, что лучше замаскировать его, — пояснил Чаквورد. — Кто знает, что может случиться, когда блуждаешь по незнакомому городу.

— Это верно, — согласился Дилан, все еще рассматривая странное сооружение, которое тащил Тедди. — Особенно, если вы кому-нибудь рассказывали, что разъезжаете с оружием, которое может делать восемьсот выстрелов в минуту, — насмешливо присовокупил он.

— Но оно действительно может это, сэр! — вскричал Чаквورد. — Слово чести! В моей стране мы во время войны всегда пользуемся таким оружием.

— А все-таки, где находится ваша страна, майор?

— Не знаю, как и сказать вам, мистер МакБрайд, — с сомнением протянул майор. — Боюсь, что вы никогда о ней и не слыхали.

— Знаете, вы лучше расскажите, а там поглядим.

Чаквورد стащил с головы войлочную шляпу и пригладил ладонью свои жесткие черные волосы. Затем он опасливо оглянулся по сторонам, словно хотел убедиться, что никто посторонний не подслушивает их, и придвинулся поближе к Дилану.

— Слыхали ли вы когда-нибудь о Соединенных Штатах... Соединенных Штатах Америки? — негромко спросил он.

Дилан отрицательно покачал головой.

— Нет, я никогда не слышал ни об одном из этих мест, и не думаю, что вы слышали тоже.

— О, это все одно место. Могущественное, обширное, почти столь же обширное, уверяю вас, как вся ваша империя, но всего лишь одно.

— Вот как, сэр? Но учтите, что я исследователь и сын исследователя. Покажите-ка мне на карте, где она находится — эта ваша неведомая страна.

— Ее нет ни на одной из карт, с которыми вы знакомы.

— Майор Чаквورد, карты Аннона абсолютно подробны и достоверны. На них нет белых пятен. Я работал с картографами и знаю, что говорю.

— В таком случае, полагаю, вы не поверите, что Соединенные Штаты находятся в той части вашего мира, на которую еще не составлено карт?

— Еще бы! Конечно, не поверю.

— Что ж, — вздохнул майор, — тогда вам придется поверить, что они находятся не на Анноне. А совсем в другом мире, называемом Земля.

— Земля? — изумился Дилан. — Черт побери, опять этот старый миф! Нет, нет, — решительно отмахнулся он. — Нечего мне мозги пудрить этим «иным миром» друидов.

Настал черед удивляться майору.

— Вы хотите сказать, что слышали о Земле? — с сомнением в голосе спросил он.

— Конечно, — пожал плечами Дилан. — Это невидимый мир, лежащий по ту сторону Мерцающих Врат.

— И вы этому верите?

— Ну, что вы, разумеется, нет. Это же просто миф. Земля — это, предположительно, то самое место, откуда,

по преданию, явился Артур Пендрогон, чтобы основать империю. Но, естественно, никто всерьез в это не верит, кроме разве детей да суеверных старушек.

— Артур Пендрогон? Уж не король ли Артур⁸ из наших легенд?

— Поскольку я совершенно незнаком с воображаемыми легендами вашего воображаемого мира, то мне, сами понимаете, трудновато ответить на этот вопрос, — сказал Дилан со скрытой насмешкой в голосе.

— Могу клятвенно заверить вас, мистер Мак-Брайд, что и мой мир, и я сам — вполне реальны, — с улыбкой отозвался майор. — И, что не менее важно, это относится и к оружию. Произведенное в большом количестве, оно поможет прогнать орды джогов, которые, по вашим словам, готовы обрушиться на империю.

Дилан оглянулся на оружие. Да, подумал он, что там ни говори, уж оно-то не было воображаемым. Оно являло собой образец самой суровой реальности, отрицать которую было просто бессмысленно. Он внимательно оглядел все его десять стволов и то круглое, похожее на загрузочную воронку приспособление, в котором, как заметил Дилан на этот раз, были пули в стальных оболочках.

— Это ваше собственное изобретение, майор Чакворт? — спросил он.

— Нет, его изобрел доктор Ричард Гатлинг⁹, мой соотечественник. Но я имею право на его продажу здесь, в вашем мире.

Дилан вновь замолчал, продолжая разглядывать оружие. Он попытался зримо представить себе, какую роль могло бы сыграть подобное оружие в борьбе против грозного нашествия джогов, против атак, которые сами они называли «непрерывным штурмом».

На улице в этот ночной час царила тишина, нарушаемая лишь случайным кэбом, изредка проезжающим мимо с каким-нибудь запоздалым гулякой, да звуками «та-ра-а-бум-би-я», доносившимися из ближайшего мюзик-холла.

— Забавно получается с этой песенкой, — задумчиво проговорил майор. — Она ведь популярна и в моем мире.

Внимательно изучая механизм орудия, Дилан был поражен простотой его конструкции и высоким качеством изготовления. Если только оно на самом деле действовало так, как рассказывал майор, то можно было найти, по крайней мере, дюжину оружейных мастеров, которые, он не сомневался, смогли бы запросто скопировать его.

Тем временем Чакворд все еще прислушивался к музыке.

— Чудно. — Он в раздумье покрутил головой. — Думаю, уж не завез ли кто сюда эту песню с той же целью, с какой я привез оружие?

— Что вы имеете в виду? — спросил Дилан.

— То, что человек, который слышал о существовании Врат и решил сюда заявиться, должен был бы заранее позаботиться о том, чтобы здесь не умереть с голоду. Ну, а песни, на которые в нашем мире распространяется авторское право, он мог бы здесь выдать за свои: это был бы хоть и небольшой, но верный доход.

— Так вот, значит, что вы надеетесь получить за свое оружие. Кстати, как вы его называете?

— У меня на родине их называют пулеметами Гатлинга — по имени изобретателя. Но здесь я решил называть их «рэтлерами». Мне кажется, это более подходящее название, потому как эти штуки во время стрельбы издают оглушительный треск¹⁰.

Дилан провел рукой по холодному стволу и взглянул на Чакворда.

— Так вы уже продали здесь хоть сколько-нибудь этих ваших рэтлеров?

— Увы, пока еще нет, — развел руками Чакворд. — Вы знаете, ваша страна во многом схожа с моей. И язык не слишком отличается, да и манеры почти как у нас. Но, вы меня простите, в некоторых отношениях вы порядком отстали. Ни единого человека не удалось мне убедить в силе этого оружия.

— Вы хотите сказать, что мы отстали в искусстве убивать?

— Да, моя мысль выражена вами с завидной прямотой, — поклонился майор. — Но, кажется, вы-то лично не сомневаетесь в том, что скоро здесь появится нужда в более эффективных средствах убийства. Если,

конечно, ваши высказывания не переврали в той статье, которую мне довелось прочесть в здешней утренней газете.

— Что ж, пожалуй, вы правы, — ответил Дилан, вызывая в памяти имена всех своих немногочисленных влиятельных друзей и знакомых, которые могли бы помочь внедрить этот пулемет в императорской армии. Или, по крайней мере, добиться проведения его испытаний в присутствии командования артиллерийскими частями. — Думаю, имеет смысл обсудить это более детально. Может быть, вы подниметесь ко мне, чтобы мы смогли закончить нашу беседу в более уютной обстановке?

— Прежде всего нам следует позаботиться о моей маленькой красотке, — весело сказал Чаквورد, ласково похлопывая по пулемету. — Да и у старины Тедди, похоже, нет ни малейшего желания оставаться на ночном воздухе.

— Загоните-ка вашу повозку вон в те ворота, — показал Дилан. — В конце проезда вы найдете каретный сарай. Там и пулемет ваш будет в безопасности, и вы сможете напоить и накормить лошадь. Ну, а потом, за стаканчиком, у вас будет возможность убедить меня, что вы в самом деле явились из другого мира... если, конечно, вам это удастся, — добавил он с усмешкой.

III

После того как Тедди и повозка были надежно укрыты в каретном сарае, Дилан провел майора в свою довольно приличную трехкомнатную квартирку. Прихватник разжег огонь в камине, а на звонок колокольчика явилась горничная с кипятком для пунша.

— Вот это хорошо прогреет наши кости, — сказал Дилан, передавая Чакворду его кружку и делая из своей несколько быстрых глотков. — Надеюсь, вы позовите мне отлучиться на минутку: я хочу промыть эту рану да обработать ее каким-нибудь антисептиком. После этого я непременно выслушаю ваш рассказ.

— Конечно, дружище, конечно, — закивал майор, прикладываясь к кружке и с удовольствием облизывая губы. — Великолепно! Роскошное пойло! Не спешите, дружище, делайте все, что вам нужно.

Когда несколькими минутами позже Дилан вернулся в комнату, он увидел, что кружка майора уже пуста. Наполнив вновь обе кружки, он опустился в кресло.

— Итак, что именно вы хотите узнать? — спросил Чаквورد.

— Во-первых, я хочу, чтобы вы убедили меня, что ваш пулемет действительно такое замечательное оружие, как вы его расписываете. Кроме того, мне нужны убедительные доказательства того, что вы действительно явились сюда из мифического мира под названием Земля. Но должен предупредить вас: и то, и другое сделать вам будет совсем непросто. Я, знаете ли, недоверчив.

— Что касается достоинств Чонси Депью¹¹, — так я называю этот экземпляр рэтлера в честь известного в моей стране человека, — то есть, что он именно таков, как я утверждаю, думаю, никакие мои слова вас в этом не убедят.

— Ну, а что же тогда убедит?

— Только демонстрация Чонси в действии сможет доказать вам его смертоносность.

— Что ж, возможно, и так. Только вот у меня есть сильное подозрение, что владелица дома не разрешит нам провести эту демонстрацию на своем заднем дворе, — улыбнулся Дилан. — Ведь это может нарушить покой соседей.

— Еще бы! Держу пари, что нарушит. — Майор рассмеялся, и его моржовые усы затряслись. — Но у вас тут есть место за пределами этих стен, внизу у лагуны... как вы ее называете?

— Серебристый берег. Он простирается от Ледового моря до озер Медалго. Это главный торговый путь Авалона.

— Так вот, там есть открытая лужайка с невысокими утесами на одном краю. Мы могли бы завтра отвезти туда Чонси и дать ему возможность показать все свои штуки.

Дилан ограничился кивком. В англо его собеседника то и дело мелькали явно жаргонные словечки, так что он не всегда был уверен, удалось ли ему уловить их точное значение. Правда, если принять на веру утверждение этого человека, что он явился из другого мира, в этом не было ничего странного. Гораздо более удивительным казалось то, что англо и тот язык, который пришелец называл английским, были так похожи.

— Итак, окончательное решение о достоинствах Чонси и о правдивости моих рассказов о нем мы откладываем на завтра, не так ли? Ну, а пока я могу рассказать вам немного о себе и о том, как я попал в этот ваш мир.

Дилан снова кивнул. Огонь весело потрескивал в камине, и в его мерцающем свете Дилан внимательно изучал лицо майора. Это было волевое лицо с крупными, рельефно вылепленными чертами и очень спокойным взглядом. Майор казался олицетворением человека, который всегда будет смотреть вам прямо в глаза и говорить истинную правду. Хотя в свое время Дилан знал нескольких человек, которые производили точно такое же впечатление, а на поверку оказались подлецами.

— Как я уже имел честь вам докладывать, — неторопливо начал майор Чакворт, — я являюсь гражданином страны, называемой Соединенные Штаты Америки, а живу я в городе Нью-Йорке, столице штата Нью-Йорк, который входит в эту страну. За свою жизнь я перепробовал множество разных профессий. Служил сыщиком в полиции Нью-Йорка как раз в то время, когда Тедди Рузвельт¹² был там комиссаром. Работал инженером, охотился на великих Западных Равнинах, был солдатом. Потом понемногу занялся контрабандой оружия и позднее открыл свое собственное небольшое дело по оптовой торговле этим смертоносным товаром. Несколько лет тому назад моя страна ввязалась в небольшую драку с другим государством, которое называется Испания. По сравнению с другими войнами эта была сравнительно тихой, то есть в ней не было очень уж больших и громких сражений. Но когда Тедди Рузвельт кликнул добровольцев, готовых идти прямо к испанцу в зубы, ваш покорный слуга был одним из первых, кто сделал шаг вперед. Кстати, именно во время этой войны мне довелось впервые познакомиться с пулеметом доктора Гатлинга и оценить его потрясающие возможности.

Однажды испанцы здорово нас поколотили. Их меткие выстрелы прямо косили наших солдат, а мы не могли отвечать им тем же, так как они пользовались бездымным порохом, и нам было очень трудно засечь их снайперов. Мы совсем уж было приуныли, как вдруг

откуда ни возьмись появляется молодой лейтенантик с парой вот этих самых пулеметов Гатлинга и начинает поливать свинцом испанские окопы по восемь очередей в минуту. Мы мгновенно воспряли духом и вскоре под командованием Тедди так дружно бросились в атаку на высотку Сан-Хуан, что враг позорно бежал, только пятки засверкали.

После войны я попытался заняться оптовой продажей пулеметов Гатлинга в тех странах, где, по моим расчетам, в них была нужда. Но к этому времени на рынке начали появляться другие типы пулеметов, такие, как «Максим», «Норденфельт» и им подобные. Хотя они и не имели такой скорострельности, но зато были легче и проще в обращении. Единственный реальный рынок был на континенте, который мы называем Южная Америка, но, похоже, у тамошних вояк вечно не хватало денег на покупку оружия, а те, у кого деньги были, не знали, с какого конца берутся за пулемет. Короче, дела у меня там шли не блестяще, и я вернулся в Нью-Йорк.

— Если бы я был склонен верить всем этим вашим рассказням о другом мире, — уловив паузу в речи майора, вставил Дилан, — первое, о чем бы я спросил: как вы все-таки попали сюда, на Аннон?

— Терпение, сэр, я как раз к этому подхожу. Существуют пути, знаете ли... вполне законные пути. Поглаю, вы слышали о стражах Мерцающих Врат?

— Да, отец мой даже побывал однажды возле Врат, что расположены на Зеленых Дельфиних Островах, и беседовал со стражами. Правда, он не очень-то распространялся об этом. Насколько я знаю, он придерживался того же мнения, что и большинство ученых — что Врата ведут к системе подземных туннелей, через которые стражами доставляются различные предметы древности, а иногда и люди.

— Но куда ведут эти туннели? — допытывался Чакворт. — Что ваши ученые говорят по этому поводу?

— Право, не знаю. Может быть, в скрытый подземный мир или же к каким-нибудь неисследованным областям.

— И вы, стало быть, считаете, что рассказы о Вратах, ведущих к Земле, всего лишь мифы?

— Конечно, а как же иначе.

— Ну так позвольте сказать вам вот что: я проник сквозь Врата, но ни в какие пещеры они не ведут. Они выводят к точно таким же, хотя и скрытым, Вратам на моей планете.

Дилан в задумчивости глотнул из своей кружки.

— Ладно, допустим. Но если все так, как вы говорите, то откуда, в таком случае, эти самые Врата взялись? Какая магия может соединить два мира через миллионы миль пространства?

— Не магия, — коротко ответил Чакворд, — и не через пространство.

— Вы говорите загадками. Если Врата — не магия, то что же они такое, по-вашему?

— Наука. Наука расы могучих существ, далеко опередивших в своем развитии и Аннон, и Землю. Врата были созданы в очень далеком прошлом, в эпоху, которая не отражена в нашей истории. Цели, которые преследовали их создатели, выше моего понимания. Существа, сотворившие Врата, оставили для их охраны стражей, а сами отбыли неизвестно куда по своим делам, о которых мы не имеем ни малейшего представления.

— Так вы говорите, что Врата не ведут сквозь пространство? Если они все-таки соединяют два мира, то как же такое возможно?

— Насколько я понимаю, эти два мира занимают в пространстве одно и то же место, но находятся в разных временных континуумах, которые и соединила древняя наука.

— И все же, — задумчиво протянул Дилан, — для большинства людей Аннона Земля не более чем миф.

— Хочу напомнить вам, — сухо заметил Чакворд, — что для большинства тех же самых людей ваши джоги — тоже миф.

— Туже¹³, — с улыбкой поднял руки Дилан. — Ладно, рассказывайте дальше вашу историю.

— Вот так-то лучше. На чем я, бишь, там остановился? Ах, да, я вернулся в Нью-Йорк. И тут я встретил ее.

Последнее слово майор произнес с таким нажимом, что Дилан удивленно поднял брови.

— Ее? — переспросил он. — Кого это — ее?

— Леди, которая, по ее собственным словам, является жрицей одной из богинь в вашем мире. Настоящая леди, доложу я вам, и к тому же красавица. Ярко-рыжие волосы в сочетании с молочно-белой кожей, а фигура! Да простиительно мне будет такое сравнение, но своей фигурой она затмила бы любую из девочек Гибсона¹⁴, которых мне довелось видеть.

— Боюсь, я не знаю, кто или что это такое — девочка Гибсона, — покачал головой Дилан.

— Ну, конечно, я и не предполагал, что знаете. Ладно, не берите в голову. Но, возможно, вы слышали о богине по имени Керидвен, поскольку, как я понимаю, ей поклоняются именно в вашем мире.

— Разумеется, слышал. Керидвен — это главная богиня культа плодородия, который процветал в империи семь или восемь столетий тому назад. Его последователи были особенно деятельны в Эмании и в моем родном Вейнланде. Правда, за последние годы этот кульп практически угас и сейчас пользуется дурной славой.

— Странно, — промолвил Чаквورد, вынимая из кармана пиджака трубку и набивая ее табаком. — Леди уверяла меня, что религия, связанная с богиней Керидвен, все еще имеет большое влияние. Знаете, она мне прямо так и заявила, что только могущество Керидвен в сочетании с моими пулеметами Гатлинга могут спасти Авалон.

Дилан вновь почувствовал недоверие. Мало того, что его просили поверить в мир, который он считал всего лишь мифом, но услышать, что старая, отринутая всеми религия Матери Богини все еще претендует на власть, было уж совсем нелепо.

— Так вы говорите, что из тех, кто поклонялся этой богине, никого не осталось? — раскурив трубку, спросил майор.

— Да нет, я не говорю, что никого не осталось. Всегда найдется небольшая кучка тех, кто цепляется за старые обычаи. Где-то в Трогтауне, по-моему, сохранился даже храм.

— Леди также упоминала об этом. Что такое Трогтаун?

— Нижний город, — пояснил Дилан. — Надо вам сказать, что Авалон — это древнейший город мира. Он

был основан в невероятно отдаленную эпоху народом, называвшим себя форморианцами¹⁵. Город был древним уже в те времена, когда Артур Пендрагон был привезен сюда своей сестрой феей Морганой¹⁶, чтобы он мог здесь оправиться от ран; впоследствии он стал править городом как император Артур I. По прошествии веков некоторые наиболее древние части города оказались окружеными насыпями и высокими постройками, то есть, по сути дела, как бы в котловинах; над ними начали возводить мосты и виадуки, и здания стали строиться уже на новых уровнях. Так что под современным Авалоном до сих пор еще стоят древние строения, храмы и жилые дома,озведенные в незапамятные времена. В этом нижнем городе живет народ, называющий себя трогами. Хотя, надо сказать, еще со времен правления кабинета адмирала Адама Макса Мак-Брайда им предоставлена свобода селиться где угодно.

— Уж не те ли это странные люди, что как-то попались мне на глаза, этакие бледные, прямо совершенные альбиносы? — спросил Чаквورد.

— Вот-вот, они самые. Некоторые ученые даже считают, что они развились в отдельную расу, живя под землей многие столетия. Так что там было с леди, которую вы встретили в Нью-Йорке?

— Ах, да, красавица леди. Так вот, должен вам сказать, что встреча наша произошла несколько необычно. Я жил в меблированных комнатах в Бруклине — это пригород Нью-Йорка — и, после неудачной торговли в Южной Америке, пребывал в некотором раздумии, то есть, попросту говоря, пытался решить, на что теперь мне направить свои способности и усилия. А тут как раз она и въехала в этот дом, заняла комнату чуть пониже холла. Знаете, это был не очень-то изысканный дом; во всяком случае, мне показалось, что для нее это не совсем подходящее место. Ведь она была такая красавица и так походила на леди — словом, среди постояльцев она произвела настоящий фурор.

Думаю, их бы вообще кондрашка хватила, узнай они, что уже на третий вечер после своего появления в доме она пришла ко мне в комнату. О, нет-нет, ничего такого, уверяю вас. Она могла быть жрицей какого

угодно там культа плодородия, но леди Этна была леди в полном смысле этого слова.

— И что она от вас хотела? — нетерпеливо спросил его Дилан.

— Она хотела предложить мне дело. То самое, которым я занимался и раньше, но на новой территории... то есть на Анноне. Она сказала, что там очень нуждаются именно в таком оружии, как созданное доктором Гатлингом, и если бы я только согласился туда отправиться, она позаботилась бы о моей доставке.

— И вы согласились?

— Ну, не так, чтобы сразу. Я ведь никогда и не слышал ни о каком таком месте под названием Аннон, — так я ей и заявил. Но она в ответ принялась уверять меня, что оно существует на самом деле, а неизвестно людям лишь потому, что расположено в неизведанной до сих пор укромной долине в арктических областях Земли.

— В укромной долине? — изумленно переспросил Дилан.

— Именно так. Думаю, она просто побоялась, что ее правдивый ответ я сочту за бред, потому и придумала эту маленькую невинную ложь, — пояснил майор.

— И тогда вы согласились отправиться с ней?

Майор Чаквورد улыбнулся в усы.

— Видите ли, кроме неотразимой внешности и обаяния, у леди был в запасе еще весьма существенный аргумент в виде десяти тысяч долларов, которые она и предложила мне для приобретения пулемета Гатлинга с полным комплектом запасных частей и максимальным количеством боеприпасов. Она сказала, что это будет мой демонстрационный образец, который поможет убедить скептиков в том, что вот именно сейчас, в минуту крайней нужды, они получают в руки оружие огромной мощи.

— А не говорила ли она, что за нужда была в таком оружии, то есть против кого или чего оно было необходимо?

— Она что-то говорила, да я не очень-то понял. Упоминала о некоем существе по имени Сайтрол, которому поклоняются джоги, — раса, обитающая в местности под названием Бэшем. Она сказала, что Сайтрол

и джоги — это смертельная угроза для всех, кто чтит Керидвен.

— И для ~~всех~~, кто ходит по этой планете, — угрюмо добавил Дилан.

— А что это за штука такая — Сайтрол? — спросил Чакворт. — Еще один из ваших мифов?

Дилан покачал головой.

— Да нет, Сайтрол — не миф. Но что он такое на самом деле — то ли, действительно, живое существо, наделенное чувствами, то ли просто явление природы — я, честно говоря, не могу точно сказать. У некоторых наших авторитетов есть гипотеза, что некогда Вселенная была хаосом, или иначе, гигантским «космическим атомом». Из этого хаоса сформировались звезды и планеты. Так вот, Сайтрол — это как бы сущность, самосознание того «космического атома». Оно существует под песками, названными его именем, в ожидании, что когда-нибудь хаос возвратится вновь.

— А это означало бы разрушение планет?

— И гибель всего человеческого рода, — присовокупил Дилан.

— Тогда, по-видимому, леди Этна не преувеличивала опасность.

— Ее невозможно преувеличить, — с волнением сказал Дилан. — Но, прошу вас, продолжите рассказ. Итак, значит, Этна уговорила вас отправиться с ней?

— Уговорила, — согласно кивнул майор. — Я погрузил Тедди и пулемет в поезд, и мы отправились в маленький городок в Северной Манитобе¹⁷. Там мы пересели на речной пароход и продолжили свой путь на север. Потом мы тащились по грязной, изрытой колеями дороге, а под конец — прямо по равнине вообще без всякой дороги, пока наконец не добрались до небольшой, скрытой от людских взоров долины на Северо-Западной Территории¹⁸. Там закончилась первая часть нашего путешествия.

— То есть все это путешествие составляло лишь первую часть?

— Ну да, ту часть, которая пролегала в моем мире. Она заканчивалась там, в этой долине, ибо именно в ней-то мы и обнаружили Мерцающие Врата.

— И на что они были похожи? — с жадным любопытством спросил Дилан.

— Ни на что из того, что мне когда-либо довелось видеть в том или этом мире, — последовал немедленный ответ. — Это был мерцающий круг света, точнее даже не круг света, а скорее дыра в окружающей нас реальности. И вот мы, то есть леди Этна и я со стариной Тедди, тащившимся позади, вступили в эту дыру. Можете не верить мне, но мы вошли буквально в ничто. Со всех сторон нас окружал непроглядный мрак, этакая жуткая сплошная чернота, по сравнению с которой то, что мы обычно называем темнотой, кажется ярким полуденным светом. Чернота, в которой под нашими ногами, казалось, не было никакой опоры, и, однако же, мы стояли, или, скорее, плыли стоя. Во мраке таилась угроза, заставившая даже привычного ко всему Тедди приглушенно заржать от страха. Чуть позже мы обнаружили, точнее, ощутили, что нас тащит... тащит некая неведомая сила, которая привела нас к другим Мерцающим Вратам, а затем мы вдруг вновь очутились в реальном мире... весьма странном, надо сказать, но реальном.

— И где же вы оказались? — интерес Дилана все возрастал.

— Мы оказались в огромном, похожем на храм, здании, своды которого почти достигали небес. Оно было полно людей, торопливо сновавших во всех направлениях. У меня возникло ощущение, что я попал на гигантский железнодорожный вокзал, где тысячи пассажиров несутся сломя голову в разные стороны, чтобы успеть на свои поезда. Но это была станция сообщения не между городами, мой друг, — майор торжественно поднял палец, — а между мирами. И надо признать, что, кстати, меня удивило, движение там было весьма оживленным. Позднее мне пришло в голову, что этим путем из моего мира в ваш могли доставляться самые различные товары, в том числе и такие, как изобретения, песни или литература. Приходилось ли вам, например, здесь, на Анноне, читать Шекспира?

— Да, мы читали замечательные фантастические пьесы, где все было вымыщенным — и герои, и место действия. Их приписывали человеку по имени Шекспир,

но большинство наших ученых склоняется к мнению, что такого человека никогда не существовало в действительности. По-видимому, эти пьесы являются частью фольклора.

— Шекспир жил в моем мире, — кратко сообщил Чакворд, — и места, которые он описывал, отнюдь не вымыслены. Далее, слыхали ли вы когда-нибудь о Редьярде Киплинге?

— Нет, — отрицательно помотал головой Дилан. — А что, я должен был о нем слышать?

— Полагаю, что нет, — со смешком ответил Чакворд. — Киплинг живет в моем мире в настоящее время, и, похоже, еще никто не додумался переправить его сюда.

— Ладно, — с нетерпением прервал его разглагольствования Дилан, — вы очутились в месте, похожем на гигантский железнодорожный вокзал. Что же произошло дальше?

При этом вопросе лицо майора стало печальным. Он с досадой подергал себя за ус.

— Дальше мне пришлось расстаться с леди Этной, — со вздохом сказал он. — Именно там, в этом месте, называемом Каер Педриван, Замок Возвращения.

— По какой же причине вы расстались с ней? — продолжал спрашивать Дилан.

— Ей пришлось остаться, — в голосе майора сквозила нескрываемая горечь.

— Но почему? — настаивал Дилан.

— Стражи требуют пошлину за прохождение между мирами. Плата за два человеческих существа, лошадь и пулемет Гатлинга оказалась слишком высокой. Ее невозможно было внести сразу, в один прием; это могло бы привести к смерти одного из плательщиков.

— К смерти? Ничего не понимаю.

— Я тоже, мистер Мак-Брайд, я тоже. Но, как мне объяснила леди Этна, стражи требуют в качестве платы часть жизненной силы странника. Лишиться сразу того количества жизненной силы, которое она должна была уплатить, — это могло попросту убить ее. Так что ей пришлось остаться там, позади, чтобы оплатить наш переход постепенно, частями. Я же взошел на борт парусника, который доставил меня в городок под на-

званием Порте Санто. Там я пересел на пароход, следующий в Медалго-Ривер, и уже оттуда я наконец попал в Авалон.

— М-да, странная история, — протянул Дилан, задумчиво постукивая пальцами по подлокотнику своего кресла. — Значит, вы говорите, цена за проникновение сюда из вашего мира оказалась столь высока, что леди Этна вынуждена была остаться в этом Каер Педриване, чтобы вносить плату по частям. Ну, а как другие «путники», которых вы там видели? Остался ли хоть один из них?

— Нет, никто, — мотнул головой майор. — Думаю, тут все дело в пулемете, — предположил он. — Я уверен, что стражи были осведомлены о важности пулемета Гатлинга со всеми его запасными частями и боеприпасами, ну и цену назначили соответствующую. Они ведь и существуют-то только за счет жизненной силы, получаемой от «путников». Вы же, наверное, знаете, что они — не обычные смертные люди, точнее, вообще не человеческие существа.

— Да нет, этого-то я как раз и не знал. Я всегда был убежден, что если только подобные создания и существуют на самом деле, то это просто одетые в балахоны жрецы какой-нибудь древней религии.

— Так вы, стало быть, мне не верите?

Дилан в некоторой растерянности пожал плечами.

— Сказать честно, даже и не знаю — то ли верить, то ли не верить. Не могу решить, — смущенно признался он.

— Вы непременно поверите завтра, когда увидите Чонси Депью в действии, — заявил Чаквورد со спокойной уверенностью человека, который знает, что говорит. — Возможно, тогда вам удастся заставить действовать некомпетентных в военных делах бюрократов. Они тут у вас до того погрязли в косности, что ни один из них не может заставить себя сделать хоть что-нибудь. Вот почему я и обратился к вам. Надеюсь, у вас есть друзья в высоких инстанциях и вы знаете подступы к военным.

— Ну, на самом-то деле это все друзья моего отца.

— Что ж, это даже лучше. Однако все это может подождать до завтра. А пока — не отправиться ли нам на боковую?

— М-да, завтрашний день обещает быть хлопотным, — с беспокойством проговорил Дилан, внезапно вспомнив, что он вызван на две дуэли и что рано поутру явятся секунданты его противников. Он поднялся на ноги и, дернув за шнурок от звонка, попросил появившуюся горничную постелить майору на диване.

Не желая пока признаться в этом самому себе, Дилан уже был более чем наполовину убежден рассказом своего гостя. Однако сомнения вновь стали одолевать его, когда перед тем, как отойти ко сну, Чаквورد вдруг обратился к нему:

— Да, кстати, мистер Мак-Брайд, леди Этна передала мне для вас послание.

— Послание для меня? Этого просто не может быть. Я никогда не слыхал об этой женщине, да и она, уверен, меня не знает.

— Тем не менее, она просила меня передать послание сыну сэра Малкольма Мак-Брайда.

— Она говорила, что знает моего отца? — недоверчиво спросил Дилан.

— Она сказала, что он погиб в пещерах Сайтрола. Это так?

— Увы, да. Этот предмет всегда очень занимал его. В конце концов он возглавил экспедицию в пещеры, да так оттуда и не вернулся.

— Так вот, леди Этна сказала, что разгадку исходящей от джогов опасности сыну сэра Малкольма Мак-Брайда следует искать у жрицы богини Керидвен в Трогтауне, — заявил Чаквورد.

— У жрицы Керидвен в Трогтауне? Вы, наверное, шутите, майор. Давно потерявшая популярность религия владеет разгадкой нынешней опасности? Очень сомнительно. Да и Трогтаун... туда, знаете ли, и проникнуть-то небезопасно. Нет, тут что-то не то.

— Я просто повторяю слова леди Этны, — упрямо проговорил Чаквورد, укладываясь спать. — И только.

IV

На следующее утро около восьми часов Дилан и майор были разбужены громким стуком дверного молотка. Накинув халат, Дилан отворил дверь и обнаружил стоящего за ней высокого белобрысого юнца, затянутого в белую с алым форму полка карабинеров.

С минуту офицер стоял как истукан, держа на отлете украшенный плюмажем шлем и разглядывая Дилана своими бледно-голубыми глазами. Наконец он представился:

— Я — Филберт Сент-Джон, капитан Собственного принца-регента полка карабинеров, — несколько напыщенно произнес он. — Я имею честь разговаривать с Диланом Мак-Брайдом, эсквайром из Шетланд-Хеда, что в Вейнланде?

— Совершенно верно, — наклонил голову Дилан, прекрасно понимая, что за этим последует.

— Я удостоен чести оказать услугу мистеру Эдмунду Спрэгу и быть его секундантом в предстоящем деле

между ним и вами, — в той же манере продолжал офицер.

— Конечно, конечно, — кивнул Дилан. — Однако не войдете ли вы, капитан? Мы с моим гостем как раз собирались выпить по чашечке кофе. Надеюсь, вы не откажетесь присоединиться к нам?

Тем временем Чаквورد успел натянуть штаны, скрыв под ними свои роскошные красные шерстяные кальсоны, и уже надевал рубашку, когда Дилан провел молодого капитана в гостиную. Следом почти сразу же появилась горничная с подносом, на котором кроме кофе были еще свежие лепешки и горшочек с джемом.

Столь церемонно державшийся вначале, капитан Филберт Сент-Джон при виде угощения мигом отбросил прочь всю свою манерность и по-мальчишески заулыбался.

— Лепешки и джем! Чудесно! — воскликнул он, быстренько пристраивая рядом, на соседнем стуле, свой шлем и заботливо прикрывая салфеткой белоснежные форменные брюки. — Совсем как домашние, — добавил он с восторгом.

— Берите, пожалуйста, сами, не стесняйтесь, — вежливо предложил ему Дилан.

Молодой человек с жадностью набросился на лепешки. Намазав несколько штук маслом и джемом, он, словно забыв о цели своего визита, в полном молчании поглощал их одну за другой. Наконец, когда остатки пищи унесли, он удовлетворенно откинулся на стуле. Однако вид у него при этом был несколько смущенный.

— Я... я полагаю, нам следовало бы приступить к делу, — произнес он, слегка запинаясь, — хотя, признаться, после такого славного завтрака с этим вкуснейшим смородиновым джемом... заниматься подобным делом мне кажется просто свинством. Но... гм, ведь, как вызываемая сторона, я полагаю, вы имеете право выбора оружия.

— Это что, дуэль? — спросил майор, наконец-то уразумев цель столь раннего утреннего визита. — И это в цивилизованной стране?! — искренне удивился он.

Капитан Сент-Джон тут же ухитрился принять вид глубоко оскорбленной гордости, несмотря на то, что на лице его все еще виднелись следы джема.

— Да-да, сэр, именно в цивилизованной стране! Как же еще джентльмены могли бы сохранять цивилизованность, если не с помощью кодекса чести? — высокопарно вопросил он.

Майор Чаквورد мрачно скривил губы под своими моржовыми усами, но промолчал.

— Итак, сэр, какое оружие вы выбираете? — в том же тоне продолжал Сент-Джон.

— Что ж, давайте подумаем, — слегка усмехнувшись, сказал Дилан. — Предпочитаю ли я быть изрешеченным пулями или изрубленным на куски саблей? Должен признаться, ни то ни другое меня как-то не привлекает. Слушайте, а почему бы не предоставить выбор мистеру Спрэгу?

При этих словах Дилана с капитана вновь слетело все его высокомерие. Напротив, казалось, он весьма огорчен и находится в большом замешательстве.

— Гм! Если вы только позволите мне воспользоваться нашим столь кратким знакомством на основании разделенного со мною смородинового джема, я бы вам этого не советовал. Я полагаю, мистер Спрэг наверняка выбрал бы пистолеты, а он, боюсь, один из самых метких стрелков в империи... Хотя, должен признать, он и шпагой владеет мастерски, — добавил Сент-Джон с несчастным видом. — Я слышал о нескольких его жертвах, заколотых им на дуэли именно этим оружием. Опасаюсь, что мистер Спрэг ни в коем случае не удовлетворится простым кровопусканием.

— Тогда я не вижу перед собой большого выбора, — пожал плечами Дилан. — Видимо, ваш друг всерьез вознамерился прикончить меня, и в моем распоряжении не так уж много возможностей помешать ему в этом. Разве что он согласился бы биться на клейморах¹⁹ — это единственный вид оружия, кроме винтовки, которым я владею достаточно хорошо.

— Не думаю, что клейморы нынче в моде на дуэлях, — сказал Сент-Джон, несколько оживившись, — но я был бы в высшей степени счастлив сообщить своему доверителю, что вы предпочитаете именно это оружие.

— Нет, нет, капитан, я просто пошутил, — улыбнулся Дилан. — Я вовсе не хочу, чтобы вы попали в

неловкое положение, передавая подобное сообщение вашему другу.

— Гм!.. Если позволите, мистер Мак-Брайд, мне бы хотелось отметить, что мистер Спрэг вовсе не является моим другом. Он даже не из нашего полка. Это просто знакомство, карточное знакомство, можно сказать. Но он не друг мне, уверяю вас, нет!

В ответ на горячность молодого человека Дилан только удивленно поднял брови.

— На самом деле... — Сент-Джон несколько помедлил, как бы колеблясь, но затем решительно продолжал: — На самом деле у меня есть весьма веские основания полагать, что этот джентльмен — профессиональный дуэлянт, оплачиваемый неким торговым домом.

— Уж не Бэшемская ли это Компания? — с беспокойством спросил Дилан.

— Она самая, — подтвердил Сент-Джон. — Поскольку вы сами догадались, мне нет смысла отрицать это. Может быть, кому-то мой поступок и покажется противоречащим правилам, будучи секундантом джентльмена, я, наверное, не должен был бы этого делать, но я все же хочу предупредить вас, сэр, что Спрэг намерен убить вас и назвать это честным поединком.

— Браво, капитан! Сразу видно, что вы джентльмен, — воскликнул Чакворд. — Не переживайте, старина, все тип-топ, как говорят у меня на родине. — Он обернулся к Дилану: — Разумеется, вы не станете доводить это дело до развязки теперь, когда узнали правду?

— Боюсь, что я вынужден, — со вздохом ответил Дилан.

— Конечно, он должен, — поддержал его Сент-Джон. — Надеюсь, вы не станете ожидать от мистера Мак-Брайда, что он не сумеет защитить свою честь только потому, что у мистера Спрэга ее нет, не так ли?

— Я ожидаю, что человек, в чьих руках столь важное дело — дело, от которого может зависеть судьба его страны и всего его мира, — такой человек должен бы позаботиться о том, чтобы не быть убитым из-за пустяка, — твердо сказал Чакворд.

— В общем-то вы, конечно, правы, — с ноткой раскаяния в голосе отозвался Дилан. — Но, к сожалению,

мне следовало бы подумать об этом прежде, до того, как я попал в эту историю. Теперь же... — он развел руками. — Кстати, Сент-Джон, у вашего доверителя были какие-нибудь пожелания относительно времени и места?

— Да. Как обычно, он предлагает сикоморовую рощу, что за старым кладбищем друидов на Эмионской дороге. Это довольно уединенное место, и есть надежда, что полиция там нам не помешает. Время, которое он предложил, — завтра, в шесть утра.

— Что за ужасный час, — зябко повел плечами Дилан.

— Ужасный час для ужасного деяния, — в тон ему откликнулся Чакворд.

— Впрочем, время и место меня устраивают, — уже спокойно сказал Дилан, — а поскольку я до сего времени не позабылся о секунданте, мне придется попросить майора Чакворда оказать мне эту любезность.

Чакворд был несколько удивлен и даже растерян, однако нельзя сказать, чтобы эта просьба была ему неприятна.

— Ладно... Дело ваше, но я всего этого не одобряю. Такого никогда бы не допустили в моей... словом, я не одобряю, но, конечно, буду рад помочь вам.

Убедившись, что миссия его выполнена, Сент-Джон сердечно пожал руки обоим мужчинам, водрузил на голову свой шлем и, отдав честь, удалился.

Чакворд тут же встал.

— Вы представляете, что произойдет, если вас убьют на этой дурацкой дуэли? Кто предупредит империю об опасности со стороны джогов? — гневно вопрошал он.

— Я полагаю, что буду похоронен со всеми подобающими слушаю обрядами реформированного друидизма, если только тамошний главный друид не наложил запрета на дуэли, — усмехнувшись, отвечал Дилан.

— А пулемет Гатлинга — рэтлер? Кто, кроме вас, сможет убедить власти, что он необходим?

— М-да, теперь это представляет проблему, не так ли? Ладно, давайте сделаем вот как. Мы с вами посвятим весь сегодняшний день решению этой проблемы и попытаемся сделать максимум того, что успеем. Так как мы уже позавтракали, давайте-ка поедем на побережье

да поглядим на ваш пулемет в действии. Ну а потом попробуем объехать министерства.

— Постойте! Вы что, действительно хотите посвятить этому делу день, который, быть может, окажется для вас последним? — Изумлению майора не было границ.

— Я не мог бы придумать лучшего способа провести этот день, — просто ответил Дилан, но тут же понял, что все же слегка покривил душой. Будь у него выбор, он, конечно же, предпочел бы провести свой последний день с той очаровательной малюткой, леди Элис, с которой он познакомился накануне вечером. Мысль о леди Элис напомнила ему о ее брате.

— Кстати, чуть не забыл, есть еще одно дельце, которое мне предстоит уладить, — произнес Дилан как раз в тот момент, когда вновь раздался стук дверного молотка. — А вот, вероятно, и джентльмен по этому делу, — добавил он, открывая дверь.

На этот раз на крыльце стоял щеголеватый молодой человек в форме лейтенанта императорских Военно-Морских сил.

— Мистер Мак-Брайд, я — лейтенант Сэмюэл ван Рэсселвей. Я представляю капитан-лейтенанта Ноэля Брэн ап Линна.

— Я думаю, что выберу шпаги, если это устраивает моего противника, — сразу же приступил к делу Дилан. — К сожалению, ранний утренний час — я имею в виду шесть утра — у меня уже занят, но сикоморовая роща за кладбищем друидов на Эмионской дороге, полагаю, прекрасно подойдет как место для решения вопроса.

— Прошу прощения, сэр, вы сказали, что шесть утра у вас заняты? — Молодой человек нервно тронул свои тонкие, словно нарисованные карандашом, усики. — Но что же может быть более важным, чем дело чести?

— Ничего, кроме другого дела чести, — в тон ему ответил Дилан. — Искренне сожалею, но я уже пообещал этот час мистеру Эдмунду Спрэгу. Если я останусь в живых, то в семь часов я готов встретиться с вашим доверителем.

— Семь часов! — Морской офицер казался просто шокированным. — Мой доверитель предпочитает ре-

шать такие дела как можно раньше. В семь часов он обычно совершают верховую прогулку в парке.

— Передайте, пожалуйста, мои глубочайшие извинения капитан-лейтенанту Брэн ап Линну, — Дилан был сама вежливость, — и скажите ему, что, к великому моему сожалению, я не смогу утолить его жажду крови раньше семи часов.

Офицер холодно кивнул.

— Хорошо, — сказал он сквозь зубы, — я передам ваши слова моему доверителю. Могу ли я осведомиться о вашем секунданте?

— Конечно. Позвольте представить вам: майор Ф. Вудро Чакворд, служивший в Первом Добровольческом кавалерийском. Он и будет моим секундантом.

— Добровольческий кавалерийский? — лейтенант ван Рэсселвей свысока поглядел на майора. — Думаю, что мне неизвестен такой полк.

Усы майора Чакворда ощетинились.

— Да будет вам известно, юноша, — запальчиво воскликнул он, — что это самый прославленный полк в моих краях. В Первом кавалерийском мы, бывало, скакали от зари до зари, сражались в седлах и пешими, крепко били и апачей, и испанцев, и филиппинских партизан.

— Мне незнакомо ни одно из этих названий, — с оттенком пренебрежения заявил молодой человек.

— Ему незнакомо, ишь ты! — возмутился Чакворд. — Так вот, чтобы вы навсегда запомнили это название — Первый Добровольческий кавалерийский, — я лично спущу вас по этим ступенькам.

— Погодите! — поспешил хватая майора за плечо, вскричал Дилан. — Я уверен, что лейтенант ван Рэсселвей не хотел оскорбить ваш полк.

Между тем лицо молодого офицера начало приобретать подозрительно багровый оттенок, и Дилан понял, что если только ему не удастся сейчас разрядить обстановку, случится еще и третья дуэль. Поэтому он как можно более мягким тоном обратился к офицеру:

— Лейтенант, успокойтесь, прошу вас. Понимаете, майор — путешественник и прибыл из очень далекой страны. Надеюсь, вы будете снисходительны к его че-

реччур резким манерам. Могу заверить вас, он не имел в виду ничего оскорбительного.

— Хорошо, — пятясь вниз по ступенькам, выдавил ван Рэйелвей. Дилан не был полностью уверен, что ему удалось смягчить лейтенанта; весьма возможно, тот попросту поспешил ретироваться, прежде чем Чакворд выполнит свою угрозу.

— Мы с вами увидимся завтра в семь утра! — торопливо крикнул вслед ему Дилан, поспешно запирая дверь. Затем он обернулся к майору.

— Ну, знаете, Чакворд! — напустился он на майора. — Какая муха вас укусила? Чего вы пытались добиться, ввязаться в дуэль самому, что ли?

— А почему бы и нет? — ухмыльнулся Чакворд. — Вы же ~~вс~~ ввязались, да еще сразу в две. Или вы хотите испробовать все острые ощущения один?

Дилан невесело засмеялся.

— Боюсь, что по-настоящему острых ощущений будет очень мало, — покачал он головой. — Сомневаюсь, что мистер Спэг успеет хотя бы слегка вспотеть до того, как проткнет меня, а уж Ноэль Брэн ап Линн и вовсе впустую прогуляется за город. Но это все завтра. А сейчас мой слух ласкает стук каблучков горничной, которая несет нам добавку к завтраку. А у меня, знаете ли, после всех этих разговоров о кровопусканиях что-то аппетит разыгрался. Так что давайте-ка еще разок перекусим, майор.

V

На следующее утро в половине пятого Дилан и Чакворд влезли в наемный экипаж и велели вознице отвезти их к кладбищу друидов. Оглянувшись на них, тот скорбно покачал головой.

— Подозреваю, что обратно мне придется везти только одного из вас, джентльмены, — предположил он.

— Напротив, — с напускной веселостью отозвался Дилан, — мы оба твердо намерены остаться в живых. У нас еще слишком много дел, которые необходимо закончить.

В словах Дилана была заключена горькая правда, ибо предшествующий день принес им не только надежды, но и разочарования. Надежду вселило в Дилана испытание пулемета Гатлинга. Последний превзошел все его ожидания, даже хвалебные отзывы Чакворда бледнели перед тем, чему он оказался свидетелем. Поставив мишени перед высокой насыпью, майор с помощью Тедди выкатил пулемет на нужную позицию, затем, взяв

из повозки магазин в форме пончика, установил его в верхней части пулемета. В магазине было сто четыре боевых патрона примерно, как показалось Дилану, сорок пятого—семидесятого калибра. Будь у него в достатке боеприпасов и двое заряжающих, пулемет мог бы делать даже по тысяче пятьсот выстрелов в минуту, пояснил майор, открывая огонь. Патроны во время стрельбы подавались сразу во все десять стволов, и мишени были мгновенно разнесены в клочья. Дилан был в полном восторге, однако результаты их последующих действий оказались весьма неутешительными. Всю вторую половину дня они потратили на бессмысленное блуждание по кабинетам в тщетной попытке заинтересовать пулеметом чиновников разного уровня.

Большинство представителей власти даже не пожелало их принять. Они были слишком заняты или же не принимали никого без предварительной договоренности, а ни о какой договоренности сейчас не могло быть и речи, потому как все они вскоре отбывали либо в свои загородные дома, либо на Остров Развлечений для участия в празднике на воде. Трое младших служащих, которые снизошли до того, чтобы их выслушать, наотрез отказались присутствовать при демонстрации пулемета. Двое откровенно скучали, а третий с усмешкой заметил, что то, что они описывают, выглядит как колдовство, а ему ни в коей мере не хотелось бы вызвать неудовольствие церковных властей, поощряя подобные испытания.

Так что теперь они тряслись по булыжникам Эминонской дороги, не завершив ничего из задуманного, и с двумя дуэлями, как дамоклов меч, нависшими над головой Дилана. Они ехали в полном молчании, но по мрачному выражению на лице майора Дилан догадывался, что тот нисколько не сомневается в трагичном исходе поездки.

Хотя у Дилана настроение тоже было далеко не из лучших, он попытался изобразить на лице улыбку и вытянул перед собой свои голые ноги, как бы принимая позу спокойной расслабленности. На нем был его самый лучший килт, плед и спорран, талию опоясывала перевязь с клеймором на боку. Всем своим видом он удивительно напоминал шотландского горца, вырядившегося по случаю некоего торжественного события.

— Какого черта вы тут изображаете бодрячка, когда весь вчерашний день пошел прахом, а сегодня вас, того и гляди, убют? — не выдержал наконец майор.

— Ну, одно-то мы с вами сделали, — успокоительно ответил Дилан, не обращая внимания на его резкий тон. — Теперь мы с вами оба знаем, что есть грозное оружие, которое может спасти империю от джогов.

— Ну да, сейчас-то об этом знают двое, — саркастически заметил Чаквورد, — но через несколько часов из этих двоих может остаться только один. А он не слишком-то хорошо известен в этом городе, чтобы это знание хоть как-нибудь использовать.

— Полнота, старина, не пойте мне отходную раньше времени, — бодро сказал Дилан. — Я всерьез намерен выйти живым из этой передряги. Однако на тот случай, если это мне все-таки не удастся, запомните: есть один человек, к которому вы сможете обратиться. Он был другом моего отца, потому мне и не хотелось напрасно беспокоить его, пока я не исчерпал всех остальных возможностей.

— Кто же он? И где мне его искать?

— Он — генерал в отставке, зовут его сэр Ангус Хорвитц. Это сварливый старый субъект с голосом, напоминающим ржавую пилу, и манерами погонщика мулов. И в то же время это самый блестящий военный ум в империи.

— Вы говорите, он в отставке?

— Увы, как большинство талантливых людей в нашей армии, он пришелся им не ко двору, и после войны Длинных Ножей его вынудили уйти в отставку. Знаете, мне кажется, нужда в таких людях, как Ангус Хорвитц, вообще возникает лишь в критические моменты — для мирного времени они горят чересчур уж ярко, могут и обжечь. Так что, думаю, он вскоре снова наденет форму. Вы найдете его в собственном доме на площади Звенищего Крыла.

— Мы найдем его там вместе, — подчеркнул майор последнее слово, и впервые за утро на его лице появилась улыбка.

Старое кладбище друидов было расположено в долине, сплошь заросшей огромными замшелыми деревьями. Долину со всех сторон окружали зеленые луга.

Было так рано, что туман, сползающий с Серебристого берега, здесь все еще держался; он стлался низко над землею, и старинные надгробья смутно вырисовывались сквозь него словно здания древнего города, давно покинутого всеми, кроме мертвецов.

Чакворд зябко поежился.

— М-да... мрачноватое местечко, — не без внутренней дрожи заметил он.

— Да нет, это только сейчас, — рассмеялся Дилан. — Стоит взойти солнцу, как здесь все наполнится птичьим щебетом и солоноватым запахом моря.

— Ага, похоже, кое-кто из наших друзей уже здесь, — сказал Чакворд, указывая на троих мужчин, тесной группкой стоявших возле кареты. Все трое были в пальто и в цилиндрах, а один из них держал под мышкой пару шпаг.

Дилан достал из споррана большие золотые часы и сверился с ними.

— Пять сорок, — констатировал он. — Джентльмен нетерпелив, только, боюсь, это не тот джентльмен.

— Не тот джентльмен? — удивился майор.

— Ну да. Вы ведь помните, Ноэлю Брэн ап Линну было назначено лишь на семь часов, не так ли?

— Так-то так. Но, может быть, он просто приехал пораньше, чтобы поглядеть на ваш первый поединок, — высказал предположение майор, — или, может, чтобы извиниться, — с надеждой добавил он.

— Извиниться? — усмехнулся Дилан. — Маловероятно, — он отрицательно покачал головой. — Глядите, капитан-лейтенант привез с собой своего секунданта, свои шпаги и даже врача.

— Гм... э-э-э... — начал мямлить Чакворд, — я не думаю, конечно, чтобы вы... видели для себя возможность...

— Принести извинения? — поняв, куда он клонит, закончил за него Дилан. — Нет. Боюсь, что нет. Кстати, если я не ошибаюсь, сюда уже скачут мистер Спрэг со своим секундантом. Надеюсь, у нас не возникнет спор по поводу очередности.

— Однако это утро может оказаться гораздо более насыщенным, чем мы предполагали, — покрутил головой Чакворд, вместе со своим другом вылезая из кареты.

Увидев это, возница, после секундного колебания, склонившись со своих козел, почтительно обратился к Дилану.

— Нижайше прошу прощения, сэр, я хотел бы спросить, не согласитесь ли вы заплатить мне сейчас? Я понимаю, с моей стороны это выглядит не очень красиво, но...

Дилан выгреб из своего споррана пригоршню монет и сунул в руку вознице.

— Спасибо за проявленное доверие, — насмешливо сказал он.

— Мистер Мак-Брайд! Мистер Мак-Брайд! — кричал Ноэль, подбегая к Дилану прежде, чем до него успели добраться Спрэг с Сент-Джоном. — Как я понимаю, у вас сейчас другая встреча?

— Да, вон с тем джентльменом, что приближается к нам.

— Я вынужден заявить протест против такого оскорбления и неудобства, которое вы мне причиняете.

— Оскорбления и неудобства? — удивился Дилан.

— Именно, сэр. У нас с вами должна была произойти встреча, но со слов лейтенанта ван Рэсселвея я узнал, что вы имели неслыханную наглость повздорить еще с кем-то и, более того, предоставить этому другому... — гм!.. джентльмену... — право первой встречи; тем самым вы нарушаете мою утреннюю прогулку верхом.

Тем временем Спрэг и Сент-Джон остановили неподалеку своих лошадей и Спрэг, спрыгнув на землю, с заносчивым видом направился к спорящим.

— Что все это значит? — требовательно обратился он к Дилану. — Кто эти люди?

— Я, сэр, капитан-лейтенант Ноэль Брэн ап Линн, а это лейтенант ван Рэсселвей с его императорского величества воздушного корабля «Возмездие».

— И за каким дьяволом вы сюда явились? Кто вас сюда звал, а тем более просил совать свой нос в дела между этим джентльменом и мной? — вызывающе спросил Спрэг, обнажая в наглой ухмылке все свои торчащие вперед зубы.

— Я сделал это по собственной инициативе, сэр, — с достоинством отвечал Ноэль, — этого требует дело чести.

— Будь я проклят, это надо же! — вскричал Спрэг. — Ладно. Джентльмен ударил меня и принял мой вызов. Встреча назначена на шесть, и если мои часы не врут, время уже почти подошло. Так что прошу вас отсюда убраться.

Дилан понял, что Спрэг хочет удалить с места дуэли всех лишних свидетелей. Это означало, что, по всей вероятности, Сент-Джон был прав, говоря об этом типе, как о профессиональном дуэлянте, специально нанятым для того, чтобы убить его, Дилана.

— У меня нет ни малейшего желания убираться, сэр, — в голосе Ноэля сквозило ледяное спокойствие. — Наоборот, поскольку я первый был оскорблен мистером Мак-Брайдом и, следовательно, первый его вызвал, то это я должен просить вас немедленно удалиться и дать нам возможность заняться делом.

Молчавший до сих пор капитан Сент-Джон решил выступить в роли миротворца.

— Может быть, мистер Спрэг согласился бы подождать, пока командор²⁰ Брэн ап Линн решит свои проблемы с мистером Мак-Брайдом? — робко спросил он. — А затем они смогут разрешить их собственный спор.

Ноэль холодно улыбнулся.

— Если так, то ему вовсе незачем ждать, ибо я твердо намерен убить мистера Мак-Брайда за его умышленное оскорбление моего рода войск.

Лицо Спрэга стало таким красным, что, казалось, все его веснушки слились в одну, однако голос его был мягче шелка.

— Командор Брэн ап Линн ошибается. Это моя привилегия убить мистера Мак-Брайда.

— Мне очень жаль, джентльмены, — встрял в разговор Дилан. — Я был бы счастлив удовлетворить вас обоих, но, боюсь, у меня всего лишь одна жизнь.

Терпение у мистера Спрэга наконец лопнуло.

— Сейчас ровно шесть часов, — решительно заявил он, вынимая из кармана часы. — Я согласен подождать еще ровно три минуты, пока уберутся эти джентльмены.

— Бог мой, сэр, у меня тоже есть часы, — тут же отозвался Ноэль, — и я даю вам ровно две минуты на то, чтобы вы исчезли отсюда.

— Джентльмены, джентльмены! — воззвал к ним Дилан. — Нельзя ли все-таки разрешить этот спор как-нибудь полюбовно? Может быть, кинем монету?

— Я был бы весьма признателен вам, сэр, если бы вы не вмешивались, — сразу же вскинулся Ноэль. — Тут дело только этого джентльмена и мое.

— В самом деле, заткнитесь-ка, Мак-Брайд, — поддержал его Спрэг. — Это наш вопрос.

— Ну ладно, кто бы спорил, — пожал плечами Дилан. — Я и не думал вмешиваться в то, что никоим образом меня не касается, — заверил он.

Однако два человека, претендующие на то, чтобы стать его противниками, в этот момент уже не слушали ни его самого, ни друг друга. Оба, держа перед собой часы, попеременно смотрели то один на другого, то на циферблат. Усмехнувшись, Дилан повернулся к майору Чакворду.

— Я уже подумывал, не пустить ли мне самому себе пулю в лоб, — вполголоса сказал он, — чтобы, не дай Бог, никто из них не был ущемлен в своих интересах, оказавшись вторым. Но, похоже, это их уже не интересует.

— По моим часам осталась минута и десять секунд, — заявил Спрэг. — Я полагаю, вам уже пора уйти.

В ответ Ноэль картино зевнул.

— По моим часам, которые абсолютно точны, — сказал он, — вам остается всего двадцать секунд из тех двух минут, что вам отпущено.

— Если вы не уберетесь в течение одной минуты, — гневно начал Спрэг, — я...

— Ваше время истекло, сэр, — флегматично прервал его Ноэль, вынимая из кармана перчатку с совершенно очевидным намерением.

— Позвольте избавить вас от излишнего труда, коммандор, — уже спокойным голосом сказал Спрэг, подавая Ноэлю свою визитную карточку. — Я к вашим услугам, сэр.

— Где? — лаконично осведомился Ноэль.

— Можно здесь, — отвечал Спрэг. — Когда?

— Немедленно, — отчеканил Ноэль. — Какое вы выбираете оружие?

— Шпаги, если позволите. Капитан Сент-Джон как раз привез парочку.

— И лейтенант ван Рэсселвей также. Полагаю, каждый из нас воспользуется одной из своих собственных? — вопросительно глянул на своего противника Ноэль.

— Годится, — согласился Спрэг и обернулся к Сент-Джону, чтобы взять один из двух клинков, привезенных офицером карабинеров. — Итак, мы можем начать?

— Джентльмены, — вновь не утерпел Дилан. — Позвольте все же заметить, что вы оба прибыли сюда, чтобы уладить спор со мной, и...

— Позже, мистер Мак-Брайд, позже, — нетерпеливо оборвал его Спрэг. — Вы умрете следующим.

— Надеюсь, вы извините меня, мистер Мак-Брайд, — сказал Ноэль, — но физиономия этого джентльмена вызывает у меня какую-то удивительную антипатию. Мне невыносима мысль, что она и далее будет присутствовать в нашем городе.

— Я воткну эти слова тебе в глотку вместе с клинком, — прорычал Спрэг и, отойдя на несколько шагов в сторону, начал с особой тщательностью осматривать свою обувь.

— Я все же вынужден заявить протест, — сказал Дилан. — Не знаю, умышленно или нет, но вы, джентльмены, оскорбляете меня подобным отношением, и...

— Да уймитесь же вы, Бога ради, — горячо зашептал ему в ухо Чакворд. — Пусть эти дураки убивают друг друга и радуются своему счастью. Вам-то что?

Словно последовав его совету, Дилан смолк. Он вдруг вспомнил, что этот бравый морской офицер приходится братом Элис Брэн ап Линн. Если только он позволит ему погибнуть от руки Спрэга, он больше никогда не сможет посмотреть ей в глаза.

— Извините, командор, — подойдя поближе к Ноэлю, негромко сказал он, — но я чувствую себя обязанным предостеречь вас.

Ноэль был занят тем, что проверял крепость и гибкость своего клинка, со свистом рассекая им воздух. Он мельком взглянул на Дилана.

— Отойдите-ка в сторону, мистер Мак-Брайд, прошу вас. Я сейчас подойду к вам.

— У меня есть все основания подозревать, — веско сказал Дилан, — что мистер Спрэг профессиональный дуэлянт, нанятый моими врагами, чтобы убить меня.

В глубине глаз Ноэля что-то сверкнуло.

— Благодарю вас, сэр, за вашу информацию. Можете быть уверены, мистеру Спрэгу не удастся получить свой гонорар.

— Но я...

— Спрэг, когда же мы начнем? — крикнул Ноэль, двинувшись по направлению к своему противнику.

— Начинаем! — возгласил Спрэг. Он сбросил пальто и пиджак, закатал рукава рубашки и даже расстегнул несколько пуговиц на жилете. — Начали!

С этим возгласом он бросился вперед с вытянутой перед собой шпагой, острье которой было нацелено прямо в сердце Ноэля.

— Берегись! — вырвался из уст Дилана невольный крик, но Ноэль уже успел отступить в сторону, и Спрэг проскочил мимо.

— Так, сэр, — молвил Ноэль абсолютно спокойным голосом, — вы, видно, хитрый парень, а?

Спрэг только молча улыбнулся в ответ, и его торчащие вперед зубы блеснули на солнце, которое уже просвечивало сквозь туман. Он снова атаковал Ноэля серией быстрых колючих ударов, которые явно были рассчитаны на то, чтобы не ранить, а сразу убить.

По-прежнему сохраняя осторожность, Ноэль отступил и, вспомнив старую дуэльную уловку, сосредоточил свой взгляд на глазах соперника, или, точнее, немного ниже уровня его глаз. Дилан был недостаточно хорошим фехтовальщиком, чтобы проследить за мельканием шпаг и оценить наиболее блестящие удары. Клеймор, национальное оружие Вейнланда, хотя и считался рубящим и колющим клинком, все же им гораздо сподручнее было рубить, тогда как шпага — это всегда был только укол.

Сверкающие острия шпаг в руках этих двух бойцов мелькали с такой бешеною скоростью, что уследить за ними было почти невозможно, и Дилан мог оценивать лишь общий ход поединка. Вначале Спрэг явно теснил Ноэля своими упорными атаками. Тонкое лезвие шпаги то и дело мелькало рядом со стройной фигурой морского

офицера, едва не задевая ее, но Ноэль был начеку и вовремя отклонялся либо отбивал удар своей шпагой. Один раз Дилан был почти уверен, что предательское острение задело грудь Ноэля, однако он не мог разглядеть, показалась кровь или нет, так как на молодом человеке был ярко-красный жилет.

Наконец Ноэль перестал отступать, и в течение некоторого времени, показавшегося Дилану вечностью, оба противника бились, не сдавая позиций. Их шпаги звенели, ударяясь одна о другую, но ни один из них не отступал ни на шаг.

— А вы, однако, искусный боец, как я погляжу, — вскользь заметил Спрэг. Он дрался совершенно спокойно, но Дилану показалось, что дыхание его стало более учащенным. — Это меня несколько удивляет.

— Вы еще не так удивитесь, — отвечал Ноэль, бросаясь вдруг в стремительную атаку и тесня Спрэга.

— Ого! Вот это боец! — воскликнул Сент-Джон. — Похоже, мистеру Спрэгу попался достойный противник.

Один выпад, второй, третий... Клинок Ноэля сверкал уже в нескольких дюймах от груди Спрэга, и тому лишь в последний момент удавалось парировать его удары. Наконец шпага Ноэля прорвала защиту противника, и на плече последнего выступило кровавое пятно.

Сент-Джон и ван Рэсселвей тотчас бросились к держущимся.

— Первая кровь, — констатировал Сент-Джон. — Джентльмены, вы удовлетворены?

— Нет! Черт побери, нет! — заорал Спрэг, обрушивая на Ноэля целый шквал ударов и контрударов.

Ноэль вновь отступил. Рана Спрэга уже, видимо, давала себя знать, и он понял, что необходимо закончить схватку прежде, чем он ослабеет от потери крови. Он поддел клинок Ноэля эфесом своей шпаги и попытался резким движением вырвать его из рук. Однако эта попытка ему не удалась. Более того, увлекшись этим маневром, Спрэг ослабил свою защиту, и мгновением позже острение шпаги Ноэля глубоко вонзилось ему в грудь.

На лице дуэлянта появилось какое-то по-детски удивленное выражение, когда он, опустив глаза вниз, уставился на свою рану. Однако почти тотчас же щеки его

начала заливать смертельная бледность, он пошатнулся, опустился на колени и минуту спустя, закатив глаза, повалился на спину.

Подошел доктор. Присев над телом Спрэга, он быстро осмотрел его, пощупал пульс, затем, вынув из кармана носовой платок, прикрыл ему лицо.

— Здесь я уже ничем не могу помочь, — сказал он, поднимаясь на ноги.

— Я мог бы сразу сказать вам это, — с холодной усмешкой проронил Ноэль, обтирая лезвие своей шпаги. Затем он обернулся к Дилану: — Ну, что, Мак-Брайд, вы готовы?

Дилан ощущил предательский холодок под ложечкой, но, тем не менее, храбро шагнул вперед.

— Что ж, я готов, если только вы не хотите немного передохнуть.

— Пожалуй, что нет, — отверг его предложение Ноэль, бросив взгляд на часы, которые он перед тем вынул из кармана. — Думаю, если мы не будем мешкать, у меня еще останется время для верховой прогулки. Берите шпагу, сэр.

Капитан Сент-Джон, подойдя к Дилану, молча вручил ему шпагу.

— Черт побери, сэр! — взорвался Чакворд. — Не довольно ли будет одного мертвеца?

— О, несомненно, — охотно согласился Ноэль. — У меня вовсе нет намерения убивать мистера Мак-Брайда. Его весьма любезное предупреждение о том, что Спрэг — профессиональный убийца, плюс горячее заступничество одной юной леди, которую я очень люблю, просто обязывают меня удовольствоваться лишь небольшим кровопусканием.

— Я избавлю вас от этой заботы, сэр, — раздался поблизости незнакомый голос, и, разом обернувшись, они увидели высокого человека в котелке и свитере с глухим воротом, который выступил из-за растущей неподалеку группы деревьев. — Мы забираем мистера Мак-Брайда с собой.

Дилан похолодел, узнав в этом субъекте предводителя трех бандитов, которые двумя днями раньше пытались похитить его. За спиной верзилы виднелась по меньшей мере дюжина таких же громил в кепках и

полосатых рубашках. Все были вооружены ножами, дубинками или просто палками.

— Что все это значит? — потребовал ответа Ноэль. — Что делают здесь эти люди?

— Вам, женщины, мы не причиним никаких неприятностей, — ответил верзила с деланной вежливостью, — но мы должны выполнить п-лученные распоряжения.

— Распоряжения? — удивился лейтенант ван Рэсセルвей. — Какие распоряжения?

— Рас-пряжение взять под стражу человека по имени Дилан Мак-Брайд, — объяснил громила. — Его требуют к ответу за разные проступки и злодеяния. — Сняв котелок, он постоял над телом Спрэга. — Прохвессор будет этим недоволен, да, недоволен, — покачал он головой.

— Кто это требует к ответу Дилана Мак-Брайда? — с вызовом вопросил Чакворд. — Кстати, милейший, не вы ли атаман тех головорезов, что пытались похитить его прошлой ночью?

— Я есть пол-мочный приставетель Бэшемской Компании, мое имя Дэн Марк. И я имею санкцию взять под стражу Дилана Мак-Брайда. Сейчас мы его заберем.

Четверо или пятеро бандитов двинулись в сторону Дилана. Он отступил назад, поднял шпагу и, после секундного размышления, переложил ее в левую руку, так, чтобы в случае необходимости выхватить свой клеймор.

— Я с вами, мистер Мак-Брайд, — торжественно заявил Чакворд, становясь рядом с Диланом. — Будем прорываться отсюда вместе.

— Держался бы ты подальше, красавчик, — развязно обратился к нему Дэн Марк. — Не твоего ума это дело.

— Теперь это будет моим делом, — отрезал Чакворд, крепко сжимая врученную ему Диланом шпагу.

— Минутку, — подал голос Сент-Джон. Вместе с Ноэлем они внимательно рассматривали переданную им Марком бумагу. — Но, позвольте, — сказал Сент-Джон, поднимая голову, — это же не юридический документ. Это всего-навсего письмо об увольнении из частной ком-

пании. Вы не имеете никакого права арестовывать этого человека.

— П-лагаю, эти бравые парни дают мне право арестовать кого захочу, — с наглой ухмылкой заявил Марк, делая знак своим людям. — Хватайте его, ребята! — заорал он.

Пятеро громил, оказавшихся ближе к Дилану, подскочили к нему, держа наготове ножи и куски просмолленного каната. Быстро отступив на пару шагов, Дилан поспешил вытащить из ножен свой клеймор, и его широкое лезвие ярко засверкало в солнечных лучах. Первого же из нападавших Дилан так хватил клеймором плашмя, что тот покатился кубарем. Второго, который бросился на него с занесенным ножом, Дилан подпустил на расстояние удара и рукой с надетым на нее решетчатым эфесом, словно медным кулаком, въехал парню в физиономию. Он почувствовал, как затрещали у того кости и кровь сразу же обильно залила лицо бедняги.

Размахивая шпагой, словно дубинкой, Чаквورد тоже сумел сразить одного из нападавших. Однако к этому времени уже подоспели остальные и попытались окружить наших героев. Дилан обмотал вокруг левой руки свой плед, используя его вместо щита, но почти тотчас же бородатый тип в кепке резким ударом ножа прорвал ткань, и Дилан почувствовал, как стальное острье вонзилось ему в руку. Со злости он так трахнул бородача клеймором по башке, что тот рухнул как подкошенный. Тут еще четверо обрушились на него, нещадно колотя его дубинками и кусками каната. Один из ударов пришелся ему в висок, заставив его пошатнуться, другой чуть не выбил клеймор у него из рук. Увидев это, бандиты осмелились и, набросившись все вместе, повалили его на землю, пытаясь вырвать у него из руки смертоносный клинок.

В отчаянии Дилан пнул ногой одного из парней, услышав в ответ болезненный вопль. Наконец им удалось выбить у него из рук клеймор, но Дилан тут же выхватил из-за пазухи свой горский кинжал, стараясь достать им хотя бы одного из них. Однако воспользоваться своим новым оружием он не успел — удар ошеломляющей силы с легкостью вышиб его из ослабевшей руки.

Дилан еще продолжал отбиваться руками и ногами, но, видя, что Чаквورد, как и он, повержен на землю и помощи ждать больше не от кого, продолжал сопротивляться уже в каком-то отупении.

Однако именно в тот момент, когда Дилан уже отчаялся, в игру решил вступить Ноэль Брэн ап Линн. Швырнув документ Дэна Марка тому в физиономию, он, не мешкая, сшиб его с ног.

— Держитесь, мистер Мак-Брайд, держитесь! — закричал он, выхватывая из ножен шпагу и начиная наносить удары направо и налево.

Капитан Сент-Джон и лейтенант ван Рэсселвей какое-то мгновение смотрели друг на друга, а затем также бросились в самую гущу схватки. Внезапно атакованная с тыла, толпа головорезов вокруг Дилана ненадолго распалась, но этого оказалось вполне достаточно, чтобы он успел вернуть себе свой клеймор. Теперь уж он начал орудовать своим оружием со всей силой, на которую был способен. Правда, опасаясь последующего объяснения с властями относительно мертвых тел, он старался бить плашмя, используя широкое лезвие своего клеймora. Но, хотя удары его и не были смертельными, вскоре уже трое беспомощно валялись на траве и еще двое с окровавленными головами ковыляли прочь. Увидев вдруг, что Ноэль сбит с ног дубинкой одного из этих наемных убийц и тот уже занес нож, собираясь его прикончить, Дилан поспешил на выручку. Мощный удар клеймora по жирной шее громилы заставил того мигом потерять всяческий интерес к играм с ножом и поскорее уносить ноги.

Дилан помог Ноэлю подняться на ноги и оглянулся вокруг. Неподалеку Сент-Джон и ван Рэсселвей гнали оставшихся бандитов с поля боя, подкалывая их сзади кончиками своих шпаг. Видя, что там обойдется без него, Дилан обернулся к Ноэлю.

— Я хотел бы поблагодарить вас за то, что вы пришли ко мне на помощь, — сказал он.

— Даже и не думайте об этом, — мигом откликнулся Ноэль. — Джентльмен не может спокойно стоять и смотреть, как другого джентльмена избивает банда негодяев, чьи бы там приказы они ни выполняли.

— И все же я вам очень признателен.

— В таком случае, я вам тоже. Вы вовремя вытянули палашом этого подлеца, который уже всерьез готовился прирезать меня. Надеюсь, мы станем друзьями.

— Буду весьма польщен, — с чувством сказал Дилан, дружески пожимая руку своему собеседнику. — Может быть, как-нибудь, когда у вас будет время, я смогу объяснить вам, что я тогда имел в виду, говоря о Морском флоте и вторжении джогов. Возможно, это не будет против правил — объяснение вместо извинения.

— А зачем откладывать? — предложил Ноэль. — Я вижу, о последнем из наших буйных приятелей уже позабочились, а я так напрыгался за сегодняшнее утро, что, пожалуй, свою верховую прогулку могу на этот раз пропустить. К тому же я изрядно проголодался. Так что, если вы не против позавтракать со мной в моем клубе, я вас охотно выслушаю.

— С большим удовольствием, — согласно кивнул Дилан. — А не могу ли я прихватить с собой моего друга майора Чакворда? У него кое-что есть, и, по моему глубокому убеждению, оно может вас, как морского офицера, весьма заинтересовать.

Оставив доктора, капитана Сент-Джона и лейтенанта ван Рэссельвея разбираться, что делать с телом Эдмунда Спрэга, а заодно припугнуть валявшихся тут и там в беспамятстве бандитов, если те вдруг вздумают очнуться, Дилан вместе с Ноэлем и Чаквордом в наемном экипаже отправились обратно в город. Привязанная к экипажу лошадь Ноэля легонько трусила сзади. Перед отъездом Дилан сердечно поблагодарил обоих секундантов за их неоценимую помощь в этой необычной схватке.

По предложению Дилана майор Чакворт пustился в описание своего чудодейственного оружия, хранившегося сейчас в сарае того дома, где временно проживал Дилан.

— Так вы говорите, пятнадцать сотен выстрелов в минуту? — с сомнением хмуря брови, спрашивал Ноэль.

— Да, если только в пулеметной команде будут двое опытных заряжающих, — отвечал Чакворт.

Ноэль задумчиво постучал кончиками пальцев по зубам.

— И вы видели это оружие в действии? — спросил он Дилана.

— Видел, — подтвердил Дилан. — И все, что говорит майор Чакворт, — чистейшая правда.

— Гмм! Не можете ли вы сказать, майор Чакворт, насколько тяжел этот ваш рэтлер?

— Что значит — насколько тяжел?

— Ну, я хочу выяснить, возможно ли установить два или три таких рэтлера на воздушном корабле, естественно, с хорошим боезапасом?

— Не только возможно, — с жаром воскликнул Чакворт, — но очень даже просто. Это блестящая мысль, должен вам сказать, которая мне тоже недавно пришла в голову.

— В таком случае, джентльмены, мы, думаю, еще об этом потолкуем, — заключил Ноэль и, окликнув возницу, велел ему следовать к клубу.

VI

Спустя неделю Дилан, Чакворд и Ноэль сидели в кафе на Ривер Гейт Драйв. Дилан с Чаквордом уныло смотрели в свои стаканы с виски, в то время как Ноэль перебирал свою корреспонденцию, час назад полученную им в Адмиралтействе. Время от времени он отбрасывал в сторону какой-нибудь счет или замирал, наслаждаясь тонким ароматом духов, исходящим от конверта, отправленного, несомненно, молодой дамой.

— Эти я сожгу, — сказал он, указывая на кипу счетов от различных торговцев. — Если, как вы говорите, сюда приближаются джоги, какой смысл сейчас оплачивать счета?

Дилан задумчиво постукивал пальцами по стакану, пытаясь найти решение проблемы: как же все-таки пробудить у властей интерес к чаквордовскому рэтлеру. Они посетили дом генерал-майора, сэра Ангуса Хорвитца, но, к своему огорчению, обнаружили, что в городе

его нет. Слуга объяснил им, что по срочному повелению принца-регента сэр Ангус был вновь призван на действительную службу и сразу же направлен инспектором в войска, стоящие на северо-западных рубежах.

Поняв, что этот путь, на который они возлагали столько надежд, для них закрыт, наша троица решила действовать на свой страх и риск. Объединив свои денежные средства, они отправились в компанию «Роклин и сыновья», считавшуюся одной из крупнейших в городе по производству огнестрельного оружия, где довольно быстро договорились об изготовлении трех копий с пулемета по вполне приемлемой цене. Оружейный мастер был просто в восторге от «Чонси Депью», восхищаясь прежде всего простотой его конструкции. Так что теперь изготавливались три рэтлера, два из которых предназначались для установки на борту «Возмездия», если Ноэлю удастся получить согласие на то своего адмирала. Третий же, по замыслу наших друзей, создавался как демонстрационный образец в надежде заинтересовать компанию «Роклин и сыновья» в производстве подобного оружия с целью возможных последующих поставок для армии.

— А вот эти благоухающие стрелы любви я отложу, чтобы попозже непременно прочесть их, — продолжал Ноэль, собирая надушенные письма, — ибо там, где затронуты дела сердечные, уже как-то не до того — наступает конец света или нет. Не так ли, дружище? — с улыбкой обратился он к Дилану.

Дилан хмуро кивнул, продолжая напряженно размышлять о том, что же делать дальше. Положениеказалось ему просто безнадежным. В утренних газетах уже появилось упоминание о необычайно мощных ледяных полях в Бэшемском проливе, а в одной из них говорилось и о нескольких группах всадников, замеченных на льду в разных местах. Для Дилана это означало только одно: разведчики джогов уже двигаются к границам империи. Нашествия всей орды можно было ожидать со дня на день.

— А уж письмо от сестренки Элис я должен прочесть немедленно, — сказал Ноэль, вскрывая конверт.

Услышав о леди Элис, Дилан навострил уши, однако при следующих словах Ноэля лицо его вытянулось. Тот продолжал:

— Малышка гостит сейчас у полковника и леди О'Хара в их загородном доме близ Эбейдоса. Она помолвлена с этим туповатым отпрыском полковника, Сином, что служит в Собственном герцога Амхарского гусарском полку. Должен сказать, что это абсолютно небоеспособный полк, хотя и хорошо оснащенный; в нем собраны, в основном, младшие сыновья младших сыновей да провинциалы, живущие на то, что им присылают из деревень.

Все, что услышал Дилан — это то, что леди Элис уже была помолвлена. Превосходный ленч, которым он наслаждался до той минуты, тут же застрял у него в горле.

Внезапно до его сознания дошло нечто совсем иное.

— Эбейдос? — вопросительно взглянул он на Ноэля. — Это где-то недалеко от северо-западной границы?

— Вроде бы так, — отозвался Ноэль, поднимая глаза от письма. — Вы, кажется, чем-то обеспокоены?

— Северо-западная граница примет на себя первый удар джогов, — стараясь скрыть озабоченность, ответил Дилан. — Я бы посоветовал вам предупредить вашу сестру, чтобы она как можно скорее возвращалась в Авалон.

Ноэль улыбнулся: его догадка подтверждалась. Беспокойство Дилана о леди Элис было совершенно не прикрытым.

— А знаете, я как раз подумывал о том, чтобы съездить за ней на север самому. Я недавно приобрел новый автомобиль, «Клери-Нивен», этакое электрическое чудо — нынче о них все только и говорят. Так вот, я просто сгораю от желания опробовать его на открытой загородной дороге, где ничто не мешает. Не хотели бы вы...

Он вдруг смолк, повернув голову в сторону окна и настороженно прислушиваясь. С улицы доносился приглушенный рокот барабанов и мерный топот марширующих колонн.

— Что-то приближается, — сказал Чакворд. — Видите этих конных констеблей, расчищающих улицу?

Тротуары Ривер Гейт Драйв в этот час были заполнены толпой разодетых леди и джентльменов, которые не спеша прогуливались, глазея на витрины шикарных магазинов и ресторанов. Друзьям было хорошо видно, как вся толпа вдруг заволновалась, а несколько находящихся в тот момент на мостовой автомобилей были поспешно отведены в ближайшие боковые улицы.

— Полагаю, это движется полк, который перебрасывают на север. Они идут на станцию грузиться в вагоны, — пояснил Ноэль. — Похоже, что военное министерство сильно напугано, — продолжал он. — За последнюю неделю это уже не первое перемещение войск. Вчера, когда мы совершили тренировочный полет на «Возмездии», нам повстречались три полка пограничной кавалерии и легкая батарея из двенадцати 37-миллиметровых орудий, двигавшиеся с юга на север. Ага, вот и они.

К этому моменту Ривер Гейт Драйв была уже полностью освобождена от экипажей и автомобилей, и, вывернув из соседней улицы, по ней шествовал полк. Солдаты были просто великолепны в своих алых мундирах и синих рейтузах; высокие медвежьи шапки довершили это красочное зрелище. Впереди, на некотором расстоянии от знаменосцев, шел отряд саперов в белых комбинезонах и касках с большими топорами на плечах. Далее следовал командир полка на гнедой лошади с белой звездой во лбу, а уж за ним тесным строем шли барабанщики и горнисты.

— Четырнадцатый, — отметил Дилан, взглянув на знамя полка. — Эмансийские фузилеры²¹. Обычно они стоят далеко на юге. Их казармы расположены где-то в районе Трай-города. Да, теперь я вижу, что военное министерство действительно напугано, — закончил он с ноткой удовлетворения в голосе.

— Красивый полк, — сказал Чакворд.

— Выглядят-то они красиво, — согласился Дилан. — Но, к несчастью, их винтовки — те, что они несут — всего лишь однозарядные нарезные мушкеты, оставшиеся еще со временем войны Длинных Ножей. Я

даже далеко не уверен, есть ли у них бездымный порох. А вот джоги стараниями Бэшемской Компании вооружены многозарядными карабинами.

В этот момент забили барабаны, затрубили горны и солдаты в колонне грянули песню:

Малютка Долли, прости-прощай,
Я уезжаю в далекий край.
Разлука сердце на части рвет,
Но долг солдата нас в бой зовет.

— Чтоб мне пропасть! — на лице Чакворда было написано неподдельное изумление. — «Прощай, малютка Долли Грей». Да ведь с этой песней мы шли в бой на Кубе! И что только не проникает сюда из нашего мира сквозь Мерцающие Врата.

— Кстати, старина, — обратился к нему Ноэль, — вы непременно должны как-нибудь рассказать мне об этом вашем мифическом мире.

— Это ваш мир мифический, — рассердился Чакворд. — Я вот тут слышал, что некоторые у вас произносят название джогов иначе, называют их гогами. А гоги — это уже что-то такое из Библии в моем мире. Я не удивлюсь, если у вас найдется и племя под названием магоги.

— Странно, но вы попали в точку, — покрутил головой Ноэль. — Такое племя действительно существует, оно обитает где-то далеко на юге, вблизи полярных областей, которые пока совершенно не исследованы.

— Гоги и магоги²², империя под названием Авалон, — развел руками Чакворд. — Ну все, как есть, из наших легенд.

— Оба наши мира являются друг для друга мифами, — усмехнулся Дилан. — Это очевидно. Однако вот Сайтрол вовсе не миф, — добавил он более серьезным тоном.

— Совсем не миф, — подтвердил Ноэль. — Сайтрол — это гибель всех миров. Если, конечно, можно верить тому, о чем леди Этна говорила нашему другу Чакворду.

— Леди Этна не стала бы лгать, — пожал плечами Чакворд, — и, потом, мне кажется, она способна видеть

многое из того, что скрыто от взоров других людей... и видеть не только глазами.

— Кстати, о леди Этне, — сказал Дилан. — Я тут размышлял о ее послании. И, знаете, я почти готов отправиться в нижний город и попытаться поискать этот храм.

— И это, должен вам сказать, было бы с вашей стороны величайшей глупостью, — решительно воспротивился Ноэль. — Вы же знаете, что представляют собой эти троги. Они все ненавидят нас, живущих наверху. Да они нападут на вас, как только увидят! С чужаками они не хотят иметь никаких дел.

— Но ведь жрица живёт среди них, — возразил Дилан, — и до сих пор никто не убил ее.

— Интересно, кто бы осмелился это сделать? — рассмеялся Ноэль. — Эти ведьмы способны превратить человека в аллигатора или в лягушку одним только взгля-дом.

— Ну, а где тогда мы будем искать ответы на наши вопросы? Где мы отыщем способ преградить путь Кэру Кабалле и его джогам? Кто еще посвящен в секреты далекого прошлого?

— Я готов согласиться, что жрицам богини Керидвен они, скорее всего, известны, — не стал возражать Ноэль. — Пожалуй, я даже не смогу назвать больше никого, кто бы еще хранил в памяти эти древние тайны, но...

— В таком случае я отправляюсь к жрице в Трогтаун, — прервал его Дилан, — и именем леди Этны попрошу ее о помощи.

— Ладно, тогда я тоже иду с вами, — сдался Ноэль, — хотя меня и не очень прельщает перспектива превратиться в лягушку. Некоторые молодые леди из числа моих приятельниц были бы ужасно огорчены, если бы я вдруг весь покрылся бородавками, прыгал вокруг них и квакал: куокс, брек-ке-ке-ке-кекс. Но ради империи я, так уж и быть, рискну. Авось обойдется.

— Я тоже хочу пойти, — присоединился к нему Чакворд. — До смерти хочется поглядеть на этот ваш нижний город.

— Нет, друзья, — отверг Дилан их притязания. — Леди Этна говорила, что должен идти я, так что будет лучше, если я пойду один. Жрицы все же не совсем обычные создания, и если мы явимся к ней все вместе, она может выкинуть какой-нибудь фокус или просто не покажется нам на глаза.

— Понятно, — с усмешкой протянул Ноэль. — Всю необузданную пылкость жрицы вы решили приберечь для себя. Ну, а мы, по-вашему, что должны в это время делать? Сидеть в душной приемной какого-нибудь бюрократа, ожидая, пока нас оттуда выкинут?

— Нет, вы должны будете готовиться к нашему походу на северо-запад, — без тени улыбки отвечал Дилан. — Если только мне не удастся узнать от этой жрицы ничего существенного, что могло бы задержать нас, завтра поутру мы отправимся на север и прихватим С собой рэтлер. Может быть на месте, в полевых условиях, мы сумеем заинтересовать командиров.

— Неплохая мысль, — одобрил Чакворт.

— А что? — подхватил Ноэль. — Когда эти генералы и полковники увидят прямо перед собой, за проливом, армию джогов, может быть хоть тогда у них в голове прояснится. Я передам «Возмездие» лейтенанту ван Рэссельвею, а сам потихоньку устрою себе небольшой отпуск.

— Ну, а пока вы тут будете всем этим заняты, я прогуляюсь в Трогтаун и поищу жрицу, — сказал Дилан.

— Ладно. Только вы все-таки будьте там посдержаннее, оденьтесь как-нибудь поскромнее, что ли, — посоветовал Ноэль. — Если, конечно, все правда, что я о них слышал, — подумав, добавил он.

Двумя часами позже Дилан был уже в пути. Он зашел к себе, переодел пальто и снял плед, но остался в килте. Килт был частью его существа, и даже ради того, чтобы стать неприметным и не бросаться в глаза, он ни за что не согласился бы расстаться с ним. Он взял с собою крепкую трость, а также, по совету Ноэля, сунул в карман небольшой револьвер.

Когда он приблизился к одним из ворот, ведущих в нижний город, уже смеркалось. Правда, это не имело особого значения, поскольку, за исключением небольших площадок сразу за воротами, в Трогтауне всегда была ночь.

Все большие железные ворота, что преграждали спуск в нижний город, не отворялись так давно, что никто из живущих ныне людей уже и не помнил, когда это случилось в последний раз. Зато маленькие калитки рядом с воротами теперь редко оставались закрытыми. Каждая из них охранялась парой констеблей, которые обычно томились от скуки в своей караульной будке напротив ворот, наблюдая, как поток трогов движется туда и обратно по своим делам. В прежние времена, до того, как премьер-министром стал прадед Дилана Адам Макс Мак-Брайд, трогам позволялось работать лишь домашними слугами, но сейчас они трудились на кораблестроительных верфях, на мельницах, и даже занимались мелкой торговлей, однако жили они все до сих пор в Трогтауне. Дилан никогда не давал себе труда серьезно задуматься над этим вопросом, но не исключал возможность того, что такой порядок вещей предпочитают сами троги.

Когда Дилан приблизился к калитке, оба констебля выпрямились и козырнули.

— Вы заблудились, сэр? — спросил один из них.

— Нет, — ответил Дилан, — я иду вниз.

— Прошу прощения, сэр, — сказал офицер, — но если вы впервые в Авалоне, я должен предупредить вас, что...

— Все в порядке, констебль, — успокоил его Дилан, — я знаю, куда иду.

— Как скажете, сэр. — На лицах охранников было написано сомнение, но попытки задержать его они не сделали. Не было ничего невероятного в том, что молодой джентльмен знается с девицами из Трогтауна.

Пройдя через калитку и спустившись по пандусу, Дилан очутился на заполненных толпой улицах нижнего города. Лавки были открыты, а из какого-то мюзик-холла доносились тоненькое сопрано, напевавшее печаль-

ную песенку, которую Дилану никогда не доводилось слышать в верхнем городе:

Жизнь всего лишь химера, не так ли, мой друг,
Приукрашенных горестей мера, мой друг.
Плачешь ты, лишь родился,
Стонешь — только женился;
Смерть смеется: чего ж ты добился, мой друг?

Грустная песенка звучала в то же время несколько пародийно, и Дилан усмехнулся, протискиваясь сквозь толпу. Он старался идти совершенно спокойно, но просто не мог не привлечь внимания. Такое было невозможно для любого из верхнего города, так как троги были низкорослыми, а высокому Дилану, имевшему рост не менее шести футов, средний трог доходил всего лишь до плеча. К тому же его сильно загорелая кожа резко контрастировала с бледной, почти прозрачной белизной трогов.

Наблюдая вокруг себя жизнь подземного города, Дилан вспомнил, что, когда преемник Адама Макса попытался было что-то в этом городе разрушить, все троги, как один, поднялись на его защиту. Дилан недоумевал, что достойного защиты нашли они в подобном образе жизни.

По мере удаления от торгового района звуки музыки и смеха, доносившиеся из мюзик-холла, становились глушее, но все сильнее давали себя знать изнуряющая духота и запахи нижнего города. Возле многоквартирных домов, почти упирающихся своими тремя этажами в бетонное перекрытие, воздух был буквально насыщен запахами жарящейся пищи и кипящегося белья. Из домов доносился невнятный шум голосов, заглушаемый криками белолицых детей, играющих на улице в мяч.

Не обращая внимания на любопытные взгляды детей и высовывающихся из окон женщин, Дилан шагал по адресу, который весьма неохотно дал ему настоятель Реформатской друидической церкви, расположенной в верхнем городе.

Храм Керидвен оказался небольшим кирпичным строением, выглядевшим так, словно раньше в нем по-

мещалась какая-то лавка. Большие зеркальные окна были закрашены, будто для того, чтобы скрыть имя прежнего владельца. Главное, не было ничего, что бы указывало на нынешнее назначение здания, за исключением небольшой статуи почти обнаженной женщины над входом. Дилан решил, что это Керидвен собственной персоной. Войдя через отворенную настежь дверь, он очутился в помещении размером примерно двадцать на сорок футов. В одном его конце находился невысокий помост, по обеим сторонам которого стояли зажженные светильники, а в центре зала возвышалась шестифутовая статуя той же особы женского пола.

— Для богини плодородия у нее, похоже, есть все, что нужно, — пробормотал про себя Дилан, немного смущенный чересчур откровенной наготой статуи.

Однако, за исключением статуи, храм был пуст. Ни прихожан, ни жрицы не было и в помине. Дилан поискал глазами притвор, но таковой, видимо, здесь отсутствовал. Правда, за помостом виднелось что-то вроде двери, но казалось маловероятным, что там кто-то скрывается. Покричав пару раз для очистки совести, Дилан выбрался наружу и остановил первого же прохожего, которым оказался подросток.

— Извините, что беспокою вас, юноша, — с подчеркнутой вежливостью обратился к нему Дилан, — но не подскажете ли вы, где я могу найти жрицу этого храма?

— Что вы, что вы, упаси господь, мистер, — чуть не заикаясь от страха, залепетал тот, — для меня последнее дело знать с ними и им подобным. Я ведь христианский служка.

Две болтающие друг с другом женщины с полными продуктов корзинками просто-напросто прошмыгнули мимо Дилана, даже не взглянув на него, когда он попытался обратиться к ним с вопросом. Третья попытка оказалась более успешной. Уличный разносчик, чья темная кожа выдавала в нем жителя верхнего города, остановился и с деланным замешательством смотрел на Дилана, пока тот не подкрепил свой вопрос монетой.

— О, конечно, — тут же оживился разносчик, — сейчас мигом сообразим. Видимо, вам нужна Кларинда Мак-Таг. С Клариной мы тут потихоньку делаем день-

ги, — доверительно говорил он. — Ну, знаете, любовные зелья, эликсиры, гороскопы... ну и тому подобное.

— Так вам известно, где она может находиться?

— Да вон в том доме напротив, последняя квартира на третьем этаже. Там и находится логово этой ведьмы, где она живет со своими дьяволятами, которых называет детьми.

Перебравшись через заваленную мусором и отбросами улицу к указанному дому, Дилан отворил дверь и очутился в темном коридоре, едва освещенном в самом конце единственным газовым светильником. Осторожно, почти ощупью он пробирался к лестнице. Рядом слышался легкий топоток крыс. Половицы скрипели под ногами, словно отмечая его путь.

Квартиру в конце коридора на третьем этаже он отыскал без труда. Шум, доносившийся сквозь открытую дверь, исключал всякую возможность ошибки. В нем были и звуки, свидетельствующие о драке на кулачках, крики и плач от обиды и боли, и даже вопли грудного ребенка.

— Прекратите! Педди, Майк, Шон! Немедленно перестаньте вывешивать маленького Терренса за окно! — в хриплых воплях женщины явно ощущался ирландский акцент. — Финн, оставь в покое Кетлин, или я с тобой разберусь! А ты, Дагда, ты, маленькая ведьма, если ты только уронишь ребенка, я отдам тебя самой противной леди!

— Она кусается! — завизжала девочка. — Этот проклятый ребенок меня укусил!

— Ну, ясно, у бедной малышки режутся зубки, — произнесла женщина успокаивающим тоном. — Ей сейчас нужно что-нибудь кусать, понятно тебе?

Дилан постучал в дверь. Безрезультатно. Двое рыжеволосых мальчишек, чьи веснушчатые мордашки никак не могли принадлежать детям трогов, дубася друг друга кулаками, подкатились к двери. Остальные голоса доносились из соседней комнаты, которая, по предположению Дилана, была, скорее всего, кухней, ибо густой запах вареной капусты исходил именно оттуда.

— Ребята! — обратился к драчунам Дилан. — Ваша мама дома? Я ищу миссис Кларинду Мак-Таг.

Один из мальчишек поднял на него глаза и крикнул в сторону кухни:

— Эй, ма, тут какой-то франт тебя спрашивает! — после чего, обернувшись к своему противнику, вмазал ему кулаком в лицо, на что тот, громко заревев, укусил его в плечо.

Дилан шагнул внутрь, с удивлением озираясь вокруг. В комнате царил полный разгром. Два стула были перевернуты, на полу валялась сброшенная со стола лампа. На покрывавшем часть пола потертом ковре были разбросаны какие-то брошюры, похоже, религиозного содержания. Грязные обои были сплошь покрыты детскими рисунками, а перед пузатой печкой на полу громоздилась груда высохших пеленок.

— Ма, ма! Шон укусил меня! — вопил мальчик. — Шон меня укусил, а тут какой-то из верхних в юбке ждет тебя!

— Иду... иду! — раздался хриплый голос из соседней комнаты, за которым сразу же последовал пронзительный крик: — Малышка! Керидвен, спаси нао, малышка в суповом котле!

— Я вытащила ее, ма! Она в порядке. Только ножки чуть-чуть задело.

— Фу-у! Благодарение Керидвен!

Из кухонной двери, пятясь, вышла высокая женщина. Она была в ситцевом домашнем платье, поверх которого был повязан передник. Рыжие волосы падали ей на спину. Под мышкой у нее был зажат брыкающийся двухлетний младенец.

— Ну, кто тут ждет меня? — спросила она недовольным голосом, но, повернувшись лицом к Дилану, смутилась: — О, здесь джентльмен.

Дилан смотрел на нее во все глаза. Еще ни разу в жизни не встречал он подобной женщины. Вид комнаты и дикая сцена драки между мальчишками подготовили его к тому, что он увидит расплывшуюся сорокалетнюю мать семейства. Но перед ним стояла богиня. Кларинда Мак-Таг была высокого роста, почти вровень с ним. Ее рыжие волосы в неярком свете газового рожка отливали золотом. Даже в плохо сидящем домашнем платье фи́гурой она напоминала молодую Юнону. Ее лицо, хотя и раскрасневшееся от кухонного жара, отличалось почти

классической красотой, исключая разве что несколько великоватый рот да слегка вздернутый носик.

— Я... я ищу Кларинду Мак-Таг, — слегка заикаясь от смущения, проговорил Дилан.

— Она перед вами, мой друг, — женщина говорила теперь негромким, хорошо поставленным голосом, хотя акцент стал даже более заметен. — Чем я могу помочь вам? Любовное заклинание? Приворотное зелье? Или, может быть, гороскоп?

— Как я понимаю, вы — жрица богини Керидвен? — прямо спросил Дилан.

Прекрасные фиалкового оттенка глаза Кларинды Мак-Таг настороженно сузились.

— Возможно, некоторые люди и называют меня жрицей, — осторожно произнесла она. — Кстати, может быть, вы все-таки представитесь?

— Я Дилан Мак-Брайд, сын сэра Малкольма Мак-Брайда.

— Рада познакомиться с вами, — церемонно отвечала Кларинда, делая легкий реверанс.

— Я... вы слыхали обо мне? — спросил Дилан.

— Ну, как вам сказать. Пожалуй что, нет. Не сомневаюсь, в своем кругу вы достаточно известны, но здесь, внизу... — она обвела рукой вокруг себя, как бы указывая на весь Троттаун, и едва не выронила при этом завизжавшего малыша.

— И имя сэра Малкольма Мак-Брайда вам тоже ни о чем не говорит?

Кларинда положила ребенка себе на плечо и легонько шлепнула его по голой попке.

— Нет, не могу припомнить, — сказала она.

— Тогда, наверное, я не туда попал, — с сожалением покачал головой Дилан. — Возможно, в нижнем городе есть еще один храм Керидвен.

— Другого храма здесь нет, я знаю точно, — отозвалась женщина. — Знаете, быть жрицей — что-то вроде привилегии. Одна на весь регион. Слишком мало осталось истинных приверженцев Керидвен, — добавила она со вздохом. — Сан жрицы нынче — дело мало-доходное; даже на хлеб не заработкаешь.

— Мне сказали, что здесь есть для меня послание, — настаивал Дилан.

— Нет, нет, — энергично затрясла она своей рыжей головой, — подобными делами я не занимаюсь. Передача посланий от любовников друг другу может навлечь на передающего кучу неприятностей.

Дилан шепотом выругался.

— Послание предположительно от жрицы, известной под именем леди Этны, — сказал он, решив выяснить все до конца.

— О, вот как! Ну, так это же совсем другое дело, — совершенно иным тоном проговорила Кларинда, передавая ребенка старшей из трех девочек, которые, окружив ее, во все глаза смотрели на Дилана.

— Так вы знаете леди Этну?

— О, она мне как сестра, — сказала женщина, делая приглашающий жест. — Идемте, мы должны побеседовать конфиденциально.

Она ввела его в небольшую, отгороженную занавеской, нишу, освещенную лампой, дававшей какой-то голубоватый свет. Стены ниши были сплошь закрыты книжными полками; на них теснились внушительные фолианты, от которых за версту отдавало седой древностью. В середине стоял стол с тремя стульями вокруг него.

— Тут у меня, как говорится, святая святых, — с оттенком юмора промолвила Кларинда, предлагая Дилану один из стульев. — Мне пришлось наложить заклятие, настолько сильное, что может ошеломить даже самого дьявола, только чтобы мои драгоценные деточки не совали сюда свои носы.

Усадив Дилана, она протянула руку к стоявшему тут же шкафчику и достала оттуда пустую чашу золотистого цвета. Поставив ее на стол, она вынула из того же шкафчика золотую бутылочку и наполнила чашу розовой жидкостью.

— Это котел Керидвен, — пояснила она, усаживаясь напротив Дилана, — или, точнее, его уменьшенный вариант для повседневного пользования.

— Ну, и что это означает? — спросил Дилан.

— А это обязательно должно что-то означать? — засмеялась Кларинда. — Хотя вы и из этих чересчур серьезных и прагматически мыслящих горцев, неужели у вас в душе нет ни капли поэзии? Разве вы не можете,

хотя бы из любезности к dame, посмотреть в чашу с подкрашенной водой? Всего несколько минут? Вместе со мной, разумеется.

— Ну, если я уразумею цель... — начал Дилан.

— Только смотрите, друг, — оборвала его Кларинда, помешивая пальцами воду в чаше, пока не образовался небольшой водоворот. — Смотрите в котел Керидвен... смотрите в котел. Множество миров в кotle Керидвен. Пузырьки — это все миры... Вот они уже скапливаются. И возникает картина. Что вы видите, Дилан МакБрайд?

Он увидел обширную пыльную равнину. Вдали виднелся обнесенный стенами город, на переднем плане протянулась цепь скалистых утесов. В утесах были сделаны похожие на пещеры входы, и группы приземистых всадников на крепких пони стягивались к одному из них. Между верховыми продвигалась пешая группа облаченных в черное жрецов с факелами в руках, подталкивающих перед собой двоих мужчин и женщину, которые, очевидно, были пленниками. Когда священники скрылись в пещере, картина в кotle изменилась. Теперь Дилан видел их уже глубоко внутри пещеры: они гнали своих пленников к площадке, посреди которой возвышался большой черный алтарь. Во влажном воздухе чадили факелы, и дым собирался над головами. Жрецы положили троих связанных пленников на алтарь и отошли назад. Один из них поднес к губам длинный изогнутий рог и затрубил.

— Что вы видите? — вновь спросила Кларинда.

— Бэшем. Равнина перед пещерами Сайтрола. В глубине пещер жрецы приготовили жертву и призвали...

— Самого? — выдохнула Кларинда.

— Самого. И он идет.

Оставив связанных пленников на алтаре, жрецы быстро ретировались. В отдалении возник сгусток мрака, который неуклонно приближался к алтарю с лежавшими на нем беспомощными жертвами.

— Сайтрол пришел, — сказал Дилан.

— Можете вы разглядеть, кто те трое, что лежат там? — спросила Кларинда.

— Там двое мужчин и женщина. Их лица повернуты от меня в другую сторону, но...

- Но что?
- У женщины рыжие волосы, а один из мужчин одет в килт.
- И Сайтрол уже пришел?

Сгусток мрака подползal к алтарю. Его щупальцы вытягивались по полу, извивались по стенам. Когда он приблизился почти вплотную, факелы вдруг затрещали, зашипели и погасли. Все погрузилось во тьму. Но в последний момент Дилан успел разглядеть лицо одного из пленников и...

— Что случилось? — всполошилась Кларинда. — Вы побелели как мел. Что вы увидели?

— Троих людей, умирающих в лапах Сайтрола, — кратко ответил Дилан, понемногу приходя в себя.

— И кто эти люди? — продолжала допытываться она.

— Не скажу про всех, но один из них, похоже, был я.

Женщина смущенно промолчала.

— Что это было? — потребовал ответа Дилан. — Почему я это увидел? Что это — пророчество?

Кларинда в ответ только развернула руками.

— На это могла бы ответить только сама Керидвен, но ее здесь нет.

— Как это нет? А где же она?

— Жила когда-то раса, раса богов, можете так их называть. Они соединили миры Мерцающими Вратами и с помощью своих чар заточили Сайтрола. Пока Керидвен и другие боги оставались здесь, он не мог вырваться на свободу, он был способен лишь создавать слуг. Джоги и жрецы — это все создания Сайтрола, как и некоторые другие, кто появляется в их городе.

— Но все-таки то, что я видел, — это предсказание моей смерти?

Женщина откинула со лба прядь рыжих волос и посмотрела Дилану в глаза.

— Знаете, говорят, что судьба похожа на веер. Если вы отправитесь в Бэшем и попытаетесь уничтожить Сайтрола, вы попадете на этот алтарь вместе с теми, другими, и ваша судьба будет такой, какой вы ее увидели. Если же вы останетесь в Авалоне, ваша судьба будет иной. Возможно, вы погибнете, когда джоги возвь-

мут город. Может быть, вы спасетесь вместе с вашими друзьями на воздушном корабле, чтобы умереть позже, когда возвращение Сайтрола приведет к полной гибели миров.

— Но я все-таки умру?

— Все мы рано или поздно умрем. Возможно, даже Керидвен. Временами мне кажется, что она уже мертва.

— Значит, если я хочу еще пожить, мне, по-видимому, следует держаться подальше от Бэшема, — подытожил Дилан.

— Но ведь Сайтрола можно уничтожить только в его логове, в Бэшеме. Так что, не попав туда, вы не сможете этого сделать, — возразила Кларинда.

— Ну а вы-то сами верите, что Сайтрол вообще может быть уничтожен?

— Только с помощью Керидвен, — отозвалась она, снова заглядывая в котел. Казалось, какие-то видения в нем еще были доступны ее взору, хотя теперь он видел только одну кружашуюся воду и ничего более. — С помощью Керидвен и еще одной вещи, которую я не могу сейчас ни разглядеть как следует, ни истолковать.

— Но вы же сами сказали, что Керидвен мертва.

— Похоже, что так. Будь она жива, я чувствовала бы в себе ее силу и могущество. Но во мне этого нет.

— В таком случае, — сказал Дилан, — я постараюсь все время находиться так далеко от Бэшема, как это возможно.

— Но ведь тогда миры погибнут, — с печалью в голосе возразила Кларинда. — Нет, вы должны идти в Бэшем.

— Любопытно, что именно вы мне это советуете.

— Почему? Что вы имеете в виду?

— Если я отправлюсь в Бэшем и там погибну, вас постигнет та же участь. Та женщина со мной на алтаре была Кларинда Мак-Таг.

Лицо в ореоле рыжих волос сделалось бледным, рука судорожным движением задела чашу, и немного розовой жидкости вылилось на стол.

— Но, во имя Керидвен, что могла бы делать в подобном месте Кларинда Мак-Таг? — спросила она прерывающимся голосом.

— Полагаю, то же самое, что и я, — спокойно отвечал Дилан. — Пытаться уничтожить Сайтрола.

Женщина поднялась, вылила жидкость из чаши обратно в бутылочку и убрала то и другое в шкафчик.

— Я никогда раньше не задумывалась над этим, но почему-то они, — она кивнула головой в сторону только что убранных атрибутов своей ворожбы, — всегда сообщают мне то, чего знать мне совсем не хочется.

Вынув другую бутыль, она разлила почти все ее содержимое в два стакана.

— Думаю, это несколько подбодрит вас, — сказала она, передавая Дилану один из стаканов.

— Вне всякого сомнения, — охотно согласился он, с удовольствием потягивая шотландское виски.

VII

Сидя в библиотеке загородного дома О'Хара в ожидании, пока спустятся вниз его хозяева, Элис Брэн ап Линн испытывала весьма противоречивые чувства. Она жаждала встречи со своим женихом, Сином О'Хара, и потому с готовностью приняла предложение его родителей посетить их имение на Северном побережье, несмотря на то, что была уже поздняя осень и погода оставляла желать лучшего. Еще с утра она предвкушала встречу с Сином, но, просмотрев прибывшие с утренней почтой газеты, не на шутку встревожилась. Теперь она была уже почти рада приезду брата, который хотел забрать ее домой. Даже мысли о предстоящем приеме, который О'Хара устраивали для офицеров Одиннадцатого гусарского, не могли отвлечь ее внимание от пугающих газетных заголовков.

Пытаясь рассеяться, она наугад раскрыла какой-то журнал, но так и не смогла сосредоточиться на нем. И, хотя она напоминала себе, что эти заголовки должны

заботить прежде всего мужчин, таких, как ее отец и брат, а также будущий свекор, полковник сэр Патрик О'Хара, взгляд Элис невольно перебегал от раскрытоого у нее на коленях дамского журнала к газетам, все еще лежавшим на столе. Они пробудили в ней воспоминание о том невоспитанном, но симпатичном молодом вейнландце, который был столь неучтив с принцем-регентом на вечере у барона Леофрика. Теперь же оказывалось, что кое-какие из его предсказаний оказались правдивыми.

САМАЯ ХОЛОДНАЯ ЗИМА ЗА ПОСЛЕДНИЕ
СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ ЛЕТ.

БЭШЕМСКИЙ ПРОЛИВ ПОКРЫВАЕТСЯ ЛЬДОМ.

КОЧЕВЫЕ ПЛЕМЕНА ПЕРЕПРАВЛЯЮТСЯ В ИМПЕРИЮ.

Эти и другие, подобные им, заголовки взывали со страниц «Интеллидженсера». В «Дейли Мейл» они были еще более устрашающими:

ПОГРАНИЧНЫЕ СТЫЧКИ ПО ВСЕЙ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ТЕРРИТОРИИ.

СЕЛЕНИЯ БОЛО ПОДВЕРГЛИСЬ НАПАДЕНИЮ ДЖОГОВ.

Даже Элис было известно, что Боло (Длинные Ножи) — это переселенцы, вот уже пятьдесят лет находящиеся под покровительством империи. Их деревни и лагеря разбросаны вдоль довольно протяженной дуги, проходящей через все северные пограничные области, самая восточная из которых расположена не более, чем в сотне миль от имения О'Хара.

Конечно, императорской коннице следовало бы потопропиться да поскорее отбросить варваров обратно за Бэшемский пролив. Однако у Элис уже не было полной уверенности в том, что это удастся. Ведь предупреждал же Дилан Мак-Брайд, что пролив замерзнет. Так не мог ли он оказаться правым и в остальном? Элис ощущала внезапный озноб и, обхватив себя руками, нервно заходила по комнате. Хоть бы приехал Син! Если бы только он очутился здесь и крепко сжал ее в своих объятиях! Мимолетная мысль о Дилане Мак-Брайде

мелькнула в ее голове, но она немедленно прогнала ее. Она не должна ни о чем подобном даже думать. Она помолвлена с лейтенантом Сином О'Хара и гостит в доме его родителей. И, судя по скрипу ступенек, полковник и миссис О'Хара как раз спускаются вниз.

Полковник Патрик О'Хара был крупным, немного грубоватым, но добродушным человеком, происходившим из Ирландского Экзархата, небольшого полуавтономного округа империи, в котором проживало всего около трех процентов ее населения, но который поставлял девяносто процентов смутьянов и возмутителей спокойствия в Авалон. Однако сам полковник О'Хара исправно служил империи в самых разных должностях и за время своей службы сменил чуть ли не дюжину мест пребывания. В настоящее время он занимал должность начальника штаба у генерала лорда Генри Уилкинса, командующего всеми имперскими Вооруженными Силами в северных пограничных областях. Вот почему сэр Патрик с женой приобрели этот сельский дом в нескольких милях от Эбейдоса и пригласили невесту своего сына пожить у них, чтобы она могла хоть какое-то время побывать с Сином. Однако, к великому разочарованию Элис, этого-то ей как раз и не удалось. Она едва успела взглянуть на своего жениха и помахать ему платочком, как Собственный герцога Амхарского гусарский полк был внезапно отправлен на какие-то таинственные маневры, которые требовали присутствия большинства офицеров полка.

— Но сегодня вечером я увижу его наконец, — прошептала она себе в тот момент, когда полковник О'Хара и его жена, считавшаяся обладательницей самого впечатльного бюста в округе, входили в библиотеку.

— Что такое, девочка? — весело осведомился полковник. — Никак уже одета? Черт побери, мне и в голову не приходило, что на свете может существовать женщина, способная собраться раньше назначенного срока.

— Вообще-то я ужасная копуша, — созналась Элис, — иногда часами выбираю себе платье. Но мне так не терпится увидеть Сина, — добавила она, мило зардевшись.

— Браво, моя крошка! — хохотнул О'Хара. — И, клянусь, ты увидишь его. Хотя так дьявольски трудно было это устроить из-за всяческих глупых волнений, которые тут на побережье, да и среди жителей равнин, что-то участились.

Элис вновь взглянула на газеты, затем перевела глаза на полковника.

— Скажите, это действительно так серьезно, как тут пишут? — с беспокойством спросила она.

— Черт побери, конечно, нет! — презрительно сказал полковник. — Не обращай внимания, детка, на эти желтые листки. Несколько отдельных набегов они пытаются выдать за вторжение.

— Но в газетах не упоминается о вторжении, — робко возразила Элис, чувствуя, как холод разыгравшейся за окнами метели проникает внутрь дома, несмотря на плотные портьеры и огонь в двух каминах, расположенных в обоих концах комнаты.

— Ну, может быть, и нет, но все равно, все, что тут говорится, — полный вздор, — проворчал полковник. — А тут еще этот малый, вейнландец, нагоняет страху. Сегодня утром он был в нашей штаб-квартире, пытался увидеться с лордом Генри. Мне пришлось заняться им лично, пока не удалось его выпроводить. Он тоже болтал о вторжении джогов, хотел заинтересовать нас новым оружием под названием рэтлер. По его словам, оно превосходит все другие виды оружия и поможет разгромить джогов.

Рука Элис затрепетала у нее на груди.

— Этого вейнландца зовут Дилан Мак-Брайд? — спросила она, пытаясь скрыть волнение.

— Точно. Ты его знаешь? — поинтересовался полковник и, не обращая внимания на неодобрительно нахмуренные брови жены, налил себе виски.

— Я встретила его однажды у барона Леофрика, — сказала Элис, — и он тогда говорил то же самое. Меня тревожит то, что, как я слышала, Бэшемский пролив замерз — в точности, как он и предсказывал.

— Беспокоиться совершенно не о чем, — авторитетно заявил полковник. — Разве что это немного встряхнет наш флот, когда они обнаружат, что не могут больше плавать вдоль северного берега, как привыкли.

Но я думаю, они это переживут. Кстати, такое, знаешь ли, и раньше случалось. Пятьдесят лет назад.

— Все в порядке, милочка, не тревожься, — сказала леди О'Хара, ласково кладя ладонь на руку Элис. — Мы же в самом центре империи, ведь Эбейдос всего лишь в нескольких милях от нас.

— А вот Дилан Мак-Брайд говорил, что джоги уже однажды сожгли Эбейдос, — упрямо продолжала Элис.

— Пфф! — фыркнула леди О'Хара. — Хотела бы я посмотреть, как они попытаются сделать это теперь! Половина флота империи сосредоточена сейчас у северного побережья, и подкрепления поступают с юга каждый день. Ну какая может быть опасность от кучки бродячих племен?

— Но все-таки джоги сожгли однажды Эбейдос, так или нет, полковник? — настаивала Элис.

— Вроде бы так. Во всяком случае, об этом говорится в книгах. В 1555 году или около того. Сам-то я, по правде говоря, никогда книгам особо не доверял.

— В таком случае, не думаете ли вы, что... — начала было Элис, но была прервана громким боем часов, отсчитавшим восемь ударов, а появившийся вслед за этим лакей объявил, что гости уже начали прибывать.

— Ну, моя девочка, — громко произнес О'Хара, явно радуясь возможности прервать нежелательный разговор, — сегодня мы ждем от тебя твоих самых веселых улыбок. Ты увидишься с Сином, а мы познакомимся наконец с твоим знаменитым братом. И с чего это он решил командовать одним из этих новомодных газовых мешков, вместо того чтобы заниматься тем, что пристало истинному военному.

— Ноэль командаeт «Возмездием», полужестким воздушным кораблем, — холодно отозвалась Элис. Ей не нравились насмешливо-покровительственные замечания о брате. В последнее время она стала относиться к нему с какой-то особой нежностью, и ее любовь к нему только усилилась после того, как он написал ей, что вместо дуэли подружился с Диланом Мак-Брайдом.

— Ну, я полагаю, что офицер должен служить там, куда направит его Адмиралтейство, так же, как и у нас, в сухопутных войсках, — примирительно сказал

полковник, предлагая руку обеим леди и ведя их в зал встречать прибывающих гостей.

Элис поискала глазами Сина, но среди блестящих, разряженных офицеров, составлявших большинство только что прибывших гостей, его не оказалось. Она радостно улыбнулась, заметив Ноэль, чья голубая морская форма среди канареечно-желтых и пурпурно-алых уланских и гусарских мундиров выглядела даже несколько невзрачно. Она подняла было руку, чтобы помахать ему, но удержалась, увидев стоящего рядом с ним высокого темноволосого человека. Это был не кто иной, как Дилан Мак-Брайд, и его появление сразу же после ее словесной перепалки с четой О'Хара показалось Элис каким-то волшебством.

— Ну, сестренка, — весело приветствовал ее Ноэль, когда им с Диланом удалось наконец к ней пробраться, — не очень-то радостно ты меня встречаешь. Честное слово, готов поклясться, у тебя даже лицо вытянулось, когда ты меня увидела.

— Скорее, когда она увидела мою тень, нависшую над вашим плечом подобно дьяволу в легенде о Фаусте, — криво усмехнувшись, поправил его Дилан.

— Да нет, совсем не так, — смузично оправдываясь Элис. — Просто я не ожидала увидеть тебя сегодня вечером, хотя и слышала, что ты находишься где-то поблизости.

— Мы прибыли сюда, на север, в моем новом электромобиле, — пояснил Ноэль, — чтобы забрать тебя обратно в Авалон.

— Это было бы просто замечательно, я ведь никогда еще не ездила на нем. Но я уже заказала для нас с тобой два места на утренний экспресс из Эбейдоса, — не очень уверенно возразила Элис.

Ноэль молча переглянулся с Диланом.

— Нет, дорогая, я считаю, что тебе следует уехать с нами прямо сегодня вечером.

— Но мой заказ...

— Возможно, — спокойно сказал Дилан, — что железная дорога между Эбейдосом и Авалоном будет перекрыта еще до рассвета.

— Что? — испуганно воскликнула девушка. — Что вы имеете в виду? Это из-за тех пограничных стычек,

да? Но полковник О'Хара заверил меня, что нет никакой опасности...

— Знаю. Он пытался внушить мне это сегодня днем, — мрачно усмехнулся Дилан, — но, боюсь, он меня не убедил.

— И вы думаете, что...

— Элис, Элис, любимая! — К ним стремительно приближался красивый белокурый юноша в красном гусарском ментике с белой меховой опушкой и облегающими лосинах. Его лицо украшали пышные бачки и огромные усы, что было совсем не характерно для офицеров гусарского полка.

Элис в замешательстве смотрела на своего жениха. События развивались чересчур уж быстро.

— Син, позовь познакомить тебя...

— Потом, потом, дорогая, — прервал ее юный лейтенант и, сжав в объятиях свою невесту, увлек ее в танце на середину зала, где уже кружилось несколько пар.

— Весьма представительный молодой офицер, — сдержанно заметил Дилан, наблюдая вместе с Ноэлем за танцующей публикой.

— Шалопай, — проворчал Ноэль. — Он, подобно всем этим галопирующим вертопрахам, все еще думает, что их кавалерия — это решение всех проблем.

— Что ж, в таком случае его мнение совпадает с мнением Кэра Кабаллы, — усмехнулся Дилан. — Правда, я очень сильно сомневаюсь, что гусарский полк герцога Амхарского может хоть какое-то время противостоять джогам.

Глядя на гибкую фигурку Элис, самозабвенно порхающую в своем прелестном голубовато-зеленом платье в объятиях Сина, Дилан понял, что если он не хочет остаться с носом, ему следует быть гораздо решительнее. «А вы ведь и не подозреваете, друг мой Ноэль, — подумал он, — что я влюблен в вашу сестру».

«Вот уж совершенно нелепая мысль, порожденная явно воспаленным мозгом, — голос с сильным акцентом, казалось, прозвучал у него в голове. — Ну и что, во имя Керидвен, вы надеетесь получить от этой тощей девицы, у которой косточки выпирают, как у недоношенного цыпленка?»

К счастью для Дилана, как раз в этот момент Ноэль разглядывал зал и потому совершенно не заметил испуганного выражения, внезапно появившегося на лице его друга.

— Думаю, нам придется подождать конца этого мероприятия, если мы хотим забрать Элис сегодня вечером, — обратился он к Дилану. — Когда мы встречаемся с Чаквордом?

— Он подъедет с рэтлером на Тедди в течение часа, — тут же откликнулся Дилан, радуясь возможности вновь занять свои мысли реальными делами. — Обратно на юг мы отправимся все вместе. То есть, конечно, если Тедди сможет выдержать езду в вашем трескучем автомобиле.

— Будет поистине большой удачей, если мой электромобиль сможет выдержать Тедди, — засмеялся Ноэль. — А пока неплохо бы нам и о себе позаботиться — что-нибудь съесть и выпить.

Направляясь к стоящим в противоположном конце зала столам с закусками, они обратили внимание на группу разукрашенных позументами и цветными шнурками офицеров из разных полков, которые тесно окружили генерала лорда Генри Уилкинса и полковника сэра Патрика О'Хара. Оживленно жестикулируя, они с жаром обсуждали сравнительные достоинства лошадей, заявленных для участия в зимних скачках где-то далеко на юге, в солнечном Бэлваане.

— Как вы думаете, не попробовать ли сейчас поговорить с Уилкинсом? — спросил Ноэль.

— Не стоит, — помотал головой Дилан. — Я уже однажды пытался подстеречь на балу принца-регента, и, если вы помните, результат был самый плачевный. Кроме того, мне не хотелось бы привлекать внимание начальника штаба. Он пригрозил изгнать меня из округа, и мне не стоит напоминать ему о себе, чтобы он не выгнал меня сейчас из своего дома.

— Ну, на это он не отважится, — успокоил его Ноэль. — И потом, здесь вы мой гость. Если он только заикнется о чем-нибудь подобном, я тут же забираю сестру и увезу ее отсюда насовсем. И пускай тогда этот пижон, его сынуля, ищет себе жену где-нибудь в другом месте.

— Однако у леди Элис может быть на этот счет другое мнение, — улыбнулся Дилан.

— Вздор! — отмахнулся Ноэль, отправляя в рот кусок ветчины. — Долг женщины — повиноваться мужчине, которого господь поставил над нею и сделал ее покровителем.

— Мы у себя в Вейнланде придерживаемся несколько иного мнения, — задумчиво сказал Дилан, настороженно прислушиваясь к отдаленному гулу, отзвук которого, казалось, доносился сюда с северным ветром.

— И вообще, мужчина должен держать женщин под жестким контролем, — продолжал развивать свои идеи Ноэль. — Кстати, старина, сколько женщин ждут вас там, в горах?

— Ни одной, — серьезно ответил Дилан. — Я совершенно свободен, как и вы.

— Ну, про себя бы я не сказал, что так уж свободен, — рассмеялся Ноэль. — Есть одна балериничка в императорской Академии Искусств, потом хорошенькая дочка лавочника в Уэлла Уэд, да, и еще актрисочка, которую я как-то случайно встретил в Бэлваане.

— Выходит, вы, авалонцы, не так уж сильно отличаетесь от вейнландцев, как вам хочется думать. У каждого из вас так же много женщин, но ни с одной из них вы не спешите узаконить свои отношения.

— Возможно, мы... — но тут речь Ноэля была прервана офицером в форме стрелкового полка, внезапно появившимся в дверях зала. Дилан узнал капитана Майкла Корвилла, личного адъютанта лорда Уилкинса.

Плащ капитана был порван, его зеленые брюки и сапоги были в грязи, а сам он выглядел утомленным и встревоженным. Скинув плащ на руки подоспевшему лакею, он быстрым шагом направился к группе офицеров, окруживших лорда Генри.

— Население Эбейдоса в панике, — отрывисто заговорил он. — Мне стоило больших трудов выбраться из города. У Волчьего моста собралась огромная толпа, и она сильно взбудоражена. Люди бегут из города на юг, а с севера вливаются в город. И всюду всевозможные дикие толки о вторжении.

— Хм! — иронически хмыкнул сэр Патрик. — Тут уж не обошлось без смутьянов, которые шныряют везде,

где только можно, и разносят всякие вздорные слухи о
Кэрэ Кабалле и джогах.

Дилан мигнул Ноэлю и отступил дальше в глубину
ниши, так что теперь он стоял возле самых окон, вне
поля зрения хозяина дома.

— Такое всегда случается, когда ветер дует с севе-
ра, — спокойно заметил лорд Генри. — Суеверные лю-
ди даже называют северный ветер дыханием Сайтрола.
В Эбейдосе вообще самое пугливое население в мире.
Всякий раз, когда дует этот ветер, они видят джогов.

— Но ведь стычки-то были, разве нет? — спросил
бородатый джентльмен в длинном сюртуке.

— Только незначительные инциденты, — успокоил
его лорд Генри. — Несколько сотен всадников чуждого
нам племени внезапно перешли Бэшемский пролив и
напали на прибрежные деревни. Я отправил заняться
ими майора Кроуфорда с двумя эскадронами гусар и
батареей конной артиллерии. Готов ручаться, ни во что
серъезное это не выльется.

Оглушительный грохот, от которого затряслись люс-
ты, покрыл последние слова лорда Уилкинса, и Дилану
показалось, что со стороны прибрежных холмов несколь-
ко раз вспыхнул огонь.

— Послушайте, что это было? — недоуменно спро-
сил сэр Патрик.

— Гром, конечно, — с видимым спокойствием про-
изнес лорд Генри. Однако от присутствующих не ук-
рылась некоторая нервозность, сквозившая в его тоне,
которая заставила их тут же усомниться в чересчур
уверенных словах.

Леди Элис с Сином остановились возле Ноэля.

— Это гром, да? — с беспокойством спросила она.

— Конечно, дорогая, — не желая тревожить ее, от-
ветил Ноэль.

Дилан промолчал. Он внимательно следил за линией
огненных вспышек на северном горизонте. На вершине
холма появился всадник с факелом. Широко размахнув-
шись, он швырнул факел внутрь какого-то здания, ко-
торое сразу же занялось ярким пламенем.

— Похоже, вторжение все-таки началось, — сказал
Ноэлю побледневший Дилан. У него был вид человека,
который уже многие месяцы жил словно в кошмарном

сне и только сейчас осознал, что это не сон, а действительность.

— Не верю, не может такого быть, — не согласился Ноэль. — Даже Кэр Кабалла не способен двигаться с такой быстротой.

— О чём это вы здесь беседуете? — набросился на них Син. — Зачем вы пугаете леди Элис?

— Смотрите, — кратко отвечал Дилан, указывая на северо-запад, где на фоне темного неба ярко полыхали огни.

— Ну, в чём дело? Чем здесь происходит? — брюзгливо спрашивал лорд Генри, протискиваясь сквозь толпу гостей, плотно обступившую окна. — Чем за беспокойство?

— Огни! — в крайнем возбуждении воскликнул какой-то молодой человек. — Взгляните на все эти огни, полыхающие вон там, в той стороне, где Стемфорд! Это был не гром, это была орудийная стрельба!

— Должно быть, это были орудия майора Кроуфорда, — попытался разрядить обстановку Ноэль.

— Возможно, прикрывающие отступление его эскадронов, — с мрачной усмешкой дополнил его Дилан.

— Чушь и вздор! — раздраженно бросил лорд Генри. — Я сорок лет прослужил в императорской армии и уж наверное сумею отличить звуки орудийной стрельбы от всех остальных. Это гром, клянусь Богом!

В рокочущий гул вплетались теперь резкие щелкающие звуки, которые могли быть только винтовочными выстрелами, и, слушая всю эту музыку, Дилан думал, что, должно быть, у лорда Генри слишком мало опыта в орудийной стрельбе, если он продолжает утверждать, что это гром.

— Смотрите, — привлек внимание всех полковник О'Хара, — по Стемфордской дороге приближаются всадники.

— Гусары! Наверное, моего полка, — обрадовался Син. — У них наверняка должны быть новости. Но что это? Они мчатся так, словно за ними гонится сам дьявол.

— Он самый, — прошептал Дилан. — Дьявол по имени Кэр Кабалла.

Лорд Генри отворил французскую дверь²³, ведущую на балкон, и вышел на холодный арктический воздух.

Полковник О'Хара и еще несколько офицеров последовали за ним.

— Эй, сержант! — окликнул лорд Генри одного из скачущих гусаров.

Услышав оклик, человек еще ниже пригнулся в седле. Он представлял собой незавидное зрелище без кивера, в разорванном ментике, сжимая в одной руке обломок сабли, а другой судорожно вцепившись в поводья. Более всего он напоминал побежденного, бегущего с поля боя.

— Стой, парень! — гневно приказал ему лорд Генри, но тот, даже не оглянувшись, пронесся мимо.

Еще пятеро или шестеро гусаров проскакали бешеным галопом, не обращая ни малейшего внимания на крики офицеров с балкона. Некоторые были безоружны, кое-кто ранен. Они мчались так, словно их жизни угрожала смертельная опасность.

— Стойте! Будьте вы прокляты, стойте! — в бешенстве орал лорд Генри. — Да я вас под трибунал отдаю!

Наконец один из гусаров, натянув поводья, придержал своего коня недалеко от балкона.

— Что происходит? — потребовал ствата лорд Генри. — Вы из отряда майора Кроуфорда? Где сам майор?

— Он мертв! Наши пушки разбиты! Все мертвы! — кричал гусар. — Джоги идут! Джоги идут!

Выкрикнув эту страшную новость, человек продолжил свой путь вместе с другими спасающимися бегством кавалеристами. Мельком взглянув на полковника О'Хара, лорд Генри потребовал свой плащ. Прибежал побледневший ординарец, новость уже облетела всех, и зал наполнился отчаянными воплями испуганных людей. Начался настоящий бедлам. Какой-то визгливый женский голос в панике призывал своего мужа. Пожилой джентльмен с цилиндром в одной руке, подхватив другой свою дочь, поспешно пробирался к двери. Слуга выронил бутылку шампанского, и она вдребезги разбилась на мраморном полу. Испуганная этим звуком толстая дама упала в обморок, повиснув на руках своего плешилого спутника.

— Давайте-ка выбираться отсюда, — негромко сказал Дилан Ноэлю. — Чакворд уже должен ждать нас.

— Бери свой плащ, сестричка, — велел ей Ноэль.

— Но, Ноэль, я ведь едва успела поздороваться с Сином, — захныкала Элис.

— Тебе лучше идти с ними, дорогая, — мягко сказал Син. — Я должен вернуться в полк.

— Скорее! — крикнул Дилан испуганным голосом. Его острый взгляд только что заметил на лежащих неподалеку невысоких холмах небольшую, человек в двадцать, группу всадников в меховых шапках. С копьями наперевес, они мчались на своих маленьких мохнатых лошадях прямо к дому. — Они идут сюда! Сюда идут джоги!

Все присутствующие устремились к дверям. Лорд Генри, облачившись в плащ и водрузив на голову франтоватую, украшенную перьями шляпу, приказал теснившимся вокруг него офицерам открыть парадную дверь.

— Я отправляюсь, чтобы лично взять на себя командование, — важно заявил он. — Мы соберем наши силы и займем позицию возле Храмового моста, напротив Эбейдоса. Я полагаю, джентльмены, лучшее, что вы можете сделать, — это вернуться к своим полкам.

Дилан смотрел на царящую вокруг суету с растущим дурным предчувствием. Он видел, как Ноэль поспешил принес Элис плащ, как затем они с Сином наспех обнялись. Но тут его ухо уловило некий звук, заставивший его закусить нижнюю губу и сжать кулаки. Это был стук неподкованных копыт по гравию подъездной аллеи.

Затем копыта простучали по веранде и в настежь открытых двойных дверях внезапно возник всадник. Это был джог, державший в руках копье с болтающимся на нем хвостом яка. Его черные волосы грязными засаленными космами свисали на плечи, а глаза казались просто бездонными черными дырами.

Лорд Генри застыл в ошеломлении, взирая на всадника с таким видом, словно это был выходец с того света. Офицеры вокруг него тоже стояли, словно приклеенные к полу, неверящими глазами уставившись на фигуру, восседающую на небольшой мохнатой лошадке.

— Что это значит? — наконец пролепетал лорд Генри. — Откуда здесь взялась эта тварь?

Джог взял копье наперевес и въехал на коне прямо в зал. Не спеша, словно делая будничное дело, он, даже

не размахиваясь, воткнул блестящее острие главнокомандующему в грудь, попав как раз между орденом Артура и лентой за кампанию на реке Медалго. Засмеявшись, джог выдернул копье, и лорд Генри, качнувшись назад, рухнул на пол как подкошенный.

Бесстрашно выступив вперед, адъютант лорда склонился над телом своего генерала. Джог двинулся дальше, и вновь его копье пришло в движение, пронзив человеку горло и буквально пригвоздив его к полу.

На какое-то мгновение в зале повисла мертвая тишина, которая так же внезапно взорвалась оглушительным визгом женщин и топотом бросившихся врассыпную мужчин.

Дилан увидел презрительную ухмылку на лице джога, когда тот, бросив копье и вытащив свой меч, завертел им в разные стороны, гарцуя на пони по отполированному мраморному полу.

— *Бегите, трусы! Бегите и умирайте!* — прокаркал джог на башемском языке, в то время как его меч снес ~~полчелена офицеру, а затем, еще окровавленный, сняв~~ дугу, ~~стягившую~~ *кричавшую девушку*. — Умрите, мерзкие отродья!

Капита ~~юна~~ *вновь* застучали по мрамору бального зала, и ~~есадник~~ *сразил капитана* кирасиров, пытавшегося закрыть своим телом рыдающую белокурую девушку. Затем, ухватив ее за волосы, он одним взмахом меча отсек ей голову. Подняв над собой этот жуткий трофея так, что кровь жертвы стекала по его лицу, джог разразился зловещим хохотом.

— Вы все умрете, во имя Сайтрол!, — орал он.

В отличие от всех остальных в этом зале, Дилан, вероятно, был единственным, кто понимал слова джога. Однако другим, по-видимому, это было и не нужно. Блестяще разодетые офицеры впали в такую панику от одного лишь вида противника, что, забыв про свои пристегнутые к поясу шпаги и кортики, разлетелись, словно гонимые ветром листья.

Дилан понял, что настала пора действовать. Ухватив за плечо пробегающего мимо драгунского капитана, он рывком вытащил у него из ножен саблю и подтолкнул его вперед — пусть бежит дальше.

— Виноват, — сказал он капитану, — даже если вы против, я воспользуюсь ею.

Он бросился к джогу, расталкивая парализованных ужасом авалонцев. Оказавшись через мгновение лицом к лицу с всадником, Дилан внутренне напрягся, увидев, как тот уже слегка свесился с седла, готовясь поразить его своим мечом.

Не тратя времени, Дилан поднял вверх острие сабли и сделал резкий выпад. На лице джога появилось выражение непомерного удивления, когда клинок, войдя в тело, пронзил его насквозь, так что острие показалось из спины. Покачнувшись в седле, варвар соскользнул с лошади. Тело ударилось об пол с громким стуком, вызвав в ответ еще более громкие вопли жавшихся к стенам зала женщин.

Услышав снова хруст гравия под копытами лошадей, Дилан бросился к двери взглянуть, скольких противников ему теперь следует опасаться. Сейчас он был безоружен, поскольку взятая им напрокат сабля все еще торчала из груди поверженного врага. Увидев двух джогов с копьями наперевес, на конях пересекающих ве-ранду, он отпрыгнул назад и оглянулся в поисках подходящего оружия. Взгляд его наткнулся на стоящий у входа огромный канделябр. Ухватив его за один конец, как дубину, он поднял свое новоявленное оружие над головой и, как только джоги показались в дверях, с силой размахнулся, зацепив обоих всадников, так что они вылетели из седел. Затем, не дожидаясь, пока эта оглушенная падением парочка придет в себя, он тем же канделябром размозжил им головы.

К этому времени в зале был уже полный хаос. Испуганные мужчины и женщины беспомощно толклись на месте, шарахаясь от трех лошадей без всадников, которые, лягаясь и кусаясь, носились по залу, а в дверь уже лезли новые джоги, пешие и конные.

Размахивая над головой канделябром, Дилан сбил с ног приблизившегося к нему пешего джога. Он увернулся от меча и двинул своим импровизированным оружием прямо в ненавистную ухмыляющуюся физиономию. Тут рядом с ним появился Ноэль. Размахивая кривым джогским мечом, он гневно кричал, обращаясь к остальным мужчинам:

— Вперед, вы, трусливые идиоты! Бейтесь же за свою шкуру, если она хоть немного дорога вам! Сражайтесь, чтобы защитить своих женщин! Шпаги из ножен! Вперед!

В зале царил уже настоящий ад. Дилан пробился к двойным дверям и, используя канделябр, как рычаг, попытался захлопнуть их перед носом лезущих внутрь джогов. Мечи свистели рядом, почти задевая его, к нему тянулись вражьи руки, ухмыляющиеся рожи джогов мелькали у него перед глазами, а их дикие вопли заглушали крики женщин. Наконец к нему подоспел на помощь Син О'Хара с полудюжиной мужчин. Навалившись все вместе плечами на двери, они почти закрыли их, несмотря на копья и ятаганы, которыми джоги, просовывая их в щель, пытались ударить по рукам.

Тогда один из джогов, разбежавшись, подпрыгнул вверх и ногами с силой ударил в дверь, которая снова широко распахнулась. Одобрительный крик вырвался из глоток всадников, и они снова двинулись вперед.

— Огонь! Огонь! — отчаянно выкрикнул полковник, и накоротко вооруженные его охотничьим оружием офицеры дали по лезущим в двери джогам нестройный залп. Несколько варваров были сражены, в дверном проеме упала смертельно раненная лошадь. Истекая кровью, она громко и жалобно ржала и била в агонии своими смертоносными копытами.

— Мы должны удержать их! — воскликнул О'Хара. — А я тем временем пошлю слугу в ближайший гарнизон за подкреплением.

— Смотрите, они лезут в окна! — Син указывал на группу джогов, которые с леденящими кровь воплями ввалились через французские окна²⁴.

Стоявший рядом с Диланом мужчина с дробовиком в руках вдруг свалился замертво, сраженный метко брошенным ножом. Не теряя ни секунды, Дилан выхватил из его рук ружье и всадил полный заряд картечии в орду кривоногих варваров, мечами прокладывающих себе путь внутрь дома. Трое из них упали, но их было так много, что борьба была безнадежной. Джоги хлынули в зал, рубя направо и налево его защитников и набрасываясь на женщин.

— Элис! — в панике закричал Ноэль. — Они схватили Элис!

Дилан тоже это видел. Один из джогов вспрыгнул на тяжелую буфетную стойку, за которой жались друг к другу Элис и еще несколько женщин. Расшвыривая в разные стороны пищу и напитки, он спрыгнул к женщинам. Сначала он всадил свой меч прямо в сердце одной из офицерских жен, потом схватил за волосы Элис и, издавая радостное рычание, волоком потащил ее по мраморному полу.

Отбросив ставший уже бесполезным дробовик и срезав ударом сабли кинувшегося на него с жуткими заываниями джога, Дилан опрометью бросился к тому, который тащил Элис. Джог заметил его приближение и начал приподнимать девушку, собираясь использовать ее как щит. Дилан понял, что нельзя терять ни секунды. Пролетев в прыжке оставшееся расстояние, он врезался головой прямо в живот джогу. У негодяя перехватило дыхание, и он упал.

Однако тут же на Дилана набросился с занесенным для удара ножом еще один джог. Дилан схватился с ним врукопашную, и они покатились по полу, задевая дрожащую от страха Элис и другого, сбитого Диланом, варвара. Противник попытался ударить Дилана ножом, но, по счастью, не причинив ему особенного вреда, только распорол на нем куртку. Тогда Дилан, схватив мерзавца рукой за физиономию, сильно надавил пальцами ему на глаза. Тот в ответ своими острыми зубами впился ему в ладонь, так что Дилан вскрикнул от боли, но врага все же не выпустил.

Тем временем сбитый Диланом джог пришел в себя и, с трудом поднявшись на ноги, подобрал свой меч. Он уже занес его над головой Дилана, но ударить не успел — полковник О'Хара, перескочив через тело девушки с торчавшим из него копьем, выпалил в этого типа сразу из обоих стволов своего дробовика. Кровь и мозг забрызгали всех вокруг: и Элис, и Дилана, и схватившегося с ним джога.

Тут подоспели Ноэль с Сином. Они оттащили от Дилана его противника, и Син продырявил его своим мечом.

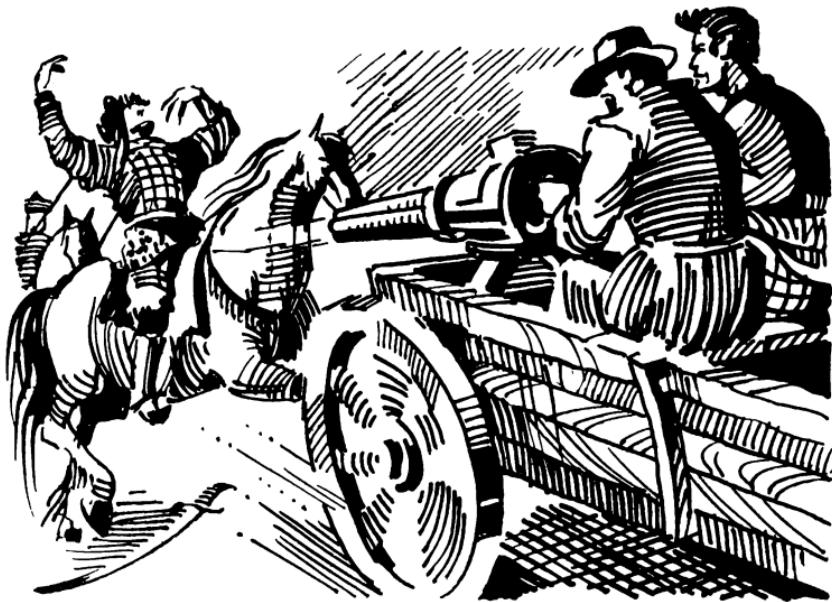
— Хватайте девушку и бегите отсюда! — закричал О'Хара. В зале к этому моменту происходила настоящая бойня. Повсюду свирепствовали джоги, сея на своем пути трупы или утаскивая с собой женщин, которых в будущем могло ожидать лишь насилие и рабство, а то и что еще похуже.

Подняв на плечо потерявшую сознание Элис, Дилан вместе с Ноэлем и обоими О'Хара начали пробиваться к двери. Джогам противостояла теперь только небольшая кучка офицеров, вооруженных охотничими ружьями и мечами. Они, да еще несколько обезумевших от ужаса женщин — вот все, что осталось от того блестящего общества, которое совсем недавно заполняло этот зал.

— Наружу! Все наружу! — приказал О'Хара, когда они соединились с офицерами. — Это наш единственный шанс!

Они пробились сквозь двустворчатые двери и выбрались на веранду. Они палили картечью в непотребные завывающие морды, кололи мечами приземистые тела, прорубая себе путь через веранду и дальше на газон. И тут прямо перед собой они увидели смерть.

Около сотни джогов со склоненными копьями мчались прямо на них, их звериные морды горели жаждой крови. Дилан переложил Элис на другое плечо, ухватил покрепче меч и приготовился вместе с остальными достойно встретить свою смерть.

VIII

Джоги неслись на них во весь опор, с дикими завываниями распевая песню смерти. Ответом им была почти полная тишина. Лишь коротко вскрикнула женщина, да раздались один или два выстрела — и это было все. Почти все патроны были израсходованы, и у мужчин не осталось ничего, кроме их клинков. Конечно же, джогам ничего не стоит одолеть их. Дилан осторожно скосил глаза на девушку, чья голова свисала с его плеча. Она все еще была без сознания. Это только к лучшему, решил он, в самом крайнем случае он скорее сам пронзит ее кинжалом, чем допустит, чтобы она попала в лапы джогов.

Грохот лошадиных копыт отдавался у Дилана в ушах. Сквозь него он едва слышал, как О'Хара что-то тихо говорил о том, что нужно стоять твердо, рассчитывать каждый свой удар; он слышал, как вполголоса чертыхается Ноэль, пытаясь прочистить ствол дробови-

ка, подобранного им, когда он, Дилан, так легкомысленно его бросил.

— Смерть! Смерть! Смерть! — зловеще ревели джоги на англо, приближаясь к ним.

— Смерть! Смерть! Смерть! — отдавалось в голове у Дилана.

И вдруг сквозь этот гул и вопли прорезался новый звук, от которого Дилан радостно встрепенулся. Это было мерное ворчание пулемета Гатлинга.

— Все вниз! Ложись! — закричал Дилан, бросаясь вместе с Элис на покрытую снегом землю.

Передние ряды джогов были в одно мгновение буквально сметены, словно ударом руки рассерженного великанна. Сначала упали трое, сразу же вслед за ними еще полдюжины были брошены наземь, и вскоре уже целая груда бьющихся в агонии людей и лошадей высыпалась не далее, чем в двадцати футах от того места, где стояла горстка уцелевших храбрецов. А пулемет после минутного молчания заговорил вновь.

— Да это же рэтлер! — радостно закричал Ноэль. — Это Чакворт со своим рэтлером!

Джоги в замешательстве топтались на месте, в то время как ливень стальных пуль продолжал косить их ряды. Их предводитель, которого отличал черный флагок на копье, махнул рукой в сторону невысокого холма за большой дорогой. Однако непрекращающееся ворчание пулемета и падающие вокруг тела вносили с каждой минутой все больший страх и сумятицу в ряды всадников, и они, не слушая приказов своего начальника, в панике бросились врассыпную.

Новый шквал огня настиг предводителя и небольшую группу окруживших его воинов. Тела вылетали из седел, дико ржали, падая на землю, лошади. Несколько джогов, вытачив свои карабины, начали наугад палить в темноту, даже не представляя, во что они стреляют. Дом О'Хара занялся пламенем, и джоги были прекрасно видны на его фоне, представляя для Чакворда идеальную мишень.

Очередь за очередью посыпал пулемет в спасающихся бегством джогов, и Дилан мог даже различить вспышки из всех десяти стволов рэтлера.

— Дилан, я здесь! — услышал он крик Чакворда. — Здесь, за этой дорогой! Мы с Тедди привезли пулемет!

— Идемте-ка! — сказал Дилан, понуждая полковника О'Хара и Сина встать на ноги и поднимая Элис. — Бежим вон туда, к холму.

Джоги отъехали на несколько сотен ярдов и теперь кружили там, потрясая своим оружием. Они пока еще не обнаружили местонахождение пулемета, но было очевидно, что, когда наконец им это удастся, Чакворду понадобится помочь.

— Вперед, все бегом к холму! — звал Дилан. — Пригнитесь пониже, чтобы не перекрывать линию огня, и бегом!

— Что это? Кто это? — с беспокойством и растерянностью спрашивал полковник О'Хара, зажимая рукой рану в плече.

— Друг, — коротко ответил Дилан, подталкивая пожилого человека перед собой.

Они побежали. Через минуту сзади послышались вопли джогов. Вслед за криками зазвучали и выстрелы, так как захватчики пустили в ход свои карабины. Один из офицеров упал, изо рта у него хлынула кровь. Еще одна женщина была убита, когда пересекали дорогу. Ноэль на мгновение опустился возле нее на колени, но, взглянув ей в лицо, покачал головой и бросился догонять Дилана.

Спустившись с насыпи и перебравшись через канаву, полную ледяной воды, они вышли к покрытому травой склону холма, скользкому от свежевыпавшего снега. Спотыкаясь и скользя, они с большим трудом взобрались на холм. Когда они уже достигли вершины, вновь пошел снег, который поднявшийся ветер швырял им прямо в лица. Дилан передал Элис Сину и поспешил к Чакворду, помочь ему управляться с пулеметом.

— Вот здесь запасные магазины, — показал Чакворд на деревянный ящик. — Вы заряжайте, а я буду стрелять.

Джоги резвым аллюром скакали к холму, но вскоре были встречены губительным огнем «Чонси Депью». Передние всадники попадали, мертвые или раненые.

Лошади скользили на мокрой траве, оступались в лужах крови на дороге. Прозвучало несколько ответных выстрелов, но даже Дилан и Чакворд, стоявшие у пулемета во весь рост, были достаточно хорошо защищены гребнем холма.

Трижды протрубил рог, и джоги откатились назад. Они поскакали обратно к дому, где к ним присоединились еще тридцать или сорок мерзавцев, которые перед этим занимались грабежом и убийствами внутри дома. До Дилана доносились крики их военачальников, призывающих всадникам спешиться и атаковать противника с карабинами в руках.

— Нам грозит еще одна опасность, — сказал Дилан. — Они хотят окружить нас.

— Они уже идут! — крикнул Ноэль, и джоги, на ходу стреляя из карабинов, хлынули через дорогу на своих коротких кривых ногах.

Чакворд склонился над пулеметом, прицелился и повернул рукоятку. Поток тяжелых стальных пуль взрыл землю перед бегущими джогами, а затем начал валить их. Некоторые из упавших, очевидно легко раненные, снова поднялись на ноги и, прежде чем разбежаться в поисках укрытия, открыли ответный огонь.

Чакворд стрелял короткими очередями, пытаясь накрыть огнем и небольшие группы, и одиночек.

— Хватит ли нам боеприпасов? — забеспокоился Дилан.

— У меня в запасе еще один ящик, он в повозке внизу, у подножия холма, — успокоил его Чакворд. — Лучше, если бы кто-нибудь заранее сходил за ним. Заодно принес бы три винтовки, которые у меня там тоже припасены.

Ноэль и еще один молодой офицер спустились по заднему склону холма и вскоре вернулись, неся вдвоем тяжелый ящик с патронами. Винтовки были закинуты у них за плечи.

Затем начался жаркий бой, продолжавшийся всего несколько минут, ноказалось, что он растянулся на часы. Пять или шесть раз поднимались джоги в атаку, но всякий раз откатывались назад под смертоносным огнем рэтлера и нескольких винтовок. Каждая атака

стоила им очень дорого, но при этом они старались каждый раз отступить на меньшее расстояние и прижаться к земле чуть ближе к холму, чем ранее.

Когда они подошли уже совсем близко, прицельная стрельба из карабинов начала давать результаты. Двое офицеров упали, один был убит, другой только ранен. Две женщины оттащили раненого в небольшую лощину, защищенную от нападавших грудой бревен, и остались там вместе с ним. Элис была уже на ногах, перевязывая рану своего будущего свекра.

— Это же потрясающее оружие... просто потрясающее! — в растерянности бормотал полковник О'Хара. — Почему же у армии его нет?

— О! Вот этот же самый вопрос мы задавали в Авалоне каждому, — флегматично, но с оттенком иронии заметил Ноэль и, старательно прицелившись, поразил джога, который по-пластунски пробирался вперед.

— Глядите! Они снова собираются атаковать нас! — воскликнул Син, указывая на лужайку, где собралось около шестидесяти джогов, причем часть из них умело пряталась за деревьями, росшими у них на левом фланге.

Скрытые за деревьями варвары немедленно дали о себе знать, открыв устойчивый прицельный огонь, заставивший наших героев понизе пригнуть головы.

— Они идут! Они идут!

Чаквورد и Дилан сразу же вскочили на ноги, не обращая внимания на свистящие вокруг пули.

— Будем отбиваться, пока не израсходуем весь боезапас. После этого нам придется сломать пулемет, — твердо сказал Дилан.

— Сломать «Чонси»? — рассвирепел Чаквورد. — Да я скорее...

— Вы что, хотите, чтобы он попал в их руки? — закричал Дилан, стараясь быть услышанным сквозь треск пулемета. — Да вы представляете, что они могут натворить с его помощью? Они же вполне способны скопировать его, уверяю вас.

Злобно выругавшись, Чаквورد опять повернул рукоятку пулемета, и потоки смерти снова понеслись на встречу атакующим джогам.

Дилан не переставал восхищаться ровной и бесперебойной работой пулемета. Большое число стволов предохраняло от перегрева, а подающий механизм исправно посыпал патроны в стволы из магазинов.

Но, несмотря на все это, джоги подбирались к холму все ближе.

— Я начинаю думать, что нам не удастся остановить их, — с тревогой сказал Ноэль. — Похоже, они просто не знают, что такое страх. Чем больше мы их расстреливаем, тем настойчивее они рвутся вперед.

— Смотрите... приближаются по дороге... еще! — в испуге показывал О'Хара, но уже через минуту он разразился радостным криком: — Нет, нет, это не джоги! Это наши!

По дороге мчался эскадрон улан в алых мундирах. За ним следовала моторизованная пехота и несколько рот пеших стрелков. Войска ударили по джогам именно в тот момент, когда те были наиболее уязвимы, рассыпавшись поодиночке на дороге и на склоне холма. На конных джогов тучей налетели уланы, сметя их одним ударом, а подоспевшая вскоре пехота вступила в бой с пешими. Один за другим падали захватчики под ударами солдатских штыков, слабо поблескивающих в свете пламени горящего дома.

Войска отогнали джогов от дома О'Хара, но к тем прибыло еще подкрепление, и все новые и новые волны варваров накатывались, когда их пытались отогнать по дальше от дороги. В конце концов войска отступили и окопались по обеим сторонам дороги и на склоне того самого холма, где стоял «Чонси Депью». Тем временем горстка, всего около дюжины, людей, уцелевших от резни в доме О'Хара, поспешили к своим лошадям и экипажам.

Ноэль нашел свой электромобиль целым и невредимым и постарался подъехать на нем как можно ближе к холму, чтобы забрать полковника О'Хара и других раненых офицеров. После того, как их всех снесли в машину, из-за холма привели Тедди и снова установили рэтлер в его повозке.

Полковник О'Хара начал протестовать, когда его укладывали на сиденье машины, и попытался даже вылезти оттуда.

— Мне необходимо попасть в Эбейдос, — заявил он. — Я должен отыскать генерал-майора Редферна и доложить ему о смерти лорда Генри, чтобы он принял на себя командование.

— Если Редферн в Эбейдосе, то он уже мертв, — сообщил ему майор, который командовал пехотой. — Видите вон там за горизонтом зарево? Это пылающий Эбейдос.

— Вы хотите сказать, что город захвачен? — недоверчиво спросил О'Хара.

— Джоги ворвались прежде, чем мы успели закрыть ворота, — начал рассказывать майор. — Все ворота были забиты беженцами и нам казалось, что джоги еще только собираются перед ними, что у нас еще есть время. Я как раз разговаривал с чиновником Северо-Западной железной дороги, который ведает южным направлением, чтобы он передал по телефону на Сакстонский узел приказ останавливать все поезда, идущие на север.

— Ну, а что приказано лично вам? — спросил О'Хара.

— У полковника Тейлора в Триптоне пятнадцать сотен человек и три орудия. Он попытается отойти по этой дороге. Мне приказано удерживаться здесь сколько возможно, чтобы прикрывать его отход.

— У вас есть полевой телеграф? — спросил О'Хара. — Я мог бы тогда передать генералу Редферну, что я ранен, и...

— Какой там телеграф... — махнул рукой офицер. — Мы в такой спешке покидали свои казармы, что успели взять только личное оружие да боеприпасы к нему. И нам еще очень повезло, что удалось захватить хоть это. Джоги налетели, как ветер.

— Но сколько же их здесь может быть? — удивленно спросил О'Хара. — По моим сведениям у нас между морем и Эбейдосом около пятнадцати тысяч солдат. Уверен, несколько сотен плохо вооруженных всадников не могли...

— Полковник, их здесь, должно быть, по крайней мере, тысяч пятьдесят — тех, которые уже перешли пролив. Перед уходом из Триптона я видел донесение с бронированного крейсера «Тигр». По их оценкам пятьдесят тысяч всадников уже пересекли лед и примерно еще сто тысяч собираются это сделать.

— Мой Бог! Что же делает флот, в таком случае?

— А что они могут сделать, — развел руками майор. — Ну, сделали они пару сотен выстрелов по льду из своих тяжелых орудий, но из-за большого расстояния до цели это было просто пустой тратой времени и снарядов. Теперь вот они послали к берегу подрывников под охраной морской пехоты, чтобы те попытались прошуринуть канал во льду, но толщина льда все время растет, и это распространяется дальше и дальше.

— Со всем моим уважением к вам, полковник О'Хара, — прервал их беседу Ноэль, — должен заметить, что пора бы нам отсюда убираться, и притом со всей возможной скоростью.

Оставив войска охранять дорогу и дрогающие развалины дома О'Хара, они направились на восток, где дорога пересекала большое магистральное шоссе. Полковник и остальные раненые сидели в электромобиле вместе с миссис О'Хара и Элис, которые заботились о них. Ноэль был за рулем, а Син сидел рядом с ним с дробовиком наготове и парой винтовок на коленях. Дилан и майор Чакворт тряслись вслед за ними в повозке, запряженной Тедди с громыхающим сзади пулеметом Гатлинга. Они ехали весь остаток ночи и к рассвету добрались до главного шоссе между Эбейдосом и Авалоном.

Выехав на магистраль, они повернули к югу, куда сейчас стремились попасть и добрая часть Северной Армии и большинство населения провинций. Они не продвинулись и на милю, как плотно застяли — дорога оказалась сплошь забитой беженцами и остатками войск.

Во всем были видны признаки поражения, нет, даже не поражения — бедствия. Не было никакого планомерного отступления, не было организованных воинских частей, были просто люди — перепуганные, грязные,

раненые; люди, чье чувство собственного достоинства осталось где-то позади вместе с брошенным ими оружием. Вот, пошатываясь от усталости, бредет небольшая группа императорских гвардейцев, вид у всех помятый — медвежьи шапки набок, пояса расстегнуты. За ними следом ковыляет раненый гусар. Там двое драгун из Собственного ее императорского величества Шестого драгунского полка с трудом тащат на носилках своего раненого друга. Эти и другие, подобные им, сцены наводили на тревожные раздумья.

— Мне кажется, эти войска бежали, даже не попытавшись вступить в бой, — сказал Чакворду Дилан. — Думаю, когда Эбейдос пал, армия просто растаяла, словно ее и не существовало.

— Джоги могут в любой момент двинуться по этой дороге, — заметил Чакворд. — Удивительно, что они до сих пор еще не настигли нас.

— Та часть, позади нас, что окопалась на холме, да еще войска в Триптоне, может быть, задержат их на некоторое время, — с сомнением в голосе отвечал Дилан, практически не веря в это. Он понимал, что в любую минуту они могут услышать боевой клич джогов, и очень боялся этого. Зажатые со всех сторон беспомощной толпой, они бы не имели ни единого шанса на спасение. Даже пулемет Гатлинга оказался бы здесь бесполезным.

— Надо покинуть это шоссе, — решил Дилан.

— Ну, для нас-то с Тедди сделать это не составляет труда, — откликнулся Чакворд, — а вот как насчет машины?

— Ничего, для Ноэля это только лишний повод убедиться, насколько надежен его драндулет. Конечно, полковнику О'Хара и дамам будет тяжеловато трястись по целине, однако это все же лучше, чем застрять посреди толпы, когда появятся джоги.

— Выдержит ли полковник?

— Будем надеяться, что да, — сказал Дилан. — Он ведь первый офицер высокого ранга, видевший наш рэтлер в действии, и мне очень хотелось бы, чтобы к тому времени, когда мы доберемся до Авалона, он уже

оправился от раны и смог доложить высокому командованию, что сделал с джогами наш «Чонси Депью».

— Ему может представиться еще одна возможность увидеть пулемет в действии прежде, чем мы попадем в Авалон, — с мрачной иронией произнес Чаквورد. — Если мы и дальше будем двигаться с такой скоростью, джоги окажутся там раньше нас.

Еле ползущая колонна беженцев достигла крошечной деревушки у перекрестка дорог, где кавалерийский эскадрон военной полиции делал отчаянные усилия, пытаясь остановить людской поток и выловить дезертиров. Имя полковника О'Хара, произнесенное Сином, произвело должное впечатление на командовавшего эскадроном капитана, и с помощью его людей нашим беглецам удалось наконец выбраться из толпы и съехать с дороги.

Они двинулись напрямик через равнину; Тедди теперь был во главе процесии. Трава была еще влажной от недавно растаявшего снега, и лошади с повозкой двигаться было несравненно легче, чем тяжелому громоздкому электромобилю. Тем не менее за утро удалось проделать почти десять миль, и, хотя они непрерывно наталкивались на следы пребывания захватчиков, их пока еще никто не потревожил.

Зрелища пылающей деревни или разоренного фермерского дома говорили им, что быстро скачущие варвары не только со всех сторон окружают их, но, по всей вероятности, уже далеко их опередили. Дважды в течение дня, завидев на горизонте всадников, они затаскивали повозку и машину под прикрытие деревьев. В первый раз все обошлось: всадники, не заметив их, развернулись и ускакали прочь. Во второй раз они помчались прямо на беглецов.

— Пулемет к бою! — крикнул Дилан, выпрыгивая из повозки.

— Надеюсь, что патронов нам хватит, — с сомнением покачивая головой, сказал Чаквورد, когда они с Диланом, отстегнув крепления, развернули пулемет в сторону приближающихся всадников.

Тем временем подкатил электромобиль и из него с винтовками наготове выпрыгнули Ноэль с Сином. Раз-

вернуть пулемет, установить магазин и приготовиться к стрельбе было делом всего нескольких секунд, однако несущиеся как ветер всадники успели за это время подскакать настолько близко, что стало видно — это не джоги.

— Не стреляйте, — радостно воскликнул Ноэль. — Гусары!

— Из полка принца-регента, — добавил Син, — однако они должны были патрулировать значительно севернее.

— Они просто бегут от лавины джогов, — Дилан показал на горизонт, мгновенно почерневший от всадников, которые, потрясая своими украшенными хвостами яков бунчуками, скакали во весь опор, пытаясь перехватить сотню спасающихся бегством гусар.

— Сюда! Сюда! — громко закричал Син, вскакивая на ноги и размахивая своим ментиком, чтобы дать понять авалонцам, что перед ними свои.

Через минуту гусары уже были возле маленькой группы людей, собравшихся вокруг пулемета Гатлинга.

— Что это за штука? — спросил командовавший ими молодой капитан, указывая на пулемет. — Я-то вначале думал, что это артиллерийское орудие; с ним мы могли бы еще сопротивляться, но...

— Это будет получше, чем любое из артиллерийских орудий, какие вам когда-либо довелось видеть, юноша, — ответил ему Чаквورد, старательно прицеливаясь в устремившуюся на них передовую линию джогов. — Смотрите, я покажу вам.

Выкрикивая свой зловещий боевой клич, джоги неотвратимо приближались к ним. Не видя перед собой ничего, кроме гусарских карабинов, они ожидали, что просто сомнут эту немногочисленную горстку храбрецов. Однако тут они просчитались.

Дилан вместе с Ноэлем встали заряжающими, и рэттер открыл огонь, делая по пятнадцать сотен выстрелов в минуту. Ливень стальной смерти обрушился на джогов. В течение четырех минут он скосил около сотни всадников, причем ближайшее тело лежало всего в ста футах от пулемета.

— Что же это за штука? — снова, уже с изумлением, спросил гусарский капитан. — Да с одной такой мы бы сумели удержать Проход Красного Сокола против Кэра Кабаллы и всей его орды.

— Это рэтлер, дружище, — с гордостью отвечал Чаквورد, нежно похлопывая по кожуху пулемета. — Это пулемет, который должен спасти Авалон.

— Если только нам удастся убедить Авалон в его желании быть спасенным, — с сарказмом заметил Ноэль, наблюдая, как джоги осторожно кружат на одном месте, оставаясь на безопасном расстоянии от пулемета и гусарских карабинов.

— Они понимают, что не могут атаковать нас, — сказал Син. — Но похоже, они также знают, что и мы не можем напасть на них.

— Они постараются удерживать нас здесь до ночи, — предположил Ноэль, — или, возможно, собираются уморить нас голодом.

— Нам не следует дожидаться этого, — решительно заявил Дилан. — Всего в нескольких милях к югу отсюда расположен мост через реку Имбро. Если бы нам удалось пересечь реку, мы могли бы сжечь за собой мост.

— Если только они уже не сожгли его перед нами, — проворчал Ноэль.

Дилан обернулся к капитану гусар.

— Как вы думаете, — деловито спросил он, — смогут ваши люди пробиться через эту банду джогов?

Молодой офицер взглянул на своих солдат. Первоначально гусары были нерегулярной кавалерией, легко экипированной, на маленьких быстрых лошадях. Но постепенно где-то в прошлом это было забыто, и сейчас гусары превратились во франтовато одетые парадные войска с украшенными пломажами киверами, пестрыми облегающими рейтузами и подбитыми мехом мундира-ми-ментиками, которые щегольски свисали у них с одного плеча.

В настоящий момент Седьмой гусарский полк, а, точнее, то, что от него осталось, выглядел не слишком-то бодрым. Они сражались вместе с легкой кавалерией и оставили на поле боя не только своих товарищей, но и

изрядную долю собственного мужества. С угнетенным видом стояли они вокруг, их красные плюмажи свисали набок, роскошные канареочно-желтые ментики были разодраны и пробиты в разных местах мечами и пулями. Было совершенно ясно, что у них нет ни малейшей веры в то, что они способны пробиться сквозь ряды джогов, вдвое превосходящих их числом.

На лице Чакворда также было написано сомнение.

— Мне нередко приходила в голову мысль, — сказал он, — что неплохо бы что-нибудь придумать, чтобы из «Чонси Депью» можно было вести огонь и на ходу, но...

— Погодите, разве не вы мне рассказывали, — перебил его Дилан, — что во время сражения в некоем месте, которое вы называли Холм Святого Хуана, пулеметы Гатлинга решили в тот день исход сражения тем, что находились близко от окопов противника и могли поливать их огнем?

— Да, но...

— Хорошо, слушайте. Во время атаки джогов были убиты двое гусаров. Мы впряженем их коней в повозку вместе с Тедди, чтобы вы с пулеметом могли двигаться, не отставая от кавалерии. Мы помчимся прямо на джогов, пока не окажемся от них на расстоянии выстрела, ну а тогда развернем пулемет и откроем огонь. А отбросив их, мы тут же выходим из боя и продолжаем наш путь.

— Браво! — восторженно воскликнул Чакворт. — Сам Тедди Рузвельт не смог бы придумать лучшего тактического решения!

— Это может сработать, — согласился Ноэль, — если только у нас раньше не кончатся патроны. Осталось всего три магазина. Это немногим более трех сотен выстрелов.

— Тем более есть резон прорваться за реку, чтобы она отгородила нас от джогов, — настаивал Дилан. — Будем вести огонь короткими очередями и делать каждый выстрел поточнее.

Десятью минутами позже маленький караван, плотно окруженный остатками Седьмого гусарского полка, тронулся с места, чтобы скрыть пулемет Гатлинга и не

выдать раньше времени своих намерений. Как только они двинулись, джоги тоже перешли в наступление, потрясая копьями и стреляя из карабинов.

Чтобы держаться вровень с гусарами, тройка лошадей была пущена галопом, и Дилану пришлось изо всех сил вцепиться в повозку, чтобы не вывалиться на ходу. Он слышал, как вокруг них свистели пули, и одна из них даже попала в повозку, о чем свидетельствовал глухой звук удара. Джоги несомненно умели пользоваться оружием, которым их снабдила Бэшемская Компания.

Справа от повозки упал гусар, за ним другой, третий. Налетев на полном скаку на небольшую группу джогов, они походя смяли ее, но теперь перед ними было куда большее число — пятьдесят или шестьдесят всадников, которые мчались прямо на них, горланя свою песню смерти.

— Они сыплются на нас гроздьями, — прокричал гусарский капитан. — Нам никогда не пробиться сквозь них.

— Тогда мы проложим себе путь огнем, — крикнул в ответ Дилан, помогая Чакворду сдержать лошадей и тут же, еще на ходу, высакивая из повозки, чтобы начать немедленно разворачивать рэтлер.

Сзади, пыхтя, подъехал электромобиль, и Син с Ноэлем поспешили выбраться из него, чтобы помочь Дилану с Чаквордом. Четвером они мгновенно развернули пулемет, нацелив его в сторону джогов прежде, чем те успели сообразить, что происходит. Гусары тут же подались в стороны, освобождая линию огня, и Чакворт, нажимая на рукоятку, начал короткими прицельными очередями стрелять по варварам.

Он ударил прямо в гущу сгрудившихся всадников и успел уничтожить не меньше дюжины, когда остальные, поняв наконец, в чем дело, бросились врассыпную и побежали. Ему удалось настичь своим огнем еще нескольких, и тогда гусары рванулись вперед, рубя на ходу отставших джогов и мчась к мосту, что находился теперь всего в полумиле перед ними.

— Поставим пулемет обратно! — крикнул Дилан. — И ходу!

И тут случилась неприятность. Развернув пулемет обратно и устанавливая его в нужном положении, чтобы закрепить на задке повозки, они неудачно вставили крепежный болт, и теперь он застрял и никак не хотел становиться на свое место.

— Джоги! Они идут сюда! — вскрикнул Ноэль, указывая туда, где небольшая группа варваров, кружащая до этого возле гусар, бросив их, устремилась к машине с повозкой.

— В машину! — бросил Дилан. — Уезжайте отсюда! Я закончу сам!

Вид нескольких пеших людей вызвал у приближающихся джогов радостные вопли. Зазвучали выстрелы. Ноэль и Син быстро влезли в электромобиль и рванули вперед, в то время как Дилан отчаянно колотил по головке болта, пытаясь загнать его на место.

— Скорей! Они уже почти здесь! — закричал Чакворд.

— Я стараюсь! Трогай лошадей! — отвечал ему Дилан. — Я удержусь!

Повозка с пулеметом рванулась, что называется, с места в карьер. Оседлав пулемет, Дилан пытался ударить по болту ногой. Сидевший впереди Чакворд оглянулся и, увидев, что Дилан еле держится и его может в любой момент выбросить из повозки, начал придерживать лошадей.

— Не сбавляй ходу! — крикнул ему Дилан. — Они настигают нас! Быстрей! За меня не волнуйся!

Джоги были уже всего лишь в нескольких ярдах от них. Видимо, считая ниже своего достоинства пользоваться на таком близком расстоянии огнестрельным оружием, они лишь нацеливали свои копья да вертели над головой мечами.

— Брось пулемёт! — орал Чакворд. — Спасайся сам!

Дилан отрицательно затряс головой и еще раз стукнул по болту. И — о, чудо — болт послушно скользнул на свое место. Но в тот же самый момент повозка, наскочив колесом на камень, так сильно подпрыгнула, что Дилан, не удержавшись, вылетел из нее.

Он упал в огромную лужу, полную ледяной грязи. Едва не захлебнувшись, чертыхаясь и отплевываясь, он с трудом выполз из нее и встал на ноги. Джоги испустили торжествующий вопль и, не успел он отойти и на пять футов, как они уже были рядом с ним. Ему удалось увернуться от жаждавшего его крови джога с огромным кривым клинком, но тут один из варваров корпусом своего коня сбил его с ног.

Падение оглушило Дилана. Джоги восторженно взревели и, попрыгав со своих коней, бросились к нему, отталкивая друг друга в борьбе за право убить его. Дилан сделал усилие, пытаясь подняться на ноги, но оказалось, что он просто не в состоянии этого сделать. Он без сил лежал на земле, и варвары столпились над ним, готовясь совершить убийство.

Его ждала смерть, и он знал это. Тогда почему же именно в этот момент он вдруг вспомнил о Кларинде Мак-Таг, этой огненно-рыжей, острой на язычок, да еще и не брезгующей выпивкой жрице богини Керидвен?

Ну, конечно, это произошло только оттого, что, внезапно возникнув рядом, она наклонилась над ним с выражением бесконечного сострадания в своих фиалковых глазах и протянула к нему руку.

— Клянусь юбками Керидвен, ну и в переделку же вы попали на этот раз! — заявила она и обернулась к джогам.

Дилан зажмурился, потом снова открыл глаза. Что за наваждение! Ну не могла Кларинда Мак-Таг здесь находиться. Ведь только что ее не было. Не было этой грудастой красавицы в чересчур облегающем платье с упертыми в бока руками и рыжими волосами, развевающимися, словно боевое знамя. Здесь был только джог с пылающими жаждой крови желтыми глазами и поднятым мечом, лезвие которого уже качнулось вниз, чтобы отрубить ему, Дилану, голову.

Мелькнув блестящей полоской в полуденном небе, меч устремился на Дилана, и он попробовал было откатиться или хотя бы поднять руку для защиты, но обнаружил, что неспособен даже на это. Сверкающее лезвие с возрастающей скоростью неотвратимо падало

на него и... было остановлено взметнувшейся вверх шваброй!

Это было просто невозможно! В конце концов, швабры не появляются неизвестно откуда, и потом, они уж наверняка, не способны отразить удар острого как бритва ятагана! Однако Дилан все еще лежал живой, а джог с выражением полнейшей растерянности и недоумения на лице уставился на обломок своего меча. И, что было еще более невероятным, Дилан снова видел смутные очертания женщины, державшей в одной руке швабру, а в другой — тяжелое ведро с водой.

— Кларинда Мак-Таг! Что, во имя Керидвен, вы здесь делаете?

— Здесь? Где это — здесь? — удивленно спросила она и, обернувшись, взглянула на обступивших его джогов. — Мама моя, Керидвен, это еще что за звери?

Один из стоявших поодаль всадников слез со своего коня и направился к Кларинде. Рыжая женщина взвизгнула и, взмахнув своим ведерком, раскроила ему череп. Остальные джоги не стали дожидаться своей участи. Словно псы с поджатыми хвостами, они бросились прочь, и Дилану было слышно, как они кричали что-то о Скатахе²⁵, страшном демоне войны, преследующем их.

Снова повернувшись к Дилану, Кларинда поглядела на него, как бы желая убедиться, что с ним все в порядке.

— Как вы все-таки очутились здесь, Кларинда? — спросил Дилан.

— А меня здесь и нет, — сказала жрица и исчезла.

С трудом поднявшись на ноги, Дилан огляделся вокруг. Почти все гнавшиеся за ним джоги разбежались, однако из-за расположенной неподалеку цепочки невысоких холмов появлялись все новые и новые орды. Гусары уже доскакали до моста, там же были и его друзья. Он бросился бежать к ним. Джоги все прибывали. Когда, несколько минут спустя, он, добежав до моста, оказался вместе со своими на другой стороне реки, то снова окинул взглядом равнину. Джогов можно было насчитать уже несколько тысяч, и среди них он различил штандарт из шкуры бизона, знамя каргалы, джогского генерала. Некоторые каргалы были лично знакомы Ди-

лану, и, разглядев всадников в серебряных кольчугах, составлявших охрану генерала, он смог с уверенностью определить, что это был Кингу, сын Кэра Кабаллы и один из его наиболее удачливых и жестоких военачальников. Это могло означать только одно: здесь был уже не очередной отряд налетчиков, а авангард полномасштабного наступления на Авалон. Сразу за рекой Имбро открывался свободный путь по открытой сельской местности вплоть до Артурова Барьера, который с его невысокими гребнями и несколькими фортами был единственной преградой, защищавшей подступы к Авалону.

— Мы должны разрушить мост, — обратился Дилан к капитану гусар. — Это даст время нашим войскам занять оборонительную позицию вдоль Артурова Барьера. Мы обязаны предоставить им эту возможность. Если моста не будет, джогам придется задержаться, пока их саперы не наведут понтонный мост.

— У этих дикарей есть саперы?

— Бэшемская Компания в течение десяти лет обучала их военному искусству. Во всяком случае, для этой кампании армия Кэра Кабаллы оснащена куда лучше, чем наша императорская армия.

— Надо же, — покрутил головой капитан. — А я-то всегда предполагал, что они пересекают реки с помощью магии. Я слышал, что маги Себулы очень могущественны.

— Может быть и так, — усмехнулся Дилан. — Однако хотелось бы мне взглянуть на мага, способного перебросить через реку целую армию, особенно через такую широкую, как эта.

— Понадобится время, чтобы соорудить разрушительный заряд, — озабоченно сказал капитан.

— К сожалению, времени у нас очень мало, — покачал головой Дилан, наблюдая за джогами по ту сторону реки. Наученные горьким опытом, они пока не предпринимали попытки немедленно штурмовать мост, зная, что их встретит огонь рэтлера. Они, правда, не знали, что у Чакворда почти кончились боеприпасы, поэтому по-прежнему проявляли осторожность. Однако пара сотен варваров, спешившихся, вышла вперед и, рассыпавшись редкой цепью, с карабинами наизготовку

приближалась к реке. Кроме того, прибыла батарея полевых орудий, и орудийные расчеты спешно готовили их к бою.

— Если мы не разрушим мост до того, как заговорят их пушки, нам конец, — сказал Ноэль.

— Пожалуй, я смогу вам помочь, — отозвался на его слова Чаквورد и, запустив руку в ящик под повозкой, вытащил оттуда несколько странного вида брусков, которые были тщательно завернуты в бумагу. — Вот эти вещицы сделают то, что вам нужно.

— А что это такое? — поинтересовался Дилан.

— Я прихватил небольшую партию из своего мира как побочный товар. Это очень сильное взрывчатое вещество, изобретенное человеком по имени Альфред Нобель. С ним, кстати, связана забавная история. Когда Нобель его изобрел, он решил, что динамит покончит с войнами, поскольку с его применением они станут слишком жестокими. Правда, мой друг, доктор Гатлинг, когда изобрел свой пулемет, тоже думал, что сделает войну более гуманной путем уменьшения числа убитых и раненых, поскольку один человек с его пулеметом мог заменить в сражении многих людей.

— Ну, что ж, — слегка усмехнувшись, Дилан философски заметил: — Оба джентльмена, конечно, ошибались. Однако, может быть, именно их ошибкам Авалон будет обязан своим существованием. Но давайте-ка приступим к делу и взорвем мост!

IX

Через четыре дня после того, как они покинули северо-западную границу империи, Дилан и его друзья добрались наконец до Авалона. На своем пути им довелось пересечь знаменитые авалонские долины, покрытые тысячами яблоневых садов, которые когда-то, в далеком туманном прошлом, и дали городу его настоящее имя, ибо слово «Авалон» означало в буквальном смысле «Яблочное место»²⁶.

Они проехали через Большие Северные ворота, бывшие когда-то частью окружавшей город стены. Правда, по мере расширения города в сторону долин, стена постепенно разрушалась, и теперь ворота одиноко возвышались грустным памятником прошлому.

Сам город находился в состоянии крайнего возбуждения. Комплектовалась армия, собиралось под ружье ополчение. Беженцы с севера тысячами вливались в город, а другие тысячи покидали его с каждым рейсом парома, отходившего от Серебристого берега. Часть лю-

дей спасалась бегством по Эмионской дороге, а все три столичных железнодорожных вокзала постоянно были запружены толпой желавших уехать граждан империи.

Полковник О'Хара, Дилан и Ноэль без промедления отправились в военное министерство, где полковник сделал доклад о катастрофе в Северных Землях. Наиболее выразительным был его хвалебный отзыв об оружии под названием «рэтлер» и о том уроне, который оно нанесло джогам. О'Хара оказался достаточно влиятельным лицом, чтобы убедить нескольких генералов и заместителя государственного секретаря в ценности пулемета. Они не только выслушали его, но и начали действовать. Угроза нападения джогов наконец-то всколыхнула это бюрократическое болото, и те люди, которые в мирное время годами дремали в своих креслах, вдруг обнаружили, что они не только принимают решения, но даже выполняют их.

— Мы закажем сотню таких орудий, — решил министр. — Однако, боюсь, война закончится раньше, чем они будут готовы и мы сможем пустить их в дело.

— Что вы имеете в виду под словом «закончится»? — насторожился Дилан.

— Именно то, что сказал. Принц-регент лично поведет стотысячную армию, чтобы разгромить Кэра Кабаллу. Пулеметы просто невозможно изготовить к началу его похода.

— Позвольте, — возразил полковник О'Хара, — я полагаю, принц-регент не собирается выходить за форты Артурова Барьера, пока не прибудут с юга все войска. Ведь уже по крайней мере полтораста тысяч джогской кавалерии пересекли Бэшемский пролив Ледового моря, и новые тысячи прибывают через него ежедневно.

— Нам это хорошо известно, — заявил министр. — Только сегодня утром мы получили донесение с Бэшемского побережья от адмирала Маркхэма. Вот почему профессор Смоттл посоветовал принцу-регенту не терять времени и выступить как можно скорее. Он, как вы знаете, известный эксперт по Бэшему и убежден, что вторжение можно остановить, только разгромив джогов, уже находящихся на территории империи.

— Но ведь профессор Смоттл, — вырвалось у Дилана, но он тут же осекся под ледяным взором министра.

— Профессор Смоттл в настоящее время является главным советником принца-регента, — не терпящим возражений тоном отрезал тот, — и вместе с армией отправляется на север.

«Тогда помоги, Керидвен, принцу-регенту и всему Авалону», — подавив вздох, подумал Дилан.

Покинув военное министерство, Ноэль, Дилан и Чакворт собрались на совет. Первой частью своей беседы с министром они остались довольны: теперь рэтлеры будут изготавливаться в большом количестве, и люди будут обучаться пользоваться ими. Зато другая полученная ими информация предвещала настоящую беду. Одно дело, если бы императорская армия окопалась вдоль Артурова Барьера и на фортах были бы установлены пулеметы: в такой позиции можно было и без подкреплений удерживать силы джогов, даже втрое превосходящие их по численности. Переход же армии на открытое луга и равнины стал бы попросту величайшей глупостью. Войско Кэра Кабаллы состояло почти исключительно из кавалерии, и для нее не было местности лучше, чем та, на которой принц-регент со своей армией — большую часть ее составляла пехота — собирался бросить вызов джогам.

— Мы должны предупредить принца Грегори, — решительно высказался Ноэль. — Ведь это же грубейшая тактическая ошибка. Просто не представляю, о чем он думает.

— Сомневаюсь, что он вообще думает, — проворчал Дилан. — Полагаю, он лишь слушает профессора Смоттла да следует его советам.

— В таком случае Смоттл дурак.

— Он гораздо хуже, чем дурак, — мрачно сказал Дилан. — Он служащий Бэшемской Компании и, насколько мне известно, личный агент Кэра Кабаллы.

— Тогда тем более необходимо предупредить принца-регента, — настаивал Ноэль. — Мы все отправимся во дворец и потребуем немедленной аудиенции.

— Нет уж, — покачал головой Дилан, — отправляйтесь-ка вы лучше без меня. Вы же понимаете, после того, что случилось у барона Леофрика, любое мое предложение будет предано анафеме. Да одно мое появление у принца в приемной сорвет весь ваш замысел. Ну и

к тому же время отправления не за горами, а сделать нужно еще немало. Так что лучше давайте-ка разделим наши силы.

— Каким образом?

— Значит, так. Вы с полковником О'Хара отправляетесь во дворец, а затем вы едете на аэродром проследить, чтобы наши рэтлеры были надлежащим образом установлены на борту «Возмездия». Чаквورد идет к оружейникам потропить с изготовлением остальных пулеметов; кроме того, ему также нужно найти кого-нибудь, кто бы приготовил побольше динамиту. Я же возьму на себя то, что могу выполнить только я сам.

— Интересно, что же это? — с некоторой долей ехидства полюбопытствовал Ноэль.

— Неважно, — ушел от ответа Дилан. — Однако, прежде чем мы разойдемся, скажите мне вот что: сможет ли «Возмездие» долететь до Бэшема, в частности до Себулы?

Быстро подсчитав что-то в уме, Ноэль кивнул:

— Уверен, что сможет. Но для чего?

— Видите ли, жрица предсказала мне, что для того, чтобы остановить джогов, я должен отправиться в Бэшем. Поскольку на пути у меня будет вся армия Кэра Кабаллы, то я не вижу иного способа добраться туда, кроме как на воздушном корабле.

— Жрица сказала, что вы должны отправиться в Бэшем? — удивился Ноэль. — Что за чушь! Надеюсь, вы ей не поверили?

— Ну, до некоторой степени, — признал Дилан. — Потому что она к тому же напророчила, что я там погибну.

— Да не верьте вы всему этому вздору. И никуда не ходите.

— Знаете, после того, что произошло у моста через реку Имбро, я просто не могу в это не поверить, — серьезно сказал Дилан. — Эта женщина гораздо могущественнее, чем я мог даже вообразить.

— Ну, а для меня все это как-то неестественно и даже фантастично, — пожал плечами Ноэль. — Ладно, я сделаю, как вы предлагаете, и отправлюсь к принцурегенту, хотя, правду сказать, меня прежде всего занимает подготовка к войне моего корабля. Я намереваюсь

уничтожать джогов с помощью рэтлеров и этого чак-вордовского динамика.

— Ладно, разбежались, — махнул рукой Дилан. У него в голове давно уже шевелилась одна безумная идея, которая требовала для своего претворения в жизнь большого количества динамика, идея, при одной лишь мысли о которой у Дилана начинало сосать под ложечкой от дурных предчувствий. «Я схожу повидаться с некоей жрицей богини Керидвен и задам ей пару вопросов», — решил он.

Часом позже Дилан снова заглядывал в дверь храма Керидвен в Троттауне. На этот раз, однако, храм не был пустым. Небольшая группа женщин и девочек стояла на коленях возле алтаря, а перед ними на помосте возвышалась Кларинда Мак-Таг. Но это была совершенно другая Кларинда Мак-Таг. Вместо дешевенького ситцевого платьица, в котором Дилан видел ее дома, жрица была облачена в мантию из прозрачного шелка, в которой ее роскошное тело демонстрировалось во всей красе.

Дилан очарованно смотрел на эту необыкновенно красивую женщину, глядящую с помоста на горстку молящихся у ее ног. Мантия тую обтягивала ее выпуклые груди, а округлые бедра вырисовывались под прозрачным одеянием до того соблазнительно, что Дилану пришлось внимательно следить за своим дыханием.

— Она выглядит, как сама Керидвен, — пробормотал он.

Тем временем она медленно сошла с помоста, и ему было хорошо видно плавное движение прекрасных длинных ног и легкое колыхание ягодиц. Ее длинные, спадающие почти до бедер, рыжие волосы волнами струились вокруг нее, слабо мерцая в свете факелов. Она двинулась к каменному алтарю, на котором стояла статуя Керидвен, и, наклонившись над ним, взяла в руки неглубокую чашу, почти такую же, как она показывала Дилану в своей квартире. Сначала она подняла чашу над головой, как бы предлагая ее Керидвен, затем, опустив, поставила на алтарь и начала пристально вгля-

дываться в нее, словно в трансе. Видимо, это был Котел Керидвен.

Дилан видел, как каждая из женщин и девочек поочередно поднималась с колен и, подойдя к алтарю, также начинала пристально вглядываться в Котел. Постояв так с минуту, она отворачивалась и спешила выйти из храма. Большинство девочек, проходя мимо Дилана, улыбались, но одна вдруг горько заплакала. Его очень заинтересовало, что же такое, вызвавшее слезы, она увидела или вообразила, что увидела в Котле Керидвен.

Прихожанки вскоре разошлись, но Кларинда осталась стоять перед алтарем, напряженно смотря в чашу. Словно зачарованный, Дилан молча наблюдал за ней. Так прошло несколько минут. Вдруг женщина, не меняя позы и не поднимая глаз, произнесла:

— Входите, Дилан Мак-Брайд. Войдите в храм Керидвен.

Дилан вздрогнул от неожиданности. Он был убежден, что там, где он стоял, да еще в сумерках, он был совершенно незаметен. Она не могла его увидеть.

— Смелее, Дилан Мак-Брайд, — снова заговорила она. Ее голос звучал сейчас гораздо чище, чем раньше, акцент почти исчез. — Вы хотите о чем-то спросить жрицу Керидвен?

Взволнованно Дилан приблизился к алтарю.

— Да, у меня есть несколько вопросов, — скованно сказал он.

Подняв наконец голову, Кларинда взглянула на него, и он заметил разительную перемену в ее фиалковых глазах: вместо обычной рассудительности в них играла какая-то буйная радость.

— Ну, что ж, — критически оглядев его, сказала она, — после столь утомительной поездки вид у вас вполне приличный.

— А откуда вам известно, что я был в поездке? — спокойно спросил Дилан.

Кларинда возвела глаза к небу.

— А правда, откуда я об этом знаю? — задала она себе вопрос. И сама же ответила: — Вероятно, Керидвен шепнула мне на ушко, когда была в настроении.

— Помнится, вы говорили, что Керидвен умерла, — напомнил ей Дилан, придвигаясь поближе.

На губах Кларинды появилась проклизливая улыбка.

— Да неужто я могла сказать что-либо подобное? — тон у нее был явно игривый. — Правда, я недавно снова этим интересовалась. Возможно, известия о смерти богини были чуточку преувеличены. Так что давайте не будем устраивать поминки, пока у нас нет достаточных доказательств. Особенно после того, как вы, войдя в храм, решили, что я-то и есть сама богиня.

— Ну, а как вы узнали, о чем я думаю? — Дилан уже не удивлялся, он просто спрашивал.

— Ммм... может быть, я просто предположила, — слегка сконфуженно промямлила Кларинда. — В конце концов, многие говорят, что я выгляжу как богиня, — с вызовом добавила она.

— Выглядите вы и в самом деле как богиня, тут уж ничего не скажешь, — признал Дилан. — А вот врете вы, как карточный шулер. Ну, сознайтесь, вы просто прочитали мои мысли, разве не так?

— Да что вы такое говорите? — вскинулась Кларинда. — Каким же образом могу я читать людские мысли?

— Не знаю, — безнадежно развел руками Дилан. — Может быть, таким же способом, каким вы перенеслись на берег реки Имбро, чтобы спасти меня от джогов.

На лице Кларинды появилось выражение неподдельного изумления; ее фиалковые глаза широко распахнулись, а яркие сочные губы приоткрылись, сложившись буквой «О».

— Что за странные вещи вы говорите? — спросила она. — Кто подал вам эту нелепую мысль?

— Я видел вас собственными глазами. Черт побери, женщина, — разъярился Дилан, — я видел, как ты стояла между мной и джогами!

— Помилуйте! Да вы не заставите меня подойти ни к одному из этих ужасных людоедов ближе, чем на сотню миль, даже если вы будете тащить меня упряжкой мулов!

— Вы прибыли не на упряжке мулов, — устало возразил Дилан. — Вы перенеслись с помощью колдовства.

— Колдовства... я? Да никогда в жизни! Если вам нужен гороскоп или любовный наговор, чтобы затащить девочку в постель, тут я могла бы помочь. Но лететь по воздуху, чтобы бросить вызов джогам... бrr! Я цепенею при одной только мысли об этом.

— Кларинда Мак-Таг, ты лжешь, — жестко сказал Дилан.

— Ну, посмотрите на меня. Видите, я только подумала об этом, а меня уже всю трясет, — жалобно промолвила она, вытягивая вперед свои дрожащие руки.

Он непроизвольно поднял руки и взял ее ладони в свои. На самом-то деле они вовсе не дрожали. Теплые и сильные, они доверчиво лежали в его ладонях. Он укоряюще посмотрел на нее. Загадочно улыбнувшись, она привлекла его к себе.

— Чего ты хочешь от меня? — прямо спросил он.

— Поцелуй Керидвен, — ответила она. — Когда кто-то на алтаре берет за руки ее жрицу, обряд требует поцелуя. Не бойся. Это добрый знак.

Пьянящий аромат ее плоти щекотал ему ноздри, его взгляд тонул в бездонных фиалковых озерах ее глаз, красота тела волновала воображение — и Дилан потерял голову.

— Ты должен поцеловать меня, Дилан Мак-Брайд... ради Керидвен.

Губы их встретились, и он прильнул к сладостно полуоткрытыму чувственному рту, ощущая ее горячее и свежее дыхание. Он чувствовал, как тела их словно слились воедино, и ее груди и бедра все теснее прижимались к нему. Он слышал, как учащенно бьются их сердца, кровь застучала у него в голове. Он ничего не понимал. Ведь эта женщина ничем не была для него, не могла быть. Распутная представительница древнего культа плодородия, и только; у нее же было полдюжины рыжеволосых детишек и не было мужа. Благодарение богам, у нее не было мужа!

Аромат ее тела и терпкий запах храмовых свечей довели Дилана до исступления. Ему хотелось сорвать с нее платье и припасть губами к ее соскам, ему хотелось...

А она и сама уже тащила его к висевшим за алтарем портьерам.

— Ради Керидвен, Дилан, — жарко шептала она ему прямо в ухо. — Ради Керидвен и нас самих...

Позже они уже сидели на краю алтаря, и Кларинда налила ему стакан священного вина из бутылки, стоявшей у ног статуи Керидвен, объяснив, что богиня изъявила желание поделиться с ними вином, так как они поделились с ней своей любовью. Дилан в подробностях поведал ей, что с ним случилось возле моста.

— Знаешь, Мак-Брайд, все это звучит очень неправдоподобно, — сказала она, когда он закончил свой рассказ.

— Я твердо знаю, что видел тебя, — упорствовал Дилан. — Ну, хорошо, если тебя там не было, как ты объяснишь, что же я видел, в таком случае?

— Просто оптическую иллюзию, вызванную состоянием стресса. Твое трусивое хныканье по поводу предстоящей смерти подтолкнуло твое сознание к созданию образа прекрасного ангела, охраняющего тебя, или, точнее, прекрасной жрицы, очень на меня похожей.

— Тогда как ты объяснишь видение джога, которому ведерком с водой раскроили голову? И почему бросились бежать остальные, крича что-то о преследующем их Скатахе, демоне войны?

— Они были потрясены твоим несравненным мужеством, — быстро ответила она, и, словно от внутреннего смеха, на щеке ее заиграла ямочка.

— Ты только не учла того обстоятельства, что я без сил лежал на земле, — грустно усмехнулся Дилан, осторожно дотрагиваясь кончиком пальца до этой соблазнительной ямочки. — Ты меня обманываешь, Кларинда Мак-Таг, — вздохнул он. — Ты там была.

— Ну, ладно, я там была... была, прах тебя забери!

— Но как?

— А в самом деле, как? Даже и не представляю. Я была у себя на кухне, занималась домашними делами, подметала пол, и вдруг — на тебе — стою на дороге вместе с этими жуткими, громко вопящими и жаждущими твоей крови дикарями.

— Каким же образом? — настаивал он.

— Я услышала твой зов, — объяснила она. — Так что это ты все устроил. Ты и есть настоящий колдун.

— Ты же сама прекрасно знаешь, что это неправда, — укоризненно сказал он, нежно проводя пальцем над ее полной верхней губой и все еще словно ощущая во рту восхитительную сладость и мягкую податливость этих чувственных губ. — Ты просто громоздишь нелепицу на нелепицу.

— Ну, а ты-то, — огрызнулась она. — Выдергиваешь леди из ее кухни, отрываешь ее от дел, да еще и подвергаешь ее смертельной опасности, а может быть, и бесчестью, попадись она в лапы этим кривоногим варварам.

— И все-таки как ты там оказалась? — стоял на своем Дилан. — Тебе помогала в этом Керидвен?

— Я же говорила тебе, Керидвен удалилась или, возможно, умерла. И потом, с какой стати станет она делать что-нибудь для тебя?

— В таком случае, почему же ты для меня что-то делаешь?

Кларинда густо залилась краской.

— Я думала, — сказала она, опустив глаза, — ты должен был понять, почему... я доказала тебе... там, за портьерами...

— Так вот оно что, — протянул Дилан. — Значит, тут чисто личное? А я-то думал, что ты это делаешь только из религиозных соображений.

— Ах ты!.. — ладонь Кларинды описала стремительную дугу, целясь ему в затылок, и полностью избежать удара ему не удалось.

— Ну, ладно, ладно... давай вернемся к нашим баранам. Ты побывала у реки Имбро, а сегодня ты узнала, что я, стоя в темноте, наблюдаю за тобой. Как?

— Это было очень легко. Я почувствовала твои глаза. Словно меня ощупывали маленькие липкие пальцы.

— Опять обманываешь. Ты перенеслась к реке, ты увидела меня в темноте, и ты читашь мои мысли. Как?

— Я не знаю, как это у меня получается, — пожала плечами Кларинда. — Понимаешь, я ведь принадлежу к общине сестер-прорицательниц, их называют гвилианами. Кроме того, мои родители, будучи один — призовым боксером, а другая — рыбной торговкой, оба были профессиональными магами, и притом весьма могущественными. Я могу многое делать... временами.

— Так, значит, это ты мне напророчила смерть, там, в Котле Керидвен?

Вздрогнув, она порывисто схватила его за руки и быстро прижалась к нему.

— Нет, нет, — замотала она головой, — это в самом Котле.

— То есть предупреждение от Керидвен?

— С чего это ей вздумается тебя предупреждать?

— Не знаю. Может быть, это она тебя предупреждала. У вас ведь с ней как будто прекрасные отношения, или не так?

— Трудно сказать. Как-то не думала об этом. Я же никогда с этой леди не встречалась. Люди говорили мне о ней, как об источнике жизни, называли ее Неуязвимой... ее и еще целую плеяду древних богов. Они запустили время, то есть создали здесь жизнь, да и ушли куда-то по своим делам, а нас оставили устраивать судьбу и решать свои проблемы собственными силами.

— Тогда почему ты служишь в этом храме?

Покачав головой, Кларинда невесело усмехнулась.

— Это просто жизнь, мой милый. Нужно же девушке как-то пристроиться в нашем холодном неприветливом мире.

Дилан схватил ее за плечи и начал осторожно встряхивать, так что ее рыжие волосы разметались, а маленькие золотые сережки начали позякивать.

— Нет, положительно, ты самое невозможное, — приговаривал он, встряхивая ее, — самое невероятное создание, какое я когда-либо встречал.

— Эй, эй, мой мальчик, поосторожнее! Не забывай, что я все-таки языческая жрица. Мне ведь стоит только щелкнуть пальцами да повращать глазами, и я мигом превращу тебя в лягушку, а то сотворю с тобой еще что-нибудь!

— И что же еще ты можешь со мной сделать? — со смехом спрашивал он, продолжая ее встряхивать. — Ну, говори же, что?

— Вот, — сказала Кларинда, крепко обнимая его и долгим поцелуем приникая к губам. — Вот что мне хотелось с тобой сделать с того самого дня, как мне показалось, что ты можешь погибнуть. Мне так сильно хотелось этого, что я даже перенеслась по воздуху,

чтобы помочь тебе в минуту опасности. Ну, теперь ты наконец понял?

— В общем-то, нет, но, думаю, лучше ты объяснить и не можешь, — сказал Дилан, отдохнувшись. — Это и представить себе почти невозможно, а уж объяснить... Ладно, Бог с ним, оставим это. У меня тут есть еще кое-что, о чем я хотел бы тебя спросить.

— Черт тебя побери, ты и так выкачал из меня кучу информации.

— И ничего ценного в ней не обнаружил, — сухо ответил Дилан. — Но сейчас у меня легкий вопрос. Видишь ли, есть одна молодая леди, которой я очень интересуюсь...

— Знаю, знаю! Это та пигалица, леди Элис, в кричащем турнуре на своих тощих косточках, который так соблазнительно шуршит и развеивается, когда она кружится в танце.

— Ах, да! Ты же проникла в мое сознание еще раньше, когда я был возле Эбейдоса, — вспомнил Дилан. — Так ведь?

— Да не проникала я в твое сознание! Твои похотливые мысли об этой недозрелой девке прямо прут из тебя, так что могу тебе сказать...

— Она не девка, — суроно оборвал ее Дилан. — Она леди. Чего я не могу сказать о некоей жрице.

— Ах так, значит, я не леди! Моя мамочка всегда предупреждала меня, — заплакала Кларинда. Чеснок крупная и сильная для того, чтобы создать впечатление обиженней девочки, она, тем не менее, делала это так искренне, что Дилан почувствовал угрызения совести. — Мамочка говорила мне: как только ты позволишь мужчине тобой попользоваться, можешь не сомневаться, уже через пять минут он потеряет к тебе всякое уважение.

— Прости, Кларинда, я не хотел тебя обидеть. Но ведь я не «попользовался тобой» на самом-то деле, как ты говоришь.

— В таком случае, как же ты это называешь? — не отнимая рук от лица, тихо спросила она.

— Ну... в общем... я называю это... да, но ведь ты же начала первая! Ты же как раз жрица культа плодовитости, то есть плодородия.

— А... теперь ты еще и насмехаешься над моей религией! — громко всхлипывала она. — Сама виновата. Уж должна была бы знать, как доверяться сассен-наху²⁷.

— Стоп, стоп, минутку! Я же не англичанин... не саксонец, Я такой же кельт, как и ты. Взгляни на мой килт!

— И ты, конечно, воображаешь, что это очень прлично — когда взрослый мужчина разгуливает с голыми ногами. Да раньше, в Трелони²⁸, друиды выгнали бы тебя вон.

Дилан сообразил, что она болтает этот насмешливый вздор лишь для того, чтобы избежать дальнейших вопросов.

— Есть еще одно, о чем я хотел тебя спросить: твои дети.

— Ах, мои милые малютки, — сквозь предполагаемые слезы улыбнулась Кларинда. — Для меня такая радость в жизни все их визги и вопли, и выдиранье друг у друга волос, и залепливание друг другу глаз, и даже попытки ошпарить малышку, чтобы услышать ее рев.

Кларинда Мак-Таг могла быть, при желании, весьма красноречивой. Она умела напустить такого словесного туману, что суть дела тонула в нем, и становилось уже почти невозможно разобраться, что к чему. Вполне вероятно, что она была способна продолжать в таком же духе хоть всю ночь, однако Дилан таким временем не располагал. Поэтому он прервал ее.

— Ладно, Кларинда, у тебя шестеро детей. Ну, а муж твой где?

— А у меня никогда не было мужа, — спокойно ответила она, деловито заплетая свои волосы в длинную косу. — Я все собиралась обзавестись им, да вот так и не собралась.

— В таком случае, кто же папочка всех этих ребятишек?

Склонив голову набок, Кларинда сделала вид, будто подсчитывает что-то на пальцах.

— Так... дай-ка сообразить... ага! Должна сказать, что у них у всех разные отцы.

Дилан в шоке отвернулся. Он, конечно, знал, что она жрица культа плодовитости, то есть плодородия, но чтоб такое...

Он решил переменить тему.

— Знаешь, вообще-то я пришел сюда в надежде, что ты мне можешь рассказать о чем-то таком, что помогло бы нам в борьбе против джогов.

— Что ты, что ты! Джогов я просто боюсь. Они противные, как мыши. Когда однажды я увидела мышь, я завизжала и вскочила на стол. Хорошо, что подошел какой-то благородный джентльмен и выручил меня.

— Слушай, когда ты наконец прекратишь эту идиотскую болтовню! — рассвирепел Дилан. — Здесь решается вопрос жизни и смерти. Принц-регент собирается выступить против джогов. Он делает это по совету профессора Смоттла, который, я просто уверен, является агентом Кэра Кабаллы. Я очень боюсь, что он приведет армию прямо в западню.

Поднявшись на ноги, Кларинда вновь посмотрела в Котел. В исходившем от него неярком свете ее лицо сияло такой неземной красотой, что захватывало дух. Невозможно было поверить, что она была именно такой распутной женщиной, как она сама о себе рассказала.

— Принц-регент действительно готовится выступить, — заговорила она. Голос у нее был низкий и какой-то потусторонний, далекий. Акцент отсутствовал, но казалось, что в ее глазах играет какой-то неясный смешок. — Улицы верхнего города забиты войсками. Привлекаются все имеющиеся в наличии поезда и весь речной транспорт, чтобы доставить войска на север, к Килливику.

— К Килливику?! Боже, какой идиот! Это же за Артуровым Барьером. Да он не успеет войска развернуть, как джоги обрушатся на него. Не-ет, тут наверняка приложил руку этот предатель Смоттл.

— Смоттл не предатель! — Она произнесла это так многозначительно, что он невольно шагнул к ней поближе.

— Как ты можешь говорить такое? Ведь он же ведет принца на гибель!

— Смоттл не предатель, потому что он не человек. — Она вся дрожала. — Я чувствую в нем холод...

липкий холод Сайтрола. Ты, наверное, слышал разговоры о том, что весь Бэшем — это Сайтрол, а джоги — лишь паразиты на его теле? Так вот Смоттл и есть один из этих паразитов. Он — земное воплощение Сайтрола, его аватара²⁹.

— Тогда уже и сомневаться нечего: идущая на север армия в смертельной опасности.

— Армия обречена. Обречена! Люди еще идут, но они уже мертвецы. Я вижу катастрофу... страшную бойню... я вижу, как голова принца, словно футбольный мяч, катится по улицам Авалона...

— Я обязан предупредить их! — вскричал Дилан.

— Ты, конечно, можешь предупредить их, но это бесполезно, — отвечала она. — Джоги все равно придут в Авалон, а ты... ты должен отправиться в Бэшем.

— И что там произойдет?

— Я не знаю! — Почти рыдая, она отчаянно тряслася головой. — Не знаю! Мне дальше ничего не видно.

— Ладно, мне пора идти, — сказал он, делая шаг к двери. — Я должен предупредить принца Грегори.

— Подожди, не уходи еще, Дилан, — серьезным голосом попросила она. — Я хочу рассказать тебе о детях.

— Зачем? Я же тебя о них не спрашиваю. В конце концов, это не мое дело. Сейчас меня ждет работа, я должен идти.

— Ну, пожалуйста, позволь мне рассказать тебе, — умоляюще говорила она, кладя ладонь на плечо и пытаясь удержать его.

— Извини, но я должен идти. Если вместо того, чтобы попытаться предупредить этих людей, я буду тратить здесь время на разговоры, я стану таким же преступником, как Смоттл.

— Значит, ты не желаешь услышать правду о детях, — укоризненно сказала она.

— Во всяком случае, не сейчас, — осторожно сняв с плеча ее руку, он направился к двери. — У меня нет времени.

— Ну, конечно же, у тебя его нет, ты, паршивый голоногий варвар! — завизжала она, мгновенно превращаясь из величественной жрицы в дочь рыбной торговки. — Конечно, у тебя нет времени для моих деток! Они же для тебя все бастарды и дети бастарда! А для

твоей ханжеской вейнландской душонки это уж чересчур! Ну, так и вали отсюда, проваливай, я тебе говорю!

Ни на секунду не умолкая, она ругала его на всех знакомых ему языках и даже на одном незнакомом. Она была просто великолепна в своем гневе, и как ни хотелось ему еще немного полюбоваться этим прекрасным зреющим, Дилан все же шагнул к двери: пора было уходить.

— Чтоб твоя вшивая душонка попала в зубы дьяволу! Чтоб Сайтрол сжевал твои кишки и харкнул ими тебе в рожу! — вопила Кларинда, и, едва он успел захлопнуть за собой дверь, в нее ударился тяжелый кубок с вином, пущенный ему вслед.

X

Первые известия о битве при Килливике начали поступать в Авалон спустя две недели после визита Ди-лана в Трогтаун. Все это время он и его друзья тщетно пытались предотвратить отправку армии на север. Когда эта попытка им не удалась, они сосредоточили все свое внимание на изготовлении рэтлеров и приобрели большую партию динамита. С разрешения адмирала, командующего эскадрой воздушных кораблей, Ноэль вооружил «Возмездие» тремя рэтлерами. Два были установлены на носу и корме гондолы, висящей под аэростатом, а третий разместили в середине, где его легко можно было перемещать с левого борта на правый и обратно. Кроме того, в днище кабины был устроен люк, чтобы кидать на головы врагов динамит. Одним словом, «Возмездие» теперь оказалась одной из самых грозных боевых машин на всем Анноне. Ноэль горел желанием проверить на джогах ее боевые качества. Однако после нескольких дней всяческих оттяжек и проволочек он

получил приказ отправиться не к месту боевых действий, а в разведку на восточное побережье Авалона. Оказывается, некий капитан интендантских войск сообщил о появлении в Лирийском море подозрительных кораблей, и в Адмиралтействе посчитали, что джоги могли предпринять попытку флангового обхода. Ноэль прямо зубами скрипел от бешенства, но подчинился.

Затем, когда пришли первые сообщения из Килливики, стало совершенно ясно, что джоги и не помышляли ни о каких обходах. Им это попросту было не нужно. Они шли прямо напролом. Первым сигналом о случившейся катастрофе послужила прерванная телеграфная связь между Килливики и Авалоном. За этим последовало какое-то туманное донесение из Эгнала, городка, расположенного на Серебристом берегу неподалеку от Килливики. В нем сообщалось о битве, в которой самое деятельное участие приняла армия принца-регента, и содержался смутный намек на катастрофический исход этого сражения для армии, то есть, попросту говоря, на полный ее разгром. Увы, намек этот вскоре превратился в трагическую реальность, ибо подтверждение не замедлило себя ждать, и получено оно было самым непосредственным образом, прямо от противника. Случилось так, что отряд Ренабуэйской добровольческой кавалерии, патрулировавший участок большого магистрального шоссе всего лишь милях в двадцати к северу от предместий Авалона, внезапно обнаружил прямо перед собой равный по численности отряд конных джогов. Надо сказать, что Ренабуэйская кавалерия состояла сплошь из джентльменов-добровольцев, членов одноименного охотниччьего клуба. Восседавшие на чистокровных скакунах, они были просто не способны к ведению боевых действий. Они как-то ухитрились оторваться от противника и с этой ужасной вестью примчались в Авалон. Ну, а вскоре новости из Килливики хлынули потоком вместе с толпами беженцев и уцелевших после разгрома солдат.

Новости были просто ужасающими, но еще страшнее были слухи, распространяющиеся, как обычно, с самой невероятной скоростью, причем ни проверить, ни опровергнуть их теперь уже было невозможно. Например, говорилось о том, что печальную участь принца Грегори,

павшего на поле боя во время разгрома его армии, разделил также и генерал сэр Хью ап Александр вместе с Килливикским гарнизоном при попытке прийти принцу-регенту на помощь. Потом пронесся слух, что между Авалоном и джогами войск уже практически не осталось, Артуров Барьер перейден захватчиками, и единственный выход в этой ситуации — спасаться бегством. От полного неверия в джогов город кинулся в другую крайность: теперь готовы были поверить любым слухам о них, вплоть до того, что их уже видели южнее города, и что дорога на Эмион ими перерезана.

Некоторое успокоение наступило, когда в город прибыл генерал Ангус Хорвитц с войском в несколько тысяч человек, собранным из остатков пограничных отрядов и разбитой армии принца Грегори. Сенатский комитет, ведавший военными делами во время отсутствия принца-регента, тут же предложил этому опытному военачальнику принять на себя верховное командование. У старика оказалась уйма энергии. Он стянул в город все части ополчения и набрал в близлежащих провинциях отряды добровольческой кавалерии. Призвав под ружье всех дееспособных мужчин города, генерал организовал бригады рабочих, чтобы они попытались восстановить те участки древней стены, которые были не слишком разрушены. На тех же участках, где стена полностью обвалилась, рылись окопы и возводились насыпи. Все ведущие к центру столицы улицы предместий перегораживались баррикадами и колючей проволокой. Словом, древний, всегда уязвимый и неприспособленный к обороне город Авалон готовился защищать себя от паразитов Сайтрола всеми возможными средствами.

— Если кто и способен спасти город, так это генерал Хорвитц, — заявил Дилану Син О'Хара, когда они вместе с леди Элис и полковником О'Хара взбрались на насыпь, возведенную для защиты довольно протяженного, почти в милю длиной, разрыва в северо-западной части стены.

— Генерал Хорвитц, а также рэтлеры Дилана и майора Чакворда спасут империю, — поддержала его леди Элис.

Дилан улыбнулся ей и посмотрел на рабочих, которые деловито натягивали колючую проволоку вдоль на-

ружного края насыпи. Другие рыли стрелковые окопы, обкладывая их затем мешками с песком. Со времени битвы при Килливике прошло уже две недели. Орда Кэра Кабаллы давно могла стоять перед городом; по крайней мере, не менее, чем неделю назад. Отчего же они выжидают и дают Авалону время подготовиться к обороне? Об этом Дилан мог, конечно, спросить Кларинду Мак-Таг, если бы только ему удалось преодолеть свое нежелание посетить ее еще раз.

Было так приятно и покойно идти рядом с Элис, даже зная, что она предназначена Сину, что она и не подозревает о его любви к ней. Влюблённость в нее — это было что-то прочное, надежное, и он цеплялся за это чувство, чтобы преодолеть то смятение, которое произвела в нем Кларинда. Истинная причина его нежелания видеть Кларинду заключалась в том, что он боялся поддаться ее чарам. Дилан слишком гордился своим здравомыслием, чтобы позволить себе плясать под дудку женщины, которая дразнила его воображение, смущала и ослепляла его своим блеском. Но иногда ему невольно вспоминалось ее жаркое тело в его объятиях, аромат ее волос и... Нет, он должен отбросить все мысли о подобных вещах!

Однако почему все-таки джоги до сих пор не нападают? Почему их патрули не подходят к городу ближе, чем на двадцать миль? Когда Дилан спросил об этом у своих друзей, то обнаружил, что и Син, и его отец тоже не могли ответить на эти вопросы. К великому его удивлению оказалось, что причина этого известна... Элис.

— Я просто поражена, — сказала она, — что ваши военные гении не знают, в чем тут дело. Да об этом же постоянно болтают во всех салонах города.

— Ну и что же там болтают? — снисходительно хмыкнул он.

— Кэр Кабалла ждет, когда город сдастся, — пояснила девушка.

— Сдастся?! Чего ради Авалон сдастся без борьбы?

— Все говорят, что если город будет сопротивляться, то потом, когда он падет, будет страшная бойня. Однако если более мудрые головы возьмут верх над этим старым

медведем Хорвитцем и договорятся с Кэром Кабаллой, то возможна мирная оккупация.

— Ага, — со зловещей усмешкой кивнул Дилан, — за которой тут же последует резня всего населения, чтобы отдать его на съедение джогам.

— О нет, — возразила Элис. — Все говорят, что Кэр Кабалла склонен проявить милосердие, и если город капитулирует, то привилегированному обществу будет позволено уехать на свои загородные виллы.

— О боже! — схватился за голову полковник О'Хара. — Я и подумать не мог, что люди способны болтать такое. Что же их может убедить, что это война на истребление и тут уж либо мы, либо они?

— Но ведь все говорят...

— Кстати, кто эти «все», на которых вы ссылаетесь? — спросил вдруг Дилан.

— Ну, как вам сказать... — замялась Элис, — в общем, все. Я тут была недавно на одном музыкальном суаре³⁰ в доме у леди Присциллы Гуолчмей. Там были несколько директоров Бэшемской Компании, и все они в один голос утверждали, что капитуляция была бы наилучшим выходом из положения и что думать о битве после всех наших потерь может только такой кровожадный безумец, как Ангус Хорвитц.

— Ах, так это директора Бэшемской Компании, — понимающие протянул Дилан. — Ну, тогда и удивляться нечему. Это мне, кстати, очень напомнило об одном человеке, который тоже распространял подобные слухи, причем с вполне определенной целью. — Он немного помолчал. — А еще от кого вы это слышали?

— Знаете, почти все, кто говорит о сдаче города, ссылаются на мнение профессора Смоттла.

— Смоттла? Позвольте, но разве он здесь, в городе? Он же отправился на север вместе с принцем-регентом. Я думал, что он давно мертв.

— Ну, что вы, жив-здоров, я сама его видела, и даже дважды. Один раз у барона Леофрика, а другой раз на прощальном вечере у герцога Лифриса. Герцог несколько дней назад отбыл на юг, вы, наверное, знаете.

— Да знаю, знаю, — проворчал Дилан. — Неплохо было бы, если бы и остальные брюзгливые недоумки за

ним последовали — город бы от этого только выиграл. И давно Смоттл вернулся?

— Он прибыл из Килливики на пакетботе спустя три дня после падения города, — отвечала Элис.

— Ну, конечно, — мрачно усмехнулся Дилан, — как я раньше не сообразил. Кэру Кабалле он гораздо нужнее в Авалоне, чем где-либо еще, так что безопасный проезд был ему обеспечен.

— Надо сказать, он начал действовать очень активно сразу по прибытии, — продолжала Элис. — Насколько мне известно, в последние дни он вступил в тайный сговор с некоторыми лидерами оппозиционной партии в сенате, и они собираются потребовать отставки генерала Хорвитца и посыпки делегации к Кэру Кабалле в Килливики, чтобы договориться об условиях капитуляции.

— Будь он проклят! — в сердцах воскликнул Дилан. — Он предал принца и теперь собирается предать город! Не-ет, надо с ним что-то делать!

Син понимающе взглянул на Дилана. Их глаза встретились.

— Согласен, — кивнул Син. — Если с ним не разобраться, Авалону придет конец.

— Что это значит? — испуганно залепетала Элис, переводя взгляд с одного на другого. — О чём вы подумали? Ваши глаза... я...

— Не забивай такими вещами свою хорошенькую головку, дорогая, — ласково потрепал ее по плечу полковник О'Хара. — Это мужское дело.

— Но вы же думаете об убийстве... вы собираетесь убить этого бедного старика!

— Он не человек, — объяснил ей Дилан, — и его уничтожение не является убийством. Профессор Смоттл — кукла, созданная Сайтролом, бездушная тварь, слепо выполняющая приказы своего создателя.

— И чем скорее мы избавим от него Авалон, тем лучше, — добавил О'Хара.

Сверху донесся звук моторов, и, подняв головы, они увидели проплывающий над ними длинный воздушный корабль серебристого цвета, который держал курс к посадочной площадке «Зеленые Луга».

— Это «Возмездие», — обрадовалась леди Элис. — Ноэль возвращается наконец из своего глупого дозора.

— Вот и еще один участник нашего плана относительно профессора Смоттла, — удовлетворенно заметил Дилан.

— Вы хотите сказать, еще один член вашей банды убийц, — гневно возразила ему Элис, но Дилан оставил ее реплику без внимания.

Тем же вечером небольшая группа мужчин собралась в клубе Ноэля Брэн ап Линна, неподалеку от Форума. Клуб теперь практически пустовал, поскольку большинство офицеров, бывших его членами, либо погибли вместе с принцем-регентом, либо находились на позициях со своими полками. После краткого совещания всем участникам плана были разданы револьверы, взятые из оружейной кладовой «Возмездия», и шестеро мужчин, забравшись в электромобиль, понеслись по безлюдным улицам города.

Была уже почти полночь, когда они подъехали к уединенному трехэтажному дому, расположенному на тихой улочке близ Огмайского университета³¹. Дом окружала высокая железная ограда, ворота были на замке. Кроме того, сразу за воротами стоял сторож с пистолетом на поясе.

Подняв воротники и надвинув на глаза шляпы, Дилан с Ноэлем подошли к воротам. Дилан сознавал, что вид у них несколько комичный, весьма напоминающий персонажей из драмы Гростерка, но решил не обращать на это внимания, понимая, что дело они затеяли серьезное.

— Что такое? Что вам нужно? — требовательно обратился к ним сторож.

— Доложите профессору Смоттлу, что его хотят видеть двое джентльменов, — отозвался Дилан, надеясь, что остальные участники их экспедиции скрыты от взора бдительного стражи тенюю от дома и деревьев.

— Уже слишком поздно, — возразил сторож. — Профессор Смоттл сегодня больше не принимает. Он уже спит.

— У нас для него письмо, — сказал Дилан, стискивая в кармане револьвер.

— Просуньте его через решетку, — предложил сторож. — Утром я ему передам.

Дилан вопросительно взглянул на Ноэля. Тот согласно кивнул. Вынув из кармана клочок бумаги, Дилан шагнул поближе к воротам. Сторож, вытащив из кобуры свой револьвер, другой рукой поднял повыше фонарь, пытаясь разглядеть их лица.

— Вот письмо, — сказал Дилан, протягивая бумажку, но не просовывая ее через ворота.

Раздумывая, что ему выпустить из рук — фонарь или револьвер, — сторож вполголоса выругался. Осторожность победила, и он, поставив на землю фонарь и направив на них револьвер, свободной рукой потянулся за письмом. Ноэль действовал молниеносно. Его трость выбила оружие из руки сторожа, зашвырнув его куда-то в кусты, в то время как собственный револьвер Ноэля уже был направлен прямо в лицо бедняге. Все произошло так стремительно, что сторож не успел издать ни звука.

— Только пикни, и тебе конец! — угрожающе пообещал ему Ноэль.

— Веди нас к профессору Смоттлу, если не хочешь быть убитым! — приказал Дилан.

Увидев приближающихся Сина О'Хара, майора Чакворда и еще двоих офицеров с «Возмездия», сторож затрясся от страха. Он ни слова не возразил, когда Дилан, отобрав у него ключи, отпер ворота. Так же молча он провел их по дорожке к дому и через французскую дверь ввел в тускло освещенную библиотеку.

— Профессор спит в маленькой комнатке вон там, в конце холла, — наконец открыл рот сторож. От испуга он слегка заикался. — У него тут даже спальни нет. Вообще, он какой-то странный тип, да, странный, — угрюмо добавил он.

Дилан оглянулся на остальных и двинул мимо сторожа к двери, на которую тот показывал.

— Внимание! — вскрикнул Ноэль, вскидывая револьвер навстречу двум выступившим из тьмы фигурам. — Джоги! Берегись!

Два кривоногих бородатых создания были действительно джогами. В этом не было никакого сомнения, несмотря на их вполне цивильные одежды. Зажав в

зубах ножи, они яростно размахивали своими ятаганами.

Не успев сориентироваться, Дилан тут же получил в плечо сильный удар мечом и упал; револьвер вылетел у него из рук. Ноэль выстрелил прямо над телом друга, попав одному из джогов точно между глаз. Однако другой тем временем успел ранить в грудь лейтенанта ван Рэссельвея и нанести колющий удар Сину, прежде чем Дилан смог наконец прийти в себя и, подбрав свой револьвер, всадить три пули в завывающего варвара.

— Я не знал, что они здесь, ей-Богу, не знал, — испуганно блеял сторож, пятясь под бешеным взглядом Ноэля.

— Подожди, — остановил Дилан занесенную для удара руку. — Где профессор? — резко спросил он сторожа.

— Я же вам сказал, вон там, — снова показал сторож.

— А ну, как там еще дюжина этих созданий? — спросил Син.

— Есть только один способ проверить это, — флегматично ответил Дилан и, сопровождаемый Ноэлем, Чаквордом и Сином, вошел в комнату. Джогов там не было. Зато там был профессор Смоттл, который сидел за большим дубовым столом, сжимая в руках глобус планеты Аннон и уставившись на него остекленевшими глазами.

— Мы пришли за вами, профессор Смоттл, — с револьвером подступил к нему Дилан.

Тот даже не поднял глаз. Все его внимание было приковано к глобусу. Создавалось впечатление, что он не осознает их присутствия в комнате. Губы его двигались, но произносимые слова казались совершенно с ними не связанными, а словно возникающими откуда-то извне, да и голос никак не походил на тот, который запомнился Дилану по их случайной словесной стычке.

— В начале был Единый... — бормотал Смоттл, — Единый был начало и конец... Единый был все сущее, весь вымысел, все ощущения. Единый был сознание и сверхсознание. И дремал Единый и грезил, и творил в

дреме своей других Светозарных: Брана, Ллира, Гвина ап Надда, Мюллеартах, Дану и Керидвен³². Потом Керидвен и другие тоже творили. И сотворили они форморианцев и племена Дану³³, и миры... все миры, что плавают в Котле Керидвен. Единый слабел, когда они творили, он стал таким же как все, лишившись своего былого могущества. И пытался Единый вновь обрести свою силу и вернуть все назад, но потерпел поражение от детей своих — слишком сильными они уже выросли. И заключен был Единый в песках Бэшема... Но вот зашевелился Единый... Он все вбирает в себя. Он поет даёт плоть людей, и плоть камней, и трав, и деревьев. Миры должны вернуться к Единому. Сайтрол пробуждается и зовет всех вернуться в него. Не сопротивляйтесь, ничтожные. Сайтрол зовет, Сайтрол зовет...

Голос замер, руки Смоттла разжались, и тело его тяжело осело в кресле.

Ноэль наклонился над ним и тут же выпрямился с выражением удивления и омерзения.

— Он мертв, — брезгливо произнес он. — Он мертв уже Бог знает сколько времени. Его тело разлагается.

Отступив от этой твари в кресле, они подняли раненого лейтенанта и вынесли его из дома. Не успели они выйти наружу, как послышался низкий гул и земля под ними заколебалась. Затем все вдруг закачалось, запрыгало, затряслось, и раздался оглушительный рев. Небеса кружились над головой, звезды прыгали с места на место. Действительность расплывалась, исчезала, уходила из-под ног, в душу заползал страх... и вновь все возвращалось по своим местам.

«Сайтрол! Сайтрол пробуждается! — раздался в мозгу у Дилана голос Кларинды, и голос этот был полон ужаса. — Сайтрол пробуждается!»

— Это землетрясение, — громко сказал Дилан.

«Нет, это Сайтрол пробуждается! Ты должен действовать быстрее, иначе все пропало! — настаивал голос жрицы. — Дилан Мак-Брайд должен идти в Бэшем!»

«Если Дилан Мак-Брайд пойдет в Бэшем, Кларинда Мак-Таг должна идти вместе с ним, — мысленно ответил ей Дилан. — Я видел это в Котле Керидвен».

«Нет! Нет! Нет!» — бился в сознании Дилана женский вопль.

Но уже через секунду он был вытеснен церковными колоколами, фабричными гудками и прочими сигнальными средствами, которые вдруг все разом зазвенели, загудели, засвистели, залязгали. Казалось, город Авалон сошел с ума.

— Джоги! Джоги идут! — закричал Син.

— Да, паразиты Сайтрола в воротах! — подтвердил Дилан.

XI

Ночь выдалась тревожной. По улицам взад и вперед маршировали войска, слышался торопливый цокот копыт возвращающихся из дозоров кавалерийских отрядов, повсюду суетились люди, рождались и умирали дикие слухи, один другого страшнее. Джоги окружили город плотным кольцом, перекрыв все большие и малые дороги, однако до рассвета, видимо, решили не нападать. Дилан с друзьями сбились с ног, всю ночь помогая раздавать и устанавливать только что изготовленные ратлеры и обучая людей обращаться с ними.

К утру весь город был поднят на ноги и готов к обороне. Проходя с оружием через Форум к Северным воротам, Дилан с Чаквордом увидели стратегический резерв генерала Хорвитца, расположившийся в ожидании, когда его бросят на подмогу в наиболее опасное место.

Три полка добровольческой кавалерии на роскошных чистокровных скакунах стояли стройными колоннами,

блестя плюмажами на киверах и яркой окантовкой разношерстных мундиров. Однако Дилану они показались далеко не столь эффектными, как единственный полк пограничной конницы или три роты Трансмортийских конных стрелков, развалившихся неподалеку в своих седлах.

Тут же были построены два пехотных полка, которые, по счастью, прибыли с юга слишком поздно, чтобы успеть присоединиться к безумному походу принца-регента, а рядом с ними стояли около дюжины пестро одетых и разнокалиберно вооруженных подразделений ополченцев.

— Взгляните-ка, старина, — показал Чаквورد на одетый в килты полк. — Не ваши ли это парни, а?

— Ну да, как же, — состроил гримасу Дилан. — Это всего лишь Авалонские горцы. Этот разряженный парадный полк набирается из спортсменов да великосветских щеголей. Настоящих горцев среди них нет.

У Северных ворот они разделились. Чаквورد остался там с двумя рэтлерами, а Дилан двинулся вдоль линии обороны, устанавливая через равные интервалы пулеметы и ставя к ним людей.

Наконец джоги дали о себе знать. Внезапно показалась небольшая группа всадников, которая во весь опор мчалась прямо на баррикады, возведенные вокруг Больших Северных ворот. Раздались многочисленные крики часовых. Поспешно бросившиеся к своим позициям защитники баррикад толкались и мешали друг другу. Прозвучало несколько нестройных выстрелов, но джоги, низко пригнувшись к седлам, продолжали мчаться вперед. Подскакав почти вплотную, они перебросили через баррикаду два окровавленных пакета и с торжествующими воплями умчались прочь.

Ударившись о землю с неприятным глухим стуком, оба пакета лопнули, и из них выкатились головы принца Грегори и генерала сэра Хью ап Александера. Осторожно подняв голову принца-регента, сержант обнаружил засуннутое в рот письмо. Написанное на англо ясным четким почерком, оно было от самого Кэра Кабаллы и гласило следующее:

«Обреченным людям Авалона:

Я возвращаю вам головы ваших вождей. Мы с моими военачальниками с удовольствием полакомились их телами, хотя, должен заметить, принц-регент оказался слишком сухим и тощим.

Молитесь своим богам, авалонцы, ибо Кэр Кабалла ведет за собой множество изголодавшихся воинов, и, как только город падет, в пищу, во имя Сайтрола, пойдут все.

Кэр Кабалла, король джогов».

Дилан прямо зубами скрипел, слушая это письмо и припоминая, что у Кларинды было видение — голова принца, катящаяся по улицам Авалона. Зато уж теперь, после такого письма, сказал он себе, никаких разговоров о капитуляции больше не будет.

Джоги появились под стенами города спустя час после восхода солнца. Непрерывным штурмом — волна за волной, колонна за колонной — рвались они сомкнутыми рядами вперед, прикрытые лишь навесным огнем батарей своей полевой артиллерии. Надежно окопавшись, свежие силы авалонских ополченцев, поддерживаемые умело действующими регулярными войсками, сотнями валили нападавших губительным огнем магазинных винтовок. А умело размещенные рэтлеры делали огромные бреши в надвигающихся цепях варваров.

Но этого было все равно недостаточно. Окружившим город тремстам тысячам озверелых и опытных бойцов противостояло всего лишь тридцать-сорок тысяч его защитников. И всегда в поле зрения был сам Кэр Кабалла, возвышающийся на огромном вороном коне и сверкающий золотистыми латами и алым плюмажем. На целую голову выше, чем любой из его войска, он везде, где бы ни появлялся, действовал на своих воинов, как знамя — вдохновляя, подбадривая, трубя в огромный боевой рог и раз за разом посыпая их в атаку.

И каждый раз джоги лезли на стены или пробивались сквозь колючую проволоку и укрепления, возведенные в проломах стен. Но генерал Хорвитц тут же бросал в контратаку свои резервные силы, и те штыками отгоняли варваров обратно на их прежние позиции.

Битва длилась весь день, не утихнув даже после наступления сумерек. Тогда «Возмездие» и еще три таких же корабля выпустили сигнальные ракеты, освещившие всю арену битвы, и «Возмездие» обрушило потоки стальных пуль на колонну джогов, которую Кэр Кабалла как раз собирался послать в бой.

Захватчики отступили, оставив на поле боя тысячу убитых и две тысячи раненых. По приказу военного коменданта города последние были немедленно добиты вооруженными горожанами, присланными губернатором в помощь регулярным войскам.

Однако непрерывный штурм все продолжался. Ночь полнилась вспышками выстрелов и грохотом взрывов. Раздавался резкий треск пулеметов, слышались отрывистые лающие звуки орудий легкой артиллерии, пока их не заглушили старые пушки с форта, расположенные по обеим сторонам Серебристого берега. Им в ответ раздался ужасающий рев орудий старинных линейных кораблей, перенесенных сюда с иллистых берегов реки и приспособленных для защиты города.

При поддержке канонерок и переоборудованных малых судов военные корабли попытались превратить береговую линию в подступы к ней в смертельную ловушку для нападающих джогов. Однако тех это не остановило, и атаки продолжались с прежним напором. Уже забрезжил рассвет следующего дня, и после сигнального выстрела враги вновь устремились на защитников города, пытаясь проникнуть внутрь, на площади и улицы, а главное, к королевскому дворцу. Стены были сильно разрушены, и, хотя их еще яростно отстаивали, разрушения эти сильно ослабляли оборону, а исправить их было уже невозможно. Пешие джоги валили толпой, стремясь пробиться в тыл обороняющимся. Встав к пулемету с двумя недавно обученными заряжающими, Ди-лан разметал первую волну. Но они накатывались тысячами, укрываясь, увертываясь, падая на землю и снова вскакивая, на ходу стреляя из карабинов. Один из заряжающих пал, и огромный кузнец, весь черный от сажи, заменил его. Второму заряжающему снарядом снесло голову, и его место заняла тоненькая трогская девушка. Ди-лан продолжал стрелять до тех пор, пока

все десять стволов рэтлера не раскалились так, что до них невозможно было дотронуться.

Орудия мечами, секирами и карабинами, джоги прорвались к каналу на правом фланге от Дилана и в Титберскую аллею на левом фланге. Улицы заполнились обезумевшими от крови варварами.

А сражение все шло. Гнев против нелюдей поднял всех жителей Авалона, и они мигом позабыли свой страх, показав себя достойными гражданами столицы великой империи. Все, как один — мужчины, женщины, дети, — теснились на крышах домов, вооруженные, что чем мог: старинными охотничими ружьями, дробовиками и даже луками и стрелами. Они без устали палили вниз по заполнившим улицы варварам, в то время как их безоружные товарищи — а таких тоже было немало — сбрасывали на врагов камни, кирпичи, куски кровельной черепицы, цветочные горшки и все, что было тяжелого под рукой. Перед таким яростным отпором джоги дрогнули и заколебались, и, пока они медлили, на них обрушились три полка добровольческой кавалерии. Бросив поводья, они неистово бросились на врагов, стреляя из револьверов и непрерывно работая саблями, так что бока их породистых белых лошадей покраснели от крови.

А непрерывный поток джогов все катился. Брошенным топором был убит кузнец, ранена трогская девушка, и их место занял молчаливый горбун, который стал работать за двоих. Раненный ружейной пулей, Дилан дважды падал на землю от изнеможения, но и тут не переставал нажимать рукоять рэтлера, в то время как цепочка подростков из отряда Юных Разведчиков подавала ему новые магазины с патронами.

В разных частях города начали загораться дома — то ли от взрывов снарядов, то ли подожженные предателями или одержимыми Сайтролом жителями столицы. Команды общества страхования от огня метались от пожара к пожару, всякий раз ухитряясь погасить огонь и молясь про себя, чтобы мощные насосы городской системы водоснабжения не были выведены из строя.

Дилан держался уже из последних сил: непрерывное бодрствование в течение трех последних дней и двух ночей, да еще и рана давали себя знать. Наконец, что-то

в нем надломилось, и он почти без сознания рухнул на пулемет. Кто-то оттащил его прочь от огромной груды тел перед его позицией — молчаливого свидетельства выдержанной им битвы. Несколько неясных фигур, которые он не мог как следует разглядеть своим затуманенным взором, несли его вниз по улице, полной трупов, вопящих людей и мечущихся лошадей без всадников. Единственное, что смутно проникло в его сознание, — это то, что все его спасители были рыжеволосы, причем ноги его поддерживали трое детей, а за руки держала женщина, похожая на богиню.

А битва все бушевала. «Возмездие» и еще три воздушных корабля метали в джогов динамитные бомбы и поливали их с воздуха пулеметным огнем. К несчастью, один из кораблей напоролся на встречный огонь джогской легкой артиллерии и был подбит.

Захватчики пустили на Большие ворота несколько фургонов, нагруженных черным порохом, и вскоре мощный взрыв разметал и сами ворота, и все, что их окружало. Первый Трогтаунский добровольческий полк, защищавший наспех возведенную неподалеку от ворот уличную баррикаду, погиб полностью, до единого человека. Однако тут подоспели королевские карабинеры на своих тяжелых лошадях под командованием Филберта Сент-Джона, а также рота легкой пехоты. Обрушившись объединенными усилиями на джогов, они оттеснили их за груды камней — жалкие останки ворот и прилегающих к ним стен.

Дилан спал в маленькой, насыщенной испарениями квартирке Кларинды. Она ухаживала за его ранами, то начиная причитать над ним, то покрикивая на ребятишек, которые, казалось, были целиком поглощены доносившимися сверху отзвуками яростной битвы.

— Дилан... Дилан, любимый, не умирай! Говорю тебе, ты не должен умереть! Во имя Керидвен, я требую этого! Ты слышишь меня, старый ты распутник? Нет, нет, он не умрет!

Дилан хорошо знал, что раны его несерьезны, но каждый раз крепко закрывал глаза, когда она говорила ему что-то, всхлипывала над ним или по десять раз на дню обтирала ему лицо.

Между тем сражение полыхало во всю мощь. Полковник О'Хара, еще не совсем оправившийся от ран, совершил дерзкую вылазку за пределы города, чтобы отогнать джогов от газовых заводов, снабжавших город светом и теплом. Однако он погиб в бою, а заводы были в конце концов все же разрушены вместе с близлежащим резервуаром. Город лишился тепла и света, кроме того, была наполовину сокращена подача воды.

Син О'Хара с майором Чаквордом организовали передвижную батарею рэтлеров, которая по сигналу тревоги немедленно бросалась в опасное место. Кроме того, они объединились с охраняющим дворец стрелковым полком зуавов, а также с тремя сотнями вооруженных констеблей и столичной полицией для подавления внезапных вспышек мятежа в поддержку Кэра Кабаллы, которые возникали среди работников скотопригонного двора и вовлекали в это уже и других рабочих. Никто вначале не мог понять причины этих вспышек, пока лечивший раненых старый доктор, приверженец друидических поверьй, не объяснил, что некоторые из мятежников просто куклы Сайтрола, то есть автоматы, полностью подчиненные воле этого чудовища.

Посадочная площадка «Зеленые Луга» также подверглась нападению банды конных джогов, прорвавшейся сквозь линию обороны. Варвары предприняли отчаянную попытку разрушить ангары кораблей, а также склад боеприпасов и все оборудование для взлета и посадки, но усилиями морской гвардии и десантных отрядов нападение было отбито.

Прибыло подкрепление: бронированный крейсер и четыре колесных парохода, доставившие девять сотен военных моряков.

Однако главные силы флота, попытавшиеся подойти к Серебристому берегу, вынуждены были повернуть назад, в район Килливики. Джоги блокировали подходы к берегу затопленными судами, а также неизвестно откуда взявшимися у них торпедными катерами, которые нанесли флоту серьезный ущерб.

По суше с юга и с востока на помощь Авалону спешили войска. Герцоги Вейнланда и Эмании собрали сорок тысяч отчаянных горцев, которые должны были соединиться с добровольческими полками империи, сле-

дующими походным маршем с юга. Под знамена собирались даже члены племени Длинных Ножей и снайперы Конфедерации Медалго.

Вся империя объединилась, чтобы спасти Авалон, и не только из-за того, что он был ее столицей, но, скорее, потому, что это был самый священный город на всем Анноне. Его невероятная древность в сочетании с легендами об Артуре Пендрагоне создавали ему некий ореол таинственности, и каждый человек, отдающий должное этому городу, спешил прийти к нему на помощь.

Однако джоги оказались хитрее: они встретили идущие на выручку войска примерно в сотне миль от Авалона, перегородив дороги сваленными деревьями, взорвав мосты и разрушив железнодорожное полотно. Искусно владеющие своими клеймами вейнландцы прорубались через цепи варваров, оставляя на поле убитыми двух-трех врагов за каждого выбывшего из строя горца, но на это уходило то драгоценное время, которое было у Авалона на исходе — с каждым часом оно таяло вместе с пищей, водой и боеприпасами.

Дилан вернулся на баррикады, вооруженный до зубов: в руках у него была магазинная винтовка, на боку висел клеймор, за пояс были заткнуты три бруска динамиита и пистолет. Он был явно полон решимости сражаться насмерть. Вместе с ним пришла и Кларинда Мак-Таг, видимо, проследить, чтобы с ним чего не случилось.

— Пора уходить, Мак-Брайд, — убеждала она его, видя, как защитники города отступают все дальше и дальше. — Здесь уже ничем не поможешь. Сейчас самое время уйти отсюда, чтобы сохранить себя для решающего сражения. Думаю, мне удастся вывести нас из города и...

— А что толку-то? — прервал ее Дилан. — Если город падет, всему конец.

Тут Кларинда взвизгнула и взмахом топора отрубила голову джогу, который с саблей в руках подкрадывался к Дилану сзади.

— Ты что, все еще хочешь дать себя убить? — гневно заорала она. — Или ты думаешь своей смертью доставить мне большое удовольствие?

— Ну, не большее, чем все остальные мужчины, которых ты знала в своей жизни, — язвительно ухмыльнулся Дилан. — Ты ведь такая до них охотница, — хамским тоном добавил он.

— И какой смысл помирать в городе, который невозможно спасти? — продолжала она, пропустив его выпад мимо ушей.

— Никакого, — согласился Дилан. — Так что летим со мною в Бэшем и взорвем Сайтрола прямо в его берлоге.

— Хвастун, трепло собачье, — выругалась Кларинда. — Интересно, как ты собираешься устроить этот фокус? — ехидно поинтересовалась она.

— С помощью динамита, — пояснил Дилан. — У меня запасено несколько тонн. Он сложен возле посадочной площадки «Зеленые Луга», и Ноэль готов в любую минуту погрузить его на борт «Возмездия» и взять курс на север. Нам вот только нужна информация о пещерах, чтобы найти уязвимое место Сайтрола.

— У этого гада нет уязвимых мест. Он же способен разрушить все мироздание, а ты хочешь попытаться уничтожить его всего несколькими тоннами взрывчатки! — с ноткой презрения в голосе сказала Кларинда.

— Что ж, тогда будем умирать здесь, — философски заметил Дилан.

— Выходит, нам так или иначе этого не избежать, — вздохнула она. — Смотри, они снова идут!

Десять или двенадцать джогов, завывая, бросились на них. Троих Дилан застрелил, четвертому клеймором раскроил голову, но остальные, сверкая ятаганами, тесно обступили его. Кларинда стояла рядом, неистово размахивала руками и орала на них:

— Чтоб вы были прокляты, кривоногие выродки! Чтоб вы сдохли, людоеды со свинячьими зенками! Чтоб вас черти взяли, чтоб вы в ад провалились, чтоб вас дьявол с потрохами слопал!

И проклятье подействовало. Джогов словно скрючило, и их тела, как тряпичные куклы, шлепнулись на землю.

— О, Керидвен! — сама испугавшись содеянного, зачитала Кларинда. — Я же никогда не думала, что это сработает! Я ничего такого раньше не делала. О,

Керидвен, Керидвен, как это ужасно! Они же теперь все равно что пустые мешки!

Зато Дилан уже не удивлялся ничему, что делала эта женщина. Она очень сильно изменилась. Это была уже не знахарка, торгующая фальшивыми любовными наговорами да гороскопами, но могущественное существо, настоящая колдунья.

Тем временем на них напала новая группа варваров. Дилан сразил огромного Кэра Клингана, возглавлявшего атакующих. Кларинда, не переставая всхлипывать, с помощью своей колдовской силы подняла в воздух пару всадников вместе с лошадьми и швырнула их в центр следовавшего за ними отряда с такой силой, что большинство врагов раскатились, как кегли.

Один из джогов, прыгнув с седла прямо на Дилана, ударили его обоими каблуками в грудь, так что он растянулся на залитой кровью мостовой. Джог упал на него, но уже через секунду с вейнландским кинжалом в теле откатился прочь, а Дилан, пошатываясь, встал на ноги.

Двое других варваров решили повторить трюк своего приятеля, но тут их ждал неприятный сюрприз. Кларинда вновь пустила в ход свои способности и, поймав одного из них прямо в полете, подняла его повыше ногами вверх и впечатала головой в стену ближайшего здания, так что только мозги брызнули. Второго она метнула в переулок, где ее ждали двое старших детей. Мальчишка с девчонкой не растерялись и забили вопящего джога до смерти крикетными битами, а Кларинда от всей этой жестокости снова разрыдалась.

Тут генерал Хорвитц двинул в бой свои последние резервы, и, во главе с прибывшим накануне полком моряков, они в очередной раз выкинули джогов за пределы не существующей уже городской стены. Шатаясь от нервного напряжения и усталости, Кларинда с Диланом покинули баррикады и в ближайшем сквере без сил растянулись на траве.

— Ладно, — сказала Кларинда, когда они немного пришли в себя, — я пойду с тобой. В конце концов, я могу распорядиться своей жизнью по своему усмотрению и готова идти с тобой хоть к черту в зубы. Это, наверное,

николько не хуже, чем целую вечность сражаться здесь таким вот образом.

— Ты готова лететь в Бэшем? — обрадованно спросил Дилан.

— В Бэшем, в пасть Сайтрола, куда угодно, — покорно отвечала она.

— А ты не забыла, — осторожно спросил он, — что я видел в Котле?

— Знаешь, я немного думала об этом, — вздохнула она. — Конечно, мои папочки с мамочкой растили свою маленькую ведьмочку вовсе не для того, чтобы она послужила лакомым блюдом для этого омерзительного куска протоплазмы. — Она немного помолчала. — Но... когда женщина из рода Мак-Таг попадает в сети любви, ее душа ей больше не принадлежит.

Дилан нежно притянул ее к себе и долгим поцелуем припал к ее губам.

— Ну, что ж, — удовлетворенно вздохнула Кларинда, когда он, наконец, оторвался от нее, — после такого блаженства леди почти согласна умереть.

— А как же дети?

— Я отошлю их обратно в Троттаун. Если что, троги могут забаррикадироваться в нижнем городе. Они не плохие бойцы, и Кэру Кабалле понадобится, по крайней мере, год, чтобы выгнать их оттуда. С другой стороны, если уж нам не удастся спасти мир, то так или иначе погибать всем.

— А все-таки, почему ты изменила свое мнение? Ты говорила, что Сайтрол неуязвим, и что мы ничего сделать не сможем.

— Неужели я так говорила? Не может быть!

— Кларинда!

— Ну, ладно, ладно, может и сказала, — призналась она, — просто я тут малость подумала... а то, может, Керидвен опять нашептала мне на ухо.

— Так, значит, она не умерла и не исчезла?

— Похоже, что нет. Недавно я вдруг почувствовала, что она совсем близко. Правда, она была очень обеспокоена тем, что здесь происходит, хотя, надо сказать, она сама заключила это чудовище в глубинах Бэшемского материка.

— В таком случае, все, что мы должны сделать, — это попросить ее вытащить Сайтрола на свет божий и уничтожить его, так?

— Ничего подобного, — она решительно замотала головой. — Древние боги и богини считали, что оставленные ими люди должны сами творить свою судьбу.

— Однако, чувствуя, у тебя есть какая-то идея, верно? — с надеждой спросил Дилан.

— Ты угадал, — кивнула она. — Вот послушай. Пещеры Сайтрола тянутся глубоко в недрах Аннона. Я видела. А в последнем видении я высмотрела в этих пещерах путь к одному месту, которое лежит прямо под кратером огромного вулкана. Причем стены там довольно тонкие. Если их взорвать твоим динамитом, то хлынувшая в пещеры лава уничтожит на своем пути все, включая самого Сайтрола.

— А также и тех, кто заложит динамит, — скептически заметил Дилан.

Кларинда нервно сглотнула.

— Что ж, — сказала она, чуть помедлив, — согласно твоему видению мы все равно должны оба погибнуть в Бэшеме. Так, может быть, нам удастся прихватить с собой и этого мерзкого урода?

— Тогда идем, — решительно вскочил на ноги Дилан. — Нам нужно найти Чакворда, Ноэля и Сина О'Хара.

XII

Прозвучала команда «Взлет!», и воздушный корабль императорского Военно-Морского флота «Возмездие» взмыл над площадкой «Зеленые Луга» и взял курс на север, к Бэшему. Генералу Хорвитцу пришлось согласиться освободить корабль от обязанностей, связанных с защитой Авалона для другой, более важной, хотя и весьма призрачной, цели. Состояние дел было настолько безнадежным, что генерал готов был ухватиться за соломинку. На борту воздушного корабля находились Дилан Мак-Брайд, Ноэль Брэн ап Линн, Син О'Хара, майор Чакворт, Кларинда Мак-Таг и леди Элис Брэн ап Линн, а также еще двое офицеров и двадцать человек экипажа. Ноэль разрешил сестре сопровождать их, поскольку был убежден, что с ними она будет не в большей опасности, чем оставаясь в осажденном городе.

«Возмездие» шло над расположением вражеских войск на достаточно большой высоте, однако те все же попытались достать их огнем своих легких орудий. Ух-

ватившись за леер и высунув голову в открытый порт³⁴ гондолы, Дилан видел, как черные клубы дыма появились сначала у них по носу, а потом за кормой.

— Ха! — сказал Ноэль. — Они берут нас в вилку. Ну-ка, вверх, рулевой! Полный вперед!

«Возмездие» рванулось вверх и вперед, и вовремя, ибо тут же последовал прицельный залп и снаряды разорвались именно в том месте, где был бы корабль, не предприми Ноэль упреждающего маневра.

— О, Керидвен, спаси нас! — стоала позеленевшая от качки Кларинда. — Мужчины и женщины могут летать по воздуху, словно птицы, только с помощью магии.

— А что, от полета с помощью магии у тебя голова не кружится? — поинтересовался Дилан.

— Немного кружится, но это же длится очень недолго. Ты только подумала — и уже на месте. Не то, что такая болтанка под этим большим газовым мешком.

— Зато каждое качание приближает нас к Бэшему и Сайтролу, — постарался подбодрить ее Дилан.

— Единственная утешительная мысль для бедного создания, чей желудок все еще там, в Авалоне, — жалобно проговорила рыжеволосая женщина. Она наклонилась было над плетеным бортом гондолы, но тут же мгновенно отпрянула назад. — Ой-ой-ой, как далеко до земли, — простонала она. — Мой бедный желудок сейчас выпрыгнет наружу. Ох, ох, это смерть моя!

— Могу предложить прекрасное слабительное, — сладким голосом сказала Элис.

Кларинда сглотнула и поспешила прикрыть рот рукой.

Дилан решил, что самое время переменить тему разговора.

— Послушай-ка, — обратился он к Кларинде. — Ты говорила мне, что Керидвен и другие древние боги поместили Сайтрола в пещеры. А зачем они это сделали?

Прежде чем ответить, Кларинда некоторое время, постанывая, делала глотательные движения. Наконец, немного прия в себя, она сказала:

— Понимаешь, там была борьба между теми, кто представлял Сайтрола и хаос, и сторонниками Керидвен и остальных богов. Сайтрол потерпел поражение и утратил большую часть своего могущества. Однако с те-

чением столетий он вернул многое из утраченного. Он создал джогов, и они обслуживали его. Вообще-то, как и многие существа древности, Сайтрол не бессмертен, но он способен поддерживать в себе жизнь, высасывая жизненную силу из других существ, и чем больше он ее высосет, тем сильнее станет.

— Кстати, мне рассказывал Чаквورد, — вспомнил Дилан, — что Стражи Мерцающих Врат тоже берут с каждого путешественника пошлину жизненной силой.

— Ну да, Стражи принадлежат к древней расе, — подтвердила Кларинда. — А Врата были созданы богами очень давно для каких-то их собственных целей.

Незаметно подошедший к ним Син с интересом прислушивался к беседе. Ухватив, главным образом, то, что касалось Сайтрола, он спросил:

— Но если Сайтрол столько веков был погребен под песками Бэшема, то как же он выжил?

— Его кормили джоги, — объяснила Кларинда. — Они кормили его пленниками, а также выращивали рабов специально ему на корм. В тяжелые времена, когда у них не было ни пленников, ни рабов, они скормливали ему собственных детей. А если и этой пищи не хватало, то жрецы Себулы призывали каждого второго добровольно принести себя в жертву, чтобы удовлетворить его чудовищный аппетит. И Сайтрол высасывал из своих жертв жизненную силу и впитывал ее в себя до тех пор, пока...

— Какой ужас! — вырвалось у Элис. Она вся дрожала.

— Право, девочка, — глаза Кларинды недобро блеснули, — не стоит осуждать чью бы то ни было религию только за то, что края ее мантии несколько запачканы кровью, не так ли?

— Ммм... возможно, — сквозь зубы процедила Элис и, возмущенно взмахнув юбками, резко двинулась к пилотской кабине, таща за собой Сина.

— А что, милашка смотрится, — снисходительно заметила Кларинда. — Вот только плохо, что она пялит свои васильковые глазенки на чужого мужика.

— На кого это — чужого? — с подозрением спросил Дилан. — Кого ты имеешь в виду?

— Тебя, мой мальчик, тебя, — нисколько не смущаясь, ответила Кларинда. — Она, видимо, не знает, что ты уже приговорен, да к тому же еще в храме Керидвен. А если Керидвен на ком-то поставила свою метку — это навсегда. Так-то, миленький. — И своими длинными тонкими пальцами, от которых до сих пор, несмотря на проведенные в сражениях последние дни, исходил какой-то диковинный аромат, она нежно потрепала его по щеке.

Дилан только собрался напомнить ей, что Элис предназначена Сину, как громкий крик впередсмотрящего приковал их внимание. Бросившись к пилотской кабине, они увидели там Ноэля, и Дилан вопросительно взглянул на него.

— С севера приближаются три воздушных корабля, — ответил Ноэль на его немой вопрос. — Возможно, еще держится кто-то из наших, и это они послали корабли на юг.

Кларинда отрицательно покачала головой. Ее глаза были полуприкрыты, но она и без них видела все, что нужно.

— Это не имперские суда, — сказала она. — Это из тех, что джоги захватили в Килливике и Эбейдосе и посадили на них свои экипажи под командованием жрецов из Себулы.

— Боевая тревога! — еще не дослушав ее, крикнул Ноэль.

Дилан взял у старшего лейтенанта бинокль, чтобы рассмотреть вражеские суда. Это были полужесткие суда с двумя двигателями, меньше по размеру, чем «Возмездие», но более быстроходные. На борту каждого из них была изображена эмблема: золотистый кракен³⁵, охватывающий своими щупальцами весь мир.

— У них на носу и на корме установлено по 37-миллиметровой пушке, — передал он Ноэлю свои наблюдения, — и они идут в атаку.

— Мы должны подняться над ними, — сказал Ноэль. — Мы можем сражаться только имея преимущество в высоте. Из-за газовых баллонов вверх стрелять нельзя — продырявишь свой же аэростат.

Дилан поднял глаза вверх, на сигарообразный, наполненный газом баллон и невольно задумался о том,

сколько же попаданий сможет он выдержать, прежде чем вспыхнет и испепелит их всех.

— Конечно, газ содергится в нескольких изолированных друг от друга герметичных отсеках, помещенных внутри общего жесткого каркаса, — как бы отвечая на невысказанную мысль друга, пояснил Ноэль. — Попадание во внешнюю матерчатую оболочку не нанесет серьезного ущерба. А вот попадание в отсеки может привести к потере или уменьшению подъемной силы и... возможно, к взрыву.

— Проклятье на мою голову, и я позволила этому человеку уговорить себя бросить мое теплое уютное гнездышко в Трогтауне и моих милых малюток, — услышав слова Ноэля, сразу же снова запричитала Кларинда. — Ох, — вздохнула она, — бабы Мак-Таг всегда были дурами, когда дело касалось мужчин.

Тем временем джоги начали боевые действия. Перед носом гондолы их передового корабля появился клуб дыма, и в уши ударил звук выстрела.

— Они открыли огонь! — крикнул старшина.

— Недолет! Большой недолет! — секундой позже радостно воскликнул Ноэль. — Однако у нас, к сожалению, нет большого преимущества перед ними, — озабоченно добавил он. — Не хотите ли пострелять из носового рэтлера, Дилан?

Через небольшой туннель Дилан пролез в открытый сверху отсек, где на треноге был установлен пулемет Гатлинга. Там уже стоял наготове молодой матрос, чтобы выполнять обязанности заряжающего, когда Дилан начнет стрельбу.

— Передовой корабль разворачивается, чтобы зайти нам с левого борта, — услышал Дилан через переговорную трубу голос Ноэля. — Я сейчас тоже немного разверну корабль, чтобы дать вам возможность попасть в них.

От резкого маневра «Возмездия» у всех, находившихся в носовой части гондолы, закружилась голова. Горизонт вздыбился и запрыгал; земля, казалось, ринулась на них. Дилан судорожно глотнул и прикрыл глаза, чтобы обрести равновесие.

— Мы подходим к нему, — говорил Ноэль. — Вы видите его, Дилан?

Вражеская пушка несколько раз отрывисто рявкнула. Дилан увидел впереди длинную серую массу в клубах голубого дыма от выстрелов всего в сотне ярдов от носа их корабля.

— Они приближаются, — сказал Ноэль. — Вы сможете как следует прицелиться?

— Сейчас я им дам! — пообещал Дилан. Он навел рэтлер и, повернув рукоятку, отправил навстречу вражескому кораблю первое смертоносное послание.

Пули пробили газовый баллон джогов насквозь, выйдя с другой стороны. Однако ни пожара, ни взрыва, как он надеялся, не последовало, и Дилан пожалел, что в числе боеприпасов к рэтлеру не было каких-нибудь зажигательных пуль.

Вражеский корабль быстро приближался, выстрелы его орудия следовали один за другим. Дилан отвел дуло пулемета от аэростата и прицелился в висящую под ним гондолу. Эта цель была существенно меньших размеров, и кроме того, не успел он нажать гашетку, как там замелькали вспышки выстрелов. Не обращая на них внимания, он дал длинную очередь и с удовольствием смотрел, как пули его рэтлера пробили легкий металл гондолы и вдребезги разнесли окно в пилотской кабине.

— В яблочко! — торжествующе сказал заряжающий, устанавливая очередной магазин.

— Да, но они стали тоже лучше целиться, — возразил с беспокойством Дилан, когда несколько снарядов прошли так близко, что их корабль тряхнуло.

— Ну что там с пулеметом? — отчаянно закричал Ноэль. — Эти снаряды разнесут нас в клочья!

Дилан сосредоточил весь огонь на носовой части вражеской гондолы, всадив туда целый магазин. Пушка рявкнула еще раз-другой и смолкла. Последний снаряд разорвался всего в нескольких футах от Дилана, и шрапнелью насквозь пробило борт его кабины. Заряжающий матрос, судорожно взмахнув руками, рухнул прямо на пулемет. Подняв его, Дилан с ужасом смотрел на то, что было раньше его лицом. Однако времени на переживания не было. Поэтому, аккуратно отодвинув тело матроса в сторону, Дилан потянулся за следующим магазином.

— Они разворачиваются, чтобы навести на нас свое кормовое орудие, — снова услышал он голос Ноэля. — Ну-ка, достань их, Дилан!

— Мне нужен заряжающий! — крикнул Дилан, поливая очередями борт вражеского корабля, подошедшего совсем близко.

— Ты попал в него! — ликующе заорал Ноэль. — Один двигатель вдребезги, второе орудие тоже! Они удирают, но другие два приближаются к нам!

— Мой заряжающий погиб! Мне нужен другой! — кричал Дилан, без большого успеха разрядив магазин в аэростат второго вражеского корабля. Он обернулся за новым магазином, но ничего не нашел. — Патронов! Патронов! — завопил он истошным голосом.

— Они идут к тебе, любовь моя! — услышал он голос Кларинды и тут же увидел, что они действительно «идут». Три магазина вплыли через туннель, направляясь прямо к нему.

— Как это?.. — Дилан поперхнулся и изумленно смотрел на плывущие к нему бубликообразные магазины. Вслед за ними он увидел Кларинду. Волосы ее были подняты вверх и собраны в пучок, а юбки подоткнуты повыше вокруг ее роскошных белых бедер. — Как ты это делаешь? — выдохнул он.

— Я только задумалась над этим, — сложив губки бантиком и хлопая ресницами, заворковала она, в то время как первый магазин завис над казенной частью рэтлера в ожидании, пока его установят на место. — Я только подумала, что эти штуки могут плавать не хуже того большого газового мешка, а они уже и поплыли.

Схватив магазин, Дилан вставил его в казенник пулемета.

— Ладно, — проворчал он, — только больше этого не делай. Это меня нервирует.

Кларинда вползла в кабину и прижалась к нему.

— Ну-у, любовь моя, есть тут из-за чего нервничать! Это же просто маленькая черная магия или мысленная сила, или еще какая чертовщина. Но ведь я же хорошо сделала, правда?

Оба вражеских корабля непрерывно обстреливали «Возмездие» своими 37-миллиметровыми снарядами, и

от близких разрывов гондолу сильно тряслось. Дилан услышал, как вступили в бой два кормовых рэтлера. Тут снаряды начали рваться еще ближе, и, взглянув вверх, он увидел, что повреждена наружная матерчатая обшивка аэростата. Он истово молился Керидвен, чтобы только не были пробиты внутренние газовые отсеки.

Затем он начал стрелять по раскачивающейся гондоле третьего корабля, пока не опустошил два магазина. С восторгом и ужасом наблюдал он за тем, как кормовой двигатель джогов занялся огнем, который мигом перекинулся наверх, на мягкую оболочку аэростата. Какое-то мгновение объятый пламенем вражеский корабль висел в воздухе, а затем взорвался с оглушительным шумом. Взрывная волна сильно тряхнула «Возмездие», на борт гондолы начали падать горящие угли, которые поспешно выбрасывались прочь матросами.

— О-о-о, Керидвен, мать любви, — шептала Кларинда. — В какое же страшное дело позволила ты мне впутаться, со всякими горящими кораблями и убийствами. И все из-за мужчины!

«Возмездие» медленно приходило в себя, проплывая над стремительно падающим на землю огненным шаром, за которым тянулся огромный хвост дыма.

— Думаю, мы с ними покончили! — ликовал Ноэль. — Они удирают! Отличная стрельба, Дилан!

— Не давай им уйти! — прокричал в ответ Дилан. — Догони и разделайся с ними! Они же предупредят Кэра Кабаллу, что мы направляемся на север!

— Мы не можем этого сделать, — отвечал Ноэль. — Наш корабль потерял слишком много подъемной силы. Необходим ремонт, прежде чем он снова будет готов к сражению.

Глядя, как два вражеских корабля с трудом уходят прочь, Дилан в сердцах выругался.

— Неужто тебе не стыдно, Дилан Мак-Брайд, быть таким кровожадным? — заметила ему Кларинда. — Ты же уже изжарил дюжину или две этих бедных парней в одном корабле и неизвестно сколько застрелил в двух других, так нет, все еще недоволен. Право, беда с вами, мужчинами, которые не думают ни о чем, кроме войны и убийства.

— Ты закончила? — сдерживая ярость, спросил Дилан. — Или ты не знаешь, что твои «бедные парни» — кровожадные людоеды, которые с удовольствием сдерут с тебя твою прекрасную шкурку, а потом изжарят тебя на большом огне и съедят.

— Я... я знаю... — заплакала Кларинда, — но ты забыл, что я все-таки жрица любви. Я должна быть милосердной к каждому, даже к тем чудовищам, которые захотят мной пообедать.

— Знаешь, было бы лучше, если бы твоя богиня была богиней войны и смерти, — сумрачно ворчал Дилан, пока они пробирались по туннелю в главную кабину. — Тогда она могла бы, например, прислать нам отряд валькирий³⁶, чтобы нагнать на джогов страху, или хотя бы метнуть парочку-другую молний в Сайтрола. Была бы хоть какая-то польза от нее.

— Никогда не говори так! — испуганно воскликнула Кларинда, обнимая его. — Никогда не насмешничай над Керидвен. Она делает, что может, и придет момент, когда мы будем нуждаться в ней.

— Ну, похоже, пока мы не доберемся до Бэшема, мы сможем обойтись и без ее помощи, — задумчиво сказал Дилан, с сожалением глядя вслед двум удаляющимся пятнышкам, которые были вражескими судами.

Если бы он только знал, насколько он ошибается, у него бы наверняка возникло серьезное желание развернуться на сто восемьдесят градусов и отправиться обратно в Авалон сражаться с джогами.

XIII

Новая беда подстерегала их, когда они пересекали Бэшемский пролив, мимоходом посигналив флагману эскадры морских разведчиков. Эта эскадра крейсировала вдоль ледяной перемычки, пытаясь с помощью всевозможных помех нарушить линии связи джогов. Они уже подходили к высокому изрезанному скалами берегу Бэшема, когда на северо-западе вдруг увидели *нечто невероятное*.

— Святые угодники, что это? — воскликнул Ноэль и, поспешило нацепив очки, взгляделся в горизонт, где гигантские крылатые существа странного вида с шумом рассекали воздух, приближаясь к «Возмездию».

— Что это? — переспросил Син. — Они выглядят, как... нет, клянусь богами, я не в силах даже вообразить, на что они похожи!

Зaintересовавшись, Дилан попросил у рулевого подзорную трубу. Поглядев в нее, он ахнул от изумления.

Размах крыльев у этих тварей достигал не менее двадцати футов.

— Я отказываюсь верить своим глазам! — воскликнул Ноэль. — Такого просто не может быть в нашем мире. И ни в каком другом тоже. Вы посмотрите: спереди они как гигантские орлы, а сзади — как... как львы! Это же невозможно! Ни одно живое существо не может так выглядеть!

— За исключением грифона³⁷, — флегматично добавила Кларинда.

— Да не бывает никаких грифонов! — запальчиво вскричал Ноэль, но, взглянув еще раз на быстро приближающихся монстров, повторил гораздо менее уверенно уже в вопросительной форме: — Ведь грифонов не существует, не правда ли?

— Не знаю, возможно и так, — с сомнением покачал головой Дилан. — Но ведь ты же их сам видишь.

— Увы! Если только мы все здесь не посходили с ума, мы видим то, что не имеет права на существование. Интересно, откуда они могли появиться?

— Откуда же, как не из Бэшема, — уверенно отозвался Син. — Кстати, Дилан, когда вы там бывали, не случалось ли вам видеть подобных созданий?

— Если бы такое случилось, у меня не хватило бы мужества вернуться туда, — ответил Дилан, продолжая разглядывать странные существа в подзорную трубу. С более близкого расстояния они выглядели еще кошмарнее, чем раньше.

— Кем бы они ни были, эти зверюги, похоже, собираются напасть на нас, — констатировал Ноэль. Подойдя к переговорному устройству, он отдал приказ главному механику всеми возможными средствами увеличить скорость. — Попробуем оторваться от них, — сказал он.

— При той скорости, с какой они приближаются, у нас нет на это ни малейшего шанса, — заметил Дилан. — Думаю, нам лучше приготовиться к бою.

Он нырнул под планшир и занял свое привычное место у пулемета Гатлинга. Вслед за ним ползком протиснулась Кларинда. Тихим жалобным голосом перечисляя все беды и несчастья, которые обрушились на нее с тех пор, как она повстречала этого мужчину, носящего

юбку, она тем не менее подняла мысленным усилием магазин и удерживала его над казенником пулемета.

— Подумать только, я бросила своих малышей ради варвара в болтающейся юбке, да еще с волосатыми ногами, — вздохнула она.

— Да уж, твои малыши, — мрачно огрызнулся Дилан.

— Я все же хотела бы рассказать тебе о них, — продолжала она. — Ну, о том, как случилось, что они оказались у меня.

— Я прекрасно представляю себе, как это могло случиться, — ядовито заметил Дилан.

В ответ Кларинда показала ему язык.

— Не будь ты столь тупоголовым вейнландцем, мог бы и знать, что не все так просто в нашем мире, — насмешливо сказала она.

— Только об этом мне сейчас и думать, — проворчал Дилан и, прицелившись в орлиную голову громко во-пящего грифона, выстрелил. — Промах! — закричал он. — Проклятье, я промахнулся!

Приподнявшись, Кларинда высунула голову наружу и быстро оглядела горизонт.

— Ты не сделал поправку на ветер, — сказала она. — При стрельбе по удаленной цели это нужно делать обязательно.

— Спасибо, — сухо поблагодарил Дилан. — Не знал, что вдобавок ко всем прочим талантам ты еще и специалист по артиллерийской стрельбе.

— Женщины Мак-Таг всегда славились служением своим мужчинам, — величественно заявила Кларинда. — В любой момент мы готовы стать именно теми, в ком они нуждаются. И потом, тебе же известна моя способность видеть такие вещи, как ветер или, тем более, полет пули.

— В таком случае, почему бы тебе самой не встать к пулемету, — предложил он.

— Увы, как это ни прискорбно, у меня просто не хватит духу нажать на рычаг, — ответила она, опускаясь обратно на четвереньки.

Дилан дал несколько коротких очередей. Один из грифонов, пронзительно заверещав, опрокинулся на спину и со сложенными крыльями рухнул в море.

— Один готов! — удовлетворенно воскликнул Дилан. — Однако остальные, кажется, извлекли из этого урок, — с сожалением прибавил он. Грифоны рассыпались в небе и умело увертывались от пуль. Дилан бил короткими очередями, но летящие твари маневрировали с такой быстротой, что, несмотря на все его усилия, попасть в них было невозможно.

Тучей налетели они на «Возмездие» и окружили его, извергая из своих глоток то клекот орла, то рычание льва. Дилану удалось ранить одного в крыло, и тот, неуклюже переваливаясь, полетел к берегу. Майор Чакворт прицельной очередью из кормового рэтлера снес голову еще одному, но остальные — десять или двенадцать, — плотно облепив борта корабля, рвали его обшивку огромными когтями и клювами.

— Мы должны подняться над ними, — отчаянно закричал Дилан. — Ноэль, можем мы взлететь выше их?

— Нет, — крикнул в ответ Ноэль, — мы потеряли слишком много подъемной силы. Хорошо, если нам удастся удержаться на этой высоте.

— Берегись! — пронзительно взвизгнула Кларинда. Один из грифонов ринулся прямо на них, и Дилан едва увернулся от гигантских, острых как бритва когтей, полоснувших его по спине.

Он успел вытащить из кобуры револьвер, когда широко разинутый кошмарный клюв, не менее трех футов в длину, вновь устремился к нему. Не мешкая, Дилан всадил всю обойму прямо в зияющую пасть. К счастью, этого оказалось достаточно. Смертельно раненная тварь задрожала, когти ее разжались, и она отвалилась от борта гондолы.

— Смотрите! О, Керидвен, смотрите! — в страхе закричала Кларинда, указывая на корму. Один из монстров, внезапно спикировав вниз, схватил кого-то из экипажа своими огромными лапами и буквально выдернул его из гондолы.

Дилан попытался было развернуть рэтлер в сторону кормы, но ствол его уперся в переборку воздушного корабля. Беспомощно опустив руки, с ужасом взирал он на то, как жуткая тварь, сжимая в когтях дико кричащего от страха и боли человека, взмыла с ним

вверх и начала рвать его на куски своим громадным клювом.

— О, нет, нет, нет! — причитала Кларинда, закрыв глаза. — О, Керидвен, сладкая мать любви, почему, за что?

Тут за спиной Дилана вновь раздалось бешеное хлопанье крыльев, и он поспешил броситься разворачивать рэтлер в обратную сторону. На этот раз он успел вовремя и, поймав на мушку ринувшегося на него монстра, точными выстрелами сразил его. Он испытал истинное удовольствие, глядя, как тяжелые пули вспороли чудовищу брюхо с такой силой, что тело грифона буквально подбросило, после чего оно камнем полетело вниз.

— Они поднялись над нами! — закричал Ноэль. — Они хотят повредить аэростат!

— Похоже, они чувствуют, что тут мы бессильны помешать им, — пробормотал Дилан и, высунувшись из кабинки, поглядел вверх. Пять грифонов описывали круги прямо над головой, а шестой медленно опускался на широкую поверхность аэростата, выставив вперед страшные когти.

Оставив пулемет, Дилан выполз из кабинки.

— Нужно что-то делать, — озабоченно сказал он. — Я полезу наверх.

— Ты безумец, — воскликнул Ноэль. — Ты же никогда раньше не выходил наружу во время полета, у тебя нет никакого опыта. Даже если эти твари тебя не тронут, ты не удержишься, ты соскользнешь и свалишься прямиком в объятия смерти.

— Мы все свалимся в объятия смерти, если я не попытаюсь хоть что-нибудь сделать, — решительно заявил Дилан, пристегивая к поясу свой клеймор и заряжая пистолет. — Кстати, держите курс на берег. Если уж мы упадем, то лучше на твердую землю — тогда у нас будет какой-то шанс. Но я все же постараюсь отогнать их.

— Дилан, не надо! — заплакала Элис. — Вас убьют.

— Ну-ну, — улыбнулся ей Дилан, укладывая в спорран, служивший ему вместо кармана, три бруска динамита. — Меня не так-то легко убить, пока моя голова еще на плечах, — успокаивающее сказал он.

— Даже твоя сверхтвёрдая голова треснет как яичная скорлупа, когда одна из этих пташек возьмет ее в свой клювик, — не удержалась Кларинда.

Пропустив ее колкость мимо ушей, Дилан влез на край борта гондолы, откуда перебрался на одну из наружных опор. Вцепившись одной рукой в опору, чтобы не сдуло струей воздуха, другой он старался поймать конец веревочной лестницы, что вела наверх, к огромному, длиной в триста футов, аэростату. Наконец после нескольких попыток ему это удалось, и он полез вверх. Ступенька за ступенькой Дилан медленно вершил свой нелегкий путь: ветром раздувало килт, лестницу кидало из стороны в сторону, корабль тряслось так, что в иные минуты казалось, он вот-вот сорвется. Он рискнул бросить взгляд вниз и тут же пожалел об этом. Вид раскачивающейся взад-вперед гондолы вызвал у него приступ головокружения, а когда он посмотрел на серую поверхность воды, простирающуюся несколькими тысячами футов ниже, ему стало еще хуже. Он отчаянно вцепился в лестницу и прикрыл глаза, чтобы избавиться от этого зрелица.

Услышав приближающееся хлопанье крыльев, Дилан открыл глаза и увидел грифона, который летел прямо на него; налитые кровью глаза чудовища пылали жаждой убийства, клюв был широко раскрыт. Обмотав вокруг ноги стропу раскачивающейся лестницы, он потянулся за пистолетом, но понял, что выстрелить не успеет: огромный клюв был уже рядом. Дилан сделал рывок, перескочив на другую сторону веревочной лестницы, и тварь промахнулась. Удушливая, тошнотворная вонь ударила ему в ноздри, когда крылья монстра задели его. Ступни его сорвались, и он заскользил вниз, однако через несколько ступенек ему вновь удалось вцепиться в лестницу.

Тем временем грифон с поразительным проворством развернулся и снова бросился на Дилана. Он понял, что на этот раз тот не промахнется. Если только...

Знакомый треск пулемета Гатлинга прорвался сквозь шум ветра. Летящая бестия дернулась, когда стальные пули прошли ее толстую шкуру и начисто оторвали ей одно крыло. Красные глаза начали стеклениваться, но оставшееся крыло забилось сильнее — тварь еще пы-

талась дотянуться до висящего на лестнице человека. Она уже почти достигла своей цели, ее клюв щелкал уже в нескольких дюймах от Дилана, когда наконец крыло безжизненно повисло и этот летающий кошмар свалился вниз, в море.

Сердце Дилана бешено колотилось, грудь сильно вздымалась. Он с трудом лез по веревочной лестнице. Теперь ему предстояла труднейшая операция: перебраться с лестницы на такелажную сетку, которая со всех сторон опутывала аэростат. Ему много раз приходилось видеть, как это делают корабельные такелажники, однако видеть и делать самому — было далеко не одно и то же.

Вначале он принял с силой раскачивать веревочную лестницу, так что с каждым махом она подлетала все ближе и ближе к сетке такелажа. Как только она оказалась достаточно близко, он тут же вцепился в нее одной рукой, другой продолжая изо всех сил удерживать лестницу. Он слышал доносиившиеся снизу крики, трескотню пулеметов и хлопанье громадных крыльев, но все его внимание сейчас было сосредоточено на том, чтобы держаться за такелаж, не выпуская из рук лестницы. Почувствовав, что крепко удерживает и то и другое, он начал думать, как перебраться на сетку окончательно, но тут его подстерегала новая беда. Как раз в тот момент, когда он уже перенес одну ногу на сетку такелажа и теперь был словно распят между нею и веревочной лестницей, корабль сильно тряхнуло. Лестницу резко дернуло в сторону, и буквально в мгновение нужно было решить — остьаться на лестнице или на сетке. Он выбрал последнее и теперь висел на одной руке, пытаясь зацепиться ногой, которая в последний момент соскользнула.

В довершение всего порывом ветра взметнуло его килт, закрыв ему лицо. Ослепший, висящий между жизнью и смертью, он чувствовал, как руки слабеют и просмоленный канат такелажа выскользывает из его потной ладони.

«Ну и постыдное же зрелище ты из себя устроил, — проник вдруг в его сознание голос Кларинды. — Висишь там, выставив напоказ все свои достоинства, и шокируешь бедных девушек тут, внизу».

— Нужно нечто гораздо большее, чем мужские достоинства, чтоб шокировать тебя! — вырвалось у него прежде, чем он до конца осознал происходящее. Но уже секундой позже раздался его крик: — Кларинда! Помоги, Кларинда!

«Ну, я не имела в виду, что шокирована именно я, — звучал ее голос, — да вот бедная леди Элис залилась краской аж до самого турнюра».

— Кларинда!..

«Говорила я тебе, что ты не способен карабкаться, как обезьяна?» — сварливо произнесла она.

— Поможешь ты мне или нет?! — его крик, казалось, заглушил шум ветра.

«Я пытаюсь. Или ты думаешь, что я собираюсь оставаться вдовой прежде, чем стала женой? Но твои вопли мешают мне сосредоточиться».

Его охватило внезапное ощущение сомкнувшихся вокруг него женских рук. Он уловил тот особый, присущий только Кларинде, экзотический аромат и тепло ее тела, которое, казалось, окружило его со всех сторон.

«Оп-ля! — раздался голос Кларинды, и он почувствовал, как ее руки еще более крепко и даже как-то интимно обнимают его, слегка приподнимая и подталкивая поближе к сетке такелажа. — Ну, вот он, в целости и сохранности, и юбка уже на своем месте».

— Спасибо, — отрывисто бросил Дилан, карабкаясь на сетку со всей возможной быстротой, на которую он был способен.

Добравшись до покатой, но широкой верхней плоскости дирижабля, он побледнел от представшего перед ним зрелища. Три грифона, казалось, соревновались между собой — кто из них вырвет самый большой кусок из плотной наружной обшивки аэростата. Они драли ее когтями и клювами с каким-то злобным удовольствием. Один из них, оторвав кусок ткани длиной около двадцати футов, засунул в образовавшуюся щель свой громадный клюв, пытаясь добраться до оболочки внутреннего газового баллона. Положение становилось критическим.

Дилан расставил ноги пошире, чтобы удержаться на вибрирующем дирижабле, поднял свой револьвер и, прицелившись как можно точнее, выстрелил. Он попал монстру в правый глаз, и блестящий зрачок тут же заво-

локло красным. Раненая тварь заревела от боли и ярости и двинулась к нему, в то время как сверху с хриплым клекотом на него уже падал второй грифон.

Выхватив бруск динамида и выстрелом из револьвера запалив фитиль, Дилан что есть силы швырнул его вверх, прямо в отверстую глотку падающего страшилища. Голову и верхнюю половину туловища разнесло взрывом в мелкие клочья; покрытые черной копотью куски мяса падали вокруг Дилана, кровь и нечистоты заливали все вокруг. Пытаясь увернуться от этого кровавого потока, Дилан поскользнулся и не сумел удержаться на ногах. Это спасло ему жизнь, ибо второй напавший на него грифон промахнулся, и его страшный клюв пронесся мимо.

Почувствовав, что он вот-вот скатится с покатой и скользкой поверхности аэростата, Дилан поспешил ухватиться за сетку, но, не подумав, сделал это той рукой, в которой держал револьвер. Тот вывалился у него из руки, и Дилан увидел, как револьвер полетел вниз, в море. В этот момент грифон, громко вопя, напал снова. Дилан встретил его своим клеймором, вонзив его в грудь по самую рукоятку. Монстр заскрежетал, забился и ударил Дилана своими огромными крыльями. Дилан вновь всадил клеймор в грудь чудовища, и хлынувшая из раны зловонная кровь залила его с головы до ног.

Не успела сдохнуть эта тварь, как еще две, опустившись на поверхность аэростата, сцепились между собой, оспаривая друг у друга право покончить с Диланом. Схватив другой кусок динамида, он попытался запалить фитиль, но громадный коготь зацепил его за плечо, и он снова, потеряв равновесие, свалился с ног. Динамит улетел в пространство, и теперь у него для защиты остался один-единственный клеймор. Оба грифона подступили к нему, грозя своими кошмарными когтями и клювами. Клеймор дважды нашел свою цель, смертельно ранив одного из монстров, и тот, затрепыхавшись, стал падать, однако второй тут же ринулся в атаку, и Дилану стало казаться, что положение его безнадежно. Тем не менее он продолжал рубить своим клеймором, пока на лезвии не появились зазубрины, а рука не онемела от усталости. С победным клекотом тварь нависла над ним, и...

Словно чертик из табакерки, рядом с ним вдруг возникла Кларинда, хрюпло вопя не хуже самого грифона:

— Во имя священных ягодиц Керидвён, ты только посмотри, во что ты теперь превратился!

— Только без болтовни, Мак-Таг, давай магию! — закричал Дилан. — Выдай самое сильное колдовство, на которое ты способна!

— Колдовство, да? И это все, что от меня здесь хотят? Ты что думаешь, я тут колдовать собралась? Такие вещи, знаешь ли, труда требуют. И подготовки.

— Лучше бы ты поколдовала, — сказал Дилан, — иначе нас разорвут в клочья.

Кларинда вдруг засмеялась. Дилан с удивлением посмотрел на нее.

— Да опасности-то нет, — сказала она, продолжая смеяться. — Совсем нет.

«Кажется, она окончательно сошла с ума», — мелькнуло в голове у Дилана, в то время как он увертывался от лязгающего клюва и страшных когтей монстра.

— Я имею в виду, — настаивала она, — что эти твари на самом деле не существуют, они не реальны... если ты в них не веришь.

Увернувшись от очередного злобного удара клювом, Дилан выругался.

— Они достаточно реальны, чтобы разорвать в куски и корабль и меня с ним в придачу.

— Да нет же, смотри! — И Кларинда не спеша шагнула навстречу грифону. Дилан вскрикнул от ужаса, когда безжалостный клюв этой жуткой твари ударили Кларинду... и прошел сквозь ее тело, словно оно было соткано из воздуха.

— Видел? Эти твари — фантомы, вызванные к жизни колдовством жрецов Себулы только для того, чтобы преследовать нас. Если ты сможешь посмотреть сквозь них, как будто их не существует, они сразу же лишатся всей своей силы и власти над тобой.

Посмотреть сквозь них Дилан не успел. Сокрушительный удар клювом в спину сбил его с ног, и он кубарем покатился прямо к плавно обрывающемуся краю поверхности аэростата. Кларинда взвизгнула и, вцепившись ему в ноги, сумела удержать его. Какое-то

время он висел вниз головой, удерживаемый визжащей женщиной, беспомощно глядя, как грифоны, реальные или мнимые, слетаются, чтобы покончить с ним.

— Керидвен! Дай мне силы сейчас, Керидвен! — вознесся к небу вопль Кларинды. — Дай мне силы для...

Оглушительный рев, словно от дюжины железнодорожных экспрессов, мчащихся на предельной скорости, раздался в воздухе, и рядом с кораблем возникло страшилище величиной с небольшую гору. Оно было таких необъятных размеров, что закрывало собой половину неба. От взмахов его могучих, перепончатых, как у летучей мыши, крыльев, казалось, содрогалась земля, а его огромная, словно пещера, пасть изрыгала пламя. Два грифона были тут же испепелены в этой огненной струе, а третий — буквально расплющен мощным ударом длинного хвоста. Четвертого постигла еще более страшная участь: он был перекусен пополам зубами, которые размерами напоминали сталакиты. Оставшиеся твари позорно бежали, трусливо поджав свои львиные хвосты.

— Это... это дракон! — ловя ртом воздух, еле выговорил Дилан, после того как Кларинда втащила его наконец наверх.

— Ну что там еще? — ворчливо произнесла она, делая рукой легкое движение, от которого чудовище, словно по мановению волшебной палочки, исчезло, будто его и не было. — Ничего здесь больше нет, кроме блага для друзей Керидвен.

XIV

Воздушный корабль «Возмездие» медленно приближался к Бэшемскому берегу, с каждой миляй теряя высоту. Уже был выброшен за борт весь балласт, когда, наконец, окуная в волны прибоя свешивающиеся с носа канаты, корабль пробороздил днищем прибрежную полосу черного песка и тяжело осел в какой-то долине, покрытой снегом.

— Много ли времени займет ремонт? — озабоченно спросил Дилан у Ноэля.

— Да уж несколько дней придется провозиться, — проворчал в ответ Ноэль. — Команда начнет работать прямо сейчас, но, думаю, вряд ли мы сможем взлететь раньше, чем дня через четыре.

— У нас нет четырех дней, — суроно отрезал Дилан. — Нет и одного дня. Может быть, Авалон уже пал. Нужно немедленно отправляться к пещерам — пешком, раз корабль неисправен.

— Как пешком? Да нам никогда не пройти через земли Кэра Кабаллы. На корабле это и то не легко сделать, а уж без корабля...

— Я знаю здешний язык, — прервал его Дилан. — Мы наймем яков, погрузим на них динамит и присоединимся к каравану явази, идущему в Себулу.

— Кто такие явази?

— Кочевой народ, целиком подвластный джогам. В Бэшеме они составляют большинство ремесленников и торговцев, а также наемных рабочих на плантациях и пастбищах. Я уже однажды выдавал себя за явази, так что сумею и на этот раз.

— Ну, а как же с кораблем? — обеспокоенно спросил Ноэль.

— Полагаю, вся команда, ну, и ты, конечно, должны остаться при корабле. Чакворт тоже, и естественно, леди Элис. Кларинда должна пойти со мной, мне понадобится ее помочь. Если же найдется еще пара добровольцев сопровождать меня, я не откажусь.

— Считайте, что один доброволец у вас уже есть, — подал голос Син О'Хара. — Джоги убили моего отца и уничтожили мой полк. Я думаю, это дает мне право присоединиться к вам.

Дилан заметил, что при первых словах Сина губы леди Элис сжалась, а теперь она сильно побледнела. Что ж, подумал он, если у нее и были к нему, Дилану, какие-то чувства, это было несерьезно, мимолетно и уже прошло. Син О'Хара был единственным, кого она по-настоящему любила. И это было правильно, ибо недолгое увлечение Дилана развеялось под натиском неотразимых чар Кларинды Мак-Таг, властно завладевшей его чувствами.

Ради леди Элис Дилан хотел было отвергнуть предложение Сина, но, подумав, решил все же его принять. Оставаться у корабля было не менее опасно чем идти к пещерам, и еще неизвестно, какая из опасностей была больше. Ну, а если уж их миссия потерпит крах, в любом случае всем им суждено погибнуть.

— Рад, что вы идете, Син, — сказал ему Дилан.

— Я тоже доброволец, — заявила Кларинда. — Я добровольно хочу остаться при корабле и добросовестно следить за всяческими тварями.

Дилан мягко взял ее за плечи и заглянул в фиалковые глаза.

— Без тебя, Мак-Таг, у нас очень мало шансов добраться до пещер, и еще меньше — не заблудиться в них. Неужели ты бросишь меня теперь?

Жалость к себе и страх охватили Кларинду, крупные слезы показались у нее на глазах, но, поборов себя, она согласно кивнула.

— О, Керидвен, знала ли ты, когда присыпала ко мне в храм этого парня, чем все это для меня обернется? — в ее голосе слышалось приглушенное рыдание. — Он же ведет меня на смерть.

— Ну, конечно, Керидвен знала, что делала, — рассмеялся Дилан. — Она же всевидящая и всезнающая, разве нет?

— Может быть, — задумчиво протянула Кларинда. — Но меня сейчас интересует другой, более важный вопрос: всегда ли она так заботлива и готова прийти на помощь?

Заботлива Керидвен или нет — это им предстояло выяснить в очень скором времени. Добравшись до ближайшей деревни явази, Дилан без особого труда договорился со старостой о приобретении яков и лошадей. Динамит погрузили на яков, а Дилан, Син, Кларинда и присоединившиеся к ним еще два матроса следовали на лошадях. Они продвигались по свежим следам бизонов через покрытые снегом равнины, пока не добрались до караванного пути, где сделали остановку в ожидании каравана явази. Ждать пришлось совсем не долго, караван подошел, и Дилан смело заговорил с проводником. Спутники Дилана, скрытые под меховыми одеялами явази, с тревогой наблюдали за их беседой.

Наконец согласие проводника было получено. Правда, за разрешение присоединиться к каравану Дилану пришлось заплатить золотом. Они заняли место в хвосте каравана, и тот тронулся в свой двухдневный путь до Себулы.

— Не нравятся мне что-то взгляды этого субъекта, — негромко обратилась к Дилану Кларинда. — Думаешь, ему можно доверять?

— По всей вероятности, нет, — усмехнулся Дилан. — Но ведь он принимает нас за явази, так что не думаю, что он станет нас выдавать.

Кларинда с сомнением покачала головой.

— У него какой-то бегающий взгляд, — она сделала глазами выразительный жест. — Он напоминает мне Бетлина Хогана, который в поединке с моим стариком на ирландском чемпионате тяжеловесов так часто использовал запрещенные приемы, что в конце концов разбил себе кисть об отцовское колено.

— Ну, если ты ему так не доверяешь, почему бы тебе не покопаться в его мыслях и не поглядеть, что там есть на самом деле?

— Не могу, — со вздохом ответила Кларинда. — Понимаешь, эта способность у меня не постоянная, ею нельзя воспользоваться в любой момент, когда мне хочется. Она сама появляется и сама исчезает.

— Ладно. Так вот, если уж хочешь знать мое мнение, этот гусь, скорее всего, не меньший жулик, чем твой Бетлин Хоган. Все явази такие. Этот народ слишком долго жил в подчиненном положении у джогов, чтобы быть другим. Уверен, он за шестипенсовую монетку продаст родную мать, а нас так и вообще за корку хлеба.

— Безмерно тебе призательна, что сообщил мне об этом, — ядовито усмехнулась Кларинда. — Ты просто неоценимый утешитель, Дилан Мак-Брайд.

— Ну, может быть, он и не... — начал было Дилан, но смолк, увидев, как вынырнувший из-за горизонта отряд джогов, потрясая своими хвостатыми знаменами, резво скакет по направлению к каравану.

— Можно попробовать удрать от них, — предложила Кларинда.

— И бросить яков с динамитом? — отпарировал Дилан. — Чем тогда мы будем уничтожать Сайтрола? Своими молитвами да твоими заклинаниями?

— Думаю, если бы мы знали нужные молитвы, они помогли бы нам гораздо больше, чем твои взрывающиеся штуки из другого мира, — возразила Кларинда, с беспокойством наблюдая вместе с Диланом за тем, как джоги окружили караван, а их командир, подъехав к проводнику, начал его о чем-то спрашивать.

— Похоже, что нас все-таки предали, — угрюмо сказал Дилан, видя, как военачальник джогов направляется в конец каравана.

— Ну, что, попытаемся прорваться с боем? — деловито спросил Син, вытаскивая откуда-то из глубины мехов, в которые он был закутан, свой револьвер.

— У нас нет на это ни малейшего шанса, — отрицательно затряс головой Дилан. — Может быть, мне удастся как-нибудь отговориться. В конце концов, у них же еще не было возможности узнать, что мы не явази.

Два десятка кривоногих приземистых всадников плотно обступили их, и Кэр, красуясь в своих белых мехах, встал лицом к лицу с Диланом.

— Ну, что, авалонец, — глумливо сказал он, — далеко же тебе пришлось идти за своей смертью.

«Ты оказался совершенно прав, — прозвучал в голове Дилана голос Кларинды, — у них не было другого способа узнать, что мы не явази... кроме как посмотреть на нас».

— Пришло сообщение, — продолжал Кэр, — что ваш корабль начал рыскать и клевать носом, лишь только перевалил через береговую линию. Кэр Кабалла лично распорядился разослать патрули, чтобы обеспечить тебе, Дилан Мак-Брайд, достойный прием.

— Вы знаете, кто я? — вырвалось у Дилана.

— А как же. Сын сэра Малкольма Мак-Брайда прекрасно известен в Себуле, как смертельный враг Кэра Кабаллы и его людей. Так что он сам и священники Себулы приготовили для тебя и твоих друзей небольшой сюрприз. Правда, тебе он может не понравиться, но зато Сайтрол получит огромное удовольствие.

— Хотите отдать нас Сайтролу?

— Естественно. Всех пленников отдают Тому, Кто Пожирает. Да ты не переживай. Вы просто попадете к нему чуть раньше, чем все остальные. Скоро весь человеческий род возвратится в свое изначальное состояние.

Джоги отделили их от каравана, позволив тому продолжать свой путь. Затем Кэр приказал внимательно осмотреть тюки, которыми были нагружены яки, и, не найдя в них ничего, кроме нескольких сотен длинных красных брусков, грязно выругался.

— Превосходный груз! — презрительно фыркнул он. — И кого вы надеялись одурачить этими дровами?

— Это все, что у нас есть, — сдержанно ответил Дилан, питая слабую надежду на то, что вдруг им крупно повезет и динамит будет доставлен вместе с ними в пещеры к Сайтролу.

— Выбросьте эту бесполезную дрянь и гоните яков в Себулу, — приказал Кэр лейтенанту. — А мы поскачем к пещерам. Кэр Кабалла и Сайтрол, наверное, уже заждались.

С привязанными к седлам руками, окруженные с обеих сторон конвоем с ятаганами наголо, пятеро пленников скакали, подгоняемые резкими порывами ледяного ветра с находящихся неподалеку Гиблых гор. Бросив отчаянный взгляд назад, Дилан увидел груды драгоценного динамита, бесполезным грузом валявшимся теперь на снегу.

— Пора звать на помощь Керидвен, девочка, — обратился он к Кларинде.

— А что же, ты думаешь, я делала с той самой минуты, как мы увидели этих кривоногих дьяволов? — плачущим голосом откликнулась Кларинда. — Да я прямо изошлась вся от беззвучного зова, только вот ответа нет. Может быть, на этот раз она и в самом деле ушла, — горестно добавила она.

— Почему ушла?

— Откуда я знаю? Может быть, она, как и я, испугалась Сайтрола, — стуча зубами, произнесла Кларинда.

Дилан приблизил к ней своего коня и прижался ногой к ее ноге.

— Ну, ну, — сказал он наигранно бодрым голосом, — выше голову, любимая. Мы еще не умерли. Ноэль отремонтирует «Возмездие» и, не теряя ни минуты, помчится нам на выручку. У нас еще есть шанс.

— Я знаю. Но у меня из головы не выходит то, что ты видел в Котле Керидвен. Двоих из нас сожрало это... это кошмарное чудовище. Бrr! — ее всю передернуло.

Джоги спешили, нещадно нахлестывая своих маленьких выносливых пони. Всего за несколько часов они пересекли низкую цепь холмов, промчались через глубокую лощину и миновали длинный туннель естественного происхождения. Затем они оказались в долине,

окруженной громадными снежными горами, среди которых высился единственный дымящийся вулкан.

— Не этот ли вулкан ты видела там, в Котле Керидвен? — шепотом спросил Дилан Кларинду.

— Да, этот самый, — подтвердила она. — Но что это нам дает? Не можем же мы черпать лаву горстями и кидать ее в Сайтрола.

— Нет, конечно. Но если ты как следует постараешься, может быть, тебе удастся сделать это, используя свои способности, одним мысленным усилием?

— У меня мозги сгорят, — отрезала Кларинда и отвернулась.

Они приближались к армии конных джогов, заполняющей, казалось, все пространство вплоть до горизонта. Впереди стояли жрецы Себулы в своих черных балахонах и высоких остроконечных шапках. Рядом с ними находился человек в черной меховой одежде и золотистой кольчуге, который был на голову выше всех остальных джогов.

— Кэр Кабалла собственной персоной, — отрекомендовал его Дилан своим спутникам.

— Скажите лучше, сам дьявол, — проворчал Син. — А у нас нет даже какого-нибудь хиленького перочинного ножичка, который я бы с удовольствием всадил в него.

— Давайте их сюда, — распорядился Кэр Кабалла на бэшемском языке.

Пятерых пленников стащили с лошадей и пинками погнали вперед, туда, где стоял король джогов.

— На колени! — рявкнул офицер, грубо толкая Дилана. — На колени перед всемогущим Кэром!

— Убери от него свои грязные лапы, ты, волосатый ублюдок, недоносок макаки! — в ярости завизжала Кларинда, вонзая свои ноготки в физиономию варвару.

— Ах, ты, рыжая ведьма, я вот тебя, — в бешенстве взревел джог, кидаясь на нее с кулаками, но Дилан поспешно встал между ними.

— Оставь его, — приказал Кэр Кабалла. — Скоро все они упадут на колени в страхе перед Сайтролом.

— Дайте мне только добраться до этого куска гниющего дерьяма, — все еще клокоча, выкрикнула Кларинда, — да я его вот этими руками разорву в клочья.

Кэр Кабалла на мгновение нахмурился, но тут же на его лице воцарилось выражение полного спокойствия.

— Рыжая женщина весьма энергична, — заметил он. — Кроме того, она колдунья. Она придется по вкусу Тому, Кто Пожирает.

— И вовсе нет, — запальчиво возразила Кларинда. — Я жесткая и жилистая и буду все время брыкаться. Уж я устрою ему несварение желудка, какого у него и за миллион лет не случалось.

Пропустив ее слова мимо ушей, Кэр Кабалла повернулся к Дилану.

— Ты пришел, чтобы попытаться уничтожить Того, Кто Пожирает, не так ли, Дилан Мак-Брайд? — спросил он.

— Да, — мужественно сознался Дилан. — Мы пришли, чтобы уничтожить его прежде, чем он уничтожит мир.

— И за свою наглость ты умрешь так же, как ранее умер твой отец, — ровным голосом вещал Кэр. — Он хотел отравить Сайтрола с помощью яда, полученного им от друидов. Но он потерпел неудачу, потому что никто не может надеяться на успех, если замышляет зло против Сайтрола. Отец давно уже соединился с Сайтролом, и теперь его сын последует за ним.

— Ну, а что вы будете делать потом? — спросил Дилан. — Почему вы стремитесь завоевать мир только для того, чтобы его разрушить? Какая вам от этого польза? И в чем ваша конечная цель?

— Конечная цель для меня и моего народа — слияние с Сайтролом. Высший экстаз соединения с богом.

— То есть, превращение в ничто.

— Нет, превращение в Единого. Сегодня я иду по Аннону, как земное воплощение Сайтрола, как его посланник. Я буду править Анноном во имя его до тех пор, пока все живущие на этой планете не соединятся с ним, и тогда я и мои жрецы вольемся в него, и не останется ничего, кроме Сайтрола. Но хватит разговоров. Пришло время тебе и твоим друзьям соединиться с Тем, Кто Пожирает.

Он подал знак жрецам, и они затянули монотонный унылый напев, сопровождая его звоном серебряных колокольчиков, которые они держали в руках. Пара за

парой медленно двинулись они к отверстию большой пещеры, а за ними, подгоняемые остриями мечей, друг за другом шли пленники: Дилан, Кларинда, Син и двое несчастных матросов.

— Идите же к Сайтролу, и да будет с вами мое благословение, — махнул рукой им вслед Кэр Кабалла. — Не пройдет и нескольких месяцев, как мы тоже присоединимся к вам.

— А мы с Керидвен благословляем тебя, чтобы ты провалился к дьяволу в ад! — исступленно закричала Кларинда и, не выдержав, разразилась рыданиями.

— Спокойно, девочка, спокойно! — подбадривал ее Дилан. — Смерть до нас еще не добралась.

— И ты говоришь это сейчас, когда мы приближаемся к ней с каждой минутой, — плача, сетовала она, теснее прижимаясь к нему.

— Прости, что втянул тебя в это, — с раскаянием в голосе сказал Дилан в то время, как они, войдя в пещеру, спускались вслед за жрецами по длинному наклонному ходу.

— Теперь-то что говорить об этом? — тут же вскинулась Кларинда. Слезы у нее мгновенно высохли, глаза вспыхнули. — Где же еще быть Кларинде Мак-Таг, как не со своим мужчиной, что бы там ни случилось?

— Ах, ты, моя красавица, моя ведьмочка! — обращался Дилан. — Вот так-то лучше. Конечно, мы не станем изображать из себя покорных баранов. Если уж ты не можешь воспользоваться своей магией, я как-нибудь освобожусь от этих оков и постараюсь завладеть мечом.

— Я пытаюсь, — оправдывалась Кларинда. — Я все время предпринимаю попытки войти в контакт с Керидвен, но... — она запнулась.

— Но что? — торопил ее Дилан.

— Мне что-то мешает, что-то черное и зловещее стоит между нами. А без ее помощи я, наверное, мало что смогу.

Они шли уже целый час, погружаясь все глубже и глубже в недра земли. Наконец они вошли в громадный сводчатый зал, в центре которого возвышался черный алтарь.

— Чувствую, здесь-то все и должно произойти, — проговорила Кларинда трепещущим голосом.

— Это то самое место, что я видел, — сказал Дилан, озираясь вокруг.

— Место, где ты видел нас умирающими?

— Место, где я видел Сайтрола рядом с нами, — поправил ее Дилан. — Я не видел нас умирающими.

— Весьма утешительное известие. Может быть, мы будем еще живы, когда он начнет нас переваривать, — не удержалась Кларинда от язвительной реплики.

Жрецы велели стражникам поставить пленников не подалеку от алтаря. Сами «черные балахоны» продвинулись немного вперед, завывание их стало более визгливым, колокольчики зазвенели громче.

Дилана поставили спиной к стене, и, опершись на нее, он ощущил выступающие оттуда острые камни. Сина поставили рядом. Искоса переглянувшись друг с другом, оба тут же начали незаметную отчаянную работу, стараясь перетереть связывающие им руки веревки об острые выступы камней.

— Этим пением они призывают Сайтрола, — пояснила Кларинда. — Мои способности частично возвращаются ко мне. Я чувствую его, слышу, как он прислушивается к пению. Он доволен, потому что голоден... очень голоден. Он быстро приближается.

— А Керидвен здесь? — спросил Дилан.

— Нет, — печально ответила она. — По крайней мере, мне так кажется. Лишь на мгновение мне показалось, что я чувствую ее тепло, а теперь здесь только холод... холод смерти и Сайтрола.

Кисти Дилана кровоточили, но зато веревки уже начали слегка поддаваться. Жрецы закончили свое пение и повернули прочь от алтаря. Высокий жрец сделал знак стражникам, и они грубо подтолкнули пленников к алтарю. Дилан отбивался руками и ногами, Син и двое матросов тоже боролись за свою свободу, и только Кларинда без возражений позволила вести себя. На мгновение у Дилана мелькнула мысль, что страх затуманил ее сознание, но он тут же сообразил, что она просто ушла в себя, пытаясь установить контакт с Керидвен либо сделать что-то собственными силами.

Всех пятерых уложили на алтарь и привязали толстыми канатами. Правда, стражи очень спешили и делали все чрезвычайно небрежно. Кроме того, им вообще трудно было разглядеть, что они делают, из-за золотистой дымки, которая плавала над алтарем, скрывая очертания всех предметов.

— Что это за дымка? — спросил Син.

Дилан не ответил. Он внимательно наблюдал за лицом Кларинды. Он догадывался, откуда могла появиться эта дымка, но не был уверен, принесет ли это им какую-нибудь пользу.

Жрецы удалились. Они снова затянули какой-то напев, но он звучал совершенно иначе, чем предыдущий. Тот был заунывной погребальной песнью, навевающей мысли о смерти, теперь же слышалась радостная мелодия, мелодия возрождения и гармоничного слияния со всей Вселенной.

Дилан продолжал сражаться со стягивающими его запястья веревками, уже наполовину перетертыми об острые камни. Если бы только ему удалось освободиться от них! Тогда уж он сумел бы сбросить и тот небрежно завязанный канат, что удерживал его на алтаре.

— Скорее! Скорее! — торопил один из стражников. — Он уже идет! Если не хотите угодить к нему на обед раньше своего часа, вам следует поспешить!

Капитан стражников помахал руками, пытаясь разогнать золотистый туман.

— Я ничего не вижу! — раздраженно воскликнул он. — Я не могу определить, все ли они привязаны!

— Ну и странный туман, — покачал головой другой стражник. — Раньше не видел здесь ничего подобного.

— Я должен проверить веревки, — сказал капитан, наклоняясь над Диланом, который как раз в этот момент почувствовал, что стягивающие путы наконец лопнули и он может свободно шевелить руками.

Физиономия джога приблизилась к Дилану почти вплотную, и он узнал в нем того, который отобрал у него клеймор, когда их брали в плен. Видимо, этот тип знал толк в оружии или, может быть, имел к нему пристрастие, потому что клеймор и сейчас болтался у него на боку. Но тут руки Дилана так внезапно со-

мкнулись у него на горле, что он не успел даже подумать о том, чтобы вытащить клинок.

— Помогите! На помощь! — закричал капитан, но его люди не обратили на это никакого внимания. По какой-то причине золотистый туман лишил их способности не только видеть, но и слышать.

Дилан изо всех сил сжимал шею отбивающегося джога, но чувствовал, что пальцы его слабеют. Привязанный к алтарю, он не мог в полной мере владеть своими руками. Вдруг он ощутил, как в них откуда-то влилась сверхчеловеческая сила, и судьба джога была решена. Глаза его вылезли из орбит, и, издав какой-то булькающий звук, он испустил дух. Отбросив прочь ненавистное тело, Дилан обнаружил, что привязывающие его к алтарю канаты настолько слабы, что он может дотянуться до Сина. Прежде всего он развязал ему руки. Затем, вытащив из ножен мертвого джога свой клеймор, он одним ударом перерубил канаты и встал с алтаря. Син уже тоже был на ногах, помогая освободиться Кларинде и двум матросам, а тем временем Дилан, невидимый в тумане, подкрадывался к остальным четырем стражникам.

Первый, на которого напал Дилан, успел коротко вскрикнуть, прежде чем острое лезвие клеймora раскроило ему голову. Остальные, выхватив свои мечи, начали поспешно отходить от алтаря и вскоре вышли из зоны тумана. Дилан сунулся было вслед за ними, но столкнулся не только с этими тремя, но еще с полудюжиной других варваров. Уложив стремительными выпадами двоих, он попятился назад, умело отражая удары, пока Кларинда с остальными не присоединились к нему.

Син и два матроса тут же схватили брошенные джогами мечи и встали рядом с Диланом. Они теснили варваров все дальше и дальше, но... вдруг на них повеяло таким жутким холодом, что мгновенно ноги и руки у всех словно оцепенели, мысли спутались, рассудок помутнел.

— Это чары Сайтрола! — пронзительно закричала Кларинда. — Сопротивляйся им, Дилан! Борись с ними, Син! Вы все, не давайте им захватить себя!

Голос Кларинды доходил до Дилана словно сквозь толстый слой ваты, практически не проникая в его сознание. Густой, непроницаемый мрак заполнил дальний конец пещеры, и ледяной холод, сковывающий и тело, и мысли, охватывал стоящих в оцепенении людей. Джоги побросали свое оружие и, с выражением экстаза на лицах, не моргая, смотрели в темноту. Пальцы Дилана расслабились, и клеймор выпал из его руки.

— Дилан, миленький, борись! — молила его Кларинда. — Сопротивляйся Сайтролу! Он утащит тебя, если ты не будешь бороться!

— Керидвен, — задыхаясь, прохрипел он, — где Керидвен?

— Она не здесь... пока. Она не может пробиться. Борись с наваждением!

Джоги медленно двигались к постепенно расширяющемуся пятну мрака. Руки их были молитвенно подняты, словно они шли на встречу с Богом. Когда они приблизились к пятну, им навстречу выплеснулся поток отвратительной дымящейся слизи.

Дилан видел, как, словно под гипнозом, один за другим джоги входили в эту слизь и медленно растворялись пищеварительными соками кошмарного чудовища. Он также заметил, что сначала первый, а потом и второй матрос «Возмездия», а вслед за ними и Син двинулись в объятия гнусной твари. Его затуманенному мозгу это показалось прекрасным, он понял, что должен последовать за ними. Он сделал три шага вперед, но тут что-то ударило его сзади по голове, и он упал.

— Дилан, Дилан! — Кларинда сидела на нем верхом, все еще сжимая в руке камень. — Ты в порядке, любимый?

— Я... я думаю, да, — с трудом выговорил Дилан. Его голова гудела и тряслась, как после удара молнии, но сознание было ясным, и оцепенение, сковывающее руки и ноги, исчезло.

— Син и остальные! Мы должны спасти их! — Он вскочил на ноги и бросился вдогонку за Сином. Схватив его за плечо, он нанес ему мощный удар кулаком в подбородок.

Син мешком свалился на землю и затих. Перепрыгнув через него, Дилан ухватил ближайшего к нему

матроса. Тот развернулся и ударил его, но тяжелый кулак Дилана въехал матросу в скулу, и тот упал на колени. А когда подскочившая Кларинда поддала еще и ногой в подбородок, матрос растянулся на земле рядом с Сином.

И тут задул ветер. Он возник внезапно, неизвестно откуда, ветер ураганной силы, который тащил их туда, где замерло в ожидании чудовище. Ветер подхватил второго матроса, который оставался еще на ногах и был ближе всех к пятну мрака, и швырнул его прямо в выползший навстречу поток кислоты.

— Опять Сайтрол. Нужно поскорее убираться из этой пещеры.

Дилан тащил Сина, поставив его на ноги и толкая перед собой против ветра. Кларинда с трудом волокла за ноги еще не пришедшего в себя матроса. Согнувшись почти вдвое, они, несмотря на напор ветра, медленно продвигались в другой конец пещеры.

— Нет, нет, не туда, — вдруг сказала Кларинда. — Вот сюда, через этот боковой проход. Тогда мы как раз попадем в тот туннель, что проходит рядом с вулканом.

— Ну, ладно, попадем мы туда, а дальше что? Что мы там сможем сделать? — с некоторым раздражением спросил уже вполне очнувшийся Син.

— Что, что... Стены будем рушить, вот что. Вот этими голыми руками, — отрезал Дилан, отпуская О'Хара и ставя на ноги уже пришедшего в себя матроса.

— Может быть, нам и не придется этого делать, — загадочно сказала Кларинда, когда они выбрались на конец в другую пещеру и побежали.

Однако ветер был и здесь. Он дул им в лицо, сопротивляясь каждому их шагу, правда, уже не с такой силой. Золотистый туман снова окружил их, как бы пытаясь укрыть от подбирающегося к ним чудовищного холода.

— Он идет за нами, — с беспокойством сказала Кларинда. — Сайтрол идет.

Темное пятно начало двигаться быстрее, выплескивая перед собой смертельную кислоту своей пищеварительной системы.

— Далеко еще до того места, где лава подходит близко? — спросил Дилан.

Кларинда некоторое время вслушивалась или, может быть, всматривалась во что-то своим необычным зрением.

— Еще чуть дальше, — сказала она.

Они побежали быстрее, золотистая дымка кружилась вокруг, оберегая их, но тьма все-таки подобралась еще ближе. Они спотыкались, иногда падали, но тут же снова вскакивали и бежали дальше, ибо Сайтрол гнался за ними по пятам.

— Здесь! Вот эта стена! — показала Кларинда. — Я чувствую тепло с той стороны.

Дилан положил ладони на стену, но не ощутил ничего. Однако он был полностью уверен в ее правоте, так как ею руководило чувство, которое ему было недоступно.

— Проклятье! — выругался Син. — Ну хоть бы какой завалящий топор или кирку. Мы бы могли пробить здесь себе дорогу.

— Ага, — кивнула Кларинда. — И погибли бы в потоках лавы.

— По крайней мере, Сайтрол погиб бы вместе с нами, — со злостью сказал Дилан, остервенело набрасываясь на каменную стену со своим клеймором.

— Подождите. Может быть, есть лучший способ. — Голос Кларинды как-то странно изменился, она смотрела на всех отсутствующим взором.

— Есть, — мрачно подтвердил Дилан. — Только вот динамит валяется на снегу в сотне миль отсюда.

— Сотня миль отсюда, — словно про себя, каким-то потусторонним голосом заговорила Кларинда. — Сотня миль отсюда... так... семьдесят миль отсюда... шестьдесят... так... так... Керидвен, помоги! Помоги мне сейчас!

Яркая вспышка света озарила все вокруг, и несколько тонн динамиита аккуратной горкой выросли перед ними.

— Вот так фокус! — восторженно закричал Дилан, спешно хватая запальный шнур. — Как тебе это удалось?

— Я расскажу тебе, но только после того, как мы поженимся, и ты усыновишь моих маленьких братишек и сестренок, — пообещала Кларинда.

— Твоих... что? Что ты сказала?

— То, что ты слышал, Мак-Брайд. Эти малыши — мои братья и сестры.

Обрадованный Дилан заключил ее в объятия и крепко поцеловал.

— Ну, а теперь все прочь отсюда! — скомандовал он. — Беги, моя чаровница! Беги, Син! Все бегите, пока я тут зажигаю фитиль.

Син с матросом поспешило рванули прочь, так как мрак с золотистым туманом уже сошлились в последней смертельной схватке. Но Кларинда не двинулась с места. Ухватившись за руку Дилана, она судорожно вцепилась в нее.

— Уходи! — приказал он. — Уходи, пока мы не погибли оба!

— Нет, — отчаянно замотала она головой. — Зажигай фитиль! Остальное — моя забота.

Ледяной холод подступал к ним со всех сторон, пронизывая их до костей, но золотистый туман пока еще удерживал на расстоянии пищеварительные соки Сайтрома. Дилан зажег спичку, но она тут же погасла.

— Скорее, скорее! — торопила Кларинда.

Дилан понимал, что теперь им уже не выбраться. Как он и видел тогда, в Котле Керидвен, Сайтром окружил их со всех сторон. Их ждала смерть, но, по крайней мере, они смогут забрать с собой этого монстра и избавить от него мир. Дилан вытащил револьвер, взятый им у капитана джогов, и прицелился в груду динамита. Если в этом ледяном мраке не горят спички, то, может быть, их выручит пуля?

— Держись, любимая, — нежно шепнул он Кларинде, стискивая ей руку. — Нам конец, но и Сайтрому тоже.

— Давай, пали, — закрыв глаза, еле слышно проговорила она.

Напрягая немеющие от холода пальцы, которые почти уже перестали его слушаться, Дилан что есть силы надавил на курок. Раздался выстрел, и мир вокруг него взорвался.

Было ли это смертью? Мгновенная клубящаяся, крутящаяся в смерче тьма, в которую внезапно проник крошечный, не толще вязальной спицы, лучик света, а затем...

...Он стоял на открытой равнине перед пещерами Сайтрола, и рядом с ним была Кларинда, крепко держащая его за руку.

— У меня получилось! Получилось! — Она счастливо смеялась и буквально подпрыгивала от радости. — Был только один момент, когда можно, но я поймала его!

Земля колебалась под ними, воздух вокруг был наполнен запахом дыма и серы. Из пещеры, спотыкаясь от усталости, выбрались Син с матросом. Они выглядели очень испуганными.

— Дилан! Кларинда! — завопил Син. — Как вы здесь очутились?

— Только благодаря могуществу Керидвен, — с гордостью ответила Кларинда, — ее силе, пробившейся к нам через пространство и толщу камня. Только она могла спасти нас. И спасла.

— И отправила прямиком в лапы джогов, — с горечью добавил Дилан. — Смотрите!

Несколько тысяч пеших джогов во главе с Кэрром Кабаллой шли прямо на них с мечами наголо, высоко подняв головы и глядя перед собой.

Дилан все еще сжимал в руке револьвер. И клеймор его был при нем. Конечно, борьба была бы безнадежной, но...

С остекленевшими глазами, с открытыми ртами, джоги медленно шествовали мимо мерным потоком, не обращая на наших героев ни малейшего внимания. Только взгляд Кэра Кабаллы, коснувшись Дилана, сверкнул лютой ненавистью, но и он, проходя мимо них к пещере, даже не пошевелился, чтобы поднять меч.

— Сайтрол умирает, — пояснила Кларинда. — Он гибнет в кипящей лаве и призывает своих людей разделить с ним смерть.

Первые ряды джогов уже достигли входа в пещеру, но тут земля затряслась сильнее, и от возвышающегося над пещерой утеса начали откалываться и падать вниз огромные камни.

— Давайте-ка убираться отсюда подобру-поздорову, пока тут все не взлетело на воздух, — предложил Син. — Ведь этот взрыв к тому же наверняка открыл путь к морю. А когда вода соединится с кипящей ла-

вой — брр! — он потряс головой, — тогда уж нам всем конец!

Все дружно бросились бежать. Подгоняемые страхом, они мчались сквозь ряды джогов, все еще медленно шествующих к отверстому зеву пещеры. Они касались, теряя дыхание, судорожно ловя ртом воздух, а земля дрожала у них под ногами и камни летели вокруг, когда одна за другой с треском и грохотом рушились скалы.

— Ничего у нас не выйдет. Я больше не могу, — хрипло выдохнул Син, в изнеможении падая на землю. Матрос еще раньше свалился позади него. — Бегите вдвоем, спасайтесь сами.

— Выйдет, выйдет! — закричал Дилан, указывая вперед. Там, сквозь повисшие над долиной густые тучи дыма неуверенно пробирался спасительный корабль «Возмездие».

— Да это же Ноэль! — закричал Син, тут же вскакивая и бешено размахивая руками. — Ноэль с Чаквордом и остальными!

Увидев их, на корабле сразу же остановили машины. Опустив нос пониже, корабль со свисающими с борта веревочными лестницами медленно плыл им навстречу.

— Все наверх! Наверх, быстрее! — командовал Дилан, подсаживая Кларинду на одну из лестниц.

— Осторожнее с моим платьем, ты, горский медведь, — ворчала Кларинда. — Или ты хочешь подвесить меня здесь, между небом и землей, с голым задом всем на обозрение, как недавно висел сам?

— Во всех ты, душечка, нарядах хороша! — весело пропел ей Дилан, влезая вслед за ней в гондолу.

— Сайтрол мертв! — оживленно жестикулируя, рассказывал Син Ноэлю и всем остальным, жадно ловившим каждое его слово. — Сайтрол мертв, и все до единого джоги спустились к нему в пещеры, чтобы умереть вместе с ним.

Ноэль и Чакворт восторженно хлопали Дилана по спине, Элис с Сином обнимались, а корабль тем временем, набирая скорость, устремился прочь от пещер Сайтрола.

— Ну, и что теперь, Дилан? — спросила Кларинда, уютно устроившись у него в объятиях. — Куда теперь, о, могучий истребитель Сайтрола?

— Назад, в Авалон, — твердо ответил Дилан. — Надо поглядеть, все ли там в порядке с городом, да заодно поискать какую-нибудь жрицу Керидвен, чтобы она обвенчала нас.

— А вот в этом нет никакой необходимости, — авторитетно заявила Кларинда. — Когда мы там, в пещере, общались с Керидвен, я получила от нее разрешение провести эту церемонию собственноручно. И можешь мне поверить, если уж я сама это сделаю, ты будешь привязан ко мне на всю жизнь.

— Ах ты, рыжая колдунья! — восхищенно покрутил головой Дилан. — Ну, тогда лучше помолчи и поцелуй меня.

И Кларинда, радостно засмеявшись, так звонко его поцеловала, что корабль вздрогнул и еще быстрее понесся вперед.

Ведьма — королева Лохлэнна

1. *Фут* — мера длины, принятая в Великобритании и США, около 30,5 см.
2. *Бэнши (ирл., шотл. фолькл.)* — привидение-плакальщица, издающее громкие вопли.
3. *Общество Джона Берча* — антикоммунистическая организация, созданная в США в 1958 г. Робертом Уэлчем.
4. ...*костюром от братьев Брукс...* — в магазинах братьев Брукс торгуют модной и дорогой одеждой. Первый из них открыт на Уолл-стрит в 1818 г.
5. *Фунт* — мера веса, равная 453 г.
6. *Пикты* — древний народ Северной Британии, поглощенный интервентами-шотландцами (скоттами) в VI—IX вв. н. э.
7. *Э. Ланг (1844—1912)* — шотландский писатель, фольклорист и антрополог, специалист по древнегреческой культуре и литературе. Цитируется его работа «История Шотландии от римского нашествия до подавления последнего якобинского мятежа» (1900—1907).
8. *Артур* — герой кельтских мифов, впоследствии — персонаж европейских средневековых повествований о рыцарях Круглого стола.
9. *Рип Ван Винкль* — герой одноименной новеллы классика американской литературы Вашингтона Ирвинга (1783—1859) Рип Ван Винкль, спасаясь от своей жены в горах, проспал ровно 20 лет. Проснувшись, он обнаружил, что мир за это время значительно изменился, жена его умерла, а у него самого отросла необыкновенно длинная борода.
10. *Валгалла* — в скандинавской мифологии — обитель бога Одина, обиталище душ погибших воинов.
11. *Горгулья* — в средневековой архитектуре рыльце водосточной трубы в виде фантастической фигуры.
12. «*Кольцо Нibelунга*» — цикл из четырех опер Р. Вагнера на сюжеты из древнего эпоса германских племен.
13. *Зверек проворный, юркий, гладкий...* — Р. Бернс. «Полевой мыши, гнездо которой разорено моим плугом». (Пер. С. Маршака.)

Кэр Кабалла

1. ...в Авалоне, столице величайшей империи планеты Аннок... — Автор использует в своем романе целый ряд элементов кельтской мифологии. Само название планеты Аннон (Annwn) — это потусторонний мир кельтов, а Авалон (иногда пишут «Аваллон») — остров блаженных.

2. *Турнюр* (франц.) — модная в 80-х годах XIX в. принадлежность женского платья в виде подушечки, подкладывавшейся под платье сзади ниже талии для придания пышности фигуре; иногда так же называли широкую юбку, предназначенную для ношения с такой подушечкой.

3. *Волынка* — национальный музыкальный инструмент шотландских горцев.

4. *Килт* — клетчатая юбка шотландского горца или солдата шотландского полка.

5. ...друидическими поверьями... — поверьями религии друидов. Друиды — жрецы древних кельтов; вместе с племенной знатью составляли господствующую общественную прослойку, ведали жертвоприношениями, были судьями, врачами, учителями, прорицателями. Им приписывалось знание магии и связь с потусторонним миром.

6. *Спорран* — сумка из меха, часть национального костюма шотландского горца.

7. ...бейсбольный алмаз — здесь игра слов: по-английски diamond — алмаз, но на американском сленге baseball diamond — площадка для игры в бейсбол (бейсбольное поле).

8. *Артур Пендрогон*, он же король Артур, — легендарный персонаж кельтско-британской мифологии, фигурирующий обычно без титула «Пендрогон» (что на валлийском языке означает «главный дракон»), который, строго говоря, принадлежал его отцу (по другой версии — дяде) Утеру Пендрогону. Однако этот титул присваивался также тем кельтским правителям, которые распространяли свое владычество на несколько племен, так что он применим и к Артуру.

9. *Ричард Гатлинг* — американский изобретатель (1818—1903), имевший много изобретений в разных областях техники, но получивший широкую известность как создатель своего смертоносного пулемета.

10. ...я решил называть их «рэтлерами»... потому как эти штуки... издают оглушительный треск... — По-английски rattler — нечто грохочущее или дребезжащее; на военном жаргоне этим словом часто называют пулемет.

11. *Чонси Депью* — известный американский правовед, оратор и государственный деятель (1834—1928). Занимал ряд важных госу-

дарственных постов, был сенатором, государственным секретарем США, и пр.

12. *Тедди Рузвельт* — Теодор Рузвельт (1858—1919), 26-й президент США (1901—1909).

13. *Туше* — прикосновение борца обеими лопатками к ковру, определяющее момент поражения.

14. *...любую из девочек Гибсона...* — Чарльз Гибсон, американский график и иллюстратор конца XIX — начала XX в., стремился воплотить в своих рисунках образ идеальной «американской девушки», которые в народе стали несколько иронически называть «девочками Гибсона».

15. *Форморианцы* — по-видимому, аналог «Фоморов» из ирландской мифологии, демонических существ, обычно представлявшихся однорукими и одноглазыми великанами.

16. *...когда Артур Пендрагон был привезен сюда своей сестрой феей Морганой...* — По преданию, после битвы при Камлане смертельно раненный король Артур был перенесен феей Морганой, его сестрой, на остров Авалон.

17. *Манитоба* — провинция в Канаде.

18. *Северо-Западная Территория* — административно-территориальная единица на севере Канады.

19. *Клеймор* — старинный палаш шотландских горцев.

20. *Командор* — здесь: командир, офицер.

21. *Фузилеры* — стрелки (название основной массы пехоты во французской, прусской и русской армиях в XVIII—XIX вв.).

22. *Гоги и магоги*. — В мифах иудаизма и христианства, связанных с «концом света», Гог и Магог — воинственные антагонисты «народа божьего», которые придут в «последние времена» с севера или с других окраин населенного мира. Позднеиудейские представления связывают нашествие Гога и Магога с пришествием мессии и страшным судом. В новозаветном пророчестве нашествие Гога и Магога приурочено к концу тысячелетнего царства, когда сатана выйдет из заточения. Гог и Магог в неисчислимом количестве окружат «стан святых и город возлюбленный», но будут пожраны огнем с небес.

23. *Французская дверь* — застекленная створчатая дверь.

24. *Французские окна* — двусторчатые окна, доходящие до пола.

25. *Скагах* — в кельтской (ирландской) мифологии наделенная демоническими чертами женщина-воительница и прорицательница.

26. *«Яблочное место»* — по-валлийски слово «Авалон» переводится как «остров яблок».

27. *Сассенах* — презирательное название англичанина или шотландца из южной, равнинной части Шотландии (в некотором смысле, « тот, кто вместо килта носит штаны »).

28. *Трелони* — городок в графстве Корнуолл (Англия), видимо, считавшийся местом пребывания друидов.

29. *Аватара* — в индуистской мифологии происхождение божества на землю, его воплощение в смертное существо ради выполнения какой-то определенной цели.

30. *Суаре (франц.)* — званый вечер.

31. ...*Огмайского университета* — видимо, университет назван в честь кельтского бога Огма, считавшегося создателем письменности, так называемого «огамического» письма.

32. ...*Брана, Ллира, Гвина an Надда, Мюллеартах, Дану и Керидвен...* — Некоторые из перечисленных божеств идентифицируются с аналогичными кельтскими богами, в частности, Бран, Ллир и богиня Дану. Последняя занимает в кельтской (ирландской) мифологии особое место. Она считается одной из главных богинь, и очень часто ее называют «мать-прапородительница богов».

33. *Племена Дану* — в кельтской (ирландской) мифологии племена богини Дану являются основной группой богов (порожденных богиней Дану). Считается, что они прибыли с таинственных северных островов и, победив демонов-фоморов, завоевали Ирландию. Правда, впоследствии они уступили ее так называемым «сыновьям Миля», но затем заставили их поделить с ними власть.

34. *Порт* — отверстие в борту судна для стрельбы из орудия.

35. *Кракен* — сказочный гигантский спрут.

36. *Валькирии* — в скандинавской мифологии воинственные девы, подчиненные верховному богу Одину и участвующие в распределении побед и смертей в битвах.

37. *Грифоны* — в греческой мифологии чудовищные птицы с орлиным клювом и телом льва.

СОДЕРЖАНИЕ

Ведьма — королева Лохлэнна	5
<i>Перевод Л. Бочкаревой</i>	
Кэр Кабалла	211
<i>Перевод А. Брусова, А. Серебрякова</i>	
Примечания	411

Джордж Генри Смит
КОРОЛЬ И ВЕДЬМА

Перевод с английского

Заведующий редакцией Геннадий Белов
Ответственный редактор Светлана Малышева
Редактор Евгения Дерункова
Художники Татьяна Канивец, Владимир Канивец
Художественный редактор Виктор Меньшиков
Технический редактор Марина Андреева
Верстка Елены Черновой
Корректоры Нина Васильева, Людмила Наместникова

Подписано в печать с оригинал-макета 08.02.94. Формат
84×108¹/32. Гарнитура обыкновенная новая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 50 000 экз. Изд. № 376. Заказ 121.

Издательство «Северо-Запад».
191187, Санкт-Петербург, наб. Кутузова, 6.

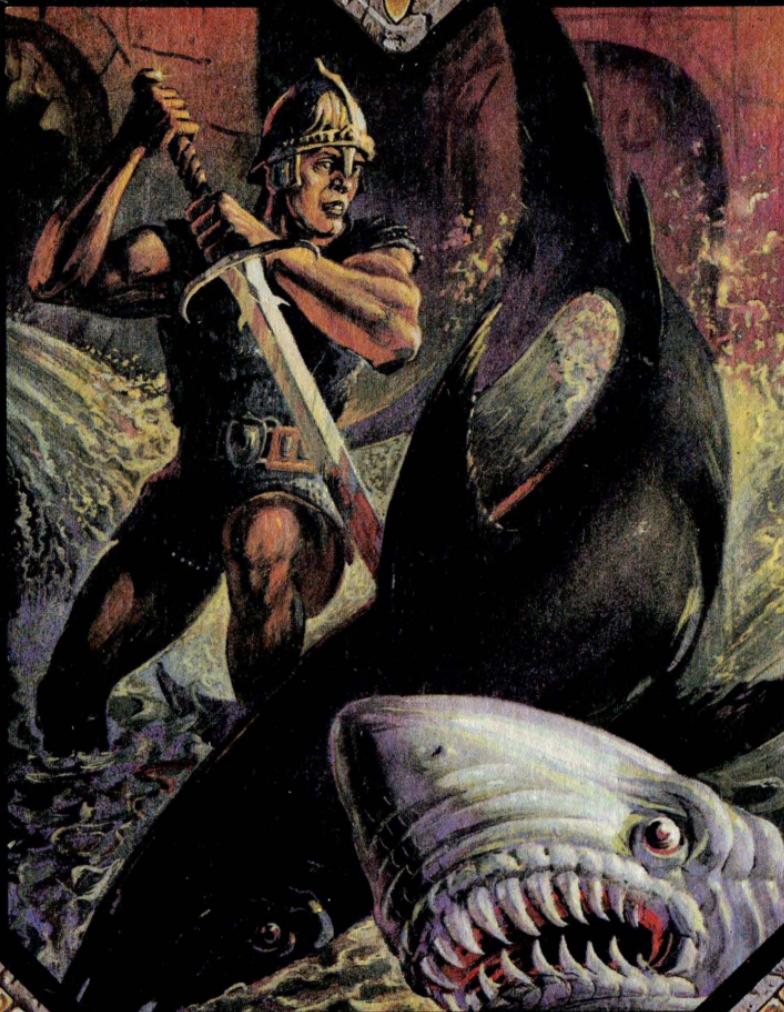
Отпечатано в типографии издательства «Белорусский Дом
печати». 220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Fantasy

Современный человек в мире колдовства и магии... затерянный во Времени и Пространстве легендарный остров Авалон и рыцари Круглого Стола... безумная любовь молодой ведьмы... Настоящее издание дарит читателю радость общения с настоящей фэнтези, с блестящим мастером пера — Джорджем Генри Смитом.

СЕВЕРО • ЗАПАД